СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

Томъ VI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный магазинъ Бр. Рымовичъ.
Казанская, 26.

1894.

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

СОЧИНЕНІЯ

В. Д. СПАСОВИЧА.

Томъ VI.

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ.

(1875—1882)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный магазинъ Бр. Рымовичъ.
Казанская 26.

1894.

Типографія С. Корнатовскаго. Малая Морская ул., д. № 9.

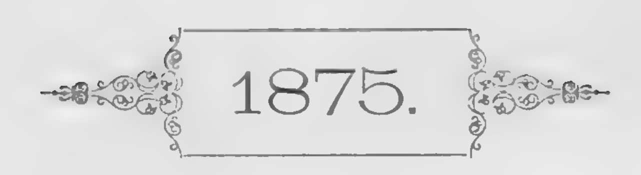
Въ 1889 г. въ предисловіи къ первому тому моихъ сочиненій я предполагалъ, что мои судебныя рѣчи займутъ два тома. Оказалось, что ихъ достанетъ на три, изъ которыхъ два за время отъ 1867 по 1883 г. (25 дѣлъ) уже напечатаны (V и VI), а третій (VII) печатается. — Двѣ изъ помѣщенныхъ въ VI томѣ защитъ произнесены внѣ С.-Петербурга; одна въ Ельцѣ, другая въ Тифлисѣ.—По Тифлискому дѣлу не могу донынѣ отрѣшиться отъ глубочайшаго убѣжденія, что оно кончилось печальною ошибкою, что пострадали невинные люди, указанные заблуждающеюся народною молвою.—Послѣ трехъ томовъ рѣчей я намѣренъ издать еще VIII томъ дополнительный, вмѣщающій статьи написанныя мною послѣ 1889 г.

В. С.

12 декабря 1893 г.

С.-Петербургъ.

16.

Дѣло о коммерціи совѣтникѣ Овсянниковѣ, купцѣ Левтѣевѣ и мѣщанинѣ Рудометовѣ, обвиняемыхъ въ поджогѣ.

Коммерціи совѣтникъ, С.-петербургскій 1-й гильдіи купецъ Степанъ Тарасовъ Овсянниковъ, 70 лѣтъ, ржевскій 2-й гильдіи купецъ Андрей Петровъ Левтѣевъ, 48 лѣтъ, и ржевскій мѣщанинъ Дмитрій Артемьевъ Рудометовъ, 41 года, были преданы суду С.-петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ томъ, что съ умысломъ, по предварительному соглашенію, изъ личныхъ видовъ Овсянникова, подожгли въ ночь на 27-е февраля 1875 года застрахованную въ 700 тыс. руб. паровую мельницу коммерціи совѣтника Кокорева, на которой жили люди и хранилось значительное количество казенной муки, при чемъ поджогъ былъ умышленъ Овсянниковымъ и Левтѣевымъ и по приговору ихъ приведенъ въ исполненіе Рудометовымъ. Преступленіе это предусмотрѣно ст. 1606 и 1607 улож. о нак. Разбирательство дѣла происходило во 2-мъ отдѣленіи С.-петербургскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей съ 25-го ноября по 6-е декабря 1875 года.

Въ дѣлахъ уголовныхъ, кромѣ немногихъ, которыя производятся по частному обвиненію, обвинителей можетъ быть нѣсколько. Изъ нихъ одинъ главный—прокуроръ, который дѣйствуетъ именемъ общаго блага, во имя интересовъ общества и государства; онъ ведетъ

дѣло, ничѣмъ, кромѣ своей совѣсти, нестѣсняемый, можетъ преслѣдовать, можетъ и отказаться отъ обвиненія, что онъ и сдѣлалъ въ отношеніи къ подсудимому Рудометову. Онъ предоставилъ прямо вамъ рѣшить о его винѣ, не разобравъ его вины. Но, кромѣ этой главной обвиняющей стороны, могутъ быть обвинители второстепенные, случайные, гражданскіе истцы, лица потерпѣвшія отъ преступленія, дѣйствующія въ виду своихъ особенныхъ интересовъ и только въ границахъ этихъ интересовъ. Эти интересы очерчиваютъ около каждаго изъ нихъ кругъ, за который и выходить ему не слѣдуетъ. Когда является такой гражданскій истецъ, то онъ долженъ совершенно ясно и точно опредѣлить, чего онъ ищетъ, съ кого и на какомъ основаніи. Я заявилъ, что являюсь представителемъ страховыхъ обществъ и что искъ ихъ направленъ не противъ всѣхъ подсудимыхъ, а только противъ одного Овсянникова; что касается до другихъ подсудимыхъ, то искъ къ нимъ былъ-бы преждевременнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ и причинамъ. Страховыя общества суть общества, которыя заключаютъ страховые договоры, т. е. такія лица, которыя берутъ на свой страхъ опасность, могущую произойти отъ огня, вслѣдствіе несчастнаго случая. Платится имъ за это извѣстная премія—небольшая въ сравненіи съ стоимостью сгорѣвшей вещи и, хотя-бы вещь стоила сотни тысячъ милліоновъ, страховыя общества обязаны заплатить за погорѣвшее. Всѣ страховые договоры весьма рискованны для страховыхъ обществъ: при недобросовѣстности страхователей, при учащеніи поджоговъ общества легко могутъ быть поставлены въ невозможность удовлетворить своимъ обязательствамъ. Вотъ почему дѣло страхованія больше чѣмъ всякое другое основано на личномъ довѣріи; страховымъ обществамъ необходимо знать, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло: съ добросовѣстными или недобросовѣстными людьми; для нихъ чрезвычайно важно знать: кто такой страхователь, кому принадлежитъ иму-

щество, которое отдается на страхъ? Страховать имущество предоставляется прежде всего самому собственнику, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ право это предоставляется и посторонннимъ третьимъ лицамъ. Но какимъ лицамъ и какое имущество? Конечно, не всякое: не могу я застраховать Казанскій соборъ или дворецъ, не могу я застраховать всякій чужой домъ. Подобное страхованіе имѣло-бы видъ пари о томъ, сгоритъ-ли имущество или не сгоритъ, а пари есть сдѣлка противозаконная и граждански-недѣйствительная. Страховать можно только такое чужое имущество, съ которымъ связаны непосредственно интересы страхователя, и связаны такимъ образомъ, что онъ беретъ на себя въ какомъ нибудь отношеніи обязательство страховать передъ собственникомъ, или-же въ случаѣ пожара теряетъ въ горящей вещи свое собственное добро, такъ какъ эта вещь обезпечивала его, служила ему залогомъ. Такимъ образомъ, только арендаторъ или залогодержатель могутъ страховать чужое имущество. Эта мысль проведена во всѣхъ уставахъ страховыхъ обществъ,—въ томъ числѣ какъ «Варшавскаго», такъ и «Якоря». Уставы эти всѣ похожи одни на другіе—я позволю себѣ сослаться на §§ 78 и 79 «Варшавскаго общества», по которымъ въ случаѣ пожара страховое общество вознаграждаетъ за убытки лишь въ той мѣрѣ, въ какой страхователь обязался въ отношеніи владѣльца сгорѣвшаго имущества. Такимъ образомъ, если страхователь не обязанъ былъ въ моментъ пожара страховать въ отношеніи владѣльца сгорѣвшаго имущества, общество не платитъ никакого вознагражденія и не отвѣтствуетъ ни передъ тѣмъ, который не доказалъ, что онъ обязался въ какомъ-либо отношеніи предъ владѣльцемъ имущества, ни передъ тѣмъ, кому принадлежало имущество...

Предсѣдатель. На какіе параграфы вы ссылаетесь?

Прис. пов. Спасовичъ. На §§ 78 и 79 устава «Варшавскаго страховаго общества», и на 14 § устава общества «Якорь». По правиламъ, установленнымъ во всѣхъ

страховыхъ обществахъ, какъ въ «Варшавскомъ», такъ и въ обществѣ «Якорь», непремѣнно требуется, чтобы тотъ, кто застраховалъ чужое имущество, или тотъ, кому принадлежитъ имущество, при переходѣ его къ новому пріобрѣтателю,—донесъ обществу о перемѣнѣ владѣльца или страхователя. Если-же обществу не донесено о перемѣнѣ владѣльца, о новомъ пріобрѣтателѣ имущества, договоръ страхователя признается недѣйствительнымъ. Такимъ образомъ, въ настоящемъ дѣлѣ является прежде всего возможность оспаривать платежъ вознагражденія, во-1-хъ, потому, что не было доказано, что Овсянниковъ обязанъ по какому-бы то ни было условію предъ владѣльцемъ мельницы Кокоревымъ страховать эту мельницу, и во-2-хъ, потому, что о перемѣнѣ въ лицѣ владѣльца, которая состоялась вслѣдствіе выдачи данной на мельницу г. Кокореву, страховыя общества не были ни страхователемъ, ни Кокоревымъ о томъ извѣщены. Но кромѣ этой причины, есть еще другая, по которой, какъ я думаю, страховыя общества не будутъ отвѣчать за убытки, происшедшіе отъ пожара мельницы, если бы они были привлечены къ отвѣтственности въ гражданскомъ порядкѣ. Дѣло въ томъ, что страховыя общества отвѣчаютъ только за пожары, происходящіе отъ случая. Въ уставахъ всѣхъ страховыхъ обществъ совершенно ясно опредѣлено, что страхованіе недѣйствительно, когда пожаръ произошелъ отъ умысла страхователя; это выражено въ § 101 устава Варшавскаго страховаго общества, и въ § 30 п. 4-й устава общества «Якорь». Но между случаями пожара отъ умысла и пожара отъ случая есть промежуточная область пожаровъ отъ неумышленной вины страхователя, отъ его неосмотрительности, небреженія о застрахованномъ, неумѣнья распоряжаться, отъ такой явной неосторожности, которая обнаруживаетъ полное невниманіе и къ собственному интересу, и къ интересу тѣхъ лицъ, которымъ передань рискъ отъ опасности, т. е. къ интересамъ страховыхъ обществъ. Вопросъ спорный: от-

вѣчаютъ-ли страховыя общества за убытки отъ всякаго пожара, который произошелъ отъ неосторожности страхователя или его повѣренныхъ. Общества постарались оградить себя отъ убытковъ, занеся въ свои уставы опредѣленіе главныхъ случаевъ, въ которыхъ они не отвѣчаютъ за убытки, если по винѣ страхователя увеличена произвольно опасность отъ огня, если произойдутъ значительныя перемѣны въ страховомъ имуществѣ, увеличивающія эту опасность. Въ уставѣ Варшавскаго страховаго общества въ § 103 говорится, что размѣръ премій зависитъ отъ большей или меньшей опасности отъ огня, а въ § 104 упомянуто о кладкѣ водяныхъ трубъ. Въ уставѣ-же общества «Якорь» сказано прямо въ § 14, что если владѣлецъ произведетъ такія измѣненія въ составѣ своего имущества, которыя увеличиваютъ опасность отъ огня, тогда страхованіе дѣлается недѣйствительнымъ. Вы сами, гг. присяжные засѣдатели, видѣли изъ настоящаго дѣла, что подобная перемѣна произошла въ объявленіи, подписанномъ Овсянниковымъ 20-го декабря и поданномъ въ Варшавское страховое общество, а потомъ и въ общество «Якорь», гдѣ было произведено дополнительное страхованіе. Овсянниковъ предупредилъ, что онъ содержитъ бакъ большаго размѣра, наполненный водою, отъ котораго идутъ трубы съ 8 кранами. Кромѣ того, въ объявленіи сказано, что на мельницѣ имѣется извѣстное число сторожей. На основаніи этихъ данныхъ я полагаю, что въ гражданскомъ порядкѣ процессъ объ уплатѣ обществами пожарныхъ убытковъ едва-ли могъ со стороны страхователя разсчитывать на успѣхъ. Но такъ какъ страхованіе во всякомъ случаѣ безусловно недѣйствительно, если пожаръ произошелъ отъ злаго умысла страхователя, то, не дожидаясь, пока гражданскій искъ будетъ предъявленъ, общества имѣютъ возможность прежде всего примкнуть къ уголовному дѣлу, которое возникло раньше гражданскаго, которое можетъ производиться только по прокурорскому обвиненію и только въ настоящую ми-

нуту. Каждому моменту отношеній приличенъ извѣстный образъ дѣйствія, извѣстная тактика. Теперь я могу присоединяться къ обвиненію и доказывать, что поджогъ произошелъ отъ злаго умысла. Затѣмъ, если-бы я здѣсь проигралъ, то тогда только придется доказывать, что поджогъ произошелъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ агентовъ г. Овсянникова. Но эти мои отношенія касаются нынѣ только г. Овсянникова и только къ нему одному я могу простирать требованіе объ уничтоженіи страхованія, вслѣдствіе злаго умысла, потому что только онъ одинъ былъ страхователемъ; Левтѣевъ и Рудометовъ не состояли съ обществами ни въ какихъ договорныхъ отношеніяхъ. Только въ томъ случаѣ, если-бы нынѣ Левтѣевъ и Рудометовъ были признаны одни, безъ Овсянникова, учинившими поджогъ, если-бы я потерпѣлъ отказъ въ требованіи, обращенномъ къ Овсянникову, и если-бы я потерялъ и гражданское дѣло, которое, какъ я думаю, можно вести на тѣхъ основаніяхъ, которыя я изложилъ вамъ, явилась-бы возможность искать еще вознагражденія за убытки, происшедшіе отъ пожара, съ Левтѣева и Рудометова, какъ лицъ обвиненныхъ въ поджогѣ безъ участія въ этомъ поджогѣ Овсянникова. Такимъ образомъ, эти послѣднія лица стоятъ нынѣ внѣ дѣла, и объ нихъ я буду говорить только вскользь, на сколько они были исполнителями его приказаній, лицами, черезъ которыхъ онъ приводилъ свою мысль въ исполненіе. Мое положеніе нѣсколько различно отъ положенія прокурора. Онъ дѣйствовалъ именемъ общественнаго блага, именемъ страдающихъ солдатъ; онъ смѣлою рукою раскрывалъ вамъ тѣ язвы, которыя точатъ нашу администрацію, и безсиліе администраціи въ борьбѣ съ этимъ зломъ. Я не могу идти этимъ путемъ, я долженъ ограничиться только областью голыхъ и сухихъ фактовъ. Я полагаю, что въ рамкахъ этой задачи я могу принести извѣстную долю пользы, если сгруппирую и сопоставлю удостовѣренные факты такимъ обра-

зомъ, чтобы изъ нихъ прямо и непосредственно вытекало заключеніе. Я пойду инымъ путемъ, нежели г. тов. прокурора, и, прежде всего, постараюсь на прочныхъ основаніяхъ установить фактъ поджога мельницы безъ отношенія къ тому, кто ее сжегъ.

Зданіе мельницы громадное. Оно принадлежитъ къ числу немногихъ въ Петербургѣ. Оно стоило около миліона рублей. Зданіе это такъ велико со своими 4-мя этажами, чердакомъ и подваломъ, что невольно задумаешься: и сжечь то его не скоро сожжешь. Мы знаемъ, что во время пожара мельницы огонь былъ такъ силенъ, что кирпичъ остекловился, что онъ раскалывается теперь пластами какъ грифель, что въ зданіи вокзала варшавской желѣзной дороги, черезъ каналъ, полопались въ окнахъ стекла отъ жару, что мука горѣла еще въ теченіи двухъ недѣль послѣ пожара. Зданіе громадное, но и громадное зданіе можно сжечь, если дать огню достаточно времени. Какъ же велико было время, которое потребовалось для того, чтобы обратить это зданіе въ море пламени? Это время было крайне ограниченно и опредѣлить его можно точно, минута въ минуту, по видному всѣмъ циферблату вокзала варшавской желѣзной дороги, по которому расчитывало время большинство свидѣтелей. Судебное слѣдствіе представило намъ въ этомъ отношеніи слѣдующія данныя: въ половинѣ пятаго дворникъ Клоковъ вошелъ съ улицы и черезъ калитку, сосѣднюю съ лѣстницею, гдѣ швейцаръ, вернулся въ дворницкую и разбудилъ товарища Чернышева; Чернышевъ собрался втеченіи 10 минутъ, взглянулъ на циферблатъ варшавской желѣзной дороги; было какъ разъ 4 ч. 40 минутъ. Съ этого момента прошло еще нѣсколько времени въ тишинѣ, спокойствіи. Промежутокъ опредѣляется показаніемъ сторожевыхъ пожарныхъ на каланчѣ нарвской части; эти сторожа, Яшенковъ и Яворскій, показали здѣсь, что минутъ за 5,—10 передъ пожаромъ на мельницѣ вспыхнулъ огонь. Такимъ образомъ, опять подтверждается тоже самое

время—4 часа 40 минутъ. Прошло $^1/_4$ часа совершенно спокойно. Затѣмъ огонь увеличивается и развивается съ такою быстротою, что нарвская часть, самая ближайшая отъ мельницы,—я полагаю, что она прилетѣла на мѣсто пожара не болѣе какъ въ 5 минутъ—застала, огонь внутри и вездѣ дымъ. Затѣмъ прошло еще какихъ нибудь минутъ 20 и уже нельзя было ничего спасти, кромѣ того отдѣленія, гдѣ были жилыя помѣщенія. Такимъ образомъ, потребовалось не менѣе часа для того, чтобы пожаръ принялъ такіе огромные размѣры. Кто наблюдалъ за началомъ пожара? Въ это время наблюдали за нимъ слѣдующія лица: Яворскій и Яшенковъ, которые никакихъ признаковъ огня не замѣчали до пяти часовъ безъ пяти минутъ. Въ то самое время какъ они сторожатъ на каланчѣ, близъ угла Обводнаго канала, противуположнаго мельницѣ, сосѣдъ-домовладѣлецъ Пудовъ распоряжался счищать снѣгъ съ своего дома; наблюдалъ еще Авдѣенко, сторожъ при варшавской желѣзной дорогѣ, у вокзала. Вдругъ Яшенковъ и Яворскій замѣчаютъ за 5 минутъ до пяти струйки дыма не на дымогарной, главной трубѣ, которая стала выпускать дымъ черезъ $1^1/_2$ часа потомъ, а въ этотъ моментъ была совершенно чиста, но надъ магазиннымъ отдѣленіемъ и зерносушильнею одновременно; рефлексъ огня, скользящій по стѣнѣ, освѣщалъ внутренность двора. Яшенковъ и Яворскій ударили тревогу, по сигналу собралась тотчасъ нарвская часть. Въ этотъ мигъ и Леоньковъ замѣтилъ искры, подымающіяся надъ зданіемъ по тому направленію, которое соотвѣтствуетъ вѣялочной трубѣ; замѣченъ былъ также дымъ и Пудовымъ, но Пудовъ не могъ опредѣлить, откуда этотъ дымъ, онъ не наблюдалъ спеціально, выходилъ ли этотъ дымъ изъ главной трубы. Наконецъ, огонь замѣченъ и Авдѣенкомъ, котораго показаніе важно потому, что онъ прямо опредѣляетъ время: въ 5 часовъ, по циферблату варшавской желѣзной дороги. Освѣтилось уже все зданіе, съ внутренняго двора; надъ крышею появились

искры и станція варшавской желѣзной дороги была совсѣмъ освѣщена. Вотъ все, что намъ извѣстно объ обстоятельствахъ, относящихся до прибытія на мѣсто пожара другихъ свидѣтелей, которыхъ я считаю самыми достовѣрными по отношенію къ опредѣленію наружнаго вида, если такъ можно выразиться, этого пожара, а именно пожарныхъ. Они съѣзжались отдѣльными командами. Я прошу вспомнить и расположить въ вашей памяти порядокъ являющихся частей, потому что каждая часть дѣйствовала какъ одинъ человѣкъ. Прежде другихъ прискакала нарвская часть. Она прилетѣла на мѣсто пожара въ то самое время, когда, какъ говоритъ приставъ Агафоновъ, онъ, явившійся одновременно, видѣлъ уже пламя надъ главною трубою. Я не могу объяснить это показаніе иначе, какъ обманомъ чувствъ, потому что и по теоріи, которая лежитъ въ планѣ защиты, и по теоріи, которой можетъ слѣдовать обвиненіе, фактъ этотъ невозможенъ. Никто изъ пожарныхъ ни пламени, ни дыма въ главной трубѣ не видалъ. Пожарные нарвской части позвонили въ колокольчикъ къ швейцару и выходитъ Семеновъ, разбуженный уже Легоньковымъ. Они летятъ дальше къ мѣшальной лѣстницѣ и опять звонятъ, но лѣстница наверхъ заперта, имъ никто не отворяетъ. Они обогнули уголъ Измайловскаго и поѣхали до воротъ по Обводному. Одинъ изъ пожарныхъ, брандтмейстеръ Панасевичъ, показалъ странную вещь, которую также я объясняю, какъ и показаніе пристава Агафонова, явною ошибкою. Въ первомъ этажѣ по Измайловскому въ двухъ крайнихъ окнахъ къ каналу онъ усмотрѣлъ выкидываемое на улицу пламя, вотъ изъ этого мѣста (С. указываетъ по модели на кладовую); я полагаю во всякомъ случаѣ, что это не болѣе, какъ ошибка, что свидѣтель смѣшалъ обстоятельства. Я заключаю это изъ показаній пожарныхъ той же нарвской части, которые всѣ показываютъ, что пламени въ это время вовсе не было ни по Измайловскому, ни по Обводному, а валилъ только

густой дымъ изъ оконъ по Измайловскому и изъ подвальныхъ окошекъ по Обводному. Если бы пламя было видно по фасаду съ Измайловскаго, то вѣроятно они тутъ бы остановились, сдѣлавъ заключенiе, которое сдѣлалъ прибывшiй потомъ брандтмаiоръ Гранфельдъ; когда онъ прiѣхалъ на мельницу и увидѣлъ огонь съ Измайловскаго. По его словамъ, онъ удивился, почему нарвская часть не остановилась именно здѣсь тушить огонь. Пожарные нарвской части сломали ворота на Обводномъ, объѣхали кругомъ и встали на дворѣ тутъ (С. показываетъ по модели на углубленiе, въ которомъ спускаются рельсы отъ деревянной трубы изъ 3-го этажа вѣялки въ 1-й этажъ зерносушилки). Изъ тѣхъ показанiй, которыя были здѣсь даны относительно огня въ вѣялочной трубѣ, самыми точными и обстоятельными представляются показанiя Ярышкина, Панасевича и Курашева, которые показываютъ слѣдующее: горѣла вѣялочная труба. Но какъ она горѣла? Одни говорятъ, что огонь шелъ вверхъ—такъ показываютъ Панасевичъ и Курашевъ; другiе напр. Ярышкинъ, говоритъ, что огонь шелъ внизъ изъ вѣялки по трубѣ. Это послѣднее объясненiе подтверждается свидѣтелемъ, швейцаромъ Семеновымъ, который вышелъ изъ швейцарской и, проходя черезъ машинное отдѣленiе, видѣлъ, какъ огонь пробирается сверху внизъ по зерносушильной трубѣ. Пожарные остановились здѣсь (С. указываетъ по модели на каменный помостъ и лѣстницу въ подвалъ подъ вѣялочною трубою) и замѣтили, что входъ изъ лѣсенки въ подвалъ надъ помостомъ, гдѣ помѣщалась дверь, постоянно запертая, по показанiю Морозова, совершенно теменъ, что спускъ въ подвалъ заваленъ рогожами и снѣгомъ. Пожарные невидѣли за горящею трубою никакихъ окошекъ, ни дверей въ стѣнѣ магазиннаго отдѣленiя.

Всѣ эти окна и двери были заперты, а темнота свидѣтельствуетъ, что въ магазинномъ отдѣленiи, въ подвальныхъ этажахъ не было никакого огня. Минуты че-

резъ 4 или 5 послѣ нарвской, прилетѣла часть коломенская, которая намъ дала слѣдующихъ свидѣтелей: брандтмейстера Иконникова и рядовыхъ Григорьева и Самсонова. Брантмейтстеръ Иконниковъ увидѣлъ 4 окна внизу, въ подвалѣ, къ лѣстницѣ близъ воротъ, изъ которыхъ клубился дымъ выходя съ искрами пламени. Онъ остановился здѣсь и послалъ Григорьева и Самсонова на навѣсъ; надъ тѣмъ мѣстомъ множество дверей, выходящихъ изъ магазиннаго отдѣленія подвальнаго этажа; но они должны были спуститься, потому что огонь пробирался вверхъ въ первый этажъ и изъ перваго во второй этажъ, а во второмъ горѣли и падали ставни оконъ, изъ коихъ одна ударила самаго Иконникова. Продолжая однако отстаивать фасадъ съ Обводнаго канала, Иконниковъ замѣтилъ, что огонь приближается по подвалу къ кладовой, которая еще цѣла. Чтобы перенять огонь, Иконниковъ послалъ Григорьева въ эту кладовую черезъ разломанное окошко подвала; въ то самое время онъ приказалъ Семенову поливать дверь изъ магазиннаго подвала въ подвалъ кладовой изъ ствола, вставленнаго косвенно въ разбитое окошко магазиннаго подвала. Такимъ образомъ Самсоновъ обливалъ дверь, которую лизало пламя, а Григорьевъ отстаивалъ ту же дверь съ другой ея стороны. Будучи въ подвалѣ кладовой, Григорьевъ дыма не чувствовалъ, все было цѣло и, по словамъ Иконникова, послѣ того выносили еще вещи изъ втораго и третьяго этажей кладовой, которая уже сгорѣла тогда, когда огонь, путешествовавшій по верхнему этажу, перешелъ сюда сверху, послѣ чего распространился далѣе. Такимъ образомъ ошибка Панасевича обнаруживается вполнѣ и показаніе его падаетъ само собою. Эта часть зданія больше всего цѣла и огонь проникъ сюда гораздо позже, чѣмъ въ другія отдѣленія. Третья пожарная часть, которая затѣмъ пріѣхала, была спасская. Являются свидѣтелями: брандт мейстеръ Маторинъ, рядовые Антоновъ и Ивановъ. Вмѣстѣ съ этими частями пріѣхалъ и брандтъ-маіоръ

Гранфельдъ. Такъ какъ огонь свѣтилъ въ окнахъ 3-го этажа близъ мѣшальной лѣстницы, а двери этой лѣстницы всегда заперты и не охранялись швейцаромъ, то пришлось сломать двери. Сломали. Пожарные подымаются, проходятъ по второму этажу мимо дверей, за которыми они не предчувствуютъ, что есть огонь, такъ какъ двери заперты съ лѣстницы. Входятъ въ третій этажъ. Маторинъ открываетъ дверь и усматриваетъ огонь вдали къ Измайловскому проспекту, на разстояніи нѣсколько сажень. Маторинъ заключилъ, что здѣсь то и есть самый разсадникъ огня, что этотъ огонь не скоро еще распространится, что можетъ быть можно совладать съ нимъ. Велѣно втащить трубу и накачивать съ улицы. Но въ это самое время вдругъ непріятель—огонь зашелъ неожиданно въ тылъ дѣйствующимъ войскамъ: нежданно-негаданно выкинуло огонь изъ оконъ втораго этажа лѣстницы и преградило пожарнымъ всякій путь къ отступленію. Огонь появился изъ той двери 2-го этажа, мимо которой проходили пожарные. Началось бѣгство. Кто бросалъ каску, кто топоръ. Спасаясь сквозь пламя, многіе получили обжоги, рукавъ былъ оставленъ на мѣстѣ и сгорѣлъ: человѣка два-три были принуждены спускаться по водосточной трубѣ. Моментъ этотъ остался въ памяти генерала Козлова, который именно пріѣхалъ въ ту минуту, когда говорили, что надо выручать пожарныхъ. Такимъ образомъ, является еще третій огонь во 2-мъ этажѣ, ничѣмъ не объяснимый. Послѣ спасской прибыли части: московская, казанская и рождественская. Брандтмейстеръ рождественской части, самой отдаленной отъ мѣста происшествія, пріѣхавшій изъ своего участка по четвертому номеру—какъ я полагаю, никакъ не ранѣе, какъ черезъ полчаса послѣ начала пожара, разсказалъ, что ему спеціально поручено было взобраться на крышу еще не горѣвшаго, какъ думали, зданія зерносушилки. Онъ не могъ добыть столь высокой лѣстницы, почему обошелъ зерносушилку со двора, выходящаго на Обводный, выло-

малъ дверь, нашелъ внутри зданія густой дымъ безъ пламени и весь громадный деревянный матеріалъ еще нетронутымъ. Дымъ былъ удушливъ и Новиковъ удалился.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ выходитъ несомнѣнно, что огонь появился не въ двухъ, а въ трехъ различныхъ мѣстахъ: во 2-мъ этажѣ вѣялки съ улицы, въ 3-мъ этажѣ той же вѣялки со двора и въ подвальномъ этажѣ. Итакъ были три огня. Но является вопросъ: можетъ быть огни казались только отдѣльными, наблюдаемые снаружи, а въ сущности огонь былъ только одинъ. Можетъ быть, онъ какъ драконъ извивался изъ отдѣленія въ отдѣленіе, а никто не видѣлъ только этихъ изгибовъ и соединеній. Слѣдовательно, возникаетъ вопросъ, въ какомъ отношеніи были огни. Соединялись ли они, или не соединялись? Возникаетъ, такимъ образомъ, и ставится задача—объяснить: поджогъ ли былъ на мельницѣ, если будутъ доказаны три раздѣльные огня, или показать, изъ одного ли мѣста онъ естественно развивался и проникъ во всѣ остальныя мѣста, гдѣ онъ почти одновременно усмотрѣнъ. Въ послѣднемъ случаѣ будетъ только несчастіе, которое надо будетъ предать волѣ Божіей. Разсмотримъ оба противоположныя объясненія.

Мельница состоитъ изъ многихъ частей. Есть одна часть: подземныя трубы, часть меньше другихъ изслѣдованная, даже при составленіи модели, такъ что только при судебномъ слѣдствіи, при разспросѣ Зоммера, оказалось, что часть этихъ трубъ имѣла покатости, что тамъ являлась повременамъ и вода изъ Обводнаго канала. Другая часть, та, которая, заключая въ себѣ кочегарню, машинное отдѣленіе, квартиры служащихъ и контору, оканчивается лѣстницею со швейцаромъ. Часть эта содержитъ главную дымовую трубу и двигатель; она дѣлаетъ заводъ мельничный паровымъ. Она почти вся уцѣлѣла. Третья часть промежъ двухъ лѣстницъ-швейцарской и мѣшальной, сгорѣла позже другихъ. Она со-

стоитъ изъ двухъ камеръ: одной съ 32 жерновами и другой мучной. Четвертая часть состоитъ изъ вѣялки, кладовой и магазиновъ. Всѣ эти помѣщенія, до подваловъ включительно, снабжены окошками преграждающими къ нимъ доступъ воздуха снаружи. Изъ этихъ помѣщеній магазинное отдѣленіе было холоднѣе и безъ воды, но въ вѣялку, также холодную, проникали трубы съ кранами отъ бака. Наконецъ 5-я часть: зерносушилка представляла собою строеніе, которое, хотя и оконченное, но вовсе не было въ дѣйствіи. Часть эта имѣетъ тѣже условія, т. е. совершенно открыта для доступа воздуха, потому что здѣсь были одни только сѣтчатые переплеты, вмѣсто оконъ, и неизвѣстно были-ли на переплетахъ ставни или нѣтъ. Однимъ словомъ, воздухъ проникалъ въ это отдѣленіе всюду. Вы, гг. присяжные засѣдатели, конечно, изучили устройство этого зданія несравненно лучше, чѣмъ знали его прежній владѣлецъ Фейгинъ и нынѣшній Кокоревъ. Вы изучили его лучше даже, чѣмъ тѣ лица, которыя весьма долгое время были на мельницѣ. Вы знаете, что рожь въ куляхъ подвозилась въ магазины. Мѣшки съ этимъ хлѣбомъ черезъ кладовую перетаскивались въ этажъ вѣялки; здѣсь они поднимались посредствомъ элеваторовъ, хлѣбъ высыпался въ особые ящики, гдѣ обдиралась шелуха; затѣмъ онъ поступалъ въ барабаны, которые очищали чистое зерно отъ шелухи. Мякина и труха отдѣлялись посредствомъ тяги въ вѣялочную трубу, а зерно посредствомъ архимедовыхъ винтовъ проводилось сквозь мѣшальную лѣстницу къ жерновамъ; здѣсь оно мололось, охлаждалось и потомъ передавалось тоже винтами въ мучную камеру. Въ этой камерѣ внизу мука набивалась въ намоченные кули, которые зашивались въ 1-мъ этажѣ вѣялочнаго отдѣленія, проходили черезъ кладовую и поступали въ магазинъ. Изъ этого обзора устройства мельницы вы можете судить, что, если въ отдѣленіяхъ кладовомъ, магазинномъ и даже вѣялочномъ, кромѣ 3-го этажа, могла быть какая нибудь пыль, то только муч-

ная, а никакъ не мякинная. Вся мякина въ 1870 году и 1871 г. тотчасъ же была выбрасываема на дворъ, а потомъ уже была направляема посредствомъ вѣялочной трубы въ подземные каналы сушильнаго отдѣленія. Затѣмъ вспомните гг. результаты научной экспертизы: мука горитъ съ трудомъ, мучная пыль горитъ также съ трудомъ; когда она въ спокойномъ состояніи, то она не сообщаетъ горѣнія, а напротивъ того служитъ дурнымъ проводникомъ и во всякомъ случаѣ не способствуетъ горѣнію. Вспышки пыли бываютъ только тогда, когда пыль мучная стоитъ облакомъ, т. е. только тогда, когда мельница бываетъ въ полномъ дѣйствіи. Такимъ образомъ, всѣ гипотезы, которыя могли быть построены на взрывѣ отъ мучной пыли, падаютъ сами собою. Взрывовъ быть не могло, потому что пыль не стояла облакомъ и взрывъ разрушилъ бы зданіе, но ничего бы не зажегъ. Перехожу къ другимъ результатамъ экспертизы, вполнѣ и цѣликомъ en bloc, не отдѣляя мнѣнія г. Лисенкова и не противополагая его мнѣнію чьему бы то ни было, напр. профессора Бутлерова. Я сказалъ, что единственный способъ объяснить естественнымъ образомъ происхожденіе пожара на мельницѣ—это прослѣдить послѣдовательный ходъ огня по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ усмотрѣнъ, отъ самаго начала до конца. Говорятъ, что пожаръ начался внизу у главной дымовой трубы; что пылающій уголекъ, падая изъ чахла трубы внутрь, въ подземный каналъ, зажегъ труху, что труха прогорѣла вся отъ главной трубы до зерносушилки, что горѣніе ея повліяло на воспламененіе вѣялочной трубы; а труба горя, сообщила огонь вѣялочному отдѣленію въ 3-мъ этажѣ. Но этого мало: надо еще доказать, что изъ 3-го этажа вѣялки огонь прошелъ во 2-ой и что онъ же прошелъ и въ подвалъ магазиннаго отдѣленія. Всѣ эти условія непремѣнно должны быть доказаны, если не со стороны своего правдоподобія, то по крайней мѣрѣ со стороны своей возможности, хотя бы при малѣйшей степени вѣроятности. Вѣроятность каждаго изъ указанныхъ мною

предположеній очень мала, какъ вы слышали изъ судебнаго слѣдствія. Положимъ, что маленькіе кусочки угля, небольшіе потому, что только небольшіе уносятся вверхъ тягою—упадали внизъ, не долетѣвъ до отверстія трубы. Мы знаемъ, что эксперты совали и горячіе угли въ труху и что эти угли все-таки тухли, а труха даже отъ нихъ не тлѣла. Положимъ, что, при благопріятныхъ условіяхъ, которыя не встрѣчались при экспертизѣ, труха отъ какого нибудь уголька могла загорѣться. Нужно предположить при томъ, что былъ непрерывный валъ трухи, начинавшійся отъ этой трубы и шедшій по всѣмъ ея изгибамъ, дѣлая троекратные повороты и проходя подъ отверстіями, которыя находились надъ каналами въ зерносушильнѣ. Весьма трудно предположить, чтобы такой валъ лежалъ непрерывно и нигдѣ не понижался, хотя на половину или четверть дюйма; трудно предположить, чтобы онъ распространялся на всемъ протяженіи. Чѣмъ ближе къ трубѣ, тѣмъ болѣе мелкая лежитъ пыль, чѣмъ ближе къ вѣялкѣ, тѣмъ больше куски трухи. Эксперты брали нѣсколько сортовъ трухи, изъ которыхъ два сорта совсѣмъ не горѣли. Если допустить, что въ вѣялочномъ отверстіи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Зоммеръ, какъ онъ говоритъ, по поясъ погружался въ труху, лежала только крупная труха, въ такой огромной кучѣ, то надо допустить, что куски трухи были самые большіе, т. е. соотвѣтствующіе тому сорту трухи, который не горѣлъ, когда его жгли эксперты. Но они не отрицаютъ возможности того, что, если бы опытъ надъ тлѣніемъ трухи былъ произведенъ въ большихъ размѣрахъ, то можетъ быть горѣніе и произошло бы. Эксперты признали, что горѣніе можетъ быть и противъ тяги. Допустимъ, хотя это мало вѣроятно, что зажженная углемъ труха прогорѣла противъ тяги отъ трубы вплоть до вѣялки. Допустимъ, что тлѣніе трухи достигло каналовъ сушилки, въ которыхъ есть отверстіе, заслоненное деревянными заслонками, кромѣ той послѣдней изъ нихъ, которая кон-

чается не заслонкою, а спускающеюся внизъ воронкообразно или конически деревянною трубою, составляющею продолженіе канала зерносушильни, которую изобразилъ здѣсь на бумагѣ Зоммеръ. Если огонь шелъ такимъ образомъ, по этой трубѣ подъ заслонками, которыя были деревянныя, то я не понимаю, какимъ образомъ не загорѣлись эти заслонки. Эти заслонки, а равно входъ въ трубу не могли вовсе загорѣться, по показанію одного изъ экспертовъ, если былъ промежутокъ воздуха между трухою. Другой экспертъ допускалъ возможность дѣйствія теплоты и чрезъ промежутокъ воздуха при горѣніи безъ пламени. Но опять приходится недоумѣвать, почему же это тлѣніе не подѣйствовало на заслонки, а подѣйствовало только на то отверстіе, къ которому примыкаетъ труба. И такъ, если отъ тлѣнія могутъ загораться предметы при притокѣ къ нимъ воздуха совершенно свободномъ, то огнемъ должна бы вспыхнуть прежде всего вся зерносушильня и загорѣться притомъ ранѣе проникновенія огня до этой вѣялочной трубы. Если мы вспомнимъ, что существовала тяга, что она шла по направленію къ трубѣ, что тотъ экспертъ по вентиляціи, г. Флавицкій, который допускаетъ возможность обратной тяги, допускаетъ ее не вообще на цѣломъ протяженіи, а только мѣстами, при общей тягѣ, существующей и неизмѣнной, то при этой мѣстной обратной тягѣ въ трубѣ, если бы загорѣлось даже въ томъ отверстіи, которое сообщается прямо съ вѣялкой, прежде бы огонь долженъ былъ сообщиться заслонкамъ, а черезъ нихъ той массѣ лѣсовъ, тѣмъ ящикамъ, которыми была наполнена сушилка; а между тѣмъ она осталась до послѣдняго времени въ цѣлости. Но допустимъ, что огонь распространился такимъ образомъ и дошелъ до зерносушильни, положимъ, что загорѣлась труха, и что огонь дошелъ до вѣялочнаго отдѣленія. Все таки и въ этомъ случаѣ не объясняется существованіе огня во 2-мъ этажѣ. Какъ могъ огонь спуститься во 2-й этажъ? Я бы могъ легче допустить, что онъ

поднялся въ 4-й этажъ. Но если даже и допустить, что огонь въ 3-мъ этажѣ имѣлъ какую-то невѣдомую связь съ огнемъ во 2-мъ этажѣ, то предстоитъ полнѣйшая невозможность объяснить связь этихъ двухъ огней съ огнемъ въ подвальномъ этажѣ магазиновъ. Огонь этотъ существовалъ особо, этотъ огонь и тѣ два другіе были наблюдаемы особо, они были видны въ одно и то же время, потому что вторая часть, коломенская, прискакала на разстояніи 2—3-хъ минутъ и нашла подвалъ въ полномъ горѣніи. Кромѣ того, нужно указать пути, которыми этотъ огонь, бывшій уже въ вѣялкѣ, соединился съ огнемъ въ подвалѣ. Есть два сообщенія между магазиннымъ отдѣленіемъ и зерносушильней. Одно изъ этихъ сообщеній чрезъ полуразрушенную лѣстницу съ Обводнаго канала и подвальный подъ лѣстницею корридоръ. Лѣстница разрушена, валятся своды, но въ подвальномъ корридорѣ, который только закоптѣлъ, есть полъ, есть въ немъ также 2 двери, на одной двери, бывшей открытою во время пожара, на ея задней сторонѣ осталась еще мучная пыль; направленіе дыма по слѣдамъ копоти показываетъ ходъ этого дыма изъ подвала въ зерносушильню. Такъ какъ пламя не можетъ пробираться, не уничтожая на пути деревянныхъ предметовъ, такъ какъ сушильня была послѣднее мѣсто, которое вспыхнуло, когда всѣ остальныя части мельницы были уже объяты пламенемъ, то на основаніи данныхъ, которыя были замѣчены въ подвальномъ этажѣ, нельзя строить другаго предположенія, какъ то, что сушильня, сначала не горѣвшая, была объята пламенемъ потому, что огонь изъ подвала по корридору подвальнаго этажа проникъ изъ магазиннаго отдѣленія въ зерносушильню. Такимъ образомъ, нельзя себѣ представить такого предположенія, чтобы огонь, проникшій въ сушильню, зашелъ изъ нея въ подвалъ и зажегъ въ подвалѣ магазиновъ рогожи и кулье. Остается разсмотрѣть другой возможный путь этого огня: черезъ каменный помостъ подъ вѣялочною трубою. Въ подвальныхъ эта-

жахъ магазиннаго отдѣленія противъ части стѣны, выходящей на уголокъ двора, обращенный къ сушильнѣ, имѣются 4 окна и однѣ запертыя двери. Всѣ эти 5 отверстій не были замѣчены пожарными, тушившими трубу, хотя они прямо и глядятъ въ трубу, потому что они были совершенно темны. Подъ трубою есть каменный помостъ, въ него спускъ подземный, гдѣ лежали снѣгъ и рогожи, за спускомъ въ подвалѣ чуланчики и склады съ одною единственною отдушиною въ магазинъ. Для цѣли защиты надо допустить, что изъ вѣялочной трубы огонь проникъ въ этотъ подвалъ черезъ проходъ подъ помостомъ и затѣмъ черезъ чуланъ и отдушину. Но Морозовъ удостовѣряетъ, что помѣщеніе подъ помостомъ было заперто. Пожарные, когда подошли къ вѣялочной трубѣ, видѣли снѣгъ на лѣстницѣ, спускающейся подъ помостъ. Кромѣ того оказывается, что брандтмаіоръ Гранфельдъ преспокойно ходилъ по лѣстницѣ мѣшальной и корридору перваго этажа надъ помостомъ и по платформѣ помоста и ничего не замѣчалъ. Такимъ образомъ, я полагаю, что это предположеніе объ огнѣ, распространившемся этимъ путемъ, немыслимо, что оно несостоятельно, и что слѣдовательно, огонь въ магазинномъ отдѣленіи остается безъ всякаго объясненія.

И такъ, есть три огня. Я утверждаю, что три, а не два. Если бы одинъ изъ этихъ огней даже и былъ объяснимъ дѣйствіемъ трубы, то два другіе совершенно необъяснимы. Но я думаю, что кромѣ общности огней нельзя допустить и происхожденія огня въ вѣялкѣ переходомъ его изъ сушильни въ вѣялку. Есть два обстоятельства, которыя положительно устраняютъ возможность предполагать этотъ огонь сначала въ сушильнѣ отъ трухи, потомъ въ вѣялкѣ, а именно, дымъ и запахъ. Дымъ не наблюдался въ промежутокъ времени отъ пятницы или субботы до пожара, никто его не видѣлъ въ субботу вечеромъ и ночью на воскресенье, пожарные его не видѣли, несмотря на лунную ночь. Если и есть показанія о дымѣ, который будто бы выходилъ

изъ трубы въ теченіи субботы, то развѣ только такія показанія, которыя весьма подозрительны. Показанія эти принадлежатъ или чиновникамъ интендантства, которымъ вѣрить особенно нельзя, по извѣстнымъ вамъ причинамъ, или служившимъ у Овсянникова прикащикамъ и то не всѣмъ. Что касается до запаха, то это такой признакъ, который долженъ быть замѣченъ во всей окрестности, или же нужно предположить, что на Измайловскомъ проспектѣ и на Обводномъ каналѣ, гдѣ находится станція варшавской желѣзной дороги, на которую прибываютъ поѣзды въ 12 часовъ вечера и на которую въ это же время ѣдетъ много народа,—всѣ эти пріѣзжающіе и отъѣзжающіе были лишены чувства обонянія, потому что, по словамъ экспертовъ, одного фунта трухи достаточно для того, чтобы выгнать насъ изъ этого помѣщенія. Этотъ дымъ наполнилъ бы весь околодокъ, стлался бы до нарвской части; если бы онъ шелъ изъ подвальнаго отдѣленія, то выходилъ бы совершенно свободно черезъ окна безъ стеколъ сушильни, гулялъ бы совершенно свободно по двору, наполняя воздухъ гарью. Такимъ образомъ, мы имѣемъ фактъ крѣпкій, твердый, неопровержимый: три огня. Но, кромѣ этого факта, есть еще множество другихъ странныхъ, подозрительныхъ обстоятельствъ, которыя заставляютъ призадумываться и которыя, въ соединеніи съ фактомъ существованія трехъ отдѣльныхъ огней, приводятъ къ полному убѣжденію въ томъ, что пожаръ мельницы былъ слѣдствіемъ поджога. Вспомните показанія свидѣтелей Кузнецова и Козлова; три-четыре-пять взрывовъ въ магазинахъ, какъ будто изъ пушки. Что это такое? Подумали, что это взрывъ газа; послали въ газовое общество. Пріѣхалъ газовщикъ, пріѣхало начальство; газометры оказались въ порядкѣ, газъ не открытъ; по вычисленію газовщиковъ, 300 куб. футовъ газа израсходовано отъ 4-го до закрытія работъ на мельницѣ, значитъ взрывы не отъ газа. Въ томъ же помѣщеніи есть остатки бочекъ, какіе то обручи, вообще такія вещи, которымъ не слѣ-

довало храниться въ магазинномъ отдѣленіи. Другая странность: видѣвъ копію съ паровиковъ, вы знаете, что въ подвалѣ подъ швейцарской есть главный водопроводный кранъ отъ городскаго водопровода. Казалось бы, что первая мысль во время пожара должна бы была быть та, чтобы открыть этотъ кранъ. Служащіе на мельницѣ отнѣкиваются, говорятъ: хотѣли открыть, но не рѣшились, потому что едвали бы трубы дѣйствовали вслѣдствіе того, что часть ихъ была расплавлена. Приходитъ водопроводчикъ Березовскій въ 8 часовъ, находитъ воду; на полу въ кочегарнѣ течетъ вода. Допустимъ, что главный кранъ водопровода открытъ безъ злаго умысла кѣмъ нибудь изъ постороннихъ, который остался не допрошеннымъ;—но зачѣмъ же этой водѣ быть въ котлахъ паровиковъ? Вода въ котлы могла пойти только черезъ питательные снаряды; нужно открыть клапаны, сообщающіе эти питательные снаряды съ водопроводными трубами. Слѣдовательно, была чья то рука, которая направила эту воду въ котлы послѣ того, какъ вода, по увѣренію всѣхъ служащихъ, была выпущена оттуда наканунѣ пожара, по приказанію Левтѣева, и только въ 7 часовъ вечера, въ воскресенье, слѣдовательно, послѣ пожара, Левтѣевъ приказалъ Кильпіо выпустить эту воду изъ котловъ. Впускъ воды въ котлы имѣетъ чрезвычайно важное значеніе; она была не нужна тамъ при бездѣйствіи мельницы. Если бы огонь распространился по кочегарнѣ, то котлы взорвало бы, а всю кочегарню разнесло бы.

Въ довершеніе всего есть еще обстоятельство не только подозрительное, а прямо наводящее на мысль о поджогѣ. Это выпускъ воды изъ трубъ, какъ водопроводныхъ и пожарныхъ, такъ и изъ бака по прямому приказанію Левтѣева. Было двѣ машины: маленькая донка и большая машина, работающая въ 200 или въ 250 силъ. Можно было остановить большую машину, но не зачѣмъ было снимать золотники. Зачѣмъ было класть это въ кладовую? Незачѣмъ, какъ говорили объ этомъ механики. Золотники

могли остаться, но если были сняты, были сложены въ кладовую, то этимъ самымъ была преграждена всякая возможность приведенія большой машины въ дѣйствіе. Остается донка. Она можетъ быть очень полезна, если ее привести въ дѣйствіе, придется только предварительно налить воду въ паровики. Посредствомъ донки можно отапливать квартиры и бакъ, потому что дровъ на нее идетъ всего $1^{1}/_{2}$ сажени, т. е. чрезвычайно малое количество, между тѣмъ, масса топлива была запасена на дворѣ. Посредствомъ донки можно было отапливать квартиры служащихъ, можно было, не отапливая квартиръ, подогрѣвать одинъ только бакъ, спуская воду вмѣстѣ съ паромъ и препятствуя замерзанію воды въ резервуарѣ. Бакъ былъ большой, онъ былъ устроенъ такъ, что разсчитывали, что онъ будетъ отапливаться снизу. Его отапливали такимъ образомъ въ 1874 году послѣ остановки работъ. Бакъ былъ необходимъ; между тѣмъ, изъ бака и трубъ была выпущена вода. Это распоряженіе дѣлается въ высшей степени знаменательнымъ, если его связать съ пожаромъ 7 дек. 1874 г. Если кому нибудь, то именно Левтѣеву было непозволительно выпускать воду изъ бака, такъ какъ онъ убѣдился, какъ полезенъ былъ этотъ бакъ въ данномъ случаѣ. 7 декабря обстоятельства пожара были почти одинаковы, какъ и въ настоящемъ случаѣ. Огонь появился ночью во 2-мъ или 3-мъ часу, также какъ и теперь въ вѣялкѣ, такъ же какъ и теперь выбѣжалъ швейцаръ Семеновъ, по его крику сбѣжались люди и потушили пожаръ только потому, что была подъ рукой вода изъ бака. Убытка принесено всего на 25 р. и зданіе спасено благодаря водѣ, которая была въ бакѣ. На отопленіе бака идетъ одна сажень въ день, слѣдовательно потребно всего какихъ нибудь 5 р. въ день для того, чтобы быть обезпеченнымъ отъ пожара. Всѣ эти приведенныя мною обстоятельства совершенно схожи съ тѣмъ, какъ если бы мы гдѣ нибудь на листѣ бумаги увидѣли черточки и замѣтили, что изъ черточекъ склады-

ваются буквы, изъ буквъ цѣлое слово. Стали бы мы предполагать, что это слово начерчено ребенкомъ, который не умѣетъ читать и писать. Нѣтъ, оно написано кѣмъ нибудь знающимъ грамоту, а то, что написано на этомъ листѣ, я вамъ передаю—слово было: поджогъ.

Если имѣлъ мѣсто поджогъ, то кѣмъ онъ совершенъ? Конечно, не постороннимъ человѣкомъ; потому что мельница заперта какъ крѣпость со всѣхъ сторонъ, двери швейцарской заперты на ключъ, калитки съ Измайловскаго и Об-воднаго также заперты, у дверей есть швейцаръ, который видитъ всѣхъ, кто входитъ и кто выходитъ. И такъ, поджогъ не могъ быть совершенъ внѣшнимъ человѣкомъ, постороннимъ, но непремѣнно совершенъ кѣмъ нибудь изъ своихъ. Если постороннему невозможно, то человѣку, живущему на мельницѣ, вполнѣ возможно самыми разнообразными способами и путями свободно прохаживаться по этому зданію по всѣмъ направленіямъ, какъ показывали прикащики Овсянникова, пройти до магазиннаго отдѣленія подваломъ, подняться на чердакъ и отъ лѣстницы съ Обводнаго пройти до квартиры служащихъ; можно было, не имѣя отмычекъ, спуститься съ лѣстницы Обводнаго канала черезъ открытыя двери въ магазинное отдѣленіе; во 2-мъ и 3-мъ этажахъ можно было подваломъ магазиновъ черезъ подземельный коридоръ пройти въ зерносушильню; можно было изъ зерносушильни пройти до того отверстія, гдѣ въ сушилку спускалась вѣялочная труба; можно было стоять на дворѣ, просунуть руку въ отверстіе или окошки вѣялочной трубы и бросить туда огонь; можно было войти на дворъ чрезъ поддувало. И такъ кто могъ совершить поджогъ? По всей вѣроятности, онъ совершенъ кѣмъ нибудь изъ мѣстныхъ людей, по всей вѣроятности Рудометовымъ. Онъ былъ одинъ на этомъ дворѣ въ теченіи весьма продолжительнаго времени; онъ караулилъ мельницу со двора всю ночь. Можетъ быть поджогъ совершилъ кто нибудь и другой, но во всякомъ случаѣ Левтѣевъ не могъ въ немъ не участ-

вовать, потому что въ дѣлѣ видна его рука. По его распоряженію выпущена изъ трубъ вода; онъ одинъ командуетъ на мельницѣ. Но кто онъ такой, Левтѣевъ? Онъ только двойникъ другаго человѣка; онъ совсѣмъ исчезаетъ въ сіяніи другаго большаго свѣтила. А это свѣтило и есть то лицо, которое я обвиняю въ поджогѣ. То, что совершилъ Овсянниковъ, можетъ быть объяснено только особенностями его положенія: отношеніемъ, вытекающимъ изъ того долгосрочнаго контракта, которымъ онъ такъ долго занимался. Этотъ контрактъ и долженъ составлять второй предметъ нашего изслѣдованія. Зайдемъ же въ военное министерство, не обыкновеннымъ можетъ быть путемъ, и изучимъ, что заключалъ въ себѣ этотъ замѣчательный контрактъ.

Весь экономическій міръ подлежитъ закону мѣны. Изъ особыхъ видовъ главный, самый важный — торговля, мѣна товаровъ на деньги и денегъ на товаръ, видъ дѣятельности всегда преисполненный обмановъ и злоупотребленій, потому что всякій наровитъ получить побольше лучшихъ товаровъ за свои небольшія деньги и сбыть свои товары наиболѣе хорошею цѣною. Изъ всѣхъ видовъ мѣны нѣтъ ни одного, который бы былъ такъ выгоденъ и рискованъ какъ тотъ, въ которомъ контрагентами являются съ одной стороны казна, государство, а съ другой частныя лица. Дѣло это исполнено риска, потому что и казна сбиваетъ цѣны; есть между подрядчиками конкурренція, каждый старается обогнать другихъ, многіе вслѣдствіе того дѣлаются несостоятельными; съ другой стороны съ самаго низу отъ послѣдняго канцеляриста протягиваются руки, которыя чувствуютъ пустоту и которыя надо занять. Зло чрезвычайно глубоко и коренится въ исторіи. Неподатливый подрядчикъ легко можетъ обанкрутиться. Но человѣкъ привычный и знающій какъ дѣло дѣлать наладитъ его тотчасъ и оно пойдетъ какъ по маслу; устроиться ему тѣмъ легче, чѣмъ дѣло срочнѣе и чѣмъ продолжительнѣе договоръ съ казною. При этихъ условіяхъ устанавливается

обыкновенно извѣстная средняя недобросовѣстность. Чиновники дорожатъ своими мѣстами и допускаютъ только товаръ не совсѣмъ еще негодный, подрядчикъ тоже старается, чтобы товаръ не былъ совсѣмъ плохъ. Это зло, эти недостатки, эта невозможность противодѣйствовать поставкамъ подмоченной затхлой муки низоваго помола были извѣстны военному министерству. Зная о существованіи зла, казенное вѣдомство едва ли соберется само выработать новую систему по своему собственному почину. Обыкновенно являются частные прожектеры съ готовой идеей, которые прожектируютъ свой проектъ, проводятъ его всюду, пропагандируютъ, наконецъ добиваются того, что идея признается раціональною, превращается въ фактъ, дѣлается системою и господствуетъ надъ будущимъ, но будетъ въ свою очередь отмѣнена. Такимъ фактомъ и такою системою былъ долгосрочный подрядъ поставки для войскъ въ районѣ С.-Петербурга расположенныхъ, заключенный на девять лѣтъ, съ 1867 по 1876 годъ, и прочитанный цѣликомъ въ судебномъ засѣданіи. Контрактъ состоялъ изъ двухъ совершенно разныхъ частей: мельницы и подряда. Когда проектированъ контрактъ, конечно предполагалось со стороны казны, что и по одной и по другой статьѣ контрагентъ казны будетъ имѣть умѣренный барышъ, безъ надежды на который конечно никто бы не согласился вступить съ казною въ договоръ. Но на дѣлѣ вышло, что контрактъ устроенъ такъ, что при несовсѣмъ удачномъ ходѣ операцій онъ непремѣнно долженъ заключиться либо раззореніемъ подрядчика, либо финаломъ въ родѣ того, который имѣлъ мѣсто, т. е. финаломъ съ истребленіемъ мельницы. На дѣлѣ вышло, что мельница убыточна, одна поставка выгодна, что нужно натягивать подрядъ, чтобы прорѣху мельницы покрыть избыткомъ отъ подряда, что мало-мальски пошатнувшійся на контрактѣ человѣкъ долженъ либо пропасть, либо придти къ намѣренію освободиться отъ мельницы во что бы то ни стало. Возьмемъ сперва мельницу. Она паровая,

устроена превосходно и стоила вѣроятно не менѣе 900,000 рублей. Я не полагаю, чтобы она была абсолютно убыточнымъ предпріятіемъ; все зависитъ отъ тѣхъ условій, въ которыя поставлено на ней производство. Допустимъ, что эта мельница, которая молола при Фейгинѣ и Овсянниковѣ 1000 четвертей въ день, можетъ молоть до 1500 четвертей въ 12 часовъ. Предположимъ, что она дѣйствуетъ не 6 мѣсяцевъ, а идетъ круглый годъ; представимъ себѣ, что совершенно возможно, что на ней работаютъ двѣ смѣны рабочихъ, дневныя и ночныя, что она работаетъ цѣлыхъ 24 часа, промалывая въ 300 дней до 900 т. четвертей, раздѣлимъ на это число проценты капитала постройки 900 тыс. руб., окажется, что каждая перемалываемая четверть несетъ малую долю какъ этихъ процентовъ отъ капитала, такъ и издержекъ администраціи мельницы. Если рынокъ сбыта муки обширенъ, если мука будетъ поставляться не только для войскъ, но и для народонаселенія столицы, притомъ для послѣдняго больше чѣмъ для первыхъ, то предпріятіе будетъ полезное и выгодное и для частныхъ лицъ, и для казны. Казна можетъ быть однимъ изъ весьма важныхъ заказчиковъ помола для владѣльца мельницы, но мельница будетъ существовать не однимъ помоломъ казеннаго хлѣба. Однако если допустить, что мельница существуетъ единственно и исключительно только для подряда, то она непремѣнно должна сообразоваться со средствами подряда. Весь подрядъ простирается въ годъ maximum на 250 т. четвертей, но наряды давались меньшіе: въ 1873 году 170 т., въ 1874 всего 150 т. четвертей. Если бы даже взять круглымъ числомъ 200 т. четвертей, оплачиваемыхъ по 40 коп. за помолъ, то всего на всего прибыли отъ помола получится только 80 т. р. Если предположить, что на мельницѣ перемалываются только эти 200 т. четв. казеннаго хлѣба и нѣтъ никакихъ другихъ частныхъ работъ, то 80 т. р. вотъ и весь барышъ отъ предпріятія. Но давая столь мало, предпріятіе тре-

бовало большихъ расходовъ. Прежде всего нужно отсчитать проценты отъ капитала постройки, т. е. съ 900 т. считая по 6%—54 т. р. въ годъ. Допустимъ, что мельница перешла въ другія руки, что новый владѣлецъ купилъ ее дешевле, чѣмъ она стоила при постройкѣ, напр. за 700 т. р., то и тогда 6 проц., составляли бы на капиталъ 42 т. р. въ годъ. А содержаніе мельницы? Оно еще дороже. Фейгину она обходилась въ 120 т. руб. Фейгина упрекали въ томъ, что онъ держалъ слишкомъ много людей на мельницѣ съ слишкомъ высокими окладами содержанія—до 5, 6 и даже до 12 т. р. Я согласенъ, что расходъ на жалованье служащимъ можно бы поубавить, можно бы сдѣлать экономію на 10, 20 тысячъ, сократить такимъ образомъ расходы до 100 т. руб. Но я не понимаю той экономіи, которую велъ Овсянниковъ. Это уже не экономія, а раззореніе, это—хозяйничанье баши-бузуковъ, послѣ котораго остаются кучи мусора и мельница обращается въ груду развалинъ, какъ послѣ нашествія непріятеля. Устранены кранщики, разсчитанъ сторожъ, нѣтъ человѣка получающаго больше 150 руб. въ мѣсяцъ. Отпущены мельникъ, механикъ и другіе главные люди на мельницѣ—не болѣе того. Замѣтимъ, что жалованье Левтѣеву не входило въ расчетъ издержекъ по мельницѣ. Во главѣ дѣлъ стоятъ мелкіе приказчики. Ремонта никакого. Рѣжутся газовыя трубы. На потребности производства идутъ доски съ пола, запасъ машиннаго дерева расходуется безъ толку на мелкія нужды ежедневнаго обихода. Такъ хозяйничать нельзя, это не хозяйство, а безобразіе. Но даже и при такомъ безобразіи мельница обходилась Овсянникову въ 1873 г. въ 65 т. р., въ 1874 въ 84 т. р.,—расходы высокіе если принять въ соображеніе, что не могъ Овсянниковъ надѣяться владѣть мельницей долгое время почти задаромъ за шуточную цѣну въ 1000 р. Онъ владѣлъ мельницей дешево по контракту, но контрактъ кончался въ 1876 году, послѣ чего ему предстояло либо мельницу купить, либо

арендовать ее подороже. Если принять все сказанное въ соображеніе, то я нисколько не преувеличу, если скажу, что одна четверть муки дѣйствительно обходилась бы въ перемолѣ болѣе нежели въ рубль серебромъ. Если для казны столь важно качество муки и хорошій перемолъ, то отчего ей не платить и по рублю за перемолъ одной четверти, если есть у нея на то свободныя средства. Такова одна сторона медали, посмотримъ на другую, т. е. на подрядъ.

Мельница, какъ очень правильно выразился гражданскій истецъ, г. Кокоревъ, имѣла преимущественное свойство «притягивать подрядъ», она была тотъ магнитъ, къ которому подрядъ притягивался самъ собою. Подрядъ отдѣльно взятый, какъ будто бы опять не очень заманчивый, такъ что невольно спросишь, изъ-за чего тутъ биться людямъ, перебивать дѣло другъ у друга, строить подкопы. Цѣна поставляемыхъ продуктовъ состояла изъ двухъ частей: одной части немѣняющейся, другой мѣняющейся. Немѣняющаяся часть это 2 р. 65 к. за привозъ продуктовъ въ С.-Петербургъ, храненіе, перемолъ и отвозку въ магазины. Мѣняющаяся часть опредѣляется подрядною цѣною, составлявшеюся по подрядамъ для войскъ въ казанской губерніи. Какая цѣна условлена въ казанской губерніи за поставку хлѣба для войскъ, такая и для Петербурга, но еще со скидкою 10 проц. Я не думаю, чтобы казанская губернія отличалась какими нибудь крупными особенностями по хлѣбной торговлѣ и чтобы тамъ подрядчикъ находился въ особенно выгодныхъ и льготныхъ условіяхъ. И тамъ есть конкурренція, и тамъ торгуются, и тамъ есть контрагенты, которые въ виду значительной поставки стараются предлагать умѣренныя цѣны, потому что чѣмъ значительнѣе по цифрѣ своей предпріятіе, тѣмъ легче довольствоваться меньшею прибылью на четверть. И изъ этой цѣны скидывается еще 10 проц. Такимъ образовъ, контрактъ представляется далеко неблистательнымъ. Но если поставка хлѣба рожью пойдетъ нехорошо, то есть въ

контрактѣ статья, которая вводила поставщика въ искушеніе, статья 4-я, которая гласитъ: а буде мельница сгоритъ, то все количество хлѣба поставляется мукой, тою мукою, ради недопущенія которой была задумана мельница, и подрядчикъ долженъ принять мѣры къ тому, чтобы въ свое время мука была поставлена. Эта мука, по сознанію самого Овсянникова въ бумагѣ отъ 17-го февраля 1875 г. интендантству, не могла имѣть тѣхъ хорошихъ качествъ, какими отличалась мука, перемолотая на паровой Измайловской мельницѣ; она не такъ свѣжа, скорѣе черствѣетъ и не даетъ такого припека.

Отъ мельницы перейдемъ къ ея прожектеру и строителю. Я полагаю, что г. Фейгинъ много времени и стараній потратилъ, чтобы пустить въ ходъ дѣло подряда по задуманной имъ идеѣ. Я бы не хотѣлъ сказать что либо для него непріятное, но я, кажется, вправѣ заявить, что приступая къ дѣлу, онъ не имѣлъ ни достаточно изворотливости, ни достаточныхъ матеріальныхъ средствъ для осуществленія предпріятія. Притомъ онъ былъ слишкомъ большой баринъ, пренебрегающій мелочами и взваливающій все на своихъ служащихъ, получающихъ слишкомъ высокіе оклады. Онъ не держалъ крѣпко въ рукахъ ни одной изъ двухъ статей предпріятія и по недостатку средствъ попалъ скоро въ зависимость и отъ лицъ, которыя давали ему деньги на мельницу, и отъ лицъ, которыя давали ему деньги на подрядъ. Онъ былъ какъ маятникъ, качающійся между двумя столбами. Прежде всего ему предстояло заняться подрядомъ, потомъ строить мельницу. По подряду казна требуетъ залоговъ. Въ числѣ самыхъ крупныхъ хлѣбныхъ торговцевъ одинъ изъ первыхъ, г. Овсянниковъ, примыкаетъ тотчасъ же къ подряду сбоку, косвенно, какъ залогодатель. Онъ даетъ Фейгину пользоваться, какъ залогами, своими домами на 500,000 рублей, а затѣмъ когда дѣла Фейгина разстраиваются, то онъ даетъ ему еще хлѣбныхъ товаровъ на 200,000 руб. Домами, представленными въ залогъ Фейгинымъ, Овсянниковъ пользуется и получаетъ

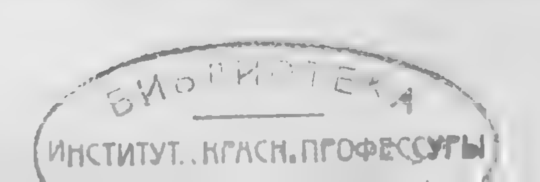
доходы, сверхъ того, онъ беретъ за нихъ съ Фейгина 10 проц., по 50,000 руб. въ годъ. Этотъ одинъ фактъ— 10 проц. на залоги, достаточенъ, чтобъ доказать, въ какой финансовой агоніи находился Фейгинъ; въ такія условія о залогахъ входятъ только люди, которымъ приходится весьма жутко. Какъ объяснить, что осторожнѣйшій человѣкъ, г. Овсянниковъ даетъ въ залогъ свои дома, подвергая ихъ риску? Нѣтъ, никакому риску онъ ихъ не подвергаетъ, онъ вполнѣ обезпеченъ статьею 1967 ч. 1 X тома, содержаніе которой повторено и въ сводѣ военныхъ постановленій—и которая гласитъ, что если подрядчикъ окажется неисправнымъ, то залогодатели могутъ взять подрядъ на себя и продолжать его. Слѣдовательно, залоги Овсянникова приносили ему не только 50,000 р. доходу, но вмѣстѣ съ тѣмъ были ключемъ ко входу въ подрядъ. Г. Овсянниковъ, имѣя эту заручку, только и ждалъ, когда придетъ къ нему г. Фейгинъ. Но вскорѣ обстоятельства такъ измѣнились, что не къ нему долженъ былъ придти г. Фейгинъ, а самъ Овсянниковъ, поступилъ какъ Магометъ, къ которому когда гора не шла то онъ пришелъ къ горѣ—онъ долженъ былъ поклониться гг. Фейгину и Кокореву, а сдѣлалось это по случаю событій, касающихся уже не подряда, а мельницы, къ которой я и перейду.

Мельница выстроена сначала только за 200,000 руб. Деньги какъ на мельницу, такъ и на подрядъ взяты главнымъ образомъ изъ волжско-камскаго банка, который давалъ г. Фейгину такой кредитъ, какого онъ не давалъ, по сознанію управляющаго банкомъ, кажется почти никому: до 1.100,000 было одновременно въ долгу за г. Фейгинымъ подъ его векселя. Этотъ долгъ не обезпечивался ничѣмъ. У г. Фейгина ничего и не было, кромѣ мельницы. Построилъ онъ ее на казенной землѣ, за которую заплатилъ казнѣ 18,000 руб. Съ него взята еще министерствомъ въ 1868 году особая подписка о томъ, что въ двухъ случаяхъ: а) своей неисправности до срока контракта, или б) истеченія срока контракта,

Фейгинъ обязанъ продать казнѣ эту самую мельницу по цѣнѣ средней между городской оцѣнкой и оцѣнкой, которую сдѣлаютъ военные инженеры. При томъ мельница была уже заложена Голенищеву-Кутузову въ суммѣ 300,000 руб. Г. Кокоревъ, который былъ посредникомъ между г. Фейгинымъ и банкомъ при займахъ, былъ конечно озабоченъ, какъ бы выручить хотя часть той суммы, которую былъ долженъ банку Фейгинъ. Въ мартѣ 1872 года опротестованы банкомъ векселя г. Фейгина на 400,000 руб. Въ виду этихъ обстоятельствъ, г. Кокоревъ выкупилъ мельницу изъ подъ залога у г. Голенищева-Кутузова и взялъ на себя уплату за Фейгина банку 400,000 руб., а самъ получилъ отъ Фейгина закладную на мельницу въ 700,000 руб. Мельница такимъ образомъ обезпечивала Кокорева, но только отчасти. До нея дотронуться нельзя было такъ скоро: она устроена для казеннаго подряда. Притомъ по закону всѣ получки неисправнаго подрядчика изъ казны идутъ сначала на подрядъ и только остатокъ получаютъ кредиторы. Получить мельницу съ публичныхъ торговъ человѣку, не занимающемуся хлѣбнымъ дѣломъ трудно и неудобно, это дѣло не было невозможно ни банку, ни Кокореву. Въ эту трудную минуту является соискатель въ лицѣ г. Овсяникова и самъ напрашивается на сдѣлку. Начинаются переговоры, которые кончаютса условіемъ, устраивающимъ, повидимому, всѣ стороны. Въ то время, въ моментъ заключенія договора, долгъ г. Фейгина банку уже уменьшился, вслѣдствіе уплаты по нѣкоторымъ векселямъ, до 580,000 руб. Кромѣ того, былъ долгъ въ 700,000 руб. по закладной на мельницу. Цѣна подряда на 4 остающіеся года опредѣлена въ 1.600,000 руб., въ томъ числѣ и мельница. Г. Овсянниковъ обѣщается взять мельницу за 700,000 руб., и до покупки ея платить 6% Кокореву. Но совершить эту передачу оказалось неудобнымъ тотчасъ; г. Фейгинъ еще держался за мельницу и имѣлъ какія-то фантастическія надежды на то, что онъ устроитъ спекуляцію,

создастъ акціонерное общество, которому спуститъ мельницу за хорошую цѣну, удовлетворитъ залогодержателя и самъ получить что нибудь. Можно было, конечно, освободить мельницу отъ залога Кокореву уплатою ему 700,000 руб. и совершить новую закладную въ той же суммѣ г. Овсяникову. Но подобная комбинація разстроилась, какъ и множество другихъ великолѣпныхъ плановъ, ей подобныхъ, вслѣдствіе того, что контрагенты не захотѣли платить крѣпостныхъ и другихъ пошлинъ нотаріусу, ждали, что можетъ быть дѣло упростится. Условіе о мельницѣ такъ и осталось на словахъ, незакрѣпленное письменно. Что касается до остальныхъ до суммы 900,000 руб., то Овсянниковъ засчиталъ 182,000 руб. въ удовлетвореніе себя за хлѣбные товары, поставленные Фейгину, а остальныя деньги 718,000 р. уплатилъ своими векселями на 9 мѣсяцевъ, что съ процентами составитъ 755,000 руб. Изъ этихъ 755,000 руб. 580,000 руб. пошли на погашеніе долга Фейгина волжско-камскому банку, а около 145,000 руб. идутъ на удовлетвореніе другихъ кредиторовъ Фейгина, которые до насъ не касаются. Такимъ образомъ, волжско-камскій банкъ получилъ свое. Не получилъ своего только г. Кокоревъ, который, вмѣстѣ съ г. Овсяниковымъ и Фейгинымъ, поневолѣ засѣлъ въ этотъ подрядъ, до сихъ поръ принадлежавшій одному Фейгину. Я говорю поневолѣ, потому что казна не согласилась дать подрядъ одному Овсянникову, а потребовала еще компаніона, и потому, что Фейгинъ не захотѣлъ отказаться отъ своихъ надеждъ на осуществленіе фантастическаго акціонернаго предпріятія. Но надежды Фейгина вскорѣ разсѣялись. Фейгинъ, хотя и добился утвержденія устава общества, но общество ни единой минуты не просуществовало; оно осталось только на бумагѣ, хотя и нашлись-было лица, давшія свои имена для фигурированія въ качествѣ учредителей, напримѣръ, баронъ Фитингофъ и другіе. Капитала не было, средствъ не хватило пустить дѣло въ ходъ. Ему не было никакого разсчета платить

проценты Кокореву по закладной. Передача дѣла Фейгина совершилась такимъ образомъ, что и мельницу онъ сдалъ гг. Овсянникову и Кокореву по арендному контракту и подрядъ сдалъ Овсянникову и Кокореву по прошенію, подписанному втроемъ и поданному въ военное министерство. На это прошеніе послѣдовало разрѣшеніе главнаго интендантства; отъ вступающихъ вмѣсто Фейгина отобрана подписка; имъ дана инструкція. Передача мельницы по арендному контракту совмѣстно двумъ лицамъ, Овсянникову и Кокореву, совершилась такимъ образомъ, что цѣна аренды для виду назначена самая малая, можно сказать, шуточная, всего 1,000 р. въ годъ, и эти деньги вовсе не получались Фейгинымъ, однимъ словомъ, аренда была почти даромъ. По арендному контракту, какъ Кокоревъ, такъ и Овсянниковъ нераздѣльно обязались передъ Фейгинымъ страховать мельницу; это единственная бумага, въ которой упоминается что-либо объ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ передачи контракта и объ обязанности страхованія. У Кокорева вовсе не было ни надобности, ни желанія возиться съ подрядомъ, равно не было желанія держать за собою мельницу; онъ былъ бы радъ и готовъ сбыть ее каждую минуту. Но какъ отъ него требовали, чтобы онъ значился въ этомъ подрядѣ, то, для огражденія себя, онъ заключаетъ съ Овсянниковымъ два особые договоры 20 мая 1872 года. По одному изъ нихъ, Овсянниковъ обязуется отвѣтствовать по подряду одинъ и получать всѣ прибыли отъ подряда тоже одинъ. Такимъ образомъ, фактически Кокоревъ отъ подряда отвязался. По второму условію, Овсянниковъ обезпечилъ Кокорева на случай возможной продажи мельницы за долгъ Фейгина по закладной и обязался, въ случаѣ, если подобная продажа состоится, то кому бы мельница ни досталась, уплатить Кокореву разницу между цѣною мельницы и суммою долга по закладной, то есть 700,000 руб., съ тѣмъ, однако, что эта доплата не должна никоимъ образомъ превышать 400,000 рублей. Въ этихъ догово-

рахъ ничего не говорилось о страхованіи; оно было совсѣмъ упущено изъ виду и не перенесено какъ обязанность на Овсянникова предъ Кокоревымъ. Сдѣлавшись единственнымъ распорядителемъ по контракту, Овсянниковъ понималъ, что подрядъ обошелся ему не дешевою цѣною, а что заплатилъ онъ вступнаго 750,000 рублей, изъ коихъ 718,000 — коренная капитальная сумма, а остальное имѣющіе нарости проценты. Значитъ, во всякомъ случаѣ, за подрядъ заплочено все ровно, что чистоганомъ около 720,000 руб. и не за весь срокъ подряда, а только за 4 года. Если разложить эти 720,000 руб. на 4 года, то окажется, что каждый годъ придется платить 180,000 руб.—обязанность страшно убыточная. Кромѣ того, нужно купить мельницу за 700,000 руб. съ процентами. Это послѣднее обстоятельство показалось Овсянникову чѣмъ то тяжелымъ, и потому онъ слова своего не исполнилъ. Онъ сознался въ этомъ на судѣ, онъ не опровергъ заявленія Кокорева. Но мало того, что Овсянниковъ не заплатилъ Кокореву за мельницу — онъ употребилъ еще, чтобы избавиться отъ платежа, то, что обыкновенно называютъ подвохомъ. Мельница дѣйствительно назначена была въ продажу и то со вторыхъ торговъ. Для продажи назначено очень раннее время—10 часовъ утра. Имѣлась въ виду привычка Кокорева, надежда на то, что онъ по обыкновенію опоздаетъ; явилось на торги 5 или 7 конкуррентовъ, въ томъ числѣ и Овсянниковъ съ Левтѣевымъ. Овсянникову какъ будто бы и неприлично было торговаться, онъ и былъ то самое лицо, которое обѣщалось Кокореву взять мельницу за 700,000 руб. и уплатить ему по крайней мѣрѣ разницу въ 400,000 р. Между тѣмъ, онъ, Овсянниковъ, является главнымъ соискателемъ; остальные предлагаютъ за мельницу 50,000 руб., 60,000 руб., Овсянниковъ съ Левтѣевымъ повышаютъ цѣну до 100,000 р. и въ 108,000 руб. мельница записана за Овсянниковымъ. Я имѣю основаніе предполагать, что это не былъ настоящій торгъ, что не было серьезно торгую-

щихся. Посему я и не утверждаю, чтобы мельница обошлась въ дѣйствительности въ 108,000 р.; можетъ быть Овсянниковъ приплатилъ еще тѣмъ или другимъ изъ покупщиковъ, платя имъ отступныя. Во всякомъ случаѣ, досталась она ему очень дешево. Поступокъ Овсянникова невозможно признать честнымъ по отношеніи къ Кокореву, такъ какъ Овсянниковъ былъ связанъ словомъ, которое онъ нарушилъ. Кокорева объѣхали; онъ мирится съ своимъ положеніемъ. Самъ виноватъ: оплошалъ, опоздалъ; дано за мельницу менѣе 200,000 руб., по крайней мѣрѣ на 400,000 руб. онъ вправѣ надѣяться, они ему слѣдуютъ по письменному условію; 400,000 р. вмѣстѣ съ уплоченными за мельницу 108,000 руб. составляютъ 508,000 руб. Кокоревъ будетъ наказанъ за свою оплошность только 192 тысячами. Кокоревъ обращается къ Овсянникову и говоритъ: заплатите мнѣ деньги по условію. «Грѣхъ пополамъ», отвѣчаетъ Овсянниковъ, возьмите 200,000 р., что и составитъ съ продажною цѣною 308,000 руб. вмѣсто 700,000! Предложеніе было слишкомъ тяжелое для Кокорева. Два подрядчика, недовольные другъ другомъ, разошлись и пошли каждый своею дорогою. И тотъ и другой не любятъ начинать процессы, неохотники ихъ вести. Кокоревъ совсѣмъ не юристъ, но тѣмъ не менѣе, по необходимости своего положенія, онъ обратился къ знатокамъ дѣлъ гражданскихъ, спеціалистамъ. Въ концѣ концовъ оказалось, что хотя гражданскіе наши законы весьма неопредѣленны и неясны, но въ подмогу правому дѣлу въ нихъ всегда найдется подходящая статья, которая, бывъ примѣнена по совѣсти, поможетъ. Такая статья отыскалась. Наши судебные уставы не опредѣляютъ точно послѣдствій вторыхъ торговъ для залогодержателя. 1187 статья гласитъ, что въ случаѣ если не состоятся торги, не различая какіе: первые или вторые, то слѣдуетъ поступить по 1068 ст., а въ сей послѣдней статьѣ, между прочимъ, въ пунктѣ 4 оговорено, что залогодержатель можетъ оставить имущество за

собою. При неясности закона вслѣдствіе существованія этого пробѣла судъ можетъ прибѣгать ко II части X т. св. зак., гдѣ вопросъ этотъ разрѣшается въ пользу за, логодержателя. Руководствуясь этими соображеніями- окружный судъ, а потомъ судебная палата признали за Кокоревымъ право взять на себя мельницу, превратить ее въ собственность. Двѣ судебныя инстанціи высказались въ пользу Кокорева. Во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы послѣдовала кассація: весьма малъ процентъ рѣшеній отмѣняемыхъ сенатомъ. Конечно, вопросъ продолжаетъ быть спорнымъ, т. е. такимъ, по которому и за и противъ можно подвести почти одинаковое число доводовъ, а нельзя даже опредѣлить на чьей сторонѣ преобладаютъ шансы на успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, пройдетъ годъ, полтора, пока послѣдуетъ сенатское рѣшеніе, послѣ чего необходимо еще новое производство въ палатѣ, а между тѣмъ уже на первыхъ порахъ мельница ускользнула изъ рукъ Овсянникова и сдѣлалась собственностью Кокорева. Всякій неловкій поступокъ—поступокъ Овсянникова болѣе нежели неловкій— влечетъ за собою свои послѣдствія — вредъ для поступившаго неправильно. Тѣ отношенія, которыя существовали между Кокоревымъ и Овсянниковымъ, отношенія, основанныя на довѣріи, испортились, сдѣлались неискренними, по выраженію г. Савича. Соподрядчики, нельзя сказать, чтобы перессорились, переругались; нѣтъ, они продолжали видѣться другъ съ другомъ, какъ видятся вообще въ нашемъ обществѣ люди, которые не дерутся изъ за того, что одинъ сдѣлалъ другому пакость. Но отношенія эти настолько разстроились, что Кокоревъ не захотѣлъ уже имѣть никакого серьезнаго дѣла съ Овсянниковымъ. Таковъ былъ результатъ связи соподрядчиковъ въ концѣ 1874 года. Оставимъ ихъ и перейдемъ на минуту отъ этихъ натянутыхъ отношеній, весьма непріятныхъ, къ операціямъ Овсянникова по его подряду. Онѣ начались въ 1872 году. Вы знаете, что Фейгинъ передалъ подрядъ на ходу, т. е. со всѣми

получками отъ правительства и со всѣмъ заготовленнымъ хлѣбомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и со всѣми обязательствами платить за хлѣбъ и доставку. Разница была 833,000 руб. изъ 870 тыс. руб., итого 37,000 руб. въ пользу Овсянникова. Говорятъ, что онъ получилъ кромѣ того запасовъ, кулей, барокъ на 100,000 руб. Сомнѣваюсь, такъ какъ эти запасы не значатся по книгамъ Овсянникова. Во всякомъ случаѣ, этотъ убытокъ не очень большой; я его допускаю въ суммѣ 100 и 150,000 руб. Перехожу къ 1873 и 1874 годамъ. Въ 1873 году операція пошла уже въ большихъ размѣрахъ. Цѣны еще не стояли тогда высокія; это тотъ годъ, когда Овсянниковымъ производилась усиленная продажа хлѣба съ унжаковъ и барокъ. Это тотъ годъ, когда Рудометовъ былъ кореннымъ на баркѣ съ закрашенными клеймами казенными и былъ допрашиваемъ г. Висконти, когда до генерала Скворцова доходили слухи о злоупотребленіяхъ на Невѣ, которымъ былъ положенъ конецъ и были введены болѣе строгія правила надзора и контроля за доставкою хлѣба въ магазины. Въ 1874 году операція хотя по числу четвертей была меньше, всего въ 150,000, но за то куль муки обходился въ 8 руб. 31 к. Къ этому году преимущественно относятся тѣ большія замѣны ржи мукою, которые удостовѣрены экспертизою и на которые я ссылаюсь какъ на факты, принятые безъ опроверженія защитою. Оказалось, что книги Овсянникова содержатъ совершенно противное счетамъ интендантства. Счеты интендантства сами по себѣ совершенно правильны, но они вѣрнѣе лишь настолько, насколько были вѣрны свѣдѣнія, которыя доставлялись интендантству со стороны Овсянникова. Интендантъ генералъ Скворцовъ зналъ только бумаги и, вращаясь только въ этомъ бумажномъ мірѣ, былъ глубоко убѣжденъ, что все обстоитъ какъ слѣдуетъ; между тѣмъ, совсѣмъ не то происходило въ дѣйствительности. Эта дѣйствительность изображается только книгами Овсянникова, которыя и послужили матеріаломъ

для экспертизы. Эта экспертиза раскрыла преинтересную вещь: что постоянно въ теченіи двухъ лѣтъ въ приходѣ значится меньше ржи, чѣмъ въ расходѣ. Такимъ образомъ, въ 1873 году приходъ ржи меньше расхода на 816 кулей; въ 1874 году эта разница минуса надъ плюсомъ доходитъ уже почти до 17,408 кулей. Въ то же самое время въ этомъ 1874 году привозъ муки имѣетъ перевѣсъ надъ вывозомъ. Суммы приходовъ и расходовъ ржи и муки за оба года изображаются цифрами — 26,991 ржи и + 25,540 муки. Обѣ цифры балансируются, покрываются почти одна другою и приводятся почти къ нулю; осталось непокрытымъ только — 1,451 куль, представляющіе разницу между остатками ржи и муки. Если станемъ изучать эти цифры, то необходимо придемъ къ заключенію, что рожь замѣнялась мукою, что то, чего по дѣйствительнымъ книгамъ Овсянникова не доставало по статьѣ ржи, дополнялось избыткомъ по статьѣ муки. Если къ результату счетной операціи — 1,451 четверть прибавить еще то, что открылось послѣ пожара, и что удостовѣрено экспертизою, т. е. что съ мельницы, съ которой нельзя продавать частнымъ лицамъ муку и рожь, такъ какъ онѣ были казенныя,—въ одномъ январѣ вывезено 1,829 кулей и продано 62 четверти ржи; если все это сложить, то и выйдетъ та цифра, которою окончательно заключается экспертиза, а именно 3,342 недостающихъ на мельницѣ четвертей или кулей. Вся эта махинація совершена во вредъ казнѣ, потому что изъ цѣлой исторіи подряда изъ всего существа отнощеній выходитъ, что мельница существовала только для формы, что въ дѣлѣ порядка мельница была только помѣхою, что было очень выгодно поставлять хлѣбъ мукою и, наконецъ, что если рошь въ значительныхъ количествахъ замѣняема была мукою, то, конечно, не оъ иныхъ видахъ, какъ только для выгоды и пользы подрядчика. Это заключеніе подтверждается вполнѣ показаніемъ приказчика Морозова, которое превосходно уясняетъ, что счето-

водство на мельницѣ было двойное: что тамъ были счета настоящіе и другіе, фальшивые, и что эти послѣдніе вписывались въ книгу Квадри и изъ этой книги черезъ посредство писца Петрова, состоявшаго на жалованьѣ у Овсянникова, — передавались въ интендантство. Оказывается, что былъ извѣстный методъ въ подделкѣ цифръ, что каждый приходъ 1,000 четвертей ржи, дѣйствительно ввозимыхъ на мельницу, записывался цифрою 1,200 или 1,300 кулей, а затѣмъ также и вывозъ 1,000 кулей муки также записывался вывозомъ въ 1,200 или въ 1,300 кулей. Такимъ образомъ, почти ежедневно 200 кулей показываются какъ будто бы перемолотыми на мельницѣ, тогда какъ они вовсе на ней не молоты. Такимъ образомъ, наконецъ, если по книгамъ за весь годъ значится перемолотыми 180,000 кулей, въ дѣйствительности выходитъ, что перемолото только 120,000 кулей, а остальные очевидно доставлены мукою низоваго помола.

И такъ несомнѣнно, что операціи подрядчика были несовсѣмъ добросовѣстны и чисты. Какой же общій результатъ подряда при этихъ несовсѣмъ чистыхъ операціяхъ? Былъ ли отъ нихъ Овсянниковъ въ барышѣ или въ убыткѣ? По этому предмету дали свое заключеніе эксперты по бухгалтеріи и контролю. Не принимая въ счетъ уплатъ Кокореву и кволжсо-камскому банку въ 755,000 руб., а съ процентами 782,000 руб., которые записаны въ этихъ книгахъ въ расходъ,—оказывается, что въ 1873 году Овсянниковъ имѣлъ барыша 451,263 р. 59½ к. Барышъ хорошій! Въ 1874 г. при меньшемъ нарядѣ на высокихъ цѣнахъ барышъ простирался до 376,721 руб. 18½ к. Цифры хорошія, доказывающія какая благодатная вещь казенный подрядъ, какъ выгодно имъ заниматься. Эти цифры тѣмъ болѣе замѣчательны, что онѣ изображаютъ чистую прибыль, за вычетомъ издержекъ, а эти издержки или расходы были весьма значительны у Овсянникова. Сверхъ обыкновенныхъ, Овсянниковъ издерживалъ еще экстренно много денегъ. И все-таки, не смотря на эти расходы,

барышъ былъ таковъ, что въ теченіи двухъ лѣтъ Овсянниковъ почти уплатилъ весь свой долгъ волжско-камскому банку, г. Кокореву и непогашенными осталось только 50,000 руб., перенесенныхъ на 1875 годъ. Общій ходъ предпріятія могъ только радовать подрядчика, до того онъ былъ успѣшенъ. Но при этой неудачѣ набѣгали и тучи на ясный небосклонъ, которыя заставляли Овсянникова призадуматься и которыя стали стекаться особенно къ концу 1874 года. Овсянниковъ ходатайствовалъ въ 1874 году о передачѣ ему подряда Малкіеля по новгородской, олонецкой и петербургской губерніямъ. Но интендантъ, генералъ Скворцовъ, отказалъ ему въ этомъ, пользуясь безотчетно предоставленною ему одному на то властью. Овсянниковъ предложилъ морскому министерству заключить съ нимъ такой же долгосрочный контрактъ, какъ и съ военнымъ министерствомъ, съ тѣмъ, чтобы перемалывать хлѣбъ для флота, когда мельница будетъ свободна отъ перемола муки для военнаго интендантства. Но въ этомъ предложеніи онъ потерпѣлъ въ 1874 году отказъ. Отношенія Овсянникова къ окружному интендантству становились холоднѣе и сдѣлались таковы, что Овсянниковъ не могъ разсчитывать ни на какія послабленія и отступленія отъ контракта, что и тѣ продѣлки, которыя дѣлались и до нынѣ, станутъ обнаруживаться. Положеніе подрядчика становилось непрочнымъ. Но самая грозная туча изъ набѣгающихъ заключалась въ испорченныхъ отношеніяхъ Овсянникова къ Кокореву. Близился кризисъ, долгосрочный контрактъ могъ ускользнуть изъ его рукъ. Вы знаете, что Кокоревъ почти противъ воли ввязался въ мельницу. Сначала онъ предлагалъ Овсянникову всѣ льготы, всѣ условія, чтобы только отъ него избавиться. Но когда онъ убѣдился, что Овсянникову вѣрить больше нельзя, тогда у Кокорева, какъ человѣка коммерческаго, явилась мысль: отчего же не воспользоваться выгодами своего положенія? Положеніе его, какъ собственника мельницы, безвыгодно только

до срока контракта, когда за аренду причитается всего 1000 р. Но оно могло сдѣлаться блистательнымъ и завиднымъ по истеченіи срока контракта, потому что мельница есть магнитъ, притягивающій подрядъ. Если подрядъ зависитъ отъ мельницы и обусловливается обладаніемъ ею, то понятно, что, безъ труда и хлопотъ, сойдясь съ контрагентомъ, внушающимъ болѣе довѣрія, чѣмъ Овсянниковъ, напр. съ Малкіелемъ, или кѣмъ нибудь другимъ,—Кокоревъ могъ получить преспокойно за мельницу 100 и 150 т. р. и даже больше въ годъ. Могли быть и другія соображенія у Кокорева. Онъ финансистъ, вниманіе его къ своему интересу было пробуждено вслѣдствіе столкновенія съ Овсянниковымъ; явился апетитъ на то, чтобы поживиться. Съ Овсянниковымъ онъ уже не могъ болѣе сойтись. При такомъ условіи Овсянниковъ, какъ человѣкъ со сметкой (а ему въ большомъ умѣ нельзя отказать), не могъ не сдѣлать слѣдующаго разсчета, который бы представился каждому въ его положеніи: еще два года и подряду конецъ; надо все предпріятіе раскассировать и подумать о другомъ. Учрежденіе большаго предпріятія влечетъ за собою большіе расходы. Хорошо еще, если дѣло подряда будетъ продолжаться такимъ образомъ и порядкомъ какъ въ 1873 и 1874 годахъ; но оно можетъ измѣниться, потому что цѣны, назначенныя на будущій годъ, менѣе выгодны, нежели прежнія казенныя. Цѣна муки была 8 р. 31 коп., а на 1875 годъ назначена всего въ 7 р. 25³/₄ коп. Но положимъ, что при этой цѣнѣ барышъ будетъ одинаковый, что если въ два года 1873 и 1874 Овсянниковъ имѣлъ барыша около 700 т. р., то и въ другіе два 1875 и 1876 получится еще столько же, т. е. 700 т. р., изъ которыхъ надо будетъ, уплатить 50 т. р. на погашеніе долга Кокореву. Если эти 700 т. или 600 т. р. раскинуть на всѣ четыре года подряда выйдетъ всего то на все барыша какіе нибудь 150 т. р. за весь трехмилліонный подрядъ. Стоило ли трудиться изъ за такой ничтожной наживы, связываться и во-

зиться съ интендантскими чиновниками. Всякій трудъ требуетъ платы, а плата вышла бы чрезмѣрно малая. И такъ лучше бы какъ нибудь освободиться отъ этой злополучной мельницы. Злополучной называлъ ее Кокоревъ, злополучной она была и для Овсянникова. Пропади она—у него въ карманѣ будетъ вѣрный и большой барышъ, все сбереженіе отъ помола, всѣ тѣ выгоды, ради которыхъ, во избѣжаніе снабженія войскъ мукою низоваго помола, министерство пришло къ изобрѣтенію фейгинскаго контракта и создало мельницу. Независимо отъ сего истребленіе мельницы пожаромъ или инымъ случаемъ услужило бы еще въ другомъ отношеніи: оно выкинуло бы изъ дѣла одного изъ опасныхъ конкуррентовъ. Только вслѣдствіе обладанія мельницею Кокоревъ имѣетъ такой перевѣсъ надъ Овсянниковымъ, только вслѣдствіе этой мельницы онъ держитъ Овсянникова нѣкоторымъ образомъ въ вассальной отъ себя зависимости. Въ концѣ подряда, еслибы Кокоревъ потребовалъ даже болѣе 700,000 р., то все-таки надо будетъ заплатить ему эту сумму. Если Овсянниковъ вступилъ въ этотъ подрядъ за 755,000 р., то для возобновленія подряда онъ не пожалѣлъ бы конечно дать даже и большую сумму; но, при испорченныхъ отношеніяхъ съ Кокоревымъ, трудно съ нимъ поладить. Онъ не согласится дѣйствовать съ Овсянниковымъ заодно, а предпочтетъ союзъ съ другимъ предпринимателемъ. Тогда всѣ надежды Овсянникова пропали бы. Но какъ только мельница будетъ уничтожена, шансы уравновѣсятся; Кокоревъ останется съ грудою развалинъ на рукахъ. Онъ не спеціалистъ по части мельницъ; можетъ быть въ настоящее время онъ и капитала соотвѣтствующаго не имѣетъ на возобновленіе мельницы; во всякомъ случаѣ, пока она выстроится, пройдетъ 1875 годъ, а можетъ быть и 1876 годъ. Безъ мельницы подъ условіемъ ея выстройки можно состязаться какъ съ Кокоревымъ, такъ и съ другими лицами, которыя явятся по приглашенію интендантства.

И такъ ясно, несомнѣнно и достовѣрно, что въ томъ, чтобы мельница исчезла, Овсянниковъ имѣлъ громадный матеріальный интересъ. Чтоже изъ этого слѣдуетъ? что онъ и сжегъ мельницу? Нѣтъ, господа присяжные, такъ заключать еще нельзя. Изъ одного того, что человѣку выгодно что нибудь сдѣлать, нельзя еще безошибочно вывести, что онъ это и сдѣлалъ. Я постарался въ первой части моей рѣчи поставить одинъ устой—фактъ поджога. Я старался во второй поставить другой столь же прочный устой—наличность громаднаго интереса для Овсянникова въ несуществованіи мельницы. Оба факта были выведены. Недостаетъ для переправы чрезъ рѣку построить мостъ, соединивъ посредствомъ арки одинъ быкъ съ другимъ. Почему же и не построить этотъ мостъ? Что препятствуетъ? Могла бы препятствовать прошедшая жизнь Овсянникова. Но за Овсянниковымъ не имѣется этой чистой жизни прошлой; его сила одни только миліоны, только то, что онъ воплощенный капиталъ. Свои миліоны этотъ человѣкъ сложилъ по мелочамъ, копѣйка за копѣйкой. При своихъ миліонныхъ операціяхъ онъ не перестаетъ заниматься копѣечными. Вспомните его переговоры съ агентомъ страховаго общества Скворцовымъ. На Овсянниковѣ лежала по контракту въ отношеніи къ Фейгину обязанность застраховать мельницу въ 700,000 р.; 20 дек. 1873 г. онъ подалъ въ варшавское общество объявленіе, послѣ чего торговался изъ-за нѣсколькихъ сотъ рублей высшей или низшей преміи вплоть до 4 февраля 1874 года. Втеченіи болѣе нежели 2-хъ мѣсяцевъ мельница оставалась совсѣмъ не застрахованною. Сгори она—тогда Овсянниковъ долженъ въ силу контракта заплатить 400,000 р. Онъ ими рисковалъ, можно сказать, изъ-за копѣйки. Итакъ именно вслѣдствіе прошлой жизни Овсянникова можно мостъ строить, перекинуть арку съ устоя на устой. Какимъ образомъ строить? Доказавъ, что видѣли и слышали какъ Овсянниковъ склонялъ къ поджогу Левтѣева и Рудометова? Господа, поджогъ никогда теперь такъ не до-

казывается. Поджогъ дѣлается скрытно, осторожно; нѣтъ почти случаевъ, чтобы поймана была поджигающая рука. Но мы давно разстались съ тѣмъ порядкомъ судопроизводства, когда для уличенія человѣка въ поджогѣ необходимо было застать его съ горящей головешкой. Поджоги, которые нынѣ разсматриваются въ окружномъ судѣ, рѣшаются обвиненіемъ не на томъ основаніи, чтобы былъ накрытъ на самомъ дѣйствіи поджигатель и не на томъ даже, чтобы была обнаружена непрерывно связная цѣпь обстоятельствъ, соединяющихъ совершенно видимою связью замыселъ съ исполненіемъ,—замыселъ Овсянникова, его энергически работающую мысль въ домѣ на Калашниковской пристани съ рукою, которая подложила огонь—обвиненіе и не думаетъ доказывать, что оно можетъ установить такую непрерывную цѣпь. Но для достиженія обвиненія достаточны средства попроще. Достаточно доказать фактами во 1-хъ, что этотъ поджогъ былъ напередъ предусмотрѣнъ, во 2-хъ, что устранены были всѣ препятствія къ его совершенію, въ 3-хъ, что тотчасъ послѣ совершенія протягивалась рука, чтобы на свѣжемъ пепелищѣ получить золотой плодъ отъ совершившагося истребленія мельницы огнемъ. Эти факты есть на лицо и обрисовываютъ довольно рельефно, что я и постараюсь доказать въ третьей и послѣдней части моей рѣчи.

Въ этой части, какъ и въ предыдущей, уликъ немного, но онѣ крупныя и нельзя ихъ разшатать. Прежде всего доказательствомъ, что пожаръ явился не спроста, не отъ случая, представляется прекращеніе работъ безъ причины за два дня до пожара. Эта улика разобрана уже прокуроромъ. Я ссылаюсь на его соображенія, чтобы ихъ не повторять. Я не вижу возможности объяснить это обстоятельство. Работъ прекращать не слѣдовало, войска не были обезпечены мукою, 50 четвертей оставались неперемолотыми, генералъ Скворцовъ никогда бы на пріостановку работъ не согласился. Остановку работъ дѣлаютъ хитро, заявляютъ только рабочимъ, а интендант-

ство узнаетъ о томъ только на слѣдующій день послѣ пожара, изъ рапорта Квадри, который принесенъ былъ только вечеромъ послѣ пожара, въ воскресенье 2 числа. Рапортъ гласилъ, что работы пріостановлены вслѣдствіе порчи котловъ. Но это неправда, порча отрицается и механикомъ Кильпіо и вообще всѣми свидѣтелями. Въ прежніе года, когда нужно было по соображеніямъ хозяина остановить дѣйствія мельницы, по крайней мѣрѣ сочиняли какой нибудь предлогъ. Вспомните, какъ въ 1874 году, когда нужно было остановить мельницу, нарядили Карлсона сочинить искусственную порчу машинъ. Въ первоначальномъ своемъ показаніи на предварительномъ слѣдствіи Карлсонъ сказалъ, что поломалъ зубья въ шестернѣ нарочно для того, чтобы машина не шла. На судебномъ слѣдствіи онъ измѣнилъ это показаніе отзывомъ, что ломалъ только негодныя зубья въ шестернѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и теперь передъ вами призналъ, что при закрытіи работъ вмѣсто новой шестерни поставлена старая никуда негодная по той причинѣ, какъ удостовѣряетъ Зоммеръ, что какія то лица должны были придти посмотрѣть дѣйствительно ли есть порча снарядовъ на мельницѣ. Такъ бывало въ прежніе годы. Въ настоящемъ 1875 году причина остановки мельницы даже не сочинена; мельница остановилась такъ, безъ всякой причины. Этого спокойствія передъ необходимымъ приходомъ интендантскихъ чиновниковъ для ревизіи, которая не могла не обнаружить годности котловъ по крайней мѣрѣ еще на полгода, нельзя ничѣмъ инымъ объяснить, какъ только тѣмъ, что на мельницѣ въ понедѣльникъ нечего будетъ свидѣтельствовать. Другая улика, состоящая изъ множества мелкихъ обстоятельствъ—это тѣ приготовленія, которыя предшествовали огню. Усиленная, тревожная дѣятельность проявляется въ послѣднее время на мельницѣ. Вывозятъ хлѣба много; однимъ частнымъ лицамъ продано 1829 кулей, какъ видно изъ акта экспертизы. Въ это время отъ вахтеровъ различныхъ магазиновъ

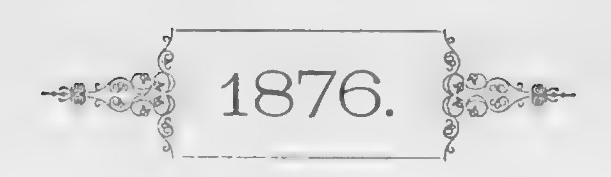
писалось къ прикащикамъ Овсянникова о томъ, что нужно увеличить число лошадей для вывоза. По всей вѣроятности количество оставшейся на мельницѣ муки было гораздо меньше того, которое показано по книгамъ Морозова и Квадри, а именно меньше 13,955 кулей. Муку эту осматривалъ Кузнецовъ до пожара. Теперь онъ опредѣляетъ наличную муку въ магазинѣ въ 4,000 кулей; у судебнаго слѣдователя онъ показывалъ, что было ея 8,000 кулей. Если вычесть эти 8,000 изъ 13,955, останется больше 5,000 кулей. Это опредѣленіе количества хлѣба сдѣлано Кузнецовымъ по глазомѣру. Но оно отчасти совпадаетъ съ показаніемъ мельника Зоммера. Зоммеръ говоритъ, что когда онъ уѣзжалъ въ четвергъ изъ Петербурга, передъ самою остановкою работъ, въ 3-хъ этажахъ магазиннаго отдѣленія были: въ одномъ отъ 3,000 до 3,500 кулей, въ другомъ—около того же, а въ третьемъ еще менѣе. Такимъ образомъ и по показанію Зоммера далеко до 14,000 кулей. Морозовъ тоже удостовѣряетъ, что муки было менѣе 13,955 кулей слишкомъ на 1,000 кулей. Я полагаю, что вся мука, которой недоставало противъ записанной въ книгахъ цифры 13,955, составляла частную прибыль Овсянникова. Я вполнѣ схожусь въ мнѣніи съ товарищемъ прокурора, что всѣ 13,955 кулей по книгѣ представляютъ собою муку казенную. Она была незастрахована; если она сгорѣла, то убытокъ отъ этого несла одна казна, которой было не накомъ возмѣстить этотъ убытокъ. Если потомъ была поставлена Овсянниковымъ другая мука взамѣнъ сгорѣвшей-то на то была его добрая воля, это былъ даръ, приношеніе интендантству въ виду ожидаемаго новаго долгосрочнаго подряда. Притомъ это приношеніе было сдѣлано условно; Овсянниковъ могъ просто сказать: я не плачу за эту муку; и не заплатилъ бы, потому что по контракту онъ не страхуетъ муки на мельницѣ. Генералъ Скворцовъ утверждалъ предъ вами, что не изъ словъ, а изъ сокровеннаго смысла контракта, какъ онъ

его понимаетъ, Овсянникову все таки пришлось бы поставить муку вмѣсто сгорѣвшей. Но въ опровержение г. Скворцова я ссылаюсь на оффиціальную бумагу его же, г. Скворцова, въ которой онъ пишетъ судебному слѣдователю, что по контракту на Овсянниковѣ лежала обязанность страховать хлѣбъ на пути и въ магазинахъ, но не на мельницѣ. И такъ мука эта не подлежала страхованію, она была казенная, показано ея было около14000 кулей. Г. Овсянниковъ имѣлъ полную возможность не платить за эту муку; каждые 1000 кулей, взятые изъ счета, были 1000 кулей, идущіе въ личную прибыль Овсянникова. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ и другую прибыль. Оставалось 50000 четвертей неперемолотой ржи въ казенныхъ магазинахъ. Эта рожь была тотчасъ же продана Овсянниковымъ и продана выгодно. Наконецъ, кромѣ распоряженій по вывозу муки, кромѣ распоряженія, чтобы какъ можно умалить число кулей дѣйствительно остававшихся на мельницѣ, противъ цифры 13955, къ числу приготовленій я отношу тѣ факты, которые я уже разбиралъ, когда доказывалъ поджогъ мельницы. Такъ я не могу упустить изъ виду: выпуска воды изъ трубъ и бака и то множество мелкихъ особенностей, которыя придаютъ огню на мельницѣ чрезвычайно подозрительный характеръ, наконецъ, въ третьихъ, немедленно послѣ пожара Овсянниковъ напрягаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы получить долгосрочный подрядъ. Будь въ положеніи Овсянникова каждый изъ насъ, онъ бы счелъ первымъ дѣломъ опредѣлить свои убытки, сосчитать свою потерю и разграничить свой интересъ отъ казеннаго. Онъ бы разсудилъ такъ: во 1-хъ, ставить другую муку, вмѣсто сгорѣвшей, на мельницѣ нѣтъ никакого законнаго основанія, а во 2-хъ, что, такъ какъ на случай пожара мельницы, предусмотреннаго въ 4 пунктѣ контракта, постановлена поставка муки вмѣсто уже изготовленной и отчасти оплоченной ржи, то возникаетъ цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ о томъ, какъ сдѣлаться съ каз-

ною послѣ пожара. Возвратить ли задатки, полученные на рожь, перенести ли ее на муку? Кто долженъ нести убытки, какіе можетъ понести поставщикъ на массѣ ржи, которая ему уже теперь не годится. Вмѣсто разсчетовъ, вмѣсто всякаго уясненія спорныхъ пунктовъ Овсянниковъ является безпредѣльно податливымъ подрядчикомъ, муку ставитъ вмѣсто сгорѣвшей безпрекословно, наряды и приказанія исполняетъ безпрекословно и только требуетъ долгосрочнаго подряда на болѣе выгодныхъ для себя, нежели фейгинскій контрактъ, основаніяхъ. Онъ поставилъ новую муку въ количествѣ 13,955 кулей, но онъ вовсе не сказалъ, что онъ эту муку ставитъ безвозмездно, что онъ не потребуетъ цѣну ея, если ему не дадутъ долгосрочнаго подряда. Онъ ежеминутно могъ потребовать плату за эту муку въ случаѣ отказа въ долгосрочномъ подрядѣ. Я кончилъ. Я изложилъ вамъ, гг. присяжные, мой взглядъ, мое убѣжденіе. Ваше дѣло оцѣнить достаточными тѣ факты, которые извѣстны вамъ, для того, чтобы вывести заключеніе о виновности Овсянникова. Но если вы внутренно убѣдились въ необходимости вывести подобное заключеніе, если оно вытекаетъ изъ совокупности всѣхъ фактовъ, то на васъ лежитъ несомнѣнная гражданская обязанность сказать: «да, подсудимый Овсянниковъ виновенъ».

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей Овсянниковъ былъ признанъ виновнымъ въ поджогѣ, по предварительному соглашенію, мельницы и по приговору суда лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Страховыя общества «Варшавское» и «Якорь» признаны необязанными платить страховыя преміи за сгорѣвшую мельницу Кокорева. Въ удовлетвореніе же иска Кокорева признано взыскать 700 тыс. рублей. Осужденію за поджегъ подверглись также Левтѣевъ и Рудометовъ.

Кассаціонная жалоба Овсянникова была оставлена сенатомъ безъ послѣдствій.

17.

Дѣло о банкирѣ К., обвинявшемся въ истязаніи своей семилѣтней дочери.

Дворянинъ Станиславъ Л. К., 29 лѣтъ, опредѣленіемъ С.-Петербургской судебной палаты отъ 13 ноября 1875 г., былъ преданъ суду С.-Петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ томъ, что, лѣтомъ 1875 г., сознательно и намѣренно подвергалъ свою малолѣтнюю дочь Марію истязаніямъ, заключающимся въ многократномъ нанесеніи такихъ побоевъ, которые оставляли послѣ себя синяки, и неоднократнымъ, жестокимъ, мучительнымъ и продолжительнымъ наказаніямъ розгами, т. е. въ преступленіи предусмотрѣнномъ 1489 и 1492 ст. улож. о наказ.

Разборъ дѣла происходилъ въ 1-омъ отдѣленіи СПБ. окруж. суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 23 января 1876 г.

Гг. присяжные засѣдатели!

Хотя мы люди обстрѣленные и привыкшіе къ подобнымъ настоящему состязаніямъ, но когда принимаешь къ сердцу дѣло, которое защищаешь, то невольно боишься и безпокоишься. Я не стану скрывать, что я испытываю теперь подобнаго рода чувство: я боюсь, гг. присяжные засѣдатели, не опредѣленія судебной палаты, не обвиненія г. прокурора, которое хотя весьма серьезно и,

вмѣстѣ съ тѣмъ, и сдержанно—я боюсь отвлеченной идеи, призрака, боюсь, что преступленіе, какъ оно озаглавлено, имѣетъ своимъ предметомъ слабое, беззащитное существо. Самое слово «истязаніе ребенка», вопервыхъ, возбуждаетъ чувство большого состраданія къ ребенку, а во вторыхъ—чувство такого же сильнаго негодованія въ отношеніи къ тому, кто былъ его мучителемъ. Я, гг. присяжные, не сторонникъ розги, я вполнѣ понимаю, что можетъ быть проведена система воспитанія, изъ которой розга будетъ исключена, тѣмъ не менѣе, я также мало ожидаю совершеннаго и безусловнаго искорененія тѣлеснаго наказанія, какъ мало ожидаю, чтобъ перестали суды дѣйствовать за прекращеніемъ уголовныхъ преступленій и нарушеній той правды, которая должна существовать, какъ дома въ семьѣ, такъ и въ государствѣ. Въ нормальномъ порядкѣ вещей употребляются нормальныя мѣры. Въ настоящемъ случаѣ была употреблена мѣра, несомнѣнно ненормальная; но если вы вникнете въ обстоятельства, вызвавшія эту мѣру, если вы примете въ соображеніе натуру дитяти, темпераментъ отца, тѣ цѣли, которыя имъ руководили при наказаніи, то вы многое въ этомъ случаѣ поймете, а разъ вы поймете—вы оправдаете, потому что глубокое пониманіе дѣла непремѣнно ведетъ къ тому, что весьма многое объяснится и покажется естественнымъ, нетребующимъ уголовнаго противодѣйствія. Такова моя задача: объяснить случай. Я постараюсь передать обстоятельства дѣла такъ, какъ они были, ничего не увеличивая и не уменьшая. Я долженъ начать, гг. присяжные засѣдатели, съ того романа, которому обязана дѣвочка своимъ существованіемъ.

К.—сынъ извѣстнаго богача. Самъ онъ не имѣетъ никакого состоянія, лично ему принадлежащаго, и вполнѣ зависитъ отъ отца, человѣка весьма уважаемаго, но и весьма строгаго, воспитавшаго дѣтей въ суровой школѣ подчиненія. Въ 1863 году подсудимый, окончивъ гимназію, поступилъ въ варшавскій университетъ въ

самое время смутъ, когда вся почти молодежъ поголовно волновалась; во избѣжаніе опасности, отецъ услалъ его заграницу въ Брюссель. Это заграничное воспитаніе сдѣлало то, что К. — почти иностранецъ, то есть, хотя онъ русскій подданный, уроженецъ царства польскаго, но онъ болѣе нѣмецъ, и еще болѣе французъ. Изъ Брюсселя К. возвратился въ Варшаву въ 1867 году, кончилъ курсъ въ главной школѣ со степенью магистра правъ, что соотвѣтствуетъ нашему кандидатскому диплому; потомъ отправился вновь заграницу для бо́льшаго усовершенствованія въ наукахъ въ университетахъ: боннскомъ и гейдельбергскомъ. Въ этотъ промежутокъ времени, между Брюсселемъ и Бонномъ, во время бытности въ Варшавѣ въ 1867 году, онъ сошелся съ женщиной, старше его лѣтами, вдовой, имѣющей дѣтей. Женщина эта понимала, что они не соотвѣтствовали другъ другу по лѣтамъ, что родители К. никогда не согласятся на бракъ. Она сама взяла починъ въ размолвкѣ. К. и не подозрѣвалъ, что она отъ него беременна. Онъ былъ сильно огорченъ, скучалъ и искалъ какого-нибудь развлеченія, какого-нибудь поприща для дѣятельности. Когда началась франко-прусская война, онъ отправился во Францію, вступилъ въ ряды французской арміи, участвовалъ въ 23-сраженіяхъ, получилъ орденъ почетнаго легіона, дослужился до чина подпоручика и вышелъ въ отставку, уже по окончаніи войны. Пережитое заставило его забыть о женщинѣ, которую онъ когда то любилъ. Въ 1872 году онъ встрѣтился съ нею въ Варшавѣ, когда она уже была замужемъ; тутъ онъ узналъ, что есть ребенокъ, ему принадлежащій, въ Женевѣ. Рожденіе этого ребенка сопровождалось слѣдующими обстоятельствами: беременная мать желала, натурально, чтобъ рожденіе не огласилось; она отправилась заграницу и разрѣшилась въ Женевѣ. По тамошнимъ законамъ, ребенокъ, когда онъ незаконный, записывается на имя матери, а на имя отца только тогда, когда отецъ на лицо и признаетъ ребенка. Мать

не могла взять ребенка съ собою и оставила его на попеченіи у крестьянъ за денежное вознагражденіе. Такъ какъ сама она вышла вторично замужъ, то между нею и ребенкомъ воздвигнулась какъ бы каменная стѣна, недопускающая ни малѣйшей возможности, чтобъ когда-нибудь эта мать могла приласкать свое дитя, или, чтобъ дитя могло ее отыскивать. Когда К. узналъ, что ребенекъ живъ, то онъ тотчасъ возымѣлъ твердое намѣреніе найти его и обезпечить. Спрашивается: какимъ образомъ? Рѣшеніе этого вопроса во многомъ зависитъ отъ законовъ, подъ которыми живетъ человѣкъ; законы, въ свою очередь, дѣйствуютъ на нравы; съ другой стороны, и нравы отражаются въ законахъ. Ни въ одномъ отношеніи, можетъ быть, взаимодѣйствіе законовъ и нравовъ не проявляется такъ сильно, какъ въ отношеніяхъ родителей къ незаконнымъ дѣтямъ. Возьмите нашъ бытъ. Законъ строгъ къ незаконнорожденнымъ: они не имѣютъ никакихъ правъ и даже не опредѣлено — есть ли надъ ними власть отеческая. Какъ же приходится устраивать родителямъ незаконныхъ дѣтей? Если у родителей сердце сколько-нибудь сердобольное, если имъ не понутру отдать дитя въ воспитательный домъ, то единственный способъ устроить ребенка заключается въ деньгахъ: отдать дитя куда-нибудь на сторону на воспитаніе, посмотрѣть за нимъ тайкомъ безъ свидѣтелей, не давая ребенку узнать, чей онъ; если и допускаются изліянія нѣжности, то только секретно, безъ свидѣтелей. Таково отношеніе, которое необходимо вытекаетъ изъ существующей системы законодательства; эта система не можетъ не дѣйствовать на нравы, т. е. родители, зная, что они не могутъ сдѣлать для ребенка ничего болѣе, успокоиваются въ совѣсти своей, когда исполнили все, что допускается закономъ, когда дали ребенку денегъ въ видѣ приданаго, когда отдали его въ какое-нибудь учебное заведеніе.

Но, гг. присяжные засѣдатели, въ предѣлахъ нашей имперіи есть страна—царство польское, имѣющая свои

особые законы. Когда царство польское было Княжеством варшавскимъ, тогда тамъ введенъ былъ, въ 1808 году, кодексъ Наполеона. Кодексъ этотъ, въ 1825 году, въ царствованіе Александра I-го, передѣланъ въ нѣкоторыхъ частяхъ, которыя касаются правъ семейственныхъ, именно въ книгѣ 1-й и въ книгѣ 3-й. Это изданіе кодекса 1825 года дѣйствуетъ и до сихъ поръ. Въ томѣ 19 «Дневника Законовъ» содержится законъ 1836 года, по которому семейственныя права жителей царства польскаго и опредѣляются законами царства, когда эти жители переселяются въ предѣлы россійской имперіи. Кодексъ 1825 года устанавливаетъ между родителями и незаконными дѣтьми слѣдующія отношенія; по статьѣ 101-й отецъ можетъ во всякое время признать ребенка своимъ; это дѣлается посредствомъ отмѣтки имени отца на реестрѣ гражданскаго состоянія. Вслѣдствіе этого признанія, по ст. 303-й, родитель беретъ на себя юридическую обязанность воспитать, содержать и устроить ребенка, т. е. то самое, чѣмъ отецъ обязанъ и въ отношеніи къ законнымъ дѣтямъ. По ст. 756-й и послѣдующимъ такой ребенокъ участвуетъ даже въ наслѣдствѣ послѣ родителей на слѣдующичъ основаніяхъ: при законныхъ дѣтяхъ онъ получаетъ $^1/_3$ часть того, что получаютъ законныя дѣти; при братьяхъ или родителяхъ умершаго незаконныя дѣти наслѣдуютъ $^1/_2$; при болѣе дальнихъ родственникахъ $^3/_4$. Если нѣтъ въ виду правильныхъ наслѣдниковъ, они получаютъ все состояніе. Этимъ правамъ, конечно, соотвѣтствуетъ и власть родителей надъ дѣтьми. Власть эта двоякая: она выражается, во-первыхъ, въ опекѣ, которая принадлежитъ матери; если же мать не можетъ быть опекуншей, то отцу; во-вторыхъ, въ правѣ наказывать дѣтей. Сверхъ того, есть статья 339-я, которая чрезвычайно важна и значеніе которой я позволю себѣ объяснить вамъ; она заключается въ слѣдующемъ: родители, недовольные поведеніемъ дѣтей, могутъ ихъ наказывать способами, невредящими здоровью и непрепятствующими успѣхамъ въ

въ наукахъ. За злоупотребленіе этою властью родителямъ дѣлается внушеніе въ присутствіи гражданскаго трибунала первой инстанціи при закрытыхъ дверяхъ и проч....

Предсѣдатель. Не угодно ли вамъ не касаться наказанія? Вы можете ссылаться на законъ, но не говорить о наказаніи.

Прис. пов. Спасовичъ. Это не наказаніе; это только мѣра, предоставляемая гражданскому суду по гражданскому кодексу. Я долгомъ считаю заявить, что по ст. 339-й, никакого наказанія не полагается за превышеніе власти наказывать, а только у родителей можетъ быть отнята власть родительская и дѣти переданы другому лицу на воспитаніе за счетъ родителей. К. — магистръ правъ: онъ зналъ свои законы, онъ понималъ, что можетъ сдѣлать для дитяти и захотѣлъ сдѣлать самое бо́льшее, что только можетъ дѣлать по закону. Онъ обратился за совѣтомъ къ женевскимъ юристамъ, которые посовѣтовали ему отмѣтить въ регистрѣ признаніе имъ дитяти. Онъ хлопоталъ о томъ, чтобъ сдѣлать признаніе посильнѣе, чтобъ признаніе его имѣло силу и дѣйствіе въ предѣлахъ царства польскаго. Конечно, онъ очень хорошо понималъ, что у него еще нѣтъ своего собственнаго состоянія. Но, давая свое имя ребенку, онъ былъ увѣренъ, что если его постигнетъ несчастье, то родители и родственники позаботятся о дѣвочкѣ, носящей имя К., что, въ крайнемъ случаѣ, дочь его будетъ принята въ одно изъ правительственныхъ воспитательныхъ заведеній Франціи, какъ дочь кавалера почетнаго легіона. К. взялъ дѣвочку отъ тѣхъ крестьянъ, у которыхъ она воспитывалась и гдѣ не могла получить никакого образованія, и отдалъ ее въ домъ, который казался ему наиболѣе приличнымъ, къ пастору де-Комба, жена котораго была крестною матерью дѣвочки. Такъ прошли года 1872, 1873 и 1874 до начала 1875 года. Втеченіи этихъ лѣтъ, произошли нѣкоторыя перемѣны въ намѣреніяхъ, въ занятіяхъ и въ положеніи К.

Есть люди, которые по натурѣ своей болѣе склонны къ жизни семейной; есть люди, которые могутъ прожить цѣлый вѣкъ холостяками. К. именно принадлежитъ къ людямъ перваго ряда, которыхъ такъ и клонитъ къ браку; онъ чуть-чуть не женился въ 1872 году; въ 1873 году также имѣлъ намѣреніе, но партія разстроилась, и сильнѣйшимъ препятствіемъ было то, что онъ заявилъ о существованіи натуральной дочери; вторымъ препятствіемъ былъ отецъ К., который никакъ не позволилъ бы, чтобъ бракъ устроился безъ его участія и соизволенія. Въ Парижѣ К. познакомился съ дѣвицей Жезингъ. Когда ему предстояла поѣздка въ Петербургъ на 1874 годъ, въ городъ совершенно чужой, гдѣ онъ былъ бы совершенно одинокъ, онъ принялъ предложеніе Жезингъ поѣхать съ нимъ и взялъ ее съ собою. Вы могли оцѣнить насколько г-жа Жезингъ походитъ или не походитъ на женщинъ полусвѣта, съ которыми завязываются только летучія связи. Конечно, она не жена К., но ихъ отношенія не исключаютъ ни любви, ни уваженія. Вы видѣли, безсердечна ли эта женщина къ ребенку и любитъ ее или нѣтъ ребенокъ. Она желала бы сдѣлать ребенку всякое добро. Въ свидѣтельскихъ показаніяхъ противъ подсудимаго, даже самыхъ неблагопріятныхъ, напримѣръ, Титовой нѣтъ ни слова противъ г-жи Жезингъ. Въ 1874 году они пріѣхали въ Петербургъ, въ 1875 году г-жа Жезингъ заболѣла; она сильно привязалась къ подсудимому и сама стала напрашиваться: «возьмите дитя, будетъ и вамъ и мнѣ веселѣе; я буду ухаживать за нимъ, воспитывать его». К. не имѣлъ еще въ то время опредѣленнаго намѣренія взять ребенка, но рѣшился заѣхать въ Женеву посмотрѣть... Въ Женевѣ онъ былъ пораженъ: ребенокъ, котораго онъ посѣтилъ неожиданно, въ неуказанное время, былъ найденъ одичалымъ, не узналъ отца. Воспитаніемъ его К. былъ недоволенъ и тутъ-же расплатился съ мадамъ де-Комба, послѣ чего привезъ ребенка въ Петербургъ. Они пріѣхали 28 апрѣля; нѣкоторое

время они жили въ гостинницѣ Демутъ, потомъ устроились въ городѣ и наконецъ въ іюнѣ переѣхали на дачу. Весь май К. былъ занятъ дѣлами одной желѣзной дороги, которая не давала ему ни минуты досуга. На дачѣ произошло событіе, которое дало начало дѣлу. Причины этого событія собрались разныя, внутреннія и внѣшнія, заключавшіяся какъ въ ребенкѣ, такъ и въ отцѣ, а равно и въ различныхъ вліяніяхъ на ребенка. Прежде чѣмъ я перейду къ изложенію причинъ катастрофы 25-го іюля, я долженъ разобрать точнѣе самъ внѣшній фактъ, за который судится К.—фактъ побоевъ дѣвочки, удостовѣряемый какъ вещественными доказательствами, такъ и свидѣтельскими показаніями. Знаки, бывшіе предметомъ изслѣдованія, можно подраздѣлить на знаки на лицѣ, знаки на рукахъ и конечностяхъ, знаки на заднихъ частяхъ тѣла и пятна крови на бѣльѣ. Каждый изъ этихъ слѣдовъ надо разобрать отдѣльно, и прежде всего *знаки на лицѣ*. Когда пристально вглядишься въ лицо ребенка, то это лицо точно исписано по всѣмъ направленіямъ тонкими шрамами, прикрытыми въ иныхъ мѣстахъ волосами, такъ что они едва—едва замѣтны. Знаки эти г. Чербишевичъ призналъ неизгладимыми на лицѣ обезображеніями, съ чѣмъ я только тогда могъ бы согласиться, если бъ каждый человѣкъ ходилъ вооруженный двумя микроскопами. Такъ какъ дѣвочку свидѣтельствовали вслѣдствіе сѣченія розгами, то натурально должно было явиться предположеніе, не отъ сѣченія ли произошли и знаки на лицѣ. Я думаю, что именно эта идея и была невольно усвоена свидѣтельствовавшими врачами, оособенно г. Чербишевичемъ, сдѣлалась предвзятою идеею и помѣшала изслѣдованію. Акты освидѣтельствованія надобно разбирать отдѣльно, потому что они между собою не сходятся. Если ихъ скучить вмѣстѣ, какъ это сдѣлано въ обвиненіи, то выходитъ какъ будто нѣчто связное, но если ихъ разобрать отдѣльно, то видно, что каждый изъ изслѣдовавшихъ врачей тянулъ въ иную сторону, такъ что въ

заключеніяхъ они расходились на неизмѣримое разстояніе. Г. Чербишевичъ, разобравъ знаки на лицѣ, раздѣлилъ ихъ, во-первыхъ, на бѣлые шрамы, рубцы; вовторыхъ, на пятна желтобурыя и желтаго цвѣта, и втретьихъ, на струпья. Рубцы на лѣвомъ вѣкѣ и лѣвой щекѣ онъ призналъ единственными знаками, которые можно отнести къ давнему времени. Онъ усмотрѣлъ желтыя и желтобурыя пятна, но не багровыя и не синебагровыя. Я долженъ замѣтить, что подобныхъ синихъ и багровыхъ пятенъ ни одинъ изъ докторовъ не находилъ. Желтыя и желтобурыя пятна г. Чербишевичъ отыскалъ на вискѣ во всю его длину, на носу, на правой щекѣ, а струпья оказались въ ноздрѣ и подъ носомъ. Всѣ эти знаки и струпья были признаны недавними. Нѣкоторые изъ этихъ знаковъ, по мнѣнію Чербишевича, весьма характеристичны, какъ несомнѣнно происходящіе отъ розогъ, именно: рубчики продольные, паралельные по всей длинѣ носа. Таково было заключеніе доктора Чербишевича, видѣвшаго дѣвочку 31-го іюля. Дней черезъ десятокъ, дѣвочку свидѣтельствовали вчетверомъ: онъ же и еще трое. Заключеніе вышло совершенно иное. Нѣкоторые изъ тѣхъ знаковъ, которые г. Чербишевичъ признавалъ недавними, отнесены къ весьма давнимъ; такъ, напримѣръ, желтое пятно на вискѣ превратилось въ рубецъ съ перламутровымъ отливомъ, образовавшійся никакъ не раньше полугода, т. е. когда дѣвочка совсѣмъ не была еще въ Петербургѣ. Знаки на переносьѣ также отнесены болѣе, чѣмъ за полгода назадъ. Ни одинъ изъ знаковъ на лицѣ не признанъ характеристичнымъ слѣдомъ отъ розогъ; одинъ только маленькій значекъ на щекѣ замѣченъ профессоромъ Флоринскимъ, какъ могшій произойти отъ розогъ, но и то не съ достовѣрностью. Не смотря на то, что вторая экспертиза была умѣреннѣе и осторожнѣе первой, она, все-таки, заходила слишкомъ далеко въ своихъ предположеніяхъ, что служитъ только доказательствомъ, какъ трудно объяснять про-

исхожденіе поврежденій по одному внѣшнему виду, а не на основаніи фактическихъ данныхъ. Доктора, осматривавшіе дѣвочку 11-го августа, предполагали, что розовые знаки на носу и щекахъ возникли недавно, между тѣмъ, впослѣдствіи узнано отъ супруговъ де-Комба, Женни Гексъ и доктора Фоконэ, что каждому изъ всѣхъ этихъ знаковъ, не исключая рубцовъ на носу и щекахъ, три или четыре года. Такимъ образомъ, что касается знаковъ на лицѣ, то изъ нихъ нѣтъ ни одного, о которомъ можно было бы сказать, что онъ произошелъ отъ удара, нанесеннаго отцомъ. Остается открытымъ вопросъ о пощечинахъ и о тѣхъ синякахъ, которые были, можетъ быть, послѣдствіемъ пощечинъ. К. давалъ пощечины ребенку; это вѣрно, онъ самъ признаетъ, что ударилъ дѣвочку по лицу раза три или четыре. Я признаю, что пощечина не можетъ считаться достойнымъ одобренія способомъ отношенія отца къ дитяти. Но я знаю также, что есть весьма уважаемыя педагогики, напримѣръ, англійская и нѣмецкая, которыя считаютъ ударъ рукой по щекѣ нисколько не тяжелѣе, а, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ предпочтительнѣе сѣченія розгами. Причины, почему пощечина считается особенно обиднымъ ударомъ, кроются въ нравахъ, въ прошедшемъ. Слѣдя въ исторіи за возникновеніемъ этого понятія, мы отыщемъ его въ тѣ времена рыцарскія, когда рыцари ходили въ шлемахъ съ забраломъ, когда ударить ихъ по лицу въ обыкновенномъ ихъ нарядѣ было невозможно, а подобные удары сыпались только на смердовъ, на вилановъ. Разбирая власть родительскую, трудно сказать, чтобъ она не доходила ни въ какомъ случаѣ до пощечины. Отъ посторонняго человѣка ударъ по лицу можетъ сдѣлаться кровною обидой, но не отъ отца. Я полагаю, что вы не можете признать мученіемъ или истязаніемъ пощечинъ, если эти пощечины не произвели видимыхъ поврежденій на лицѣ. Спрашивается: какія были послѣдствія отъ ударовъ по лицу? Въ настоящемъ случаѣ оставляли

ли они пятна или синяки на лицѣ? Еслибъ даже отъ нихъ оставались пятна, то вы слышали показаніе профессора Корженевскаго о томъ, какъ эта дѣвочка расположена къ золотухѣ и какъ при золотушномъ сложеніи, при изобиліи лимфы, самый легкій ударъ, щипокъ, простой нажимъ производятъ пятна на тѣлѣ. Вы слышали, что знаки на локтяхъ образовались почти несомнѣнно только отъ того, что ее держали за руки при наказаніи. И такъ, синяки могли произойти и отъ слабыхъ ударовъ. Но я не вижу основанія для признанія, что синяки существовали. Кто о нихъ говоритъ? Титова; но и она не видѣла синяковъ ни въ городѣ, ни на дачѣ, до 25-го іюля; она ихъ усмотрѣла будто бы только послѣ 25-го іюля. Замѣтьте, гг. присяжные, что Аграфена Титова та женщина, которая, вмѣстѣ съ Бибиной, понесла розги и бѣлье къ судебному слѣдователю; онѣ вмѣстѣ дѣйствовали, онѣ вмѣстѣ возбудили преслѣдованіе противъ К. Еслибъ эти синяки были, то ихъ видѣлъ бы кто-нибудь, кромѣ Титовой. Вспомните показанія свидѣтелей Ковалевскаго, Воловскаго, Линна, которые отвергаютъ существованіе синяковъ. Прокуроръ, чтобъ ослабить показаніе Линна, ставитъ на видъ, что Линнъ не замѣтилъ шрама на вискѣ; значитъ, онъ не внимательно относился къ дѣвочкѣ; но, гг., вѣдь шрамъ подъ волосами; замѣтить его можно только усиленно вглядываясь и отвернувъ волосы. Послѣ сѣченія, на слѣдующій день, въ субботу, 26-го іюля, у К. была гувернантка, г-жа де-Горне, дававшая уроки дѣвочкѣ и ничего похожаго на синяки не замѣтившая. Но, говорятъ, сама г-жа Жезингъ, не отрицала синяковъ на показаніи, данномъ у слѣдователя, и только теперь показываетъ противное. Я полагаю, что изъ двухъ ея показаній скорѣе можно не вѣрить тому, которое дано ею на предварительномъ слѣдствіи; правда, ей переводилъ г. слѣдователь, но, во-первыхъ, она, вѣроятно, также волновалась, какъ и теперь, то есть, была въ нервномъ состояніи, нерасполагающемъ къ то-

му, чтобы взвѣшивать слова, которыя ей читали. Во-вторыхъ, я не могу не сказать, что это слѣдствіе немного мусировано, что выведены въ немъ такія обстоятельства, которыя теперь значительно стушевались. Вотъ почему, я полагаю, что синяки на лицѣ не доказаны даже .и по показанію Жезингъ. Перехожу къ знакамъ на рукахъ и на ногахъ; эти знаки произошли просто отъ того, что ребенка держали во время наказанія. Слѣдуютъ затѣмъ знаки крови на рубахѣ и платкахъ. Кровь эта произошла самымъ естественнымъ образомъ: отъ кровотеченія изъ носу. Рубашка совершенно чиста съ задней стороны, только на груди есть нѣсколько капель; новые платки тоже усѣяны каплями. Очевидно, между кровью на рубашкѣ и на платкахъ, есть прямая, непосредственная связь. Быть можетъ, пощечины ускорили изліяніе этой крови изъ струпа золотушнаго въ ноздрѣ, но это вовсе не повреждение: кровь безъ раны и ушиба вытекла бы немного позже. Такимъ образомъ, кровь эта не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло бы расположить противъ К. Въ ту минуту, когда онъ нанесъ ударъ, онъ могъ не помнить, могъ даже не знать, что у ребенка бываетъ кровотеченіе изъ носу. Всѣ данныя о кровотеченіи собраны уже впослѣдствіи, когда слѣдствіе началось. Остаются знаки на заднихъ частяхъ тѣла. Знаки эти были изслѣдованы трижды: разъ, 29-го іюля, г. Лансбергомъ, во второй разъ, 5-го августа, однимъ г. Флоринскимъ и 11-го августа четырьмя докторами, въ томъ числѣ и, Лансбергомъ и Флоринскимъ. При всей неблагопріятности для К. мнѣнія г. Лансберга, я для защиты К. заимствую многія данныя изъ его акта, отъ 29-го іюля. Г. Лансбергъ положительно удостовѣрилъ, что на заднихъ частяхъ тѣла дѣвочки не было никакихъ рубцовъ, никакихъ разсѣченій кожи, а только темнобагровыя подкожныя пятна и таковыя же красныя полосы. Пятенъ этихъ всего болѣе было на лѣвой сѣдалищной области съ переходомъ на лѣвое же бедро.

Не найдя никакихъ травматическихъ знаковъ, никакихъ даже царапинъ, г. Лансбергъ засвидѣтельствовалъ, что полосы и пятна не представляютъ никакой опасности для жизни. Чрезъ шесть дней потомъ, 5-го августа, при осматриванiи дѣвочки профессоромъ Флоринскимъ, онъ замѣтилъ не пятна, а только полосы—однѣ поменьше, другiя побольше; но онъ вовсе не призналъ, чтобы эти полосы составляли поврежденiе, сколько-нибудь значительное, хотя и призналъ, что наказанiе было сильное, особенно въ виду того орудiя, которымъ наказывали дитя. При освидѣтельствованiи 11-го августа четырьмя докторами, они нашли на ягодицахъ розовую кожицу со слѣдами отъ отвалившихся струпьевъ, изъ чего можно бы было заключить о существованiи ранъ, еслибъ мы не имѣли акта освидѣтельствованiя дѣвочки 29-го iюля Лансбергомъ, изъ котораго несомнѣнно явствуетъ, что никакихъ ранъ не было. Происхожденiе этихъ струпьевъ всего лучше объяснилъ профессоръ Корженевскiй, изобразившiй ихъ какъ мѣстное омертвенiе кожи, которая сходила и замѣнялась новою. Это поврежденiе кожи было самое поверхностное, наружное; но, при организацiи ребенка, при множествѣ лимфатическихъ сосудовъ, сѣченiе непремѣнно должно было оставить видимые слѣды. Таково заключенiе г. Корженевскаго. Что касается вопроса о томъ, было-ли въ настоящемъ случаѣ сильное наказанiе, то, мнѣ кажется, г. экспертъ вполнѣ основательно сказалъ: это не мое дѣло разбирать — было-ли оно сильное или нѣтъ. Самъ вопросъ оказывается не медицинскимъ, а педагогическимъ, и для разрѣшенiя его посредствомъ экспертовъ, надо-бы не медиковъ, а инспекторовъ и учителей гимназiй. Медикъ не можетъ опредѣлить ни предѣловъ власти отца, ни силы неправильнаго наказанiя. Знаки на заднихъ частахъ происходятъ несомнѣнно отъ розогъ. Эти розги здѣсь; онѣ были сорваны за нѣсколько дней до наказанiя К., который хотѣлъ ими напугать ребенка, потому что тѣ мѣры, ко-

торыя употреблялъ до сихъ поръ, не производили надлежащаго впечатлѣнія на дитя. Срывая эти рябиновыя прутья, онъ, быть можетъ, не зналъ, что придется ихъ въ самомъ дѣлѣ употребить. Потомъ явилась минута гнѣва, совершенно справедливаго и законнаго, и наказаніе было произведено. Мнѣ кажется, что изъ всего слѣдствія вы не можете придти къ другому заключенію, какъ къ тому, что этимъ орудіемъ онъ наказывалъ свою дочь только разъ. Онъ самъ говоритъ, что наказалъ ее раза три въ промежуткахъ времени, довольно значительныхъ, маленькими вѣтками, которыя не могли оставить знаковъ. Наказаніе сильное, за которое судится К., наказаніе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, какъ говоритъ обвинительная власть, было только 25-го іюля. Что это было только одно наказаніе, подтверждается всѣми обстоятельствами дѣла. О предшествующихъ наказаніяхъ не можетъ быть и рѣчи. Только одна Бибина говоритъ, что дѣвочку сѣкли каждый день; но это опровергается всѣми данными, опровергается Валевскимъ, который слышалъ плачъ 3 или 4 раза, опровергается г-жею Жезингъ, всѣми находившимися въ домѣ, и несомнѣнно достаточно только взглянуть на ребенка, на его здоровый видъ, чтобы убѣдиться, что еслибы его сѣкли каждый день въ теченіи полутора мѣсяца, то дѣвочка не могла-бы быть въ такомъ видѣ. Она часто кричала на дачѣ; но она кричать горазда, она кричитъ, когда ее ставятъ въ уголъ или на колѣни. Никто не присутствовалъ при этихъ наказаніяхъ. Титова участвовала въ наказаніи только одинъ разъ, именно 25-го іюля. Чтобы покончить съ внѣшнею стороной преступленія, мнѣ остается остановиться на тѣхъ окончательныхъ выводахъ, выраженныхъ въ ученыхъ терминахъ, которые даны были гг. экспертами. Г. Лансбергъ заключилъ, что онъ считаетъ поврежденія, хотя и не угрожающими жизни, но, все-таки, *тяжкими*. Когда мы спросили, почему онъ называетъ эти поврежденія тяжкими, онъ отозвался,

что называетъ ихъ такъ по внутреннему убѣжденію, по своему субъективному взгляду, что онъ вовсе не руководствовался XIII-мъ томомъ «Свода Законовъ», притомъ, что онъ дѣлалъ судебно-медицинское освидѣтельствованіе первый разъ въ жизни. Между тѣмъ, едва-ли нужно доказывать, что признакъ *тяжкій* не въ такой степени субъективенъ, какимъ представляетъ его Лансбергъ, что онъ не зависитъ отъ личнаго взгляда, что есть нѣкоторыя общія основанія раздѣленія повреждений—на тяжкія и легкія. На эти основанія указали профессора Флоринскій и Корженевскій. Если ткань повреждена, повреждена глубоко, тогда это будетъ тяжкое повреждение; въ противномъ случаѣ—нѣтъ. Кассаціонная судебная практика, на которую ссылается обвиненіе, истолковала для руководства судамъ, что̀ считать тяжкими и легкими поврежденіями. Оказывается, что эти слова не медицинскія, а юридическія, что разграниченіе введено въ законъ для того, чтобы взыскивать строго или менѣе строго; изъ закона оно входитъ въ судебную медицину, и медики, слушая курсъ судебной медицины, изучаютъ, между прочимъ, и основанія сортировки повреждений на тяжкія и легкія. Въ классическомъ по предмету повреждений рѣшеніи 1872 года, № 1072-й, по дѣлу Локтева, уголовнаго кассаціоннаго департамента сказано, что характеристическая черта тяжкихъ повреждений заключается въ томъ, что такія поврежденія причиняютъ болѣзнь, продолжительное разстройство организма, невозможность работать въ теченіи извѣстнаго времени. Спрашивается: имѣется-ли этотъ признакъ въ настоящемъ случаѣ? Нѣтъ, его вовсе не было, его не было до такой степени, что дѣвочка на слѣдующій день играла, отбывала урокъ и никто не замѣчалъ въ ней какихъ-нибудь измѣненій; врачи, наблюдавшіе ее 29-го и 31-го іюля, не находили въ ней никакихъ болѣзненныхъ симптомовъ. Самъ г. Лансбергъ совершилъ, по моему мнѣнію, отступленіе, потому что, написавъ въ актѣ «поврежденія тяж-

кія», разъяснилъ на судѣ, что тяжкимъ разумѣлъ онъ не повреждение, а только наказаніе; словомъ, онъ вступилъ въ роль педагога, который оцѣниваетъ относительную тяжесть дѣтскихъ наказаній. Я думаю, что какъ ни разбирать дѣло, все-таки, по совѣсти вы непремѣнно придете къ тому заключенію, что поврежденія были, во всякомъ случаѣ, весьма легкія. Легкія поврежденія даже и не подходятъ подъ область дѣяній, подсудныхъ окружному суду: онѣ рѣшаются на основаніи мирового устава. Въ послѣдующихъ освидѣтельствованіяхъ, врачи, давая другія заключенія, опредѣлили эти поврежденія слѣдующимъ образомъ: они говорятъ, что это наказаніе выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Это опредѣленіе было-бы прекрасно, если-бы мы опредѣлили, что такое обыкновенное наказаніе; но коль скоро этого опредѣленія нѣтъ, то всякій затруднится сказать, выходило - ли оно изъ ряда обыкновенныхъ? Допустимъ, что это такъ; что-же это значитъ? что наказаніе это, въ большинствѣ случаевъ, есть наказаніе, непримѣнимое къ дѣтямъ; но и съ дѣтьми могутъ быть чрезвычайные случаи. Развѣ вы не допускаете, что власть отеческая можетъ быть, въ исключительныхъ случаяхъ, въ такомъ положеніи, что должна употребить болѣе строгую мѣру, чѣмъ обыкновенно, мѣру, которая не похожа на тѣ обыкновенныя мѣры, какія употребляются ежедневно? Но допустимъ, что гг. эксперты, предрѣшая уголовный вопросъ, пришли къ выводу, что г. К. во зло употребилъ отеческую власть. Въ такомъ случаѣ, судите его за злоупотребленіе властью. Но онъ судится за нѣчто совершенно иное — онъ судится за истязанія и мученія, причиненныя дитяти. Чтобы понять, откуда идетъ такая постановка обвиненія, я долженъ коснуться закона и опять той - же уголовной кассаціонной практики, на которой останавливается и обвиненіе. Въ законѣ спеціально, по предмету побоевъ въ ст. 142-й уст. о наказ. нал. мир. суд., опредѣляются насилія, вмѣщающія въ себѣ также и

легкіе побои; но затѣмъ въ уложеніи о наказаніяхъ есть на этотъ счетъ громадный пробѣлъ и говорится уже только о тяжкихъ, подвергающихъ жизнь опасности побояхъ и иныхъ истязаніяхъ, въ статьѣ 1489-й. Между этими видами преступленія, очевидно, есть промежутокъ и промежутокъ большой, потому что не всякіе тяжкіе побои подвергаютъ жизнь опасности. Бывали, между тѣмъ, случаи, когда наказывать, какъ за насиліе, представлялось бы страннымъ. Въ Тифлисѣ одинъ кавказскій князь высѣкъ больно чиновника, ухаживающаго за его женой; въ Рязани или Курскѣ товарищи отодрали подпоручика; мужъ Высоцкой мучилъ свою жену, надѣвъ на нее петлю, послѣ чего тянулъ за веревку и привязалъ эту веревку къ столу. Во всѣхъ такихъ случаяхъ не было никакой опасности для жизни, тѣмъ не менѣе, наказаніе, какъ за насиліе, было бы безсиліемъ власти. Вотъ почему сенатъ истолковалъ такимъ образомъ ст. 1489-ю, что прилагательное «подвергающія жизнь опасности» относится только къ побоямъ, а вовсе не къ истязаніямъ и мученіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, сенатъ понялъ, что понятіе истязанія и мученія слишкомъ неопредѣленное. Если я ущипну кого-нибудь, если я сожму ему сильно руку и устрою такъ, что человѣкъ ляжетъ въ кровать, наполненную насѣкомыми, и не будетъ спать всю ночь, если я другую какую-нибудь маленькую пакость сдѣлаю, то развѣ можно признать тутъ истязаніе или мученіе? Поэтому то, правительствующій сенатъ, въ тѣхъ же рѣшеніяхъ, на которыя ссылается обвинительная власть, опредѣлилъ, такимъ образомъ, съ другой стороны, что подъ истязаніемъ и мученіемъ слѣдуетъ разумѣть такое посягательство на личность или на личную неприкосновенность человѣка, которое сопровождалось мученіемъ и жестокостью. При истязаніяхъ и мученіяхъ, по мнѣнію сената, физическія страданія должны непремѣнно представлять высшую, болѣе продолжительную степень страданія, чѣмъ при обыкновенныхъ побояхъ, хотя бы и тяжкихъ. Если побои нельзя

назвать тяжкими, а истязанія должны быть тяжелѣе тяжкихъ побоевъ, если ни одинъ экспертъ не назвалъ ихъ тяжкими, кромѣ Лансберга, который самъ отказался отъ своего вывода, то, спрашивается, какимъ образомъ можно подвести это дѣяніе подъ понятіе истязаній и мученій? Я полагаю, что это не мыслимо.

Я, гг. присяжные засѣдатели, до сихъ поръ занимался только одною стороной дѣла, которая для васъ представляетъ гораздо менѣе важности, чѣмъ другая сторона, сторона внутреняя, чѣмъ мотивы, заставившіе К. дѣйствовать. Я знаю, что сенатъ въ своемъ рѣшеніи, на которое сослался представитель обвиненія, говоритъ, что цѣль собственно не важна, лишь бы только мученія были тяжкія и продолжительныя; я полагаю, что еслибъ судился здѣсь передъ вами тотъ самый человѣкъ, ради котораго было постановлено это рѣшеніе, т. е. тотъ самый князь кавказскій, который высѣкъ предполагаемаго любовника жены, то вы, все-таки, приняли бы въ соображеніе то обстоятельство, была ли злоба со стороны мучителя совершенно напрасная изъ-за одного удовольствія смотрѣть на чужія страданія, или гнѣвъ былъ справедливый, имѣвшій разумную причину. Это внутреннее побужденіе, эта жестокость не только страданія, но и жестокость сердца мучителя имѣютъ громадное значеніе, когда судится отецъ за то, что онъ жестоко наказалъ дочь—значитъ, что онъ употребилъ мѣру домашняго исправленія въ увеличенныхъ размѣрахъ. Спрашивается: была ли причина къ употребленію этой чрезвычайной мѣры? Слѣдовательно, главный вопросъ заключается не въ тѣхъ синякахъ и полосахъ на тѣлѣ, о которыхъ удостовѣряли свидѣтели, а въ соотвѣтствіи между причиной, вызвавшею наказаніе, и самымъ наказаніемъ. Если вы войдете въ разборъ этихъ причинъ, то, я полагаю, вы пожалѣете дочь, пожалѣете также и отца.

Дѣвочка, какъ вы могли видѣть сами, необыкновенно шустрая, необыкновенно понятливая, живая, вспыхивающая какъ порохъ, съ сильнымъ вообра-

женіемъ, развитая физически хорошо; правда она имѣетъ нѣкоторое расположеніе къ золотухѣ, но вообще здоровье ея въ цвѣтущемъ состояніи. Эта хорошая сторона какъ физическая, такъ и нравственная; но есть и тѣневая, нехорошая сторона, зависящая отчасти и отъ воспитанія. Она воспитывалась между мужицкими дѣтьми безъ присмотра; у де-Комба ее не перевоспитали; когда отецъ привезъ ее къ себѣ, онъ нашелъ въ ней много недостатковъ: неопрятность, неумѣнье держать себя, начатки болѣзни отъ дурной привычки, но главное, что возмущало отца—это постоянная, даже безцѣльная ложь. Правильно или неправильно, но К. считаетъ, что ложь есть мать всѣхъ пороковъ и что всѣ недостатки людей, главнымъ образомъ, происходятъ отъ того, что они неправдивы. Для него правдивость есть абсолютная обязанность безъ исключеній. Въ письмѣ, написанномъ въ іюлѣ 1871 года, къ г-жѣ де Комба задолго до того, какъ онъ взялъ дочь, онъ выражается, что ложь есть подлость ума и сердца (lacheté de coeur et d'esprit). Вотъ почему, съ первыхъ же поръ К. прежде всего старался искоренить этотъ порокъ лжи, быть можетъ, онъ принялся искоренять его слишкомъ рьяно—онъ плохой педагогъ, это онъ самъ сознаетъ. Дѣвочка, между тѣмъ, не слушается, не боится ни отца, ни Жезингъ, мало слушается и гувернантокъ. Еще пока были въ городѣ, все устраивалось какъ нибудь; но переѣхали на дачу и всѣ условія воспитанія перемѣнились къ худшему. Дача лежала между Удѣльною станціей и Парголовомъ, совершенно уединенная; отецъ пріѣзжаетъ только по вечерамъ, уѣзжаетъ утромъ; Жезингъ женщина больная, занятая леченіемъ, мало подвижная. Ребенокъ рѣзвится, бѣгаетъ къ дворнику и прислугѣ, заводитъ съ ними знакомство и подпадаетъ подъ дурное вліяніе прислуги, научается разнымъ пакостямъ, воровству. Сначала эти маленькія похищенія проходятъ незамѣтными, подозрѣваютъ другихъ, но не ее въ тасканіи вещей, замѣчаютъ только, что ребенокъ

одичалъ и выбивается изъ рукъ. Отецъ высѣкъ ее легко раза два или три, но это совсѣмъ не дѣйствовало: дѣвочка къ сѣченію привыкла еще у де-Комба. 25-го іюля пріѣзжаетъ отецъ на дачу и въ первый разъ узнаетъ сюрпризомъ, что ребенокъ шарилъ въ сундукѣ Жезингъ, сломалъ крючекъ и добирался до денегъ. Я не знаю, господа, можно-ли равнодушно относиться къ такимъ поступкамъ дочери? Говорятъ: «за чтожъ? развѣ можно такъ строго взыскивать за нѣсколько штукъ черносливу, сахару?» Я полагаю, что отъ чернослива до сахара, отъ сахара до денегъ, отъ денегъ до банковыхъ билетовъ путь прямой, открытая дорога. Это тоже самое, что привычка лгать: разъ она укоренилась, она растетъ все болѣе и болѣе, какъ тотъ дикій репейникъ, который покрываетъ поля, если его не искоренять и не полоть.

Когда обнаружилась эта дурная привычка, присоединившаяся ко всѣмъ другимъ недостаткамъ дѣвочки, когда отецъ узналъ, что она воруетъ, онъ, дѣйствительно, пришелъ въ большой гнѣвъ. Я думаю, что каждый изъ васъ пришелъ бы въ такой же гнѣвъ, и я думаю, что преслѣдовать отца за то, что онъ наказалъ больно, но по дѣломъ, свое дитя—это плохая услуга семьѣ, плохая услуга государству, потому что государство только тогда и крѣпко, когда оно держится на крѣпкой семьѣ. Благо отцу, который остановитъ свое дитя вòвремя; въ прежнее время говорили: «онъ избавляетъ сына отъ висѣлицы»—мы говоримъ въ подобныхъ случаяхъ, что отецъ избавляетъ сына отъ каторжныхъ работъ и поселенія, а дочь отъ того, чтобъ она не сдѣлалась распутною женщиною. Если отецъ вознегодовалъ, онъ былъ совершенно въ своемъ правѣ, онъ высѣкъ ее больно, сильнѣе, чѣмъ это дѣлается обыкновенно; онъ былъ выведенъ изъ себя, послѣ чего онъ зарыдалъ и упалъ на постель въ нервномъ припадкѣ. Послѣ этого кризиса, явившагося слѣдствіемъ такихъ естественныхъ причинъ, нѣтъ никакого основанія выводить заключеніе, которое дѣлается въ настоящемъ

дѣлѣ, что, еслибъ такое наказаніе повторялось чаще, и въ продолженіи болѣе долгаго времени, то оно могло бы вредно подѣйствовать на здоровье ребенка. А еслибъ оно не повторялось? Вѣдь тоже самое можно сказать и о всякомъ пріемѣ; не дать человѣку ѣсть въ теченіи 6 часовъ ничего не значитъ, но не дать ему ѣсть въ теченіи 6-ти дней, значитъ заморить его голодомъ; вырвать одинъ зубъ ничего, а вырвавъ всѣ зубы въ челюсти можно умертвить человѣка отъ одной боли. Слѣдовательно, такое заключеніе, что, еслибъ подобное наказаніе было помножено на многое число разъ, то оно произвело бы такіе то результаты, въ настоящемъ дѣлѣ ни къ чему не ведетъ, не имѣетъ никакого практическаго значенія и должно быть совсѣмъ устранено.

Я признаю, гг. присяжные засѣдатели, что К., наказывая дѣвочку сильно, больно, такъ что остались видны слѣды наказанія, совершилъ двѣ логическія ошибки, которыя отразились въ самомъ поступкѣ: во-первыхъ, онъ поступилъ слишкомъ рьяно; онъ предполагалъ, что можно однимъ разомъ, однимъ ударомъ искоренить все зло, которое посѣяно годами въ душѣ ребенка и годами взрощено. Но этого сдѣлать нельзя, надо дѣйствовать медленно, имѣть терпѣніе. Другая ошибка, что онъ дѣйствовалъ не какъ осторожный судья, т. е., что, поймавъ ребенка на кражѣ, въ которой она созналась, онъ не вошелъ въ изслѣдованіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя склонили дѣвочку къ кражѣ; онъ не разслѣдовалъ порядкомъ того, что отъ дѣвочки идетъ слѣдъ къ окружающимъ ее лицамъ; онъ просто спросилъ, почему и для кого она брала деньги. Дѣвочка отвѣчала упорнымъ молчаніемъ; потомъ уже, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, она разсказала, что хотѣла взять деньги для Аграфены. Еслибъ онъ разслѣдовалъ болѣе подробно обстоятельство кражи, онъ, быть можетъ, пришелъ бы къ тому заключенію, что ту порчу, которая вкралась въ дѣвочку, надо отнести на счетъ людей, къ ней приближенныхъ. Самое молчаніе дѣвочки свидѣтельство-

вало, что ребенокъ не хотѣлъ выдавать тѣхъ, съ которыми былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Но странна природа человѣческая; всѣ въ домѣ убѣждены, что, все-таки, послѣднее наказаніе хорошо подѣйствовало на ребенка; несмотря на то, что слѣдствіе поколебало отеческую власть К., наказаніе произвело то дѣйствіе, что она меньше лжетъ и есть надежда, что она придетъ къ большему и большему исправленію.

Въ заключеніе я позволю себѣ сказать, что, по моему мнѣнію, все обвиненіе К. поставлено совершенно неправильно, т. е. такъ, что вопросовъ, которые намъ будутъ предложены, совсѣмъ рѣшать нельзя. Я полагаю, вы всѣ признаете, что есть семья, есть власть отеческая по природѣ, а въ настоящемъ случаѣ и по закону, простирающаяся и на дѣтей незаконныхъ; вы признаете, что родители имѣютъ право и наказывать своихъ дѣтей. Я думаю, вы не можете отрицать и того, что ваша власть здѣсь на судѣ происходитъ изъ того же источника—вы производите тоже въ своемъ родѣ тѣлесное наказаніе, въ иной формѣ, соотвѣтственное болѣе зрѣлому возрасту. Слѣдовательно, отрицать власть отеческую, отрицать право наказывать такъ, чтобъ это наказаніе подѣйствовало, вы не можете, не отрицая тѣмъ самымъ своей собственной власти, власти уголовной. Отецъ судится за что же? За злоупотребленіе властью; спрашивается: гдѣ же предѣлъ этой власти? Кто опредѣлитъ, сколько можетъ ударовъ и въ какихъ случаяхъ нанести отецъ, неповреждающій при этомъ наказаніи организма дитяти? Еслибъ это было злоупотребленіе, то вы должны судить за излишекъ, за эксцесъ. Если вы судите человѣка, который, защищаясь при необходимой оборонѣ, нанесъ безъ надобности ударъ нападающему, убилъ его, развѣ вы будете судить его за убійство? Нѣтъ, вы будете судить только за эксцесъ. Если вы будете судить за обиду сильнѣйшую, которую человѣкъ нанесъ другому, обидѣвшему его, вы вычтете ту послѣднюю обиду, которую онъ самъ получилъ изъ

первой; но, въ настоящемъ случаѣ, отъ васъ требуютъ, чтобъ вы наказывали не по разницѣ, а по суммѣ, наказывали бы не за злоупотребленіе власти, не за то, что это наказаніе вышло за предѣлы обыкновеннаго, а за истязаніе, совершенное постороннимъ надъ взрослымъ человѣкомъ. Если вы вдумаетесь въ эту странную постановку вопроса, вы, гг. присяжные засѣдатели, должны будете сказать, что въ такихъ предѣлахъ вы наказывать не можете. Разъ будетъ поставленъ вопросъ объ излишкѣ, вы разрѣшите его, но если васъ заставятъ судить о суммѣ, вопросъ становится неразрѣшимымъ. Если вы станете разрѣшать вопросъ о суммѣ, то вы поступите болѣе неосмотрительно, чѣмъ поступилъ К., наказывая свою дочь. К., по крайней мѣрѣ, зналъ какія розги онъ связалъ въ пучекъ, которымъ онъ наказывалъ, и наказалъ, все-таки, такъ, что на здоровье дѣвочки это не подѣйствовало; но вы не знаете размѣра того большого, можетъ быть, желѣзнаго прута...

Предсѣдатель. Не угодно ли вамъ не упоминать относительно наказанія?

Прис. пов. Спасовичъ. Я кончилъ.

Присяжные вынесли подсудимому оправдательный вердиктъ.

18.

Дѣло поручика Всеволода Крестовскаго.

Поручикъ Всеволодъ Крестовскій обвинялся въ томъ, что 4-го апрѣля 1875 г., явившись въ квартиру присяжнаго повѣреннаго Соколовскаго, нанесъ ему съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ обиду дѣйствіемъ. Проступокъ этотъ предусмотрѣнъ 135 ст. уст. о наказ. нал. мир. суд. и 272 и прилож. къ 8 ст. воен. уст. о наказ. 1875. г.

Разбирательство дѣла происходило въ С.-Петербургскомъ военно-окружномъ судѣ 29 марта 1876 г.

Гг. судьи военно-окружнаго суда! Судебные уставы 20-го ноября 1864 г., организовавъ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, возложили на нихъ всякаго рода повинности: во 1-хъ, безвозмездное ходатайство по дѣламъ гражданскимъ для лицъ неимущихъ и во 2-хъ, безвозмездную защиту по дѣламъ уголовнымъ подсудимыхъ, которые не могли лично найти себѣ защитника. Это такая же служба, какъ воинская повинность; ее можно исполнять двояко, какъ казенщину, формально, или съ усердіемъ, влагая душу въ дѣло, употребляя всѣ усилія, чтобъ подѣйствовать на умъ и сердце судей. Я полагаю, что только тотъ, кто исполняетъ эту обязанность послѣднимъ изъ двухъ способовъ, заслуживаетъ, чтобъ его уважали, и конечно, когда кому защитникъ понадобится, а онъ можетъ понадобиться всякому, то поже-

лаютъ найти только такого защитника, который бы не дѣлалъ ни малѣйшаго различія между дѣломъ, назначеннымъ ему отъ суда по повинности, и дѣломъ, защищаемымъ имъ по соглашенію. Одно изъ такихъ дѣлъ выпало на долю присяжнаго повѣреннаго Соколовскаго— защита жены поручика Крестовскаго. Вслѣдствіе этой защиты и по поводу ея было совершено нападеніе Крестовскаго на Соколовскаго, сопровождаемое тяжкими оскорбленіями. Оправданія, которыя, вѣроятно, будутъ приведены, могутъ заключаться только въ вспышкѣ гнѣва, въ увлеченіи чувства: хотя и имѣло мѣсто то, что по закону считается оскорбленіемъ, но то, что позволилъ себѣ Крестовскій въ квартирѣ Соколовскаго, извиняется страстью; военный человѣкъ особенно чутокъ ко всему, что касается чести и въ особенности чести сословной; онъ можетъ быть оправданъ. Если его даже осудятъ на одинъ, на два дня ареста, онъ будетъ считать осужденіе торжествомъ. Не для того, чтобъ помѣшать торжеству Крестовскаго и не для того, чтобъ сказать нѣчто о мѣрахъ наказанія, явились мы сюда, но для того, чтобъ возстановить истину, раскрывая событіе въ настоящемъ его видѣ. Постараюсь доказать, что ничего подобнаго вспышкѣ гнѣва не было; что Крестовскимъ въ его дѣйствіяхъ руководилъ самый холодный разсчетъ; что если репутація его пострадала, то вовсе не отъ того, что говорилъ Соколовскій; что послѣдній тутъ былъ не причемъ; что на Соколовскомъ вымещалась та досада, которая была послѣдствіемъ факта, а не словъ Соколовскаго; что въ самомъ способѣ возстановленія репутаціи Крестовскаго посредствомъ насилія и побоевъ не было ни малѣйшей удали и ничего похожаго на геройство!

Также какъ и г. прокуроръ, я разберу факты, изъ которыхъ состоитъ настоящее разбирательство, и обращу вниманіе на дѣло о прелюбодѣяніи, разсматривавшееся 1-го апрѣля, давшее поводъ къ происшествію, случившемуся 4-го апрѣля въ квартирѣ Соколовскаго. Что касается до дѣла г-жи Крестовской и Майкова, то,

по разсужденію г. предсѣдателя, оно должно оставаться тайною; намъ не позволяли приподнимать скрывавшую его занавѣсь. Изъ тѣхъ, однако, объясненій, которыя, не смотря на запрещеніе, представлены суду сторонами, видно, что дѣло это начато какъ будто совершенно помимо Крестовскаго: онъ не являлся обвинителемъ жены, не хотѣлъ присутствовать въ судѣ; истицею для вида и формы была сестра его, г-жа Майкова; тѣмъ не менѣе, г-жа Крестовская имѣла основаніе утверждать, а за нею утверждалъ и ея защитникъ, что починъ обвиненію данъ вовсе не Майковой, а самимъ Крестовскимъ, который и былъ настоящая по дѣлу сторона. Бывъ назначенъ защитникомъ, Соколовскій вызвалъ къ себѣ В. Д. Крестовскую, которая передала ему письма мужа, прося ихъ употребить какъ орудіе защиты. Крестовскій могъ явиться и не явиться на судъ, преслѣдовать жену самъ или чрезъ другихъ, но и г-жа Крестовская имѣла право защищаться, разоблачая, кто истецъ, и оправдывая себя несчастіями жизни семейной. Способъ защиты былъ внушенъ обстоятельствами; его Соколовскій не выдумалъ, его указала защитнику его кліентка.

Когда намъ, защитникамъ, по какому нибудь дѣлу сторона предлагаетъ свой личный взглядъ на дѣло и желаніе, и говоритъ: защищайте меня такимъ-то образомъ, то защитникъ по добровольному соглашенію, еще болѣе свободенъ, нежели защитникъ, назначенный отъ суда: онъ можетъ сказать: я буду защищать васъ по моему разумѣнію, а недовольны вы, такъ пріищите другого защитника. Но этого не можетъ сдѣлать защитникъ по назначенію: онъ долженъ придерживаться системы защиты, опредѣленной показаніями кліента, онъ долженъ пустить въ ходъ доказательства, данныя ему кліентомъ. Конечно, ему не слѣдуетъ кривить душою, клеветать на невиновныхъ противъ собственной своей совѣсти, онъ не превращается въ слѣпое орудіе страстей и пожеланій своего кліента. Соколовскій, получивъ письма, не могъ ими не воспользоваться; въ томъ,

что онъ ими воспользовался, нѣтъ вины, а есть исполненіе долга. Независимо отъ употребленія писемъ не клеветалъ ли онъ на Крестовскаго? — вотъ что важно знать. Соколовскій, какъ вы слышали по дѣлу, защищая г-жу Крестовскую, дѣйствительно отозвался неодобрительно о поведеніи ея мужа; онъ объясняетъ ея паденіе несчастно сложившимися семейными обстоятельствами, въ доказательство чего читалъ выдержки изъ писемъ и приводилъ ихъ до тѣхъ поръ, пока ему не сказали: довольно. Еслибъ онъ ради какихъ нибудь постороннихъ соображеній, напримѣръ, чтобы не раздражить противъ себя Крестовскаго, чтобъ не имѣть отъ постороннихъ лицъ непріятностей, не воспользовался бы письмами или передалъ ихъ, ослабляя ихъ значеніе, то онъ поступилъ бы недостойно, потому что въ нашемъ сословіи есть также своего рода правила, своего рода отвага и она заключается въ томъ, чтобъ говорить прямо правду, называть вещи по имени: мерзость — мерзостью, порокъ — порокомъ и не уступать при изобличеніи зла «страха ради іудейска».

Но излагая факты, какъ они дѣйствительно были, можно прибавить кое что незначительное и отъ себя, пустить въ нихъ ѣдкую насмѣшку, можно даже глумиться — c'est le ton, qui fait la chanson. Спрашивается, не прибавилъ ли Соколовскій этого тону, не старался ли поднять на смѣхъ Крестовскаго? — Нѣтъ, вовсе нѣтъ. Мать Крестовскаго и его друзья говорятъ, правда, что Соколовскій глумился. Но они пояснить не могутъ, въ чемъ состояло глумленіе. Напротивъ того, лица, бывшія въ засѣданіи и передающія смыслъ рѣчи и общее ея содержаніе, утверждаютъ, что защита была ведена какъ нельзя болѣе серьезно; если иногда у Соколовскаго выражалось негодованіе—то негодованіе строгаго моралиста. Наконецъ, Соколовскій, и это неподлежитъ сомнѣнію, это видно изъ показаній предсѣдателя и членовъ суда, не только не касается Крестовскаго, какъ литератора, какъ человѣка, не говоря уже о немъ,

какъ о военномъ, но онъ просто заявилъ, что будетъ разбирать дѣйствія Крестовскаго, не какъ человѣка, а только какъ дурнаго мужа и семьянина. Если въ самомъ дѣлѣ Крестовскій, какъ онъ заявилъ при слѣдствіи, не оскорбляется тѣмъ, что про него говорятъ, какъ про человѣка и какъ про литератора, то главный вопросъ, имѣющій большое значеніе въ судѣ военномъ, въ виду особенностей того сословія, къ которому принадлежитъ Крестовскій, можетъ состоять только въ томъ, что не задѣлъ ли Соколовскій чѣмъ нибудь военнаго мундира, не смотря на свою оговорку.

Господа судьи, когда на судѣ за спиною защитника сидитъ подсудимый, кліентъ и защитникъ составляютъ какъ бы одно лицо и что сказалъ защитникъ считается сказаннымъ кліентомъ, но не наоборотъ, когда судятъ защитника надобно разобрать, что сказалъ онъ и что сказалъ его кліентъ, судятъ защитника только за то, что произнесено имъ самимъ. Кліенткѣ Соколовскаго, г-жѣ Крестовской, предоставлено было послѣднее слово, въ которомъ она дѣйствительно касалась мужа и изображала его добивающимся развода ради успѣха по службѣ—*карьеристомъ*. Ее на этомъ и остановили. Если судъ остановилъ г-жу Крестовскую, то тѣмъ болѣе остановилъ бы онъ Соколовскаго, еслибъ сей послѣдній сталъ говорить нѣчто подобное. Изъ всѣхъ свидѣтелей одинъ присяжный повѣренный Ашебергъ утверждаетъ противное, но онъ видимо смѣшиваетъ сказанное Крестовскою съ тѣмъ, что сказано Соколовскимъ. Я объясняю это противорѣчіе Ашеберга съ показаніями судей только тѣмъ, что г. Ашебергъ въ то время напрягалъ всѣ свои мозговыя силы, чтобъ подготовить отвѣтъ по содержанію читанныхъ писемъ, съ которыми онъ не былъ до того знакомъ; легко допустить, что при этихъ условіяхъ и Ашебергъ смѣшалъ лица и сказанное г-жею Крестовскою отнесъ къ Соколовскому. Соколовскій ничего подобнаго не говорилъ, никакихъ цѣлей, никакихъ побужденій, заставившихъ Крестовскаго начать это дѣло чрезъ сестру, онъ не приводилъ; онъ

объяснялъ только прошедшее, какъ оно сложилось; онъ приводилъ только факты; общее построеніе его рѣчи извѣстно. Спрашивается, въ какомъ мѣстѣ рѣчи могла найти мѣсто фраза, которую ему приписываютъ объ арміи, гвардейской поверхности и щепетильности насчетъ гвардейскаго достоинства.

Свидѣтели подраздѣляются на два лагеря: съ одной стороны—мать, братъ Крестовскаго, полковникъ Качаловъ; съ другой—всѣ остальные свидѣтели, кромѣ одного только Ашеберга, о которомъ уже я высказалъ свое мнѣніе. Которая изъ двухъ партій права? Я думаю, что хотя я не могу не уважать Качалова, какъ полковника, но я вправѣ имѣть свободное мнѣніе о немъ, какъ о свидѣтелѣ, и если я, сравнивая показанія свидѣтелей, докажу, что показаніе Качалова не согласно съ обстоятельствами дѣла, то могу вывести заключеніе, что показаніе его не согласно съ истиною. Что касается до матери и брата, то они стоятъ слишкомъ близко къ подсудимому, чтобы на нихъ можно было полагаться; они по закону свидѣтели безприсяжные, они по всѣмъ законодательствамъ свидѣтели ненадежные, показанія ихъ вообще имѣютъ достовѣрность относительную. Я полагаю, что знаменитая фраза, на которой все держится, никогда не была произнесена. Она опровергается всѣми остальными свидѣтелями, кромѣ Качалова: Савицкимъ, Сосновскимъ, Костровицкимъ, она категорически отвергается тремя судьями. Во-вторыхъ, запамятованіе ея противно мнемоникѣ, или законамъ дѣятельности памяти. Вообще умъ нашъ такъ устроенъ, что схватываетъ и удерживаетъ общій смыслъ событій, общіе факты, но не въ состояніи уловить всѣ подробности; вотъ почему когда спрашиваютъ много свидѣтелей и когда они передаютъ сказанное каждый по-своему иными словами, то мы довольствуемся тѣмъ, что общій смыслъ сказаннаго одинаковъ въ показаніяхъ, но если они одинаково повторяютъ одну только фразу, не помня общаго построенія рѣчи, то слѣдуетъ заключить, что они эту фразу вытвердили наизусть, а не передаютъ свои

впечатлѣнія. Умъ нашъ слѣдитъ зорко: выдвигается подробность, онъ запомнилъ откуда она вытекаетъ; вниманіе его поражено рѣзкостью фразы, слушатель еще съ большимъ вниманіемъ будетъ наблюдать къ чему поведетъ въ концѣ концовъ поразившая его мысль, но никогда не бываетъ, чтобы одна отдѣланная, отчеканенная фраза запала въ память, а все остальное ушло въ туманъ. Третій мой доводъ тотъ, что обличаемая фраза была въ рѣчи Соколовскаго совсѣмъ не кстати: ни къ селу, ни къ городу. Если Соколовскій билъ на отношенія семейныя, то въ его интересахъ было устранить все постороннее и незачѣмъ было трогать Крестовскаго съ другой стороны. Наконецъ, четвертое мое доказательство то, что вся фраза смысла человѣческаго не имѣетъ; я дѣйствительно удивляюсь ей, я въ ней нѣкоторыхъ словъ совсѣмъ не понимаю, напримѣръ—«гвардейская поверхность». Если бы, не смотря на безсмысленность, доискиваться въ ней тенденціи, то это такая тенденція, которая могла бы быть вложена только человѣкомъ близко стоящимъ къ военному быту и службѣ; но никакъ не статскимъ, какъ Соколовскій. Соколовскій никогда не заглядывалъ въ формулярный списокъ Крестовскаго, онъ не интересовался его чинами и производствомъ, если для него могло быть что нибудь противное въ Крестовскомъ, то какъ въ писателѣ. Крестовскій самъ говоритъ, будто бы они принадлежатъ къ двумъ враждебнымъ лагерямъ. Что же удивительнаго съ точки зрѣнія Соколовскаго, какъ литератора, что Крестовскій могъ быть изъ арміи переведенъ въ гвардію; онъ военный беллетристъ, исторіографъ полка, человѣкъ въ извѣстной степени съ талантомъ; такихъ титуловъ достаточно, чтобы получить отличіе. Наконецъ, замѣтимъ, что вся эта фраза такъ построена, что въ ней исчезаетъ Крестовскій, какъ человѣкъ, скрывается Крестовскій, какъ литераторъ, а остается только офицеръ гвардейскаго полка. Если приставите эту фразу къ фразѣ Крестовскаго: «Я не оскорбляюсь какъ человѣкъ, какъ литера-

торъ, но оскорбляюсь только какъ военный», то придете къ убѣжденію, что обѣ фразы и приписываемая Соколовскому и высказанная Крестовскимъ, прилегаютъ плотно одна къ другой, и что первая изъ нихъ не могла быть произнесена Соколовскимъ. Если она не произнесена Соколовскимъ, то надо заключить, что Соколовскій во всю эту исторію попалъ «какъ куръ во щи», что защита его было обязательная, что онъ не могъ вести ее иначе, что ее повелъ бы такимъ точно образомъ всякій, что будь на мѣстѣ Соколовскаго я, или каждый изъ насъ, то и съ нимъ бы случилась таже непріятность, какъ и съ Соколовскимъ.

Таковы начала, по которымъ слѣдуетъ судить о событію. Я приступаю теперь къ самому событію и долженъ разъяснить его, во 1-хъ, относительно мотивовъ, которые должень былъ имѣть Крестовскій, чтобы нанести оскорбленіе Соколовскому, и во 2-хъ, относительно подробностей самаго оскорбленія, такъ какъ по свидѣтельству многихъ самыхъ достовѣрныхъ свидѣтелей никакой фразы о военномъ званіи Крестовскаго Соколовскій не произнесъ. Слѣдовательно, Крестовскій, какъ военный человѣкъ, не имѣлъ повода оскорбиться рѣчью Соколовскаго. Ему могло быть непріятно все и сказанное и прочитанное только какъ человѣку вообще. Онъ могъ быть увѣренъ, что дѣло, его касавшееся не сдѣлается достояніемъ публики, потому что оно производилось при закрытыхъ дверяхъ; тѣмъ не менѣе, онъ долженъ былъ опасаться, что кое что изъ этого дѣла просочится, дойдетъ до товарищей, до начальства, потому что на судѣ присутствовали нѣкоторые изъ военныхъ, изъ товарищей, которые все слышали и наблюдали. Присутствовавшіе при судоговореніи по всей вѣроятности, какъ непривычные, не отдѣляли въ умѣ своемъ доказательствъ Соколовскаго отъ его выводовъ и соображеній. Къ такимъ слушателямъ, я полагаю, можно причислить и Качалова.

Когда товарищъ слышитъ о товарищѣ на судѣ какую нибудь непріятную новость,—онъ не разбираетъ, гдѣ

кончается доказательство, гдѣ выводъ, ему свойственно заступиться за товарища, предположить, что его оклеветали, обратиться къ нему и сказать:—о тебѣ дурно говорили, тебѣ надо отстоять свою честь. Къ Крестовскому не могли не обратиться съ такими предложеніями близкія ему лица, какъ Качаловъ; очень вѣроятно, что Крестовскій вслѣдствіе этихъ сообщеній находился подъ извѣстнымъ психическимъ давленіемъ и долженъ былъ предвидѣть, что если онъ не оскорбится, не приметъ къ сердцу, что о немъ было говорено, то его будутъ меньше уважать и сочтутъ тряпкою. Я глубоко убѣжденъ, что въ глубинѣ души Крестовскій не могъ оскорбиться тѣмъ, что говорилось Соколовскимъ, потому что оно было сказано по обязанности званія, но ему по военному положенію подобаетъ счесть себя оскорбленнымъ. Какимъ путемъ искать удовлетворенія? Путь этотъ уже былъ намѣченъ г. прокуроромъ.

Между людьми порядочными извѣстно, какъ искать удовлетворенія: обыкновенно требуются объясненія отъ произнесшаго оскорбительныя слова; объясненія эти требуются не посредствомъ личнаго свиданія, которое большею частію раздражаетъ, но чрезъ посредниковъ, чрезъ пріятелей, которые поѣдутъ, разузнаютъ. Я допускаю, что, если обида слишкомъ велика, можно оскорбиться, начать съ того, чтобы расправиться съ противникомъ но тотъ, кто оскорбилъ, если онъ человѣкъ, дѣйствительно понимающій честь, и рыцарь,—долженъ предоставить обиженному удовлетвореніе и выйти съ нимъ на дуэль. Вотъ тотъ путь, по которому надлежало бы слѣдовать Крестовскому. При слѣдованіи по этому пути дѣло могло всесторонне разъясниться. Тѣ товарищи, которые явились бы къ Соколовскому, узнали бы, что онъ говорилъ, и репутація Крестовскаго была бы либо очищена, либо открылось бы, что она запятнана не тѣмъ, что Соколовскій говорилъ но обстоятельствами дѣла. Подобный исходъ былъ явно не выгоденъ. Во всякомъ случаѣ дуэль неудобна еще и потому, что не можетъ не

повредить служебному положенію лица, что портитъ его карьеру. Такимъ образомъ, Крестовскому предстояло разрѣшить слѣдующую задачу: придумать средство. которое и репутацію его возстановило бы, и служебную карьеру его не испортило. Средство найдено вполнѣ подходящее, хотя весьма не рыцарское: сначала побить Соколовскаго, потомъ сказать, что онъ военный мундиръ порочилъ, и явиться такимъ образомъ предъ товарищами и начальствомъ мстителемъ за этотъ мундиръ.

Вотъ тѣ настоящіе мотивы, которые руководили Крестовскимъ при совершеніи обиды; мотивы всѣ построены на фразѣ; фраза эта не была произнесена Соколовскимъ, фразу эту не могъ произнести Соколовскій. Если ее разобрать, то нельзя не сознаться, что она искусно придумана, что на военныхъ она могла подѣйствовать: въ ней заключается, во 1-хъ, то, что будто бы Крестовскаго, какъ военнаго, порочили; во 2-хъ, то, что будто бы Соколовскій выражался презрительно о чести мундира, что онъ отрицаетъ всякую особенную честь, а слѣдовательно, и военную, всякую честь кромѣ общечеловѣческой. Что касается до перваго положенія, то я думаю, что никакое сословіе, гг. судьи, не можетъ оскорбиться только тѣмъ, что нѣчто дурное сказано о комъ либо изъ его членовъ. Мы всегда отличаемъ званіе и носящаго это званіе,—власть и человѣка, имѣющаго эту власть. Правда, есть и противоположныя, понятныя попытки смѣшивать оба понятія, напр. когда говорятъ дурно о духовномъ лицѣ, то оно расположено доказывать, что въ его лицѣ оскорблена сама религія и т. п. Но вообще на этотъ аргументъ немногіе дадутъ себя поймать и надобно доказать, что именно порочили человѣка, какъ военнаго, только потому, что онъ носитъ военный мундиръ. Приписывать эту мысль не только Соколовскому, но кому бы то ни было изъ насъ, я полагаю, до такой степени странно, лишено основанія, что подобное обвиненіе просто нелѣпо. Въ Россіи, гдѣ военное званіе въ такомъ почетѣ, гдѣ большая часть славы

народной есть слава военная, гдѣ образованіе военное поставлено на высокую степень развитія, гдѣ съ давняго времени лира браталась съ мечемъ, гдѣ изъ военныхъ были замѣчательнѣйшіе поэты и писатели: Жуковскій, Лермонтовъ, Чаадаевъ, Левъ Толстой... ни съ чѣмъ было-бы несообразно и просто безсмысленно попрекать человѣка тѣмъ, что онъ носитъ мундиръ. Соколовскій не могъ этого говорить. Что касается до другого положенія, т. е. до отрицанія военной чести, то я думаю, что и честь военнаго имѣетъ корнемъ и основаніемъ человѣческое достоинство вообще; но понятно, что въ каждомъ сословіи общія понятія о чести окрашиваются свойственнымъ сословію колоритомъ, а это всего ближе должно быть извѣстно именно намъ, имѣющимъ свою особую корпорацію и дорожащимъ ея честью. Есть честь военная и она должна быть, во 1-хъ, вслѣдствіе сильной сплоченности этого сословія и солидарности его членовъ; военные люди имѣютъ свой нравственный кодексъ, гораздо болѣе требовательный, чѣмъ общія правила; во 2-хъ, потому, что обязанность жертвовать жизнью, слѣдовательно самымъ дорогимъ, что человѣкъ имѣетъ, для цѣлей государства, налагаетъ на военнаго особую печать. Сословіе есть хранитель чувствъ рыцарства, благородства и оно выбрасываетъ изъ себя всѣхъ людей недостойныхъ, которые оказываются, что этими чувствами не воодушевлены. Вотъ почему вся фраза не могла выйти изъ устъ Соколовскаго, очень хорошо понимающаго значеніе сословной чести; но эта фраза могла произвести на мало разборчивыхъ свой эфектъ. Перехожу къ самому событію. Являются трое офицеровъ, участвуютъ въ расправѣ, которую я долженъ назвать кулачной; кулачный бой, драка, грубое насиліе — дѣйствія неприличныя, непохвальныя, отталкивающія. Чтобы прикрыть безобразіе, скрасить его — принимаются мѣры, придумываются предлоги и поводы, заключающіеся въ слѣдующемъ: сочиняется записка, предлагаемая будто-бы Соколовскому

для подписанія. Говорятъ, что если-бы Соколовскій ее подписалъ, то тѣмъ все-бы и кончилось; во-вторыхъ, изобрѣтается фраза: «мы пріѣхали съ самыми мирными намѣреніями»; въ третьихъ, измышляется грозное положеніе, которое будто-бы принялъ Соколовскій, скрываясь за стулъ, и которое имѣло послѣдствіемъ ту вспышку гнѣва, которая разразилась ударомъ. Все это—предлоги. Нельзя не видѣть, что эти обстоятельства заранѣе подготовлены. Записка писалась 3-го апрѣля; такъ какъ въ ней нѣтъ ни слова о мундирѣ, о военной чести, то можно заключить, что еще 3-го апрѣля не додумались до фразы о гвардейскомъ достоинствѣ. Мысль, которая руководила составителями записки, была та, что Крестовскій оскорбленъ, какъ человѣкъ и что повредили его доброму имени и чести; мало того,—эта записка такого рода, что я не думаю, чтобы человѣкъ честный, благородный, уважающій чужое достоинство, какъ свое собственное, рѣшился предложить подписать другому лицу такую бумажку. Она могла подѣйствовать на труса; но человѣкъ, сколько нибудь уважающій себя, не могъ ее подписать: подписывая ее, Соколовскій нарушилъ бы свою обязанность, какъ защитникъ; такъ какъ надо было подписать, что онъ дозволилъ себѣ недостойную выходку, надо было написать, что говорилъ то, на произнесеніе чего онъ не имѣлъ юридическаго права. Коль скоро говорилъ на судѣ,—стало быть имѣлъ это право... Никакой благородный человѣкъ не могъ подписать такую бумажку, а слѣдовательно и предлагать кому нибудь подписать ее—значитъ наносить обиду, все равно, что ударить кулакомъ. Эта бумажка не играетъ никакой роли при объясненіяхъ съ Соколовскимъ; она написана, но предъявлена не была; она не показывалась, она подана только въ комендантскомъ управленіи. Затѣмъ, что касается до миролюбивыхъ намѣреній, то свидѣтели — спутники впадаютъ въ противорѣчіе: Качаловъ говоритъ, что сначала было предложено объясниться, а потомъ были произнесены слова о миролюбивыхъ намѣреніяхъ, а Невѣровъ

говоритъ, что Крестовскій началъ съ миролюбивыхъ намѣреній и потомъ пытался объясняться. Я полагаю, что когда врываются въ чужое жилище безъ спросу, когда пристаютъ къ человѣку, занятому дѣломъ,—миролюбивыя намѣренія звучатъ какъ иронія, какъ злая насмѣшка ихъ можно принять за шутку, но ни за что другое. Наконецъ, что касается до угрожающаго положенія Соколовскаго, то кресла были велики, ихъ поднять было нельзя; Качаловъ допускаетъ, что они не были подняты. Всякій знаетъ, что идти за брустверъ,—значитъ защищаться, а не нападать. Это угрожающее положеніе только предлогъ: безъ вызова, безъ неприличныхъ словъ со стороны Соколовскаго, Крестовскій нанесъ ему или пытался нанести ударъ. Желаніе оскорбить, нанести тяжелую обиду Соколовскому у Крестовскаго было столь сильно, что онъ повторяетъ тоже оскорбленіе безъ всякаго вызыва символически, бросивъ перчатки въ лицо. Для меня не имѣетъ никакого значенія вопросъ, былъ-ли нанесенъ ударъ Соколовскому или нѣтъ, остановленъ-ли былъ Крестовскій или нѣтъ; ударъ можетъ быть нанесенъ всякому. Свидѣтель Алаевъ утверждаетъ, что удара нанесено не было. Во всякомъ случаѣ Крестовскій старается усилить оскорбленіе, утверждая, что нанесъ ударъ и въ добавокъ къ похвальбамъ обнажаетъ саблю до половины. Такъ какъ обида нанесена Соколовскому за исполненіе имъ обязанностей его званія, то Соколовскій не могъ отнестись къ ней иначе, какъ сказавъ, что онъ не будетъ драться, что у него личныхъ счетовъ съ Крестовскимъ не можетъ быть. Тутъ кончается сторона героическая и начинается практическая: стремленіе обезпечить себѣ плоды побѣды; не даютъ времени Соколовскому одуматься, не останавливаются на томъ, что онъ, можетъ быть, несмотря на сказанное сгоряча, потребуетъ поединка; спѣшатъ оповѣстить великое событіе, сдѣлать его всюду извѣстнымъ. Пришли въ квартиру человѣка, оскорбили его и затѣмъ ѣдутъ разглашать въ комендантское управ-

леніе, доводятъ до свѣдѣнія начальства и стараются оправдаться случаемъ, что Соколовскій оскорбилъ военный мундиръ и потому побитъ. Обида является только военной; литераторъ и человѣкъ скрывается за офицеромъ. Я полагаю, что весь способъ передачи событія есть ничто иное, какъ маска, что Крестовскій, не будучи оскорбленъ, какъ военный, достигалъ посредствомъ своихъ заявленій о своемъ подвигѣ цѣлей для него полезныхъ, выгодъ прямыхъ, средствомъ непохвальнымъ. Кончикъ маски приподнятъ и вы, господа судьи, разглядите за нею настоящее лицо.

Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ судьямъ, и полагаю, что вы оцѣните этотъ поступокъ Крестовскаго. Вы члены великой судебной организаціи, которая простирается не только на войско, но и на весь народъ. Лучшія воспоминанія нашей дѣятельности связаны съ вашимъ судомъ. Говорить вамъ о правосудіи было бы излишне. Я все сказалъ, что было у меня на душѣ.

С.-петербургскій военно-окружный судъ, признавъ поручика Крестовскаго виновнымъ въ нанесеніи обиды дѣйствіемъ присяжному повѣренному Соколовскому, происшедшей вслѣдствіе неприличнаго обращенія съ нимъ пр. пов. Соколовскаго въ его квартирѣ, постановилъ: подвергнуть Крестовскаго аресту на гауптвахтѣ на двѣ недѣли; по обвиненію же его въ нанесеніи обиды дѣйствіемъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ считать по суду оправданнымъ.

19.

Дѣло о злоупотребленіяхъ въ московскомъ коммерческомъ ссудномъ банкѣ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Даніилъ Шумахеръ преданъ былъ вмѣстѣ съ многими другими лицами суду московскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію:

1) въ томъ, что, состоя товарищемъ предсѣдателя московскаго коммерческаго ссуднаго банка и будучи обязанъ уставомъ банка управлять дѣлами банка, снабжать директора-распорядителя подробною инструкціею по исполненію всѣхъ возложенныхъ на него обязанностей, ревизовать дѣйствія правленія и повѣрять кассу банка, опредѣлять товары и процентныя бумаги, подъ залогъ которыхъ могутъ быть производимы ссуды, подробно разсматривать вопросы по операціямъ, выходящимъ изъ ряда текущихъ, и наблюдать за размѣромъ покупки и продажи бумагъ, правительствомъ не гарантированныхъ — нѣкоторыхъ изъ обязанностей сихъ вовсе не исполнялъ, а къ другимъ относился до крайности нерадиво и тѣмъ далъ Ландау, Полянскому и Струсбергу возможность совершить преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя 13, 1154, 1155, 373 и 354 ст. улож. о наказ.; каковыя дѣйствія Шумахера предусмотрѣны 1154, 404, 351 и 360 ст. улож. о наказ.

2) въ томъ, что, узнавъ, 5-го и 6-го октября 1875 года, о противозаконной выдачѣ Струсбергу около семи милліоновъ изъ ввѣренныхъ банку суммъ и о послѣдовавшей отъ того утратѣ не только всего складочнаго капитала, но и значительной части суммъ вкладчиковъ, а также о невѣрности отчета на 1-е октября 1875 года — онъ, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же пріостановить банковыя операціи распорядился продолжать ихъ и продолжалъ до 11-го октября, скрывая истинное положеніе дѣлъ банка отъ публики, введенной въ заблужденіе напечатаннымъ въ газетахъ невѣрнымъ отчетомъ на 1-е

октября 1875 года: такими дѣйствіями: а) допустилъ уменьшеніе оставшихся въ банкѣ къ 5-му и 6-му октября капиталовъ, составлявшихъ общую собственность кредиторовъ банка и подлежавшихъ соразмѣрному между ними распредѣленію выдачей вкладовъ полнымъ рублемъ многимъ лицамъ, по преимуществу такимъ, которыя стояли въ дружескихъ, родственныхъ или вообще въ близкихъ отношеніяхъ къ членамъ совѣта и правленія банка и между прочимъ къ нему, Шумахеру, съ нарушеніемъ при этомъ правилъ, установленныхъ для выдачи по чекамъ; б) вовлекъ лицъ, внесшихъ свои вклады послѣ 5-го октября, въ невыгодныя для нихъ по имуществу сдѣлки, и в) далъ возможность нѣкоторымъ членамъ совѣта московскаго коммерческаго ссуднаго банка сбыть чрезъ посредство другихъ лицъ принадлежавшія имъ и переведенныя на предъявителя акціи банка по высокой цѣнѣ, тогда какъ эти акціи не имѣли уже никакой цѣнности. Дѣйствія эти предусмотрѣны 1155, 1688, 1665, 1666 и 1198 ст. улож. о наказ.;

3) въ томъ, что съ цѣлью не потерять дивиденда на акціяхъ банка, не подвергнутыя отвѣтственности за нарушеніе § 11-го п. *і* устава банка и скрыть отъ публики критическое положеніе дѣлъ, подложно и въ явное нарушеніе § 62-го устава банка, составилъ отчеты за 1873 и 1874 годы и достигъ утвержденія ихъ общими акціонерными собраніями, заранѣе образовавъ составъ таковыхъ искуственно, въ явное нарушеніе устава банка. Эти преступныя дѣянія предусмотрѣны 1154 и 362 ст. улож. о наказ.

Разборъ дѣла происходилъ въ московскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей съ 2-го октября по 2-е ноября 1876 года.

Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей Шумахеръ признанъ виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія, лишь въ томъ, что онъ, послѣ 5-го и 6-го октября 1875 года, сознавая, что для полнаго удовлетворенія своихъ кредиторовъ банкъ не будетъ имѣть средствъ, воспользовался должностью члена совѣта для полученія вклада полностью и поспѣшилъ взять его изъ банка. Московскій окружный судъ, въ силу рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, *опредѣлилъ:* лишивъ Шумахера, всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ правъ и преимуществъ, заключить его въ тюрьму на одинъ мѣсяцъ.

Рѣчь въ защиту Д. Д. Шумахера, произнесенная въ засѣданіи уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената 10-го апрѣля 1877 года.

Изъ ряда всѣхъ дѣлъ, которыя создавала жизнь русская въ области уголовной въ одиннадцатилѣтній пе-

ріодъ существованія судебныхъ уставовъ, дѣло московскаго коммерческаго ссуднаго банка выдѣляется какъ великанъ, какъ колоссъ, какъ Левіаѳанъ, до того оно сложно, вѣтвисто, до того оно подавляетъ совимъ объемомъ, до того оно неудобно для обработки, трудно для переработки. Страшно подумать о томъ, что станется, если придется его возобновить, и если придется подвергать новому испытанію совѣсть настоящихъ мучениковъ по настоящему дѣлу, присяжныхъ засѣдателей, если по уничтоженіи всей массы труда, потраченнаго на созданіе постановленнаго присяжными приговора, который былъ вообще принятъ сочувственно, какъ приговоръ справедливый, придется опять вытряхивать все дѣло и подымать опять столбомъ на всю Россію улегшуюся отъ него пыль! Эти соображенія, которыхъ недостатокъ заключается не въ томъ, что они утилитарныя, но въ томъ, что они не глубокія, поверхностныя, не могутъ имѣть особаго значенія, разсматриваемыя съ той высоты, на которой стоитъ у насъ кассаціонное производство. Во всякомъ дѣлѣ есть два элемента: мѣняющееся ихъ существо, сторона индивидуальная, и общія, коренныя начала права, установленныя не на сегодня или завтра, но на долгія времена и врученныя вамъ, господа сенаторы, какъ хранителямъ, съ тѣмъ, чтобы вы заботились о томъ, чтобы эти свѣтильники не погасли и чтобы за отсутствіемъ ихъ не наступило въ области суда того колебанія и шатанія по дуновенію вѣтра, во избѣжаніе которыхъ и установлено кассаціонное производство. Для кассаціонной инстанціи не существуетъ различія дѣлъ большихъ и малыхъ, при томъ при всякомъ почти вторичномъ разсмотрѣніи дѣла послѣ отмѣны прежняго рѣшенія количественное разсмотрѣніе дѣла уменьшается, нѣкоторые спорные пункты уже окончательно упразднены, потому что цѣлые отдѣлы прежняго рѣшенія не опротестованы и не обжалованы. Итакъ мы, участвующіе въ состязаніи въ кассаціонной инстанціи стороны, приступаемъ къ исполненію нашихъ

обязанностей съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, что ни величина дѣла, ни нежеланіе трогать установившійся фактъ не удержатъ правительствующій сенатъ отъ кассаціи, если только попраны въ рѣшеніи коренныя начала права. У многихъ изъ насъ защитниковъ и подсудимыхъ есть общіе кассаціонные поводы, о которыхъ каждый вѣроятно скажетъ по нѣскольку словъ, избѣгая повтореній уже высказаннаго товарищами, и есть свои особенные кассаціонные мотивы, соотвѣтствующіе особенному положенію въ дѣлѣ ихъ кліентовъ, мотивы, которые придется развить съ большею подробностью и обстоятельностью. Для всѣхъ бывшихъ членовъ совѣта банка общимъ вопросомъ является вопросъ объ ихъ имущественной отвѣтственности за дѣянія, по которымъ они присяжными оправданы. Съ этого вопроса я и начну защиту Шумахера, какъ члена совѣта, за послѣдствіе незакрытія банка совѣтомъ въ теченіи почти недѣли съ 5-го по 11-е октября 1875 года. При выполненіи этой части задачи я озабоченъ больше всего тѣмъ, чтобы вѣрно поставить вопросъ и потомъ разрѣшить его дедуктивно, исходя изъ коренныхъ безспорныхъ началъ права и наблюдая, чтобы и въ цѣпи умозаключеній была полная непрерывность, чтобы безъ пропусковъ и скачковъ вытекало изъ наиболѣе общихъ началъ права прямое заключеніе о томъ, чему слѣдуетъ быть или не быть, какъ послѣдствію фактовъ, закрѣпленныхъ приговоромъ присяжныхъ засѣдателей.

Въ Москвѣ существовалъ коммерческій ссудный банкъ; въ банкѣ этомъ былъ совѣтъ, какъ всѣ подобныя установленія, недѣятельный и движущійся у правленія банка на буксирѣ. Присяжные укрѣпили своимъ приговоромъ неоспариваемый нынѣ никѣмъ фактъ, что до 5-го октября 1875 г. члены совѣта не знали ровно ничего о состояніи дѣлъ банка, объ неминуемомъ крахѣ, объ истощеніи всего вкладочнаго капитала банка и части капитала вкладчиковъ. Съ 5-го по 11-е октября слѣдуетъ промежутокъ, въ теченіе котораго положеніе

дѣлъ банка раскрылось и онъ *могъ-бы быть закрытъ, но не былъ закрытъ.* Въ теченіе этой роковой недѣли совершалось то, что прокуратурѣ московской угодно было назвать мародерствомъ, грабежемъ мертваго тѣла банка. Въ уставѣ имѣется § 66, предписывающій обязательно закрытіе банка, когда его вкладочный капиталъ истощится или уменьшится ниже извѣстныхъ предѣловъ. Въ этомъ § не опредѣлено, кто долженъ закрыть банкъ въ предусмотрѣнномъ случаѣ: правленіе, совѣтъ или только общее собраніе акціонеровъ. Вопросъ этотъ споренъ и выясненъ онъ быть не могъ и не можетъ присяжными засѣдателями. Какъ-бы то ни было совѣтъ бездѣйствовалъ, колебался, посылалъ въ Петербургъ съ челобитною къ министру финансовъ. Какъ-бы то ни было между бездѣйствіемъ совѣта и тѣмъ, что произошло въ эти дни (5—11 октября) была прямая *причинная* связь, удостовѣренная въ отвѣтахъ на вопросы 43 — 46 присяжными, приговоръ которыхъ можетъ быть изображенъ въ слѣдующей формѣ: если-бы банкъ закрытъ былъ 5-го октября по распоряженію совѣта, то не было-бы выдачи вкладовъ на 2.400,000 руб., не было-бы пріема вкладовъ и продажи акцій на биржѣ; такъ какъ банкъ закрытъ не былъ, то всѣ исчисленныя обстоятельства осуществились. Смыслъ отвѣтовъ совершенно ясенъ, но форма вопросовъ неправильна и нелогична. «Совѣтъ, сказано въ вопросахъ, не закрылъ банка, но продолжалъ его дѣйствіе», слѣдовательно *распорядился* такимъ образомъ, что отъ сего произошли такія-то послѣдствія. Ясно, что въ вопросахъ положительное перемѣшано съ отрицательнымъ, активное съ пассивнымъ. Совѣтъ не закрылъ, слѣдовательно не распорядился и это нераспоряженіе влекло такое-то послѣдствіе. Самъ судъ, не называя усматриваемаго въ отвѣтѣ присяжныхъ событія преступленія, подводитъ его подъ 341 ст. улож., слѣдовательно подъ бездѣйствіе власти, дѣяніе отрицательное. Это отрицательное свойство дѣянія проливаетъ свѣтъ на самую причинную связь между от-

рицательнымъ дѣяніемъ и его послѣдствіями. Связь эта тоже отрицательная, ипотетическая, не реальная, а только возможная. Совѣтъ если-бы закрылъ банкъ былъ бы положительно причиной небытія вредныхъ послѣдствій отъ незакрытія банка. Но если ихъ бытіе обусловилось тѣмъ, что фальшиво названо распоряженіемъ совѣта, между тѣмъ какъ оно состояло въ бездѣйствіи, то оно обусловилось также и бездѣйствіемъ всѣхъ *тѣхъ лицъ и установленій*, которыя находились въ точно такомъ же положеніи, какъ совѣтъ, могли закрыть, но не закрыли его по § 66 устава банка; закрыть банкъ могли: совѣтъ, правленіе, даже само правительство. Всѣ эти лица стоятъ въ отношеніи къ банку въ одномъ ряду. Я позволю себѣ пояснить мою мысль примѣромъ. Совершено убійство; обнаружено, что о преступномъ замыслѣ зналъ А., что онъ могъ задержать убійцу коего не задержалъ и что вслѣдствіе такого «распоряженія», какъ-бы выразился московскій окружный судъ, убійство совершилось. Не только нельзя установить положительной причинной связи между дѣйствіемъ А. и убійствомъ, не только нельзя возлагать всю громадную отвѣтственность за послѣдствіе убійства на одного А., когда оказывается, что въ точно такомъ же какъ А. положеніи были В. и С., одинаково знавшіе о замыслѣ и не воспрепятствовавшіе его осуществленію, но и преслѣдуемъ уголовно могъ-бы быть А. только какъ прикосновенное къ дѣлу лицо, и именно: только какъ укрыватель или недонесшій о преступленіи до свѣдѣнія начальства (о совѣтѣ банка не можетъ быть притомъ и рѣчи, какъ о недонесшемъ, такъ какъ онъ начальству (?) тотчасъ же донесъ, отправивъ депутацію къ министру финансовъ). Легко понять, какое громадное послѣдствіе имѣло подставленіе вмѣсто неопредѣленнаго бездѣйствія весьма опредѣленнаго распоряженія. *Litera docet, litera nocet,* говоритъ пословица. Употребленіе понятія: распоряженіе вмѣсто понятія бездѣйствія, т. е. нераспоряженіе превратило людей пассивныхъ въ ак-

тивныхъ, простыхъ прикосновенныхъ въ участниковъ, не рѣшившихся ни на что, въ участвовавшихъ по взаимному соглашенію. Приведя обѣ статьи: и 648 ч. 1 т. X о солидарной отвѣтственности участвовавшихъ въ преступленіи по предварительному соглашенію и 650 ст. о долевой отвѣтственности участниковъ не по предварительному соглашенію, судъ присудилъ членовъ совѣта къ солидарной отвѣтственности за «бездѣйствіе» по своей догадкѣ, а вовсе не по отвѣтамъ присяжныхъ, которымъ даже и не предлагался вопросъ о предварительномъ соглашеніи. Обхожу эти странности, натяжки, введенные въ приговоръ контрабанднымъ образомъ посредствомъ выскобленія двухъ буквъ: *не* предъ словомъ распоряженіе и спѣшу далѣе.

Такъ или иначе связь причинная завязана, но я утверждаю, что завязана плохо. Не всѣ причинныя связи между дѣяніями и ихъ послѣдствіями разбираются уголовнымъ порядкомъ. Всѣ предметы, подлежащіе вѣдѣнію судовъ, подраздѣляются на двѣ категоріи: либо споры о правѣ гражданскомъ, либо преслѣдованія за преступленія и проступки. Для двухъ этихъ категорій существуютъ и два особые рода суда, какъ бы двѣ исполинскія мельницы, перемалывающія твердые, ей только свойственные продукты. Пущена въ дѣйствіе мельница гражданскаго суда... попадется ей предметъ несвойственный въ видѣ преступленія, она его изолируетъ, согласно 8 ст. уст. гражд. суд. и перекидываетъ въ судъ уголовный, либо по очищеніи его отъ тѣхъ гражданскихъ отношеній, въ которыя онъ былъ запутанъ, либо со всѣми гражданскими послѣдствіями предполагаемаго преступнымъ дѣянія, если для этихъ послѣдствій уголовное свойство дѣянія составляетъ вопросъ преюдиціальный, отъ котораго эти послѣдніе зависятъ. Съ другой стороны, если пущена въ ходъ машина уголовнаго суда и въ ея зубья попадаютъ вопросы гражданскаго права о собственности, объ обязательствахъ, о семейномъ состояніи лицъ, то и ей прихо-

дится по 27 ст. уст. уг. суд. или не переставая дѣйствовать, отдѣлить и выбросить эти посторонніе для уголовнаго механизма предметы, либо передать въ судъ гражданскій вмѣстѣ съ этими гражданскими отношеніями и самый уголовный вопросъ обвиненіемъ проектируемый. Изъ этого общаго правила существуетъ одно только исключеніе: вознагражденіе за вредъ и убытки отъ преступленія, составляя гражданское послѣдствіе преступленія, можетъ быть опредѣлено и судомъ гражданскимъ и судомъ уголовнымъ по выбору истца, ради удобства для пострадавшихъ отъ преступленія, ради сокращенія времени. Подсудимый-отвѣтчикъ по отношенію къ тѣмъ послѣдствіямъ своего преступленія лишается гарантій, какія ему предоставляютъ гражданское судопроизводство, болѣе осторожное; это лишеніе есть до извѣстной степени часть наказанья за преступленіе, оно находитъ свое оправданіе въ томъ, главнымъ образомъ, что судится виноватый. Чтобы присудить уголовнымъ судомъ вознагражденіе за вредъ отъ преступленія необходимо: 1) чтобы существовали данныя, которыя бы по своему составу вполнѣ соотвѣтствовали признакамъ преступленія и 2) чтобы въ этомъ преступленіи былъ виновенъ подсудимый, какъ главное, второстепенное или прикосновенное лицо. Итакъ, необходимо сначала отыскать событіе преступленія, а потомъ изслѣдовать, какъ его совершили. Постараемся открыть его, отвлекая отъ виновниковъ; судъ утверждаетъ, что оно есть, я же постараюсь доказать, что оно не существуетъ вовсе.

Та самая двусмысленность, которая составляетъ коренной недостатокъ всей части приговора, касающейся членовъ совѣта, проявляется и въ изслѣдованіи суда по предмету описываемаго событія преступленія. Судъ ставитъ два понятія діаметрально противоположныя и разсуждаетъ по пословицѣ: *не мытьемъ такъ катаньемъ*; члены совѣта виновны, если не по первому, то по второму, если не по второму, то по первому. Продолжать операціи банка завѣдомо зная о томъ, что въ банкѣ нѣтъ

даже складочнаго капитала, значитъ обманывать публику; само продолженіе дѣйствій банка есть мошенничество, котораго объектъ—вкладчики и акціонеры. За этимъ положеніемъ слѣдуетъ цѣлая вереница статей уложенія, въ которыхъ идетъ рѣчь и о похищеніи посредствомъ обмана чужаго имущества и о вовлеченіи посредствомъ обмана въ убыточныя сдѣлки. Итакъ, члены совѣта мошенники или укрыватели мошенничества?... Нѣтъ, въ окончательномъ результатѣ они виновны только *въ дѣяніи отрицательномъ*, въ бездѣйствіи власти предусмотрѣнномъ 341 ст. ул. Разсужденіе ошибочное, уравнивающее положительное съ отрицательнымъ. Я докажу, что дѣяніе, приписываемое членамъ совѣта и не положительное, и не отрицательное, что оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принимаемо за событіе преступленія.

Продолженіе операцій, пущенныхъ въ ходъ и совершаемыхъ чужими руками есть не продолженіе, а *непрекращеніе* этихъ операцій, какъ неостановка заведенныхъ часовъ не есть заведеніе ихъ ежеминутное. Никогда мошенничество не можетъ состоять въ непрекращеніи заблужденія, оно требуетъ *положительнаго* вовлеченія кого нибудь въ убыточную сдѣлку, посредствомъ создаваемаго обманщиками заблужденія. Я утверждаю, что понятіе мошенничества требуетъ *дѣйствія положительнаго,* а не отрицательнаго, что даже по 3 п. 174 ст. уст. о нак.—утайка платежа не есть дѣйствіе отрицательное, потому что утайщикъ судится собственно не за утайку, а за требованіе новаго платежа съ умолчаніемъ только о первомъ. Не буду утомлять гг. сенаторовъ цитатами; и по иностраннымъ законодательствамъ, и по нашему, если кто воспользовался уже существующимъ заблужденіемъ, котораго самъ не создавалъ, то онъ не обманщикъ, хотя сама сдѣлка и можетъ быть по западно-европейскимъ законодательствамъ разрушена на основаніи юридическаго понятія о *laesio enormis*. Если нельзя винить въ обманѣ того,

кто не разрушилъ ложныхъ не имъ созданныхъ представленій контрагента о качествахъ предмета договора, то тѣмъ менѣе можно обмануть кого нибудь, вовлекая его въ сдѣлку обѣщаніемъ исполнить договоръ или неоповѣщеніемъ ему о своей несостоятельности къ выполненію принимаемыхъ на себя обязательствъ. Банкъ въ этомъ отношеніи тоже, что и частный торговецъ. Ни у кого на лбу не написано, что онъ состоятельный, никто не обязанъ съ собою носить и показывать свой балансъ, изъ котораго можно бы сейчасъ видѣть по соображенію актива съ пассивомъ можно ли его ссужать деньгами, никто за умолчаніе о своемъ пассивѣ не можетъ быть караемъ какъ за вовлеченіе другихъ въ убыточныя для нихъ сдѣлки. Я не говорю, чтобы это было хорошо, я не задаюсь вопросомъ, не было бы ли лучше, еслибы всякій обязанъ былъ предъявлять свой настоящій балансъ подъ страхомъ наказанія за всякую этого рода фальшъ, какъ за подлогъ; я утверждаю, что такъ какъ есть всегда было и, если не всегда, то долго еще будетъ, и что это такъ, мнѣ нечего доказывать, коль скоро есть коммерція, есть кредитъ, есть коммерческая тайна. Что такое кредитъ, если не отдача настоящаго, цѣннаго въ виду будущаго, обѣщаннаго только, а потому неизвѣстнаго? Что такое коммерческая тайна, какъ не закономъ допускаемая занавѣсь, скрывающая до послѣдней минуты несостоятельность лица и дающая ему полную возможность контрагировать до той минуты, пока общественная власть устами суда не скажетъ: *stop*, послѣ чего всякія уже дѣйствія контрагента перестаютъ имѣть законную силу, какъ дѣйствіе недѣеспособнаго субъекта. Я не говорю, что это хорошо, я утверждаю, что оно роковымъ образомъ неизбѣжно. Посудите сами. Въ балансъ не входятъ умъ, смѣтка, знаніе, счастіе лица, въ которомъ есть всегда доля умѣнья, качества, вслѣдствіе которыхъ начинающій дѣло безъ средствъ или съ малыми средствами боецъ выигрываетъ зачастую сраженіе и платитъ сторицею тѣмъ,

которые ему въ добрый часъ помогли. Представьте себѣ какое нибудь повальное несчастье въ странѣ, кризисъ, вліяющій на весь ходъ народной промышленности. Въ одну минуту розовое оказывается чернымъ, гдѣ были итоги оказываются дефициты; неужели желательно, чтобы при первой перемѣнѣ направленія вѣтра бойцы давали тягу, чтобы не выдержавъ до послѣдней минуты въ надеждѣ, что еще дѣла поправятся, авось заключенъ будетъ миръ или прекратится народное бѣдствіе, они обязательно приступали къ ликвидаціи подъ страхомъ наказанія, какъ за мошенничество, за продолженіе операцій, чтобы они бѣжали малодушно, чтобы они увеличивали всеобщую панику,—вмѣсто того, чтобы стараться напротивъ того свести ее до наименьшихъ размѣровъ. Не только въ случаяхъ общественныхъ бѣдствій, но и въ случаяхъ только крушеній, надо дать погибающему возможность выпутаться, а не затягивать ему преждевременно уголовную петлю на шеѣ, надо дать ему возможность исчерпать всѣ средства кредита. Что, не смотря на разверзшуюся для банка пропасть, онъ питалъ еще надежду получить кредитъ — доказывается поѣздкою депутатовъ въ С.-Петербургъ, ожиданіемъ правительственной помощи, которая даваема была другимъ частнымъ банкамъ въ подобныхъ случаяхъ, на что указывалъ и Струсбергъ въ своемъ послѣднемъ словѣ. Вправѣ ли былъ надѣяться коммерческій банкъ на помощь государственную? Государственный банкъ не разъ уже выручалъ частные банки въ подобныхъ случаяхъ; наша жизнь такъ уже устроилась, что въ ней частной самодѣятельности мало, и существуетъ громадная все и за всѣхъ дѣлающая машина, къ которой каждый наровитъ прислониться. Итакъ, гг. сенаторы, ни совѣтъ банка, ни всѣ лица въ немъ сидѣвшія невиновны въ мошенничествѣ, потому только, что они не закрыли дѣйствій банка, т. е. не огласили его несостоятельность съ 5 по 11 октября. Они нарушили уставъ банка, они плохіе администраторы; за нарушеніе устава да будетъ

предоставлено всѣмъ и каждому взыскивать съ нихъ убытки по общему закону, въ общемъ гражданскомъ порядкѣ судопроизводства, но они не мошенники.

Они также и *непопустители* мошенничества или инаго преступленія противъ чужой собственности. Для признанія ихъ попустителями необходимо, чтобы событіе преступленія заключалось не въ 43 вопросѣ о незакрытіи банка, а въ 44, 45, 46 вопр. о послѣдствіяхъ незакрытія (допущеніе вкладчикамъ помѣщать капиталы въ банкъ, когда онъ уже былъ несостоятельнымъ, выдача нѣкоторымъ вкладчикамъ вкладовъ полнымъ рублемъ и сбытъ акцій банка на биржѣ, провѣдавшими о крушеніи акціонерами).

1) *Пріемъ вкладовъ.* Вклады бываютъ на храненіе и на текущій счетъ. Растрата вкладовъ на храненіе безспорно преступна, но въ ней не обвинялось правленіе банка. Вкладъ на текущій счетъ есть собственно договоръ займа до востребованія, ничѣмъ не обезпеченный и совершаемый посредствомъ домашняго акта. Вопросъ о преступности такого договора между вкладчикомъ съ одной, а со стороны банка по уполномочію его правленія банка съ попустительствомъ совѣта можетъ быть рѣшенъ лишь отрицательно. Мошенничества нѣтъ, хотя несостоятельность нависла надъ банкомъ, какъ туча. Вклады принимались; банкъ могъ еще выпутаться, нельзя доказать чтобы до 11 октября существовала для него обязанность воздерживаться отъ договоровъ, еще онъ былъ дѣеспособное лицо. Вслѣдстіе превратностей судьбы отвлеченная возможность несостоятельности виситъ надъ каждымъ банкомъ, она подходитъ, она чувствуется постепенно, но сама несостоятельность наступаетъ только по истощеніи всѣхъ силъ и возможности дѣйствовать, что и случилось 11 октября. До этого момента банкъ еще боролся, незакрытіемъ операцій онъ могъ нарушить § 66 своего устава, но ни правленіе его не виновно въ мошенничествѣ, ни совѣтъ въ попустительствѣ.

2) *Вынутіе вкладовъ* на 2 милл. руб. провѣдавшими о тѣсномъ положеніи банка вкладчиками. Вслѣдствіе того, что текущій счетъ есть ссуда въ заемъ до востребованія, каждый вкладчикъ имѣлъ полное право, власть и возможность съ 5 по 11 октября придти и взять свой вкладъ обратно. Банкъ, его правленіе и касса были бы виновны, если бы они выдали деньги одному изъ требователей, а другому не выдали, но извѣстно, что они выдавали вклады полностью всѣмъ одинаково, причемъ касса истощалась столь шибко, что для менѣе осторожныхъ и старательныхъ вкладчиковъ остались въ кассѣ мелочные рубли и копѣйки. Въ числѣ требователей былъ и Шумахеръ. Забудемъ на одну минуту, что онъ членъ совѣта, представимъ себѣ, что онъ посторонній банку человѣкъ, случайно узнавшій, что дѣла банка плохи. Имѣлъ ли бы онъ въ такомъ случаѣ право взять свой вкладъ? Разумѣется имѣлъ и по закону юридическому, и даже по нравственному. Если бы имъ руководила въ этомъ случаѣ даже любовь христіанская ко всѣмъ другимъ неизвѣстнымъ ему вкладчикамъ, то и эта любовь не идетъ дальше того, чтобы и имъ было тоже, что ему, чтобы всѣмъ поровну досталось, но такого уравненія не могло быть по истощеніи кассы. Будутъ брать другіе, но онъ то самъ ничего не получитъ и останется безъ пользы для нуждающихся въ накладѣ, потому что возьмутъ свое люди половчѣе, а вовсе не тѣ, для которыхъ потеря вклада равносильна полнѣйшему разоренію. Всякъ судитъ по себѣ; я бы не усомнился пойти въ банкъ взять вкладъ, я бы тоже посовѣтывалъ сдѣлать друзьямъ, роднымъ, знакомымъ. Пока банкъ не пріостановилъ платежей, всякій вкладчикъ имѣетъ правс брать, а обязанность не брать ничѣмъ мотивирована быть не можетъ. Другимъ лицамъ требованіе вклада ущерба не наноситъ, потому что и они могли бы быть точно также осторожны, какъ онъ, и всѣ заявить свои требованія одновременно, тогда бы выдача вкладовъ пріостановилась по невозможности

удовлетворить всѣхъ сполна и имѣла бы мѣсто разверстка. Требователь ущерба банку никакого не причиняетъ. Если банкъ несостоятеленъ, то дефицитъ его останется одинъ и тотъ же и въ томъ случаѣ, когда всѣ вкладчики раздѣлятъ между собою кассу по разверсткѣ, и въ томъ, когда нѣкоторые возьмутъ свои вклады сполна, а другимъ ничего не достанется. Итакъ, я полагаю, что взятіе вклада обратно, было законнымъ пользованіемъ своимъ правомъ по договору и не содержитъ въ себѣ никакихъ признаковъ преступленія.

3) *Продажа акцій на биржѣ* акціонерами, узнавшими, что банкъ пошатнулся. Вопросъ 46 присяжными формулированъ такимъ образомъ: продолженіе дѣйствій банка открыло ли возможность нѣкоторымъ лицамъ распространять слухи объ успѣшномъ ходѣ банковыхъ операцій и сбывать акціи ничего не стоющія въ третьи руки. Вопросъ плохо формулированъ, возможность еще не дѣйствительность, возможность пускать ложные слухи существовала, но пускаемы ли были они въ ходъ неизвѣстно; если кто ихъ пускалъ, то надлежало бы его преслѣдовать, какъ мошенника, но въ томъ то и дѣло, что ихъ никто не пускалъ, а приведена эта фраза въ вопросахъ, чтобы смѣшать два понятія: *распространеніе* ложныхъ слуховъ, котораго вовсе не было, и просто сбытъ акцій *съ умолчаніемъ,* что онѣ ничего не стоятъ, который имѣлъ мѣсто въ промежутокъ времени съ 5 по 11 октября. Шумахеръ самъ акцій не сбывалъ, сбывали другія лица. Относительно этихъ другихъ лицъ было высказано однимъ изъ защитниковъ по настоящему дѣлу г. Куперникомъ, что весьма трудно провести точную границу въ коммерческой спекуляціи между дѣйствіями коммерческимъ и уголовнымъ. Я полагаю, что эта граница можетъ быть проведена. Кто создаетъ ложное событіе, чтобы посредствомъ выдумки совершить спекуляцію, тотъ совершаетъ преступленіе; кто пользуется незнаніемъ или заблужденіемъ другихъ, не имъ созданнымъ, тотъ не совершаетъ преступленія. Не будемъ же

увлекаться, посмотримъ на событіе жизни реально. Есть биржа, есть продажа и покупка процентныхъ бумагъ, есть въ этой спекуляціи бумагами ради прибыли та особенность, что премія, выгода, барышъ, достаются тому, кто больше предвидитъ или больше знаетъ. Узналъ я, хотя и не изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, что будетъ война, смекнулъ я, что акціонерное общество имѣетъ въ своей средѣ талантливаго администратора, который избранъ директоромъ или на оборотъ, что дѣла его порастроились: я тотчасъ же продаю или покупаю процентныя бумаги, не будучи обязанъ оповѣщать чтобы то небыло о результатѣ моихъ соображеній. Иное дѣло, когда спекулянтъ изобрѣтаетъ биржевыя утки и ловитъ на эти удочки простяковъ. Спекуляція навѣрнякъ процентными бумагами не можетъ долго длиться и многихъ обогатить, потому что появленіе многихъ сотенъ или тысячъ акцій на биржѣ уронитъ разомъ ихъ цѣну и заставитъ покупателей быть на сторожѣ, хотя бы причина появленія массы акцій для продажи покрыта была неизвѣстностью. Преслѣдованіе спекуляцій на сбытъ акцій ничего не стоющихъ безполезно, лучше свобода сдѣлокъ и безнаказанность. Итакъ, всѣ послѣдствія незакрытія банка, изложенныя въ 44, 45, 46 вопросахъ присяжными лишены всякаго характера активной преступности, вслѣдствіе чего за прикосновенность къ нимъ члены совѣта Коммерческаго Ссуднаго Банка судимы быть не могутъ. Остается разобрать, не пала ли на членовъ совѣта банка вина отрицательная, заключающаяся въ ихъ недѣятельности, въ уголовно-наказуемомъ *упущеніи?*

Въ 1 ст. улож. сказано: преступленіемъ или проступкомъ называется, какъ противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что подъ *страхомъ* наказанія закономъ *предписано;* слѣдовательно, неисполненіе того, что уложеніемъ о нак. или устава о нак. предусмотрѣно. Какъ доказать что оно предусмотрѣно? Ссылкою суда на законъ. Въ данномъ случаѣ такимъ указываемымъ

судомъ закономъ служитъ та грозная для государственныхъ сановниковъ вспомогательная ст. 341, восполняющая всѣ пробѣлы раздѣла V улож. и посвященная превышенію и бездѣйствію власти. Донынѣ статья эта примѣнялась къ служащимъ въ службѣ государственной или общественной. Какъ установить связь между этою статьею и коммерческимъ банкомъ, учрежденіемъ частнымъ? Въ объясненіи своемъ судъ выводитъ эту связь изъ § 36 устава банка, 2181 ст. 1 ч. X т. и 1154 улож. Въ § 36 сказано о личной и имущественной отвѣтственности, но только за превышеніе власти и иные противозаконные поступки, но уставъ не есть еще законъ уголовный; для наказуемости дѣянія или упущенія необходимо, чтобы оно было запрещено или предписано подъ страхомъ опредѣленнаго наказанія. По 1281 ст. ч. 1 т. X, директоры и члены правленія суть уполномоченные компаніи и потому въ случаѣ превышенія предѣловъ власти подлежатъ отвѣтственности предъ компаніею на общемъ основаніи законовъ. Опять поименовано превышеніе, а не бездѣйствіе, опять ссылка на законъ, а именно на 1709 ст. улож. о повѣренныхъ, которые преступятъ за предѣлы данныхъ имъ полномочій, за что и подлежатъ наказанію, какъ за мошенничество. Наконецъ, ст. 1154 улож. перечисляетъ поименно преступленія, за которыя служащіе въ частныхъ банкахъ подвергаются одинаковой съ чиновниками государственнаго банка отвѣтственности по правиламъ раздѣла V, а именно: подлоги по 362 ст. улож., фальшивые счета, невѣрности въ храненіи имущества, лихоимство, вымогательство — и только... Здѣсь нѣтъ ни превышенія, ни бездѣйствія власти и понятно почему? Потому что дѣятельность служебная и коммерческая двѣ разнородныя почвы. Произведенія одной почвы обыкновенно не пересаживаются на другую, совершенно разнородную. Мелкая корыстная неосторожность во время чумы можетъ повлечь за собою смертную казнь, хотя она есть не что иное, какъ полицейскій проступокъ. Непослушаніе или

грубости въ отношеніи къ старшему превращаются въ военномъ быту въ тяжкое преступленіе, караемое каторжными работами, но эти особенности и осложненія, оправдываемыя соображеніями полицейскаго и государственнаго права, не могутъ быть переносимы въ бытъ и отношенія чисто гражданскія. Всѣ учрежденія гражданскаго права кромѣ семьи, опеки и наслѣдства суть растенія, коренящіяся на свободномъ произволѣ, на сдѣлкахъ, соглашеніяхъ и вытекающихъ изъ сдѣлокъ полномочіяхъ. Всякая власть изъ такихъ сдѣлокъ истекающая имѣетъ видъ довѣрія, полномочія, что и выражено въ ст. 2181 ч. 1 т. X. Перенесите это понятіе въ сферу государственнаго права, вы должны будете ввести голосованье на подобіе общаго собранія акціонеровъ, правительство на подобіе правленія компаніи, каждый гражданинъ превратится въ акціонера, добивающагося наибольшаго дивиденда, само уголовное право превратится въ учрежденіе въ родѣ взаимнаго страхованія отъ преступленія. Идеи эти не выдуманы, онѣ растутъ и распространяются. Изъ современныхъ публицистовъ никто лучше не изобразилъ ихъ роста и вреднаго вліянія на государственный организмъ, какъ Гнейстъ въ своихъ этюдахъ объ англійскихъ учрежденіяхъ. Я полагаю, что вы съ этими идеями не согласитесь. Условія жизни таковы, что отъ государственнаго чиновника требуется больше, чѣмъ отъ компанейнаго слуги на жалованіи. Отъ него требуется сердечное участіе въ дѣлѣ, затрата силъ и способностей, а слѣдовательно и усиленная отвѣтственность въ размѣрахъ далеко не соотвѣтствующихъ жалованью и вообще вознагражденію получаемому имъ за труды отъ государства, за то и почетнѣе эта служба, чѣмъ всякая иная служба у частнаго лица или компаніи. Но и наоборотъ, нельзя это бремя отвѣтственности, носимое всякимъ лицомъ, запряженнымъ въ государственную колесницу, вносить въ учрежденія общегражданскія. Нельзя ихъ примѣнять къ такимъ общегражданскимъ

учрежденіямъ, которыя, какъ акціонерныя компаніи, зиждутся на произволѣ и соглашеніи, между тѣмъ какъ государственныя построены на голомъ фактѣ, на началѣ власти, ни отъ кого независимой и существующей, какъ нѣчто непреложно данное и безотлагательное, предшествующее всякимъ другимъ положительностямъ. Нельзя ихъ примѣнить даже и къ такимъ немногимъ гражданскимъ отношеніямъ, которыя изображаютъ власть и изъ нея истекаютъ, каковы напр. отношенія родителей къ дѣтямъ и опекунамъ. Нѣтъ власти, которая была бы подобнѣе государственной, какъ родительская; по типу семьи и власти отца сложились первоначально всѣ правительста, аналогія до того полная, что она сдѣлалась общимъ мѣстомъ. Попробуйте однако судить слабаго отца, дурно воспитывающаго дѣтей, или наказать опекуна за бездѣйствіе власти. Юридически это будетъ такой-же абсурдъ, какъ судить за бездѣйствіе власти повѣреннаго или прикащика. Я полагаю, что отъ такого вмѣшательства государства не выиграло бы общество, по крайней мѣрѣ самодѣятельность въ обществѣ была бы окончательно погребена, вслѣдствіе такого взятія всѣхъ отношеній въ государственную опеку. Не забудемъ еще, что ст. 341 ул. предусматриваетъ преступленіе уголовно-частное, преслѣдуемое не по частной, а по правительственной иниціативѣ. Такъ какъ статья эта совсѣмъ къ данному случаю непримѣнима, а кромѣ ея не указано никакой другой подходящей, то ясно, что упущеніе совѣта, хотя бы оно было и признано, не можетъ быть наказуемо, что вопросы присяжнымъ 43—46 съ отвѣтами на нихъ не содержатъ удостовѣреннаго присяжными событія преступленія.

Относительно мнѣнія окружнаго суда, будто бы признано событіе преступленія, я долженъ еще замѣтить, что это признаніе я отрицаю еще по другимъ причинамъ и соображеніямъ, совершенно отъ означенныхъ мною отличнымъ, но также, какъ и прежнія, вытека-

ющимъ изъ неправильной редакціи окружнымъ судомъ вопросовъ и отвѣтовъ присяжныхъ. Допустимъ, что имѣло мѣсто бездѣйствіе власти. Кто его совершилъ? Изъ вопросовъ и отвѣтовъ слѣдуетъ, что его совершилъ совѣтъ, т. е. коллегія, *лицо юридическое*, которое собственно и не было, да и не могло быть предано суду присяжныхъ. Постараемся доказать, что отъ этого привлеченія къ отвѣтственности въ вопросахъ коллегіи и отъ этого допущенія суда надъ всею коллегіею произошелъ рядъ промаховъ, ошибокъ и несообразностей, которые мѣшаютъ выводу какихъ бы то ни было практическихъ результатовъ изъ отвѣтовъ присяжныхъ на 43 — 46 вопросы.

Ст. 751 уст. уг. суд. до извѣстной только степени разрѣшаетъ суду разчленять вопросы, предлагаемые присяжнымъ, ставить особо вопросъ о событіи преступленія, особо о физической виновности, особо о вмѣненіи. Судъ не вправѣ идти дальше чѣмъ допускаетъ законъ въ этомъ разчлененіи, не вправѣ разбивать весь составъ преступленія по кусочкамъ. Онъ долженъ избрать одну изъ двухъ системъ: 1) либо скучить вмѣстѣ въ одинъ вопросъ весь составъ преступленія (субъектъ, объектъ, воля съ сознаніемъ, дѣйствіе съ послѣдствіями); 2) либо опредѣлить весь составъ преступленія, выдѣливъ изъ него только его предполагаемыхъ виновниковъ и вовсе ихъ не опредѣляя. Я сильно сомнѣваюсь въ томъ, можетъ ли судъ, не опредѣляя виновника, указать, что его надобно *искать* въ цѣломъ классѣ лицъ нпр.: былъ ли X такимъ то образомъ убитъ тогда то лицами, жившими въ одномъ съ нимъ домѣ, или жителями такого то селенія. Подобныя указанія вводятъ судъ въ искушеніе (что и имѣло мѣсто въ настоящемъ дѣлѣ) подвести *самому* итоги и разрѣшить второй вопросъ о виновности *безъ присяжныхъ* посредствомъ выбора тѣхъ или другихъ лицъ изъ категоріи уже намѣченной, пойти за справками о томъ, кто изъ числящихся въ этой категоріи былъ на лицо,

а кто не былъ, вычеркнуть своею властью какихъ нибудь двухъ-трехъ, а остальныхъ засудить солидарно. Но въ данномъ случаѣ субъектъ преступленія прямо въ вопросахъ и отвѣтахъ опредѣленъ, онъ прямо названъ и такъ названъ, что не будь онъ лицо юридическое, его бы почти несомнѣнно слѣдовало по отвѣту наказать, потому что въ отвѣтахъ установлены и событіе преступленія и то, что оно было дѣяніемъ субъекта, оставалось бы только поставить вопросъ о вмѣненіи и спросить: виновенъ ли совѣтъ въ преступленіи, которое по отвѣту на 43 вопросъ имъ несомнѣнно совершено? Здѣсь то и обнаружилась бы несообразность постановки 43 вопроса, здѣсь то и сказалось бы, что подобные вопросы ставить нельзя, потому что совѣтъ не есть лицо физическое, что для него не существуетъ состояніе вмѣняемости, что онъ не есть *ein zurechnungsfähiger Subject*. Вслѣдствіе того, что виновникомъ оказывается невозможный съ угловной точки зрѣнія субъектъ, само его дѣяніе не есть настоящее, а отвлеченное и воображаемое; это дѣяніе вовсе не можетъ быть событіемъ преступленія. Разъ оно признано дѣяніемъ не лица физическаго, а юридическаго, по любому *учебнику* можно удостовѣриться, что субъектами преступныхъ дѣяній юридическія лица быть не могутъ. Эти дѣянія даже и не переводимы съ лицъ юридическихъ на физическія, потому что, еслибы и допустить отвѣты положительные на вопросы о каждомъ изъ членовъ совѣта, вивиновенъ ли онъ, что участвовалъ лично въ событіи преступленія совершеннаго совѣтомъ, то изъ этихъ отвѣтовъ нѣтъ возможности вывести заключеніе о преступности этихъ членовъ совѣта. Членъ совѣта участвовалъ несомнѣнно въ дѣйствіяхъ совѣта, хотя, положимъ, онъ оставался въ меньшинствѣ и составлялъ оппозицію противъ постановленія, состоявшагося по большинству голосовъ. По теоріи Московскаго окружнаго суда и обвинительнаго акта въ извѣстныхъ случаяхъ и общее собраніе акціонеровъ, какъ коллегія, можетъ

совершить преступленіе и можетъ быть судимо. Я бы желалъ знать, какъ бы примѣнена была ст. 341 ул. къ общему собранію акціонеровъ, постановившему что-либо противозаконное по большинству голосовъ при закрытой баллотировкѣ, при которой нѣтъ ни малѣйшей возможноси опредѣлить, кто изъ акціонеровъ былъ за и кто противъ принятаго большинствомъ предложенія. Къ сожалѣнію присяжные рѣшили вопросъ о винѣ членовъ совѣта отрицательно; вообще они обнаружили въ отвѣтахъ тактъ и смыслъ замѣчательный. По ихъ понятіямъ совѣтъ виновенъ *in corpore*, но ни одинъ изъ членовъ не виновенъ въ частности въ томъ, что въ дѣйствіяхъ совѣта участвовалъ.

Слѣдовательно по приговору присяжныхъ всѣ до одного члены совѣта невиновны, оправданы и такимъ образомъ не можетъ быть даже вопроса о примѣненіи къ нимъ гражданскихъ послѣдствій преступленія, которыя какъ хвостъ кометы тянутся сзади за признаннымъ событіемъ преступленія и не являются никогда самостоятельно. Члены совѣта приговорены все-таки однако къ гражданской отвѣтственности. Какимъ образомъ? Очевидно, что судъ *перерѣшилъ* приговоръ присяжныхъ, явивъ примѣръ превышенія власти. Рѣшеніе суда, правда, мотивировано, подкрѣплено ссылкою на законъ и на кассаціонное рѣшеніе. Разберу эти мотивы и постараюсь доказать, что, не смотря на ихъ тонкость, они не выдерживаютъ критики и являются извращеніемъ на изнанку тѣхъ кассаціонныхъ рѣшеній, изъ которыхъ они будто бы заимствованы.

Въ кассаціонной практикѣ вопросъ этотъ слѣдующимъ образомъ поставленъ по двумъ примѣрнымъ кассаціоннымъ рѣшеніямъ 1868 г. № 388, по дѣлу Постовскаго и 1871 г. № 639, по дѣлу Кострубо-Корицкаго. Если вопросъ о виновности разрѣшенъ отрицательно, то безъ сомнѣнія и рѣчи быть не можетъ о гражданской отвѣтственности подсудимаго въ уголовномъ порядкѣ. Но если вопросъ о виновности былъ разчлененъ, если

изъ него выдѣленъ вопросъ о вмѣненіи и если на два вопроса о событіи преступленія и о томъ, было ли оно дѣяніемъ подсудимаго даны положительные отвѣты и только на третій вопросъ о вмѣненіи данъ отвѣтъ отрицательный, слѣдовательно когда удостовѣрено, что преступленіе совершено, но только не можетъ быть ему вмѣнено, то въ этомъ и *только въ этомъ* случаѣ судъ уголовный можетъ присудить оправдываемаго подсудимаго къ вознагражденію за вредъ, причиненный его дѣяніемъ, если не уголовно-преступнымъ, то по крайней мѣрѣ безспорно имъ совершеннымъ. Такова практика сената, никакими убѣдительными доказательствами неподдерживаемая и, я долженъ сказать, въ основаніяхъ своихъ сомнительная, потому что коль-скоро нѣтъ вмѣненія, слѣдовательно нѣтъ участія воли въ дѣяніи, то нѣтъ также и событія преступленія; за отсутствіемъ въ дѣяніи всего уголовнаго, оно перестаетъ подлежать суду уголовному. Нѣтъ основанія къ тому, чтобы оправданный подсудимый лишаемъ былъ возможности отстаивать свое имущество противъ спорныхъ требованій заявляемыхъ въ порядкѣ уголовномъ, не соотвѣтственномъ, не предназначенномъ для разбора этихъ требованій. Настоящія причины, вызвавшія разбираемую мною практику сената заключаются, какъ мнѣ кажется, въ *частыхъ оправданіяхъ* на первыхъ порахъ несомнѣнно-виноватыхъ подсудимыхъ, въ присвоеніи себѣ присяжными права миловать, въ желаніи сената, въ виду такихъ весьма возможныхъ неправильныхъ оправданій, доставить гражданскимъ истцамъ возможность получить тутъ же въ порядкѣ уголовнаго суда вознагражденія за несомнѣнно причиненный имъ вредъ признаннымъ присяжными событіемъ преступленія. Но какова бы не была эта практика, она требуетъ раздѣленія всѣхъ трехъ вопросовъ о виновности, потому что если они соединены въ одинъ, т. е. коллективно поставлены, то при дачѣ присяжными немотивированныхъ отвѣтовъ остается навсегда во мракѣ неизвѣстности, почему подсудимый оправданъ,

потому ли, что его дѣяніе не можетъ быть ему вмѣнено, или потому, что событіе не было его дѣяніемъ, или наконецъ, что событіе преступленія вовсе не существуетъ. Вопреки этимъ началамъ, твердо поставленнымъ въ кассаціонной практикѣ, окружный судъ позволилъ себѣ присудить вознагражденіе, когда вопросъ о винѣ поставленъ былъ одинъ коллективный и когда вина не только моральная, но и фактическая, состоявшая подъ величайшимъ сомнѣніемъ, была присяжными прямо отвергнута. Допустимъ, что присяжные установили событіе преступленія въ отвѣтахъ на вопросы 43—46, затѣмъ возникаютъ вопросы объ участіи въ этомъ преступленіи, положимъ, Шумахера, и о вмѣненіи; всѣ эти вопросы соединены въ одинъ 48-й, составленный слѣдующимъ образомъ: виновенъ ли Шумахеръ въ томъ, что принялъ участіе въ дѣйствіяхъ совѣта? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть толкуемъ двояко: либо что Шумахеръ невиновенъ, потому что вовсе не участвовалъ, либо что хотя и участвовалъ, но былъ въ состояніи невмѣняемости или дѣйствовалъ въ условіяхъ, при которыхъ содѣянное не можетъ ему быть поставлено въ вину. Если въ 48 вопросѣ отвергнуто вмѣненіе, то самъ фактъ участія ни однимъ словомъ присяжными неудостовѣренный не можетъ быть разрѣшенъ самимъ судомъ безъ присяжныхъ. Если въ 48 в. само участіе Шумахера отвергнуто, то судомъ нарушены и приговоръ присяжныхъ и кассаціонныя рѣшенія сената, приведенныя мною и долженствующія служить для судовъ руководствомъ. Въ прежнемъ судопроизводствѣ съ теоріею формальныхъ доказательствъ существовало нѣчто среднее между осужденіемъ и оправданіемъ подсудимому, а именно оставленіе его въ подозрѣніи, которое отмѣнено судебными уставами 20 ноября. Призракъ этого позорнаго оставленія въ подозрѣніи воскресаетъ въ рѣшеніи Московскаго окружнаго суда. Члены совѣта не могутъ быть наказаны, потому что они оправданы присяжными, но судъ нашелъ возможнымъ ошель-

мовать, облиховать этихъ подсудимыхъ на всю жизнь, закрѣпивъ, вопреки рѣшенію присяжныхъ, что они совершили преступленіе. Мой кліентъ надѣется, гг. сенаторы, что вы не допустите, чтобы онъ былъ оставленъ подъ бременемъ осужденія судьями коронными въ преступленіи, въ которомъ онъ былъ оправданъ совѣстью присяжныхъ засѣдателей.

Я кончилъ первую часть моей защиты, касающуюся гражданской отвѣтственности Шумахера, какъ члена совѣта. Я вовсе не исключаю возможной отвѣтственности всѣхъ членовъ совѣта за дѣйствія совѣта предъ лицами, пострадавшими отъ этихъ дѣйствій, я утверждаю только, что по предмету этой отвѣтственности уголовный судъ не есть *forum competens*. Мнѣ предстоитъ исполнить вторую часть моей задачи, касающуюся не коллективнаго, а личнаго поступка моего кліента Шумахера, вынутіе имъ своего вклада изъ банка, за что съ него никто ничего не ищетъ, такъ какъ вкладъ былъ добровольно въ банкъ обратно положенъ, но за что, тѣмъ не менѣе, приговорили его къ наказанію, установленному за мошенничество. Я полагаю, что въ этомъ случаѣ Шумахеръ преслѣдуется не за свои личные поступки, а за свою совѣтскую дѣятельность. Постараюсь представить его поступокъ, за который онъ осужденъ въ наипростѣйшемъ видѣ и прослѣдить потомъ какими тонкостями и хитросплетеніями поступокъ этотъ превращенъ въ глазахъ судей въ мошенническое злоупотребленіе довѣрія.

Мною уже было высказано прежде вполнѣ безспорное на мой взглядъ положеніе, что вкладчикъ банка есть его кредиторъ. Всякій кредиторъ имѣетъ право получить свои деньги съ должника, срочный по наступленіи срока, безсрочный по предъявленіи. Право это не ограничено никакими соображеніями, касающимися состоятельности должника, потому что *qui jure suo utitur nemini facit injuriam*. Въ требованіи уплаты не можетъ быть нарушенія чьихъ бы то ни было интере-

совъ ни должника, ни другихъ сокредиторовъ, между которыми и кредиторомъ не существуетъ никакой связи и солидарности. Законъ не могъ однако же предвидѣть, что кредиторы могутъ пострадать, когда должникъ, поступая какъ злостный банкротъ, переведетъ обманнымъ образомъ свое имущество на чужое имя, или даже когда должникъ, и не будучи банкротомъ, пожелаетъ спасти и выгородить нѣкоторыхъ изъ своихъ кредиторовъ, которые къ нему поближе, жертвуя въ пользу ихъ другими, которые уже ничего не получатъ. Для устраненія этихъ двухъ возможностей установлены два законоположенія. *Одно изъ нихъ* (1163 и 1164 ст. улож. о наказ.) о злонамѣренномъ банкротствѣ и о лицахъ, участвовавшихъ въ подлогахъ злонамѣреннаго банкрота, *другое* содержится въ 1957 ст. торг. уст. XI т. Платежъ по актамъ, которымъ по день объявленія несостоятельности, сроки еще не наступили, учиненный несостоятельнымъ въ теченіе послѣднихъ десяти дней до открытія несостоятельности, считается незаконнымъ, и деньги, такимъ образомъ уплаченныя, взыскиваются обратно въ пользу массы кредиторовъ несостоятельнаго. Первое изъ этихъ законоположеній непримѣнимо въ настоящемъ случаѣ, потому что банкъ, какъ юридическое лицо, не можетъ быть признанъ злостнымъ банкротомъ, но второе примѣняется вполнѣ, по крайней мѣрѣ ничѣмъ не доказано, что оно не должно было примѣняться въ настоящемъ случаѣ, въ которомъ, по аналогіи признаваемою и обвинительною властью, закрытіе операцій банка 11 октября вполнѣ равносильно объявленію банка несостоятельнымъ. Какъ въ медицинѣ не прибѣгаютъ къ хирургическимъ операціямъ какъ только въ случаяхъ, когда нельзя пособить менѣе крайними средствами, такъ точно и на судѣ къ уголовнымъ мѣрамъ обращаются, когда всѣ гражданскія исчерпаны. Въ настоящемъ случаѣ гражданскія средства остались *неиспробованными*. Вопросъ остался открытымъ. Либо 1957 ст. непримѣнима къ настоящему случаю, слѣдо-

вательно выдачи вкладовъ съ 5 по 11 октября совершены на законномъ основанiи, слѣдовательно за выдачу ихъ ни къ кому нельзя простирать претензiй. Либо 1957 ст. примѣнима — въ такомъ случаѣ всѣ вклады, выданные съ 5 по 11 октября могутъ быть вытребованы обратно по постановленiямъ конкурса, или властей замѣняющихъ конкурсъ надъ банкомъ, или по опредѣленiю надлежащаго суда, а за несостоятельностью вкладчиковъ могутъ быть на основанiи 684 ст. т. X подвергнуты отвѣтственности, конечно только гражданской, лица выдававшiя вклады изъ банка. Во всякомъ случаѣ при развязыванiи сего узла главный преюдицiальный вопросъ есть вопросъ чисто гражданскiй: законность или незаконность платежей, учиненныхъ банкомъ въ послѣднiе дни до объявленiя его несостоятельности и прекращенiя операцiй. Практически это положенiе подтверждается тѣмъ, что никто изъ получившихъ свои вклады вкладчиковъ не былъ привлеченъ къ отвѣту, кромѣ только трехъ, бывшихъ членами совѣта, Шумахера, Вишнякова и Лѣнивова. Относительно всѣхъ трехъ поставлены вопросы присяжнымъ (89, 90, 91), но на эти вопросы, не смотря на одинаковость положенiя, даны присяжными разные отвѣты: о Вишняковѣ и Лѣнивовѣ, что они невиновны, о Шумахерѣ, что онъ виновенъ. Спрашивается: *во-первыхъ*, не налагало ли званiе членовъ совѣта какихъ-нибудь особенныхъ обязанностей на Вишнякова, Лѣнивова и Шумахера, вслѣдствiе чего требованiе ими своихъ вкладовъ, не будучи вообще преступно для всѣхъ другихъ вкладчиковъ, явилось для нихъ специально-преступнымъ дѣянiемъ; *и во-вторыхъ,* какая могла быть разница въ положенiи Шумахера съ одной, а Вишнякова и Лѣнивова съ другой стороны, вслѣдствiе которой они оправданы присяжными, а Шумахеръ обвиненъ? Если вердиктъ присяжныхъ разсматривать, какъ изреченiе оракула, то самая постановка этихъ вопросовъ представляется праздною, если же видѣть въ немъ продуктъ разумнаго изслѣдованiя

обстоятельствъ дѣла, то большею частью возможно добраться до мотивовъ, руководившихъ присяжными. Итакъ, постараюсь дать отвѣты на оба эти вопроса.

Ни въ уставѣ банка, ни въ гражданскихъ законахъ нѣтъ того ограниченія, чтобы акціонеръ, избираемый въ должность по акціонерному обществу лишался права дѣлать вклады въ банкъ, а слѣдовательно и получать ихъ обратно. Между дѣятельностью члена совѣта и дѣятельностью его же, какъ кредитора вкладчика, нѣтъ ничего общаго, нельзя сказать даже, чтобы въ немъ кредиторъ смѣшивался съ завѣдывающимъ дѣлами или кассой банка; къ нему нельзя примѣнить, что онъ какъ распорядитель выдалъ себѣ же деньги, какъ вкладчику. Между кредиторами и совѣтомъ стоитъ, какъ извѣстно, правленіе; членъ совѣта въ управленіе не вмѣшивается, а состоитъ только членомъ въ коллегіи, въ которой и подаетъ свой голосъ; свой вкладъ онъ можетъ получить только при посредствѣ правленія. Не выдавая денегъ, Шумахеръ и не могъ воспользоваться званіемъ члена правленія для полученія денегъ. Званіе члена совѣта могло ему только помочь узнать раньше другихъ, что банкъ въ опасности, но онъ взялъ уже свои деньги не какъ членъ совѣта, а какъ вкладчикъ, наравнѣ со всѣми другими вкладчиками. Итакъ, званіе члена совѣта не осложняло нисколько поступка Шумахера; если не предавались суду вынувшіе свои вклады вкладчики, то и его не надо было предавать суду; если оправданы Лѣнивовъ и Вишняковъ въ сущности и его слѣдовало бы оправдать. Развѣ въ его положеніи и поступкахъ есть какія-либо особенности, которыхъ не встрѣчается въ дѣйствіяхъ Вишнякова и Ленивова и какія именно?

Вишняковъ и Лѣнивовъ взяли свои вклады и ихъ обратно не внесли, Шумахеръ свой вкладъ внесъ опять полностью уже по закрытіи банка, такъ что отъ вынутія имъ другіе вкладчики никакого уменьшенія своихъ долей при разверсткѣ не испытали. Кажется, что эта особенность не должна бы вести къ отягченію участи

Шумахера. Какія же иныя отличія его отъ товарищей его по совѣту? Кажется никакихъ, кромѣ одного только, что онъ былъ вице-предсѣдателемъ совѣта по выбору самихъ же членовъ совѣта. Если сообразимъ, что только двое членовъ совѣта: предсѣдатель Борисовскій и вице-предсѣдатель Шумахеръ обвинены въ поступкахъ, имѣвшихъ предметомъ не ихъ совѣтскую дѣятельность, но стремленіе спасти во время крушенія банка свое добро, прочимъ же членамъ совѣта это стремленіе прощено, то я не ошибусь, если скажу, что присяжные на нихъ двоихъ, стоявшихъ во главѣ совѣта, посмотрѣли, какъ посмотрѣлъ бы судъ морской на капитана погибающаго корабля и его помощника, которые во время крушенія вмѣсто того, чтобы послѣднимъ сойти съ корябля, бросились спасаться сами. И окружный судъ, и присяжные сошлись въ воззрѣніи на обязанности Борисовскаго и Шумахера весьма идеальномъ. Они разсудили, что кому больше дается, съ того больше и взыщется. Шумахеръ по своему прошлому, по своему положенію, по своему выдающемуся мѣсту въ совѣтѣ обязанъ былъ не имѣть минуты слабости, не дрогнуть, не брать своего вклада обратно въ то время, когда совѣтъ считалъ еще возможнымъ надѣяться на лучшее будущее и не закрывалъ банковыхъ операцій. Онъ самъ постигъ свою ошибку и возвратилъ вкладъ, но сдѣлалъ это уже поздно. Извѣстный идеалъ поставленъ былъ предъ присяжными, идеалъ въ самомъ дѣлѣ привлекательный въ формѣ вопроса довольно странной, необычной. Сама форма вопроса сентенціональная, не фактическая подкупала ихъ своею возвышенностью. Идеалъ они признали и потому поступка Шумахера не могли одобрить, они и выразили ему свое порицаніе. О томъ загладилъ ли Шумахеръ свою вину возвращеніемъ вклада ихъ и не спрашивали. Присяжные вѣроятно не знали и не обязаны были знать законы уголовные, свойство преступленія совершеннаго Шумахеромъ и даже подходитъ ли поступокъ Шумахера подъ понятіе какого бы то ни

было преступленія. Они не одобряли этотъ поступокъ; я и не думаю противъ этого неодобренія возставать. Порицаніе можетъ быть отнесено ко всякому неловкому, нехорошему поступку, но не во всякомъ неловкомъ поступкѣ содержится мошенничество. Начальникъ виновенъ, когда подписываетъ дѣловыя бумаги не читая, но здѣсь не слѣдуетъ казнить, какъ за подлогъ. Военачальникъ, который спитъ въ палаткѣ или проводитъ время въ пьянствѣ въ то время, когда на него нападаютъ въ расплохъ, конечно плохой начальникъ, но онъ еще не государственный измѣнникъ. Порицаемый фактъ еще надобно вставить въ закономъ установленныя формы, провѣрить, есть ли въ немъ составъ требуемый уложеніемъ *мошенничества* или *нарушенія довѣрія*. Поступокъ Шумахера очерченъ въ отвѣтѣ присяжныхъ, изъ этихъ признаковъ, какъ изъ бревенъ и кирпичей, надо построитъ преступленіе, предусмотренное въ 1198 ст. улож., которую привелъ окружный судъ. Задача переносится на эту чисто юридическую почву. Я утверждаю, что изъ отвѣта на 89 вопросъ нельзя построить преступленія, предусмотрѣннаго 1198 ст. улож.

Статья эта гласитъ, что членъ торговаго общества, который съ умысломъ употребитъ ко вреду общества данное ему полномочіе или довѣріе подлежитъ наказанію, какъ за мошенничество. И въ кассаціонной жалобѣ и въ объясненіяхъ прокурора потрачено много времени и соображеній на то, какъ понимать «довѣріе» въ 1198 ст., слѣдуетъ ли его понимать въ смыслѣ тѣсномъ, отождествляя съ полномочіемъ или въ болѣе обширномъ. Прокуроръ толкуетъ его въ самомъ обширномъ смыслѣ, но какъ бы онъ обширенъ не былъ, я полагаю, что надо его брать въ *опредѣленномъ* смыслѣ, въ противномъ случаѣ члены всѣхъ совѣтовъ и правленій россійскихъ акціонерныхъ компаній рискуютъ попасть въ мошенники. Допустимъ, что директоръ компаніи съ *умысломъ,* т. е. сознательно, затѣетъ по легкомыслію или непониманію дѣла такую спекуляцію, которая причи-

нитъ вредъ компаніи, вслѣдствіе чего онъ несомнѣнно злоупотребитъ тѣмъ довѣріемъ, которое на него возложили, выбирая его въ директоры. Всѣ признаки преступленія, какъ его толковалъ московскій окружный судъ на лицо и патентъ на мошенника готовъ; я полагаю однако, что вы, гг. сенаторы, въ этомъ поступкѣ злоупотребленія довѣрія не нашли бы, а открыли бы въ рѣшеніи суда *злоупотребленіе словами* закона и непониманіе смысла уголовнаго кодекса... Система уложенія такова, что при дѣленіи его на 12 раздѣловъ, разновидности одного и того же преступленія попали въ разные раздѣлы (лжесвидѣтельство и лжеприсяга въ раздѣлахъ 8 и 2, подлогъ въ обязательствахъ, служебный и въ векселяхъ въ раздѣлахъ 12, 4 и 8 и т. д.). Въ подобныхъ случаяхъ уложеніе не повторяетъ наказаній, наложивъ наказаніе за главный видъ, всѣ другіе оттѣнки отсылаетъ къ этому виду, при чемъ самыя ссылки на этотъ видъ уже указываютъ, съ какого рода преступленіемъ имѣемъ дѣло и какія условія требуются для всѣхъ оттѣнковъ относительно состава преступленія. Преступленіе, предусмотрѣнное въ 1198 ст. ул. есть ранозвидность мошенничества, само мошенничество—одинъ изъ видовъ преступленія противъ чужой собственности. Система преступленій противъ собственности слагается изъ слѣдующихъ главныхъ статей: похищеніе силою (кража, грабежъ, разбой), похищеніе хитростью (мошенничество) и наконецъ присвоеніе вещи непохищенной, но дошедшей какимъ-либо образомъ до держателя. Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ (§ 66 Нѣмецкаго имперскаго кодекса) этотъ третій видъ подраздѣляется еще на присвоеніе простое и усложненное нарушеніемъ довѣрія, которымъ пользовался присвоитель: названіе опекуна, душеприкащика, управляющаго компаніею, повѣреннаго (*Unterschlagung* и *Untreue*). Во французскомъ правѣ нѣтъ простаго присвоенія, а выдѣляется только нарушеніе довѣрія: *abus de confiance* при особенныхъ отношеніяхъ (art. 408 Code pénal) и присвоеніе вещей, до-

вѣренныхъ *à titre de louage, depôt, mandat ou pour un travail salarié ou non salarié.* У насъ въ противность тому, что существуетъ во Франціи, присвоеніе простое имѣетъ особое мѣсто рядомъ съ мошенничествомъ, а нѣтъ преступленія соотвѣтствующаго abus de confiance и предусмотрѣны два только случая abus de confiance, одинъ въ 1198 ст. улож. для членовъ компаній, другой въ 1709 ст. для повѣренныхъ, вступающихъ во вредъ довѣрителя въ сдѣлки съ его противниками. Если брать 1198 ст. въ связи съ одной стороны съ постановленіями о присвоеніи, съ другой о мошенничествѣ, то составъ этого преступленія опредѣлится слѣдующими чертами:

1) *Субъектомъ* его можетъ быть только членъ общества, облеченный его довѣріемъ, въ этомъ обществѣ по выбору его служащій. 2) *Объектомъ* его можетъ быть только довѣряющееся общество, представляемое общимъ собраніемъ акціонеровъ. 3) Для понятія *умысла* мало того, чтобы преступникъ совершилъ дѣйствіе сознательно и намѣренно. Всѣ безъ исключенія законодательства требуютъ, чтобы онъ дѣйствовалъ *fraudulenter* (fraude ou intention de nuire; absichtlich zum Nachtheile der ihm anvertrauten Sache), т. е. не только съ положительнымъ намѣреніемъ сдѣлать то, что сдѣлано, т. е. взять свой вкладъ, но еще съ тѣмъ, чтобы *повредить* обществу, какъ довѣрителю. 4) Необходимо при томъ, чтобъ вредъ *дѣйствительно* былъ причиненъ объекту преступленія—довѣрителю. 5) Наконецъ необходимо, чтобы это причиненіе вреда послѣдовало посредствомъ *употребленія* на этотъ вредъ *власти*, которою преступникъ довѣрителемъ облеченъ, чтобы онъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ того, что ему довѣрено или поручено. Разсмотримъ, имѣются ли въ данномъ случаѣ всѣ эти пять капитальныхъ существенныхъ признаковъ. Составъ преступленія будетъ неполный коль-скоро нѣтъ котораго-либо изъ нихъ.

Первое условіе на лицо: Шумахеръ былъ дѣйствительно довѣренное лицо, избранное въ члены совѣта

общимъ собраніемъ акціонеровъ и въ предсѣдатели товарищами—членами совѣта.

Втораго условія совсѣмъ нѣтъ. Объектомъ преступленія можетъ быть *только само общество*, а не посторонніе лица напр. *кредиторы* общества. Сама прокуратура и судъ признаютъ, что 5 октября банкъ уже былъ трупъ, что онъ уже былъ несостоятельнымъ, сами они обвиняютъ членовъ совѣта за непрекращеніе операцій. Если банкъ былъ все равно что трупъ, а его имущество, въ которомъ пассивъ преобладалъ надъ активомъ было только массою, подлежащею распредѣленію между кредиторами, то я полагаю, что объектъ преступленія, требуемый ст. 1198, уже не существовалъ. Съ кредиторами же банка Шумахеръ не состоялъ ни въ какихъ отношеніяхъ довѣрія: онъ самъ былъ такой же кредиторъ, какъ и они. Взятіемъ Шумахеромъ вклада нисколько не измѣнился балансъ Банка, потому что насколько уменьшился активъ, настолько уменьшился пассивъ, а разница осталась таже самая.

Третье условіе—умыселъ съуживается въ рѣшеніи суда до послѣднихъ предѣловъ возможнаго, до сознанія въ Шумахерѣ, что вынутіемъ вклада уменьшится капиталъ общества. Я уже старался доказать, что этого мало, что если *умыселъ* прямо упомянутъ въ 1198 ст., то это обозначаетъ, что здѣсь требуется не простая сознательность, но нѣчто большее, а именно особенная цѣль преступная, извѣстнымъ образомъ опредѣленная. Прокуроръ въ своемъ объясненіи утверждаетъ, что умыселъ былъ, потому что Шумахеромъ руководила при вынутіи вклада цѣль корыстная, желаніе возвратить себѣ вкладъ полностью. Этотъ доводъ грѣшитъ незнакомствомъ съ техникою, съ терминологіею уложенія. Уложеніе подъ словомъ корыстная цѣль никогда не подразумѣваетъ желанія доставить себѣ *законную* выгоду, воспользоваться законнымъ правомъ, вынутіе же вклада есть цѣль вполнѣ законная, въ противномъ случаѣ всѣ вкладчики, вынувшіе 2,400,000 р. съ 5 по 11

октября сидѣли бы на скамьѣ подсудимыхъ. Итакъ въ данномъ случаѣ корыстные виды не примѣнимы, необходимо намѣреніе вредить довѣрителю, а этого то намѣренія и нѣтъ. Само соображеніе, что получая вклады Шумахеръ уменьшилъ платежную способность банка есть не больше какъ *софизмъ*. Несостоятельность значитъ отсутствіе платежной способности, банкъ былъ ея лишенъ по обвинительному акту и мнѣнію суда уже 5 октября, и потому Шумахеръ не могъ уменьшить того, что вовсе не существовало. Только въ математикѣ употребляются величины отрицательныя; въ дѣйствительности ихъ нѣтъ, онѣ только условные знаки.

Четвертое условіе—вредъ банку есть тоже фикція, такая же какъ уменьшеніе платежной способности банка, квадратура круга, круглый четвероугольникъ! Если банкъ умеръ, а совѣтъ обвиняется въ томъ, что скрывалъ отъ публики его плачевную кончину, то вредъ не могъ быть причиненъ ни банку, который умеръ, ни лицамъ, которыя бы являлись продолжателями его личности, банкъ не оставилъ наслѣдниковъ, имущество его невыморочное, оно ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ въ казну.

Пятое условіе—выдача вклада произошла не чрезъ злоупотребленіе довѣрія. Это послѣднее условіе я отрицаю въ большей еще степени нежели всѣ остальныя. Мнѣ говорятъ: дѣло рѣшено по существу непоколебимымъ въ этомъ отношеніи приговоромъ присяжныхъ; присяжные признали, что Шумахеръ воспользовался преимуществами своего званія и такимъ образомъ употребилъ во зло оказанное ему довѣріе. Я долженъ прежде всего отдѣлить въ этомъ отвѣтѣ, что сказали присяжные *отъ умозаключеній самого суда*. Отвѣчая на вопросы, присяжные признали: 1) что Шумахеръ воспользовался преимуществами своего званія, 2) для взятія своего вклада полностію; 3) между тѣмъ какъ званіе обязывало его не допускать даже съ ущербомъ для себя уменьшенія капитала Банка. Изъ этихъ трехъ положе-

ній первое фактически невѣрно, но я не вправѣ его опровергать, оно примѣръ неправды, которую никакъ нельзя исправить. Членъ совѣта ни чѣмъ не распоряжается, приказовъ не даетъ; онъ по званію члена совѣта, узналъ о положеніи дѣлъ банка, но онъ взялъ свой вкладъ не позванію члена совѣта, а по званію кредитора. Но если бы въ самомъ дѣлѣ онъ взялъ свой вкладъ пользуясь своимъ положеніемъ, какъ члена совѣта, то взятіе своего вклада есть дѣйствіе совершенно законное и потому ненаказуемое. Итакъ, вся суть отвѣта заключается въ третьемъ положеніи, въ словахъ что Шумахеръ взялъ свой вкладъ, между тѣмъ, какъ на немъ лежали такія-то обязанности. Защитникъ Шумахера протестовалъ въ судѣ противъ постановки всего вопроса, въ кассаціонной своей жалобѣ онъ оспариваетъ послѣднюю его часть, содержащую изложеніе обязанностей членовъ совѣта. Я поддерживаю эту часть жалобы на слѣдующихъ основаніяхъ. Если по 760 ст. уст. угол. суд. присяжнымъ нельзя предлагать вопросъ въ видѣ закономъ принятыхъ опредѣленій, то конечно нельзя предлагать на ихъ разсмотрѣніе вопросовъ о томъ, какія обязанности возложены закономъ на членовъ совѣта, потому что присяжные не законники, а это вопросы *техническіе*, юридическіе, въ которыхъ они не свѣдущи, въ которыхъ нельзя ихъ брать въ провожатые. Я не унижу нисколько достоинства присяжныхъ, если скажу, что они столь же мало способны рѣшать техническіе вопросы юриспруденціи, какъ я, не математикъ, разрѣшать задачи съ помощію дифференціальнаго исчисленія. Въ сферѣ уголовной есть два ряда предметовъ, сличаемыхъ между собою и приводимыхъ къ уравненіямъ: обязанности людскія, изображенныя въ законахъ, толкуемыя судомъ безъ помощи присяжныхъ и дѣянія человѣческія, которыя обсуждаются для подведенія ихъ подъ законы; въ дѣлахъ важнѣйшихъ, дѣянія эти обсуждаются присяжными. Судъ не можетъ предлагать присяжнымъ вопросовъ, виновенъ ли подсудимый въ томъ, что нару-

шилъ такія-то обязанности, закономъ на него возложенныя, потому что они могутъ отвергнуть виновность, не признавая самой обязанности, не сочувствуя ей, и такимъ образомъ присяжные отмѣнятъ то, что установлено законодателемъ. Если присяжные не законники, то нельзя ни давать имъ провѣрять правильность того, что установлено закономъ, ни предлагать имъ свое толкованіе обязанностей будто бы изъ закона вытекающихъ, а можетъ быть и совсѣмъ изъ закона не почерпнутыхъ и лишенныхъ всякаго законнаго основанія, потому что если въ вопросахъ факта совѣсть присяжныхъ есть окончательно рѣшающая власть, то въ вопросахъ права должны быть инстанціи, должно быть обращеніе къ кассаціонному департаменту сената. Всякій судъ можетъ ошибиться и измыслить небывалыя обязанности, которыя потомъ присяжные закрѣпятъ своимъ приговоромъ. Ошибки эти возможны; онѣ и допущены московскимъ окружнымъ судомъ, который въ вопросѣ присяжнымъ позволилъ себѣ изложить обязанности члена совѣта банка чисто *фантастическія*. Никогда законъ не возлагалъ на членовъ совѣта обязанностей дѣйствовать въ ущербъ своимъ собственнымъ интересамъ. Еще римляне сводили всѣ юридическія обязанности къ тремъ: *honeste vive, neminem laede, suum cuique tribue*. Мы слышали здѣсь въ засѣданіи высказанное мнѣніе, что всякіе вопросы права могутъ превращаться въ вопросы факта; къ сожалѣнію не были указаны законы, по которымъ совершаются подобныя превращенія. Я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что законы суть тоже факты, но факты абстрактные, эти абстрактные факты не могутъ быть превращаемы въ конкретные и предлагаемы въ такомъ видѣ присяжнымъ, потому что присяжные установлены только для однихъ конкретныхъ фактовъ, а не абстрактныхъ. Превратнымъ истолкованіемъ обязанностей членовъ совѣта судъ могъ ввести въ заблужденіе присяжныхъ и былъ причиною того, что они признали Шумахера виновнымъ. По всѣмъ симъ основа-

ніямъ оказывается, что въ поступкѣ Шумахера нѣтъ четырехъ изъ пяти признаковъ состава преступленія, предусмотрѣннаго въ 1198 ст. ул., а потому онъ долженъ быть отъ суда освобожденъ.

Да будетъ мнѣ позволено при окончаніи защиты сказать нѣсколько словъ о весьма важной бытовой сторонѣ настоящаго дѣла, для котораго ваше рѣшеніе, гг. сенаторы, будетъ имѣть громадное значеніе. Акціонерное дѣло у насъ новое; въ то время, когда писалось уложеніе оно существовало въ однихъ ничтожныхъ зачаткахъ; иначе и быть не могло при системѣ правительственной опеки въ области промышленности. Съ тѣхъ поръ Россія вступила на новые пути, возникли банки, желѣзнодорожныя компаніи, торговыя товарищества. Разумѣется эти скороспѣлые плоды— пріобрѣтенія ненадежныя, набирались туда люди всякіе, и существовало убѣжденіе, что достаточно получить уставъ, вывѣску повѣсить, да выбрать правленіе и совѣтъ, чтобы машина пошла, какъ слѣдуетъ. Всякая новинка, пока она привьется, оплачивается крахами и неудачами, разочарованіями. Всѣ страны переживаютъ подобные кризисы, доходя горькимъ опытомъ до сознанія условій, при которыхъ механизмъ можетъ успѣшно дѣйствовать. Урокъ былъ и намъ данъ,—и притомъ данъ урокъ относительно дешевый; онъ произвелъ сильное впечатлѣніе, панику, острастку, заставилъ призадуматься. Онъ породилъ раньше вопросы по предмету того, какъ слѣдуетъ относиться къ акціонернымъ неурядицамъ. Два противоположныя направленія высказались въ двухъ сужденіяхъ по дѣлу Московскаго коммерческаго ссуднаго банка—въ приговорѣ присяжныхъ и въ рѣшеніи коронныхъ членовъ суда. Взглядъ присяжныхъ умѣреннѣе; вина всеобщая, всѣ виноваты, но тѣ которые провинились только оплошностію, малою заботливостью должны быть освобождены, наказать слѣдуетъ только лицъ дѣйствовавшихъ вполнѣ недобросовѣстно. Иной, болѣе энергичный образъ мыслей у коронныхъ судей, которые при-

говоромъ присяжныхъ недовольны и явно высказываютъ сожалѣніе о томъ, что имъ не предоставлено право передавать дѣла, подобныя настоящему, на новый комплектъ присяжныхъ вслѣдствіе того, что оправданные явно, по ихъ мнѣнію, виноваты. Увлекаясь своею спеціальностью, гг. коронные судьи полагаютъ, что все акціонерное дѣло можно бы наладить и имъ заправлять посредствомъ острастки, посредствомъ частаго употребленія уголовныхъ инструментовъ, закона о подлогѣ, законовъ о мошенничествѣ, о присвоеніи и бездѣйствіи власти, 1198 ст. Улож. Недостатокъ этой политики заключается въ томъ, что она дѣйствуетъ крутыми мѣрами, что она вводитъ въ сложное и трудное акціонерное дѣло сильно и разрушительно дѣйствующіе снаряды, отъ которыхъ попортятся всѣ зубья и колеса, всѣ составныя части машины. Излѣченіе конечно будетъ радикальное въ томъ смыслѣ, что неправильностей въ ходѣ машины не будетъ, когда перестанетъ дѣйствовать сама машина.

Уголовный кассаціонный департаментъ (въ 37 ст. св. рѣшенія) призналъ, что члены совѣта Московскаго коммерческаго банка обвинялись въ допущеніи уменьшенія оставшихся въ банкѣ 5 октября капиталовъ, составлявшихъ общую собственность кредиторовъ банка выдачею вкладовъ полнымъ рублемъ, между прочимъ, и Шумахеру *съ нарушеніемъ* при этомъ правилъ, установленныхъ для выдачи по чекамъ; но изъ вопросовъ и отвѣтовъ присяжныхъ невидно признанія нарушеній этихъ правилъ и вообще допущенія злоупотребленій въ порядкѣ выдачи Шумахеру вклада, а въ виду сего помѣщенное въ вопросѣ выраженіе «воспользовался должностью члена совѣта для полученія вклада полностью» безъ объясненія въ чемъ именно это воспользованіе заключалось, не можетъ имѣть значенія. По уставу банка членамъ совѣта и служащимъ вообще не воспрещено быть вкладчиками банка, и выдача имъ вкладовъ не обусловливается какими либо особыми правилами, да и отвѣтомъ присяжныхъ Шумахеръ признанъ виновнымъ въ томъ только, что зная о растратѣ капиталовъ банка, *поспѣшилъ лишь* взять свой вкладъ, тогда какъ по довѣрію акціоперовъ, избравшихъ его въ составъ совѣта, онъ обязанъ былъ ограждать интересы банка и его кредиторовъ недопущеніемъ даже съ ущербомъ для себя уменьшенія капиталовъ банка, подлежащихъ соразмѣрному между кредиторами распредѣленію. Вкладчики банка представляютъ кредито-

ровъ банка, которые въ случаѣ *поспѣшности* полученія уплаты отъ своего должника до объявленія послѣдняго несостоятельнымъ, хотя бы и въ ущербъ другимъ кредиторамъ, не совершаютъ уголовнаго проступка. Засимъ остается только обвиненіе Шумахера въ томъ, что онъ зная несостоятельность банка къ полному удовлетворенію кредиторовъ банка, недолженъ былъ по званію члена совѣта воспользоваться представленнымъ ему, какъ вкладчику, правомъ полученія своего вклада полностью. По точному смыслу этого обвиненія дѣйствіе Шумахера, если признаютъ оное несоотвѣтствующимъ въ данномъ случаѣ положенію Шумахера, какъ члена совѣта, не могло за силою 1 ст. улож. послужить основаніемъ къ присужденію его къ уголовной отвѣтственности, какъ потому, что для членовъ совѣта, состоящихъ въ тоже время въ отношеніи къ банку вкладчиками, никакихъ особыхъ ограниченій въ правѣ полученія своего вклада уставомъ банка не опредѣлено, такъ и потому, что въ приведенномъ вопросѣ о дѣйствіи Шумахера не заключается признаковъ какого либо дѣянія воспрещеннаго закономъ подъ страхомъ наказанія. Въ виду сего, признавая выводы суда и прокурора въ возраженіи по жалобѣ Шумахера о преступности указаннаго въ вопросѣ дѣянія его не согласными съ точнымъ смысломъ рѣшенія присяжныхъ засѣдателей и съ уставомъ банка, жалоба защитника Шумахера о томъ, что въ дѣяніи, въ коемъ подсудимый обвиняется по вопросу нѣтъ признаковъ преступленія или проступка представляется заслуживающею уваженія.

20.

Дѣло о 50 разныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи по составленію противозаконнаго сообщества и распространенію преступныхъ сочиненій.

Дознаніями, начавшимися весною 1875 года въ Москвѣ, а затѣмъ послѣдовательно производившимися въ 1875 и 1876 гг. во Владимірской, Саратовской губерніяхъ и городахъ Тулѣ, Кіевѣ и Одесѣ, было обнаружено существованіе тайнаго организованнаго сообщества, задавшагося цѣлью ниспроверженія существующаго порядка управленія и водворенія анархическихъ началъ въ русскомъ обществѣ. Это общество создалось подъ руководствомъ и непосредственнымъ вліяніемъ лицъ, оставившихъ Россію, переселившихся заграницу, преимущественно въ Швейцарію, и возвратившихся обратно въ отечество съ единственною цѣлью заняться пропагандою революціонныхъ идей среди рабочаго класса имперіи.

Къ слѣдствію и суду было привлечено 50 лицъ, по обвиненію: 1) первая група, и въ томъ числѣ Джабадари, Георгіевскій и Вѣра Любатовичъ въ томъ, что составили и принимали участіе въ противозаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства, что предусмотрѣно 2 ч. 250 ст. улож. о нак.; 2) сверхъ того Джабадари, Вѣра Любатовичъ и др. въ распространеніи печатныхъ сочиненій, имѣвшихъ цѣлью возбудить къ бунту или явному

неповиновенію власти верховной, что предусмотрѣно 251 ст. улож.; 3) независимо отъ сего кн. Циціановъ и Вѣра Любатовичъ въ томъ, что во время обыска, съ цѣлью лишить жизни полицейскихъ чиновъ Ловягина и Ѳедорова, первый сдѣлалъ по Ловягину два выстрѣла изъ револьвера, а вторая душила руками Ѳедорова, но намѣренія своего привести въ исполненіе не успѣли, каковыя дѣянія предусмотрѣны 114 и 1455 ст. улож. о наказ.

Разборъ дѣла происходилъ въ особомъ присутствіи правит. сената, учрежденнаго для разсмотрѣнія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, съ 21 февраля по 14 марта 1877 года, при открытыхъ дверяхъ, «Правительственный Вѣстникъ» 1877. № 39 и слѣд.

ГГ. судьи! Такъ случалось, что мои подсудимые съ краю верхняго всей фаланги—первые, а потому и я съ краю — первый, и что мнѣ выпала въ нѣкоторомъ отношеніи выгодная а въ нѣкоторомъ и невыгодная доля первому говорить, и выразить многое, что, по всей вѣроятности, раздѣляется многими моими товарищами по защитѣ. Вотъ почему безъ всякой между нами стачки и сговора, просто въ силу того, что каждый процессъ есть работа коллективная, стройная, съ раздѣленіемъ труда, работа органическая, въ виду того чтобы не терять времени лишняго и не говорить словъ праздныхъ, я смѣю думать, что я въ общихъ моихъ соображеніяхъ, а не въ подробностяхъ, выражу многое, что думается и чувствуется моими товарищами по защитѣ и прежде всего къ числу такихъ общихъ ощущеній я долженъ отнести чувство большой трудности нашей задачи и большой отвѣтственности, которую мы несемъ въ настоящую минуту. Трудность велика, каждое слово должно быть взвѣшиваемое, не докажешь—не хорошо защищаешь кліента, такъ сказать, казеннымъ образомъ лишнее скажешь, вступишься теплымъ словомъ за обвиняемымъ,—посягнешь на основы церкви, общества, государства, семьи и доброй нравственности. Я лично полагаю, что эта трудность болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная, что она въ значительной степени облегчится для насъ вами же, гг. судьи, потому что она

искуственно создана разными умышленными или неумышленными алармистами и основана на смѣшеніи умышленномъ или безсознательномъ, но ошибочномъ, личностей подсудимыхъ съ личностями защитниковъ. Къ несчастію это смѣшеніе никогда не бываетъ по обыкновеннымъ дѣламъ, а только какъ разъ постоянно и неизмѣнно просходитъ по дѣламъ политическимъ. Когда судится убійство или кража, то никто и не вздумаетъ заподозрить въ защитникѣ единомышленника, хотя бы съ трогающею до глубины души красотою онъ отстаивалъ своего кліента, но есть много людей, которые по преступленіямъ политическимъ готовы корить защитника за всякое слово теплое, сказанное въ пользу этихъ гибнущихъ молодыхъ силъ, до того сильно предубѣжденіе, которое отвергая и осуждая ихъ гуртомъ, видитъ въ нихъ либо сумашедшихъ, либо отъявленныхъ враговъ всякаго общежитія, разрушающихъ основы общества и государства. Въ вашемъ присутствіи, гг. судьи, подъ вашею эгидою и на вашихъ глазахъ мы подобнаго смѣшенія опасаться не можемъ, смѣшенія, которое, сливая подсудимаго съ защитникомъ, влагалобы въ защитника душу подсудимаго и наоборотъ заставляло бы подсудимаго страдать и терпѣть всякія послѣдствія за всякое неловкое слово защитника. Отъ васъ, конечно, нечего опасаться этого смѣшенія съ подсудимыми, отъ которыхъ насъ отдѣляетъ возрастъ, общественное положеніе, иной образъ мыслей, иныя идеи, нравы; вѣдь и защищать мы явились большею частью по наряду и назначенію суда. Говорю я объ этомъ коренномъ различіи не потому, чтобы я желалъ насъ самихъ лично выгородить и обезопасить, выдавая головою подсудимыхъ, или чтобы я хотѣлъ нашу задачу возвести до простого актерства, до лицедѣйства, но потому что на этомъ различіи основывается качество защиты, которое къ несчастію оспаривается не по всѣмъ дѣламъ вообще, а только по политическимъ, и безъ котораго защита существовать не можетъ и будетъ только притворная а слѣдовательно

безполезная и унизительная — я разумѣю *свободу защиты.* Я разумѣю свободу какъ нѣчто относительное, допускающее, степень и утверждаю, что, хотя есть страны и общества, въ которыхъ эта свобода больше, шире, въ которыхъ она доходитъ до того, что на судѣ подобномъ настоящему можно даже продискутировать тѣ ученія, которыя судятся, выдѣливъ изъ нихъ ту частицу истины, которая кроется въ каждомъ ученіи самомъ вредномъ, но тѣмъ не менѣе эта свобода существуетъ и у насъ какъ возможность защищать, какъ возможность высказать все то, что можетъ быть сказано для оправданія или уменьшенія вины подсудимыхъ, серьезно, скромно, безъ фразъ, не для того, чтобы рисоваться и производить эффектъ, и не для того, чтобы совершить формальность, но для того чтобы произвести на совѣсть людей не предубѣжденныхъ и безпристрастныхъ возможно выгодное или лучше сказать наименѣе не выгодное впечатлѣніе для подсудимыхъ и даже для идей и чувствъ, которыя руководили ими въ ихъ антигосударственной, революціонной дѣятельности.

У меня трое подсудимыхъ, которые по отношенію къ тяжести обвиненія идутъ въ такомъ порядкѣ: 1) Вѣра Любатовичъ и заговорщица и пропагандистка по обвинительному акту, болѣе даже заговорщица, потому что она не видно, чтобы пропагандировала въ администраціи, такъ что если въ ней скрещиваются два обвиненія, то первое беретъ верхъ надъ вторымъ; 2) Джабадари, который, хотя и обвиняется и въ сообществѣ и въ пропагандѣ, но по отношенію къ которому обвиненіе въ сообществѣ отодвигается на задній планъ, такъ какъ и сама организація сообщества болѣе поздняя по времени, нежели его заарестованіе, слѣдовательно участникъ, который по моему только и можетъ быть уличаемъ съ успѣхомъ, какъ въ главномъ преступленіи доказанномъ—въ пропагандѣ, а уже по изобличеніи въ пропагандѣ можетъ быть привлеченъ по второстепенному обвиненію—въ сообществѣ, какъ къ факту предполагаемому; нако-

нецъ 3) Георгіевскій, который и арестованъ до возникновенія организаціи, слѣдовательно когда, какъ я постараюсь доказать, не было еще сообщества въ настоящемъ смыслѣ слова, въ смыслѣ соединенія лицъ дѣйствующихъ по опредѣленному плану, да онъ и не пропагандировалъ, не ходилъ въ народъ, не раздавалъ книжекъ, а обличается въ весьма реальномъ, но не политическомъ преступленіи, за которое и судиться въ особомъ присутствіи не можетъ, а именно въ проживаніи по чужому или по ложному паспорту. Попался онъ потому, что, по случайному стеченію обстоятельствъ, накрытъ въ чужой квартирѣ вмѣстѣ съ другими; знакомый—слѣдовательно сообщникъ, вѣроятно по пословицѣ: «съ кѣмъ знаешься, такимъ и самъ бываешь». И по раздѣленіи подсудимыхъ на группы, я не могу ставить защиты въ такомъ порядкѣ и отдѣляю Вѣру Любатовичъ за послѣднее время къ группѣ 4-ой. И по моимъ личнымъ соображеніямъ, какъ защитника, то есть какъ техника, который предпочитаетъ методически разбирать вопросы, я долженъ и 2-хъ другихъ подсудимыхъ переставить, чтобы идти отъ простого къ болѣе сложному, отъ извѣстнаго къ менѣе извѣстному и болѣе сомнительному. Я во главу угла моей защиты ставлю Георгіевскаго и полагаю, что если, мнѣ удастся его оправдать, не по несомнѣнному преступленію, въ которомъ онъ положительно виновенъ, но по которому значительную часть населенія Россіи, т. е. всю Русь безпаспортную и бродячую можно перевести въ политическіе преступники, но въ томъ въ чемъ онъ обвиняется по обвинительному акту. Если онъ будетъ оправданъ, то есть еще лучъ надежды и для Джабадари, который имѣетъ съ Георгіевскимъ одну общую черту—отрицаніе самаго матеріальнаго факта, ставимаго и тому и другому въ вину. Отрицать этотъ фактъ труднѣе Джабадари чѣмъ Георгіевскому, потому что, если проанализировать этотъ фактъ съ поддерживающими его доказательствами, то фактъ самъ улетучивается и пропадаетъ. Разберемъ въ чемъ же

собственно проявилась прикосновенность матеріальная или моральная Георгіевскаго къ разбираемому здѣсь сообществу.

Причины, по которымъ я полагаю, что особое присутствіе не вправѣ судить Георгіевскаго за проживательство по завѣдомо фальшивому, виду я вывожу изъ двухъ оснований: а) изъ того, что по 751 ст. ус. уг. суд. основаніемъ вопросовъ по существу дѣла служитъ прежде всего и главнѣйше *обвинительный актъ;* а также слѣдствіе съ преніями, на сколько это слѣдствіе развиваетъ, дополняетъ или измѣняетъ выводы обвинительнаго акта. Изъ сего наша практика, на сколько мнѣ извѣстно, вывела то заключеніе, что не по обвинительному акту ставятся вопросы, когда въ слѣдствіи произошло нѣчто новое, когда обнаружены новые факты, вслѣдствіе которыхъ событіе получило новую окраску, новую квалификацію; но если къ фактамъ ничего во время слѣдствія не прибавилось, то невозможно по требованію обвиненія или усмотрѣнію суда измѣнять вопросъ и нельзя ни по ст. 751, ни даже по статьѣ 752, гдѣ говорится о преступномъ дѣяніи, не предусмотрѣнномъ въ обвинительномъ актѣ, но обнаруженномъ при судебномъ слѣдствіи и гдѣ разрѣшается ставить вопросы, если они подвергаютъ наказанію болѣе слабому; нежели предусмотрѣнное въ обвинительномъ актѣ. Я не могу сказать, что дѣяніе проживательства по фальшивому виду не предусмотрѣно въ обвинительномъ актѣ, въ ст. 6 обвинательнаго акта написано: «паспортъ В. Георгіевскаго оказался по справкамъ подложнымъ», и только изъ того предусмотрѣннаго дѣянія не выведено окончательное заключеніе. Почему оно не выведено? Я не знаю. Можетъ быть потому, чтобы поставить судьямъ дилемму: либо этотъ человѣкъ несомнѣнно виновный будетъ совсѣмъ оправданъ, либо обвиненъ, но въ тяжкомъ преступленіи безъ всякихъ посредствующихъ оттѣнковъ. Если такова была тактика обвиненія, то послѣдствіями ея только и могутъ быть оправданіе

или обвиненіе по главному вопросу и оставленіе вопроса о меньшемъ преступленіи безъ разсмотрѣнія, тѣмъ болѣе, что это преступленіе можетъ быть преслѣдуемо отъ настоящаго дѣла особо. Противный тому образъ дѣйствія весьма по послѣдствіямъ неудобенъ и нарушаетъ начало fair play—равноправности сторонъ, равенства сторонъ въ состязаніи. Обвиненіе, имѣя факты въ обвинительномъ актѣ достаточные для обвиненія въ нѣсколькихъ преступленіяхъ одновременно совершенныхъ, совокупно вмѣщающихся въ одномъ внѣшнемъ дѣйствіи и одинаковыхъ по отвѣтственности, можетъ нарочно обвинять не по самому подходящему съ тѣмъ, чтобы защита не могла и подготовиться къ отпору, вызвать свидѣтелей, собрать доказательства.. .Наступаетъ состязаніе; обвиненіе отступаетъ отъ выставленнаго въ обвинительномъ актѣ; оказывается, что это обвиненіе было притворное и демаскируется главное обвиненіе, наносится неотразимый ударъ, неотразимый потому, что онъ задуманъ, но прикрытъ. Я не утверждаю, чтобы нѣчто подобное имѣло мѣсто теперь, я утверждаю только, что оно могло бы быть и ради этой возможности я ходатайствую, чтобы ее навсегда и въ принципѣ устранить.

Другое основаніе моего ходатайства основано на точномъ смыслѣ Высочайш. повелѣнія отъ 8 іюля 1876 г., изложеннаго въ предложеніи Министра Юстиціи Сенату 20 іюля 1876 г. Въ судебныхъ уставахъ, въ ст. 545 уст. уг. суд. содержится важное постановленіе, что по дѣлу, судимому съ присяжными, никто не можетъ быть судимъ безъ предварительнаго слѣдствія, по одному лишь дознанію. Изъ этого начала сдѣлано было въ Высоч. повелѣніи исключеніе примѣнительно къ 545 ст—дать ходъ дѣлу по дознанію, безъ предварительнаго слѣдствія, то есть судить это дѣло политическое какъ судятся дѣла безъ присяжныхъ; это дѣло совершенно опредѣленное, это дѣло а не какое бы то не было другое, которое могло бы кромѣ того по поводу этого дѣла обнаружиться. Высоч. повелѣніе, лиша-

ющее подсудимыхъ одной изъ гарантій, которой они пользовались бы въ обыкновенномъ порядкѣ судопроизводства, должно быть толкуемо стѣснительно и строго. Матеріалъ весь, къ которому оно относится, переданъ для составленія обвинительнаго акта; предполагается, что въ обвинительномъ актѣ выведены всѣ заключенія, которыя можно извлечь т. е. перечислены всѣ признаки преступленія. Если оказывается, что можно сдѣлать еще обвиненіе въ подлогѣ паспорта, то это преступленіе новое, если оно новое, то конечно на него не распространяется дѣйствіе Высоч. повелѣнія отъ 8 іюля, а такъ какъ это преступленіе судится съ присяжными (976 ст. улож.) то либо надлежало бы пріостановить все судебное слѣдствіе по политическому преступленію по 753 ст. уст. уг. суд., либо оставить безъ разсмотрѣнія обстоятельство о проживаніи по фальшивому паспорту.

Я постараюсь вамъ доказать, что это сообщество со стороны Георгіевскаго не проявилось рѣшительно ни въ чемъ и я надѣюсь, что докажу, если... если... тутъ камень преткновенія, тутъ вопросъ коренной капитальный для всей защиты, который надобно прежде всего устранить... если не будетъ недоразумѣнія въ методѣ, если обвиненіе, защита и судъ будутъ дѣйствовать по одному и тому же методу изслѣдованія, а не пойдутъ кто въ одну, кто въ другую сторону. Какой же долженъ быть методъ? зачѣмъ возбуждается этотъ вопросъ о методѣ, когда судъ настоящій есть судъ по совѣсти и внутреннему убѣжденію? Почему?... а потому, что уже при предварительномъ слѣдствіи по вопросу о прочности показанія Жерковскаго (2 группа) произошло кое что и высказались взгляды, которые ставятъ защиту въ тупикъ... ни одинъ документъ, находящійся въ дѣлѣ, не былъ оставленъ особымъ присутствіемъ безъ разсмотрѣнія, такъ какъ особое присутствіе не есть судъ присяжныхъ и оно не руководствуется законами установленными для присяжныхъ а почерпаетъ свои

убѣжденія какъ изъ судебнаго слѣдствія, такъ и изъ всего матеріала заключающагося въ десяти томахъ жандармскаго дознанія. Таковъ былъ смыслъ опредѣленія Правительствующаго Сената, состоявшагося 24 февраля. Какъ понимать эти слова: слѣдуетъ ли защитѣ готовиться къ отпору всѣхъ возможныхъ предположеній и уликъ содержащихся въ громадномъ матеріалѣ десяти томовъ или ей достаточно отражать и защищаться противъ того, что было здѣсь прочитано, сказано и выслушано? Вопросы эти капитальные для всѣхъ насъ, отъ нихъ зависитъ нашъ образъ дѣйствій. Разрѣшая этотъ вопросъ по моему крайнему разумѣнію, я въ моихъ колебаніяхъ и недоумѣніяхъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ, которые считаю долгомъ изложить.

Всѣ уголовныя судопроизводства дѣлятся на два типа: 1) на процедуры письменныя онѣ же и инквизиціонныя, здѣсь нѣтъ дѣленія работы, нѣтъ обвиненія, нѣтъ защиты, а есть одни судьи, вытаскивавшіе истину изъ груды бумагъ, но есть и гарантія: судятъ человѣка только по бумагѣ и каждый выводъ, какъ въ историческомъ сочиненіи долженъ быть подкрѣпленъ ссылкою на бумажные источники, причемъ предполагается что эти источники собраны правильно и формально. 2) Другой типъ представляетъ процедура устная и вмѣстѣ съ тѣмъ состязательная, здѣсь есть письменная подготовка, но она составляетъ элементъ, иногда состоящій изъ одного только дознанія, есть обвиненіе, которое изъ груды матеріала изготовляетъ свою программу — обвинительный актъ, есть защита, которая изъ той-же груды извлекаетъ то только, чѣмъ нужно отразить актъ, есть законы допускающіе только частицѣ быть предлагаемою на судѣ и относящіе все остальное въ бракъ; законы эти одинаковы и для суда присяжныхъ и для суда безъ присяжныхъ; для присяжныхъ они существуютъ въ такомъ видѣ, что имъ недопускается даже знакомиться съ содержаніемъ акта не разрѣшаемаго закономъ для прочтенія и не бывшаго предметомъ состязанія на-

судѣ; для суда безъ присяжныхъ они существуютъ въ томъ видѣ, что хотя судъ беретъ съ собою дѣло и можетъ его прочесть, но основывать свои сужденія онъ можетъ всетаки только на томъ, что обсуждалось въ судебномъ засѣданіи и о чемъ сказали свое слово и обвинитель и защитникъ, все же остальное идетъ въ бракъ, какъ для математика все, что небыло имъ повѣрено, какъ для химика или физика свѣдѣнія, переданныя но не испытанныя и не испробованныя на опытѣ. Когда особое присутствіе по поводу показанія Жерковскаго постановило читать, мотивируя чтеніе тѣмъ, что для него какъ для суда присяжныхъ необязательны строгіе законы бракованія доказательствъ и что оно не можетъ оставить ни одного документа не разсмотрѣннымъ, то я это опредѣленіе понялъ такимъ образомъ, что по требованію обвиненія, защиты или по постановленію суда могутъ быть прочитаны всякіе акты, кромѣ разумѣется самосознаній подсудимыхъ, но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы на актахъ не прочтенныхъ могъ судъ основываться, чтобы всѣ десять томовъ онъ читалъ и выбиралъ изъ нихъ то, что сторонамъ и въ голову не приходило, чтобы удаляясь въ совѣщательную комнату, онъ могъ вынести приговоръ основанный на признаніяхъ подсудимыхъ на дознаніи, которымъ нашъ гуманный законъ до такой степени не даетъ вѣры, что вовсе устраняетъ и выдѣляетъ ихъ изъ судебнаго слѣдствія. И такъ, я полагаю, что хотя въ этомъ судѣ область источниковъ шире, но все таки она ограничена предѣлами судебнаго слѣдствія и что она только и состоитъ изъ этихъ элементовъ: 1) обвинительнаго акта, какъ программы, какъ того, что требуется доказать, 2) изъ фактовъ объективныхъ и разъясненныхъ при судебномъ слѣдствіи, подкрѣпляющихъ или ослабляющихъ обвиненіе и наконецъ 3) изъ умозаключеній почерпнутыхъ только изъ этихъ фактовъ и не больше. Если это такъ, то часть дѣла, касающаяся Георгіевскаго представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Сынъ весьма бѣднаго и обремененнаго огромнымъ семействомъ священника, неудавшійся студентъ технологическаго института и медико - хирургической академіи, уволенный въ началѣ 1875 г., не могшій ее кончить по недостатку средствъ, бѣдствовавшій до того, что долженъ былъ ночевать въ ночлежныхъ заведеніяхъ по 3 коп. за ночь, Георгіевскій прибылъ въ Москву и поставилъ себѣ задачею поступить куда нибудь простымъ слесаремъ на казенномъ или частномъ заводѣ. Жилъ онъ крайне бѣдно, квартиру нанималъ за 6 руб. въ мѣсяцъ; а такъ какъ отъ него постоянно требуютъ паспортовъ, то прошлое его званіе могло ему служить только помѣхою; студентъ по свидѣтельству академіи, вѣчный студентъ, лицо подозрительное въ виду полицейскаго надзора, простираемаго на всѣхъ въ послѣдніе 4, 5 лѣтъ, за тѣмъ, не проявляется ли интернаціоналка въ Россіи. Со своими бумагами было рискованно соваться на фабрику, онъ и купилъ за 5 рублей паспортъ темный, но такой въ которомъ фальшивы были только подписи да званіе, а показаны истинное имя и отечество Василій Григорьевъ. На своей квартирѣ онъ не имѣетъ притона, гдѣ бы сходился кружокъ товарищей и галдѣлъ и разсказывалъ и толковалъ; разъ только пришелъ къ нему переночевать его товарищъ, такой-же какъ онъ и ушелъ; предварительнымъ дознаніемъ хотѣли установить связь между Георгіевскимъ и жильцами дома Корсакъ чрезъ Чикоидзе, но домохозяинъ отвергаетъ это сходство, а что касается до Чикоидзе, то вы сами знаете, трудно ли это лицо запомнить, оно выдѣляется рѣзко и запечатлѣвается мѣтко въ памяти.— Никакихъ книжекъ у Георгіевскаго не найдено, да и вообще не установлено, что-бы онъ что нибудь читалъ, а тѣмъ менѣе, чтобы онъ распространялъ. Пасмурный, молчаливый, не общительный и угрюмый онъ меньше всего годится въ пропагандисты. Есть еще несомнѣнное доказательство отсутствія тѣсныхъ сношеній между Георгіевскимъ и жильцами дома Корсакъ. Это Дарья

Ивановна, которая разсказывала много про какого то Василія, покупавшаго мебель и давшаго ей первое свѣдѣніе объ арестѣ Николая Василіевича, но этого Василія здѣсь неопознавшая и прямо удостовѣрившая, что Георгіевскаго въ лицо не знаетъ. И такъ единственная ниточка, которая связываетъ Георгіевскаго съ группого дома Корсакъ, это фактъ, что его накрыли въ этомъ домѣ при обыскѣ 3 апрѣля. Георгіевскій не повторялъ здѣсь сказки: мебель ходилъ покупать. Онъ бѣднякъ, не имѣющій гдѣ эту мебель уставить. Назвался онъ Василіемъ Григорьевымъ изъ очень понятной боязни быть уличеннымъ въ другомъ преступленіи; онъ зашелъ просто но знакомству съ людьми, съ которыми встрѣчался въ академіи въ 73—74 и половинѣ 75 гг. и которые могли его пригласить по товариществу, могли его пригласить потому, что имѣли на него и какіе нибудь виды, но откуда же увѣренность, что эти виды раздѣлялъ Георгіевскій, что онъ ихъ поддержалъ? Никогда еще на одномъ столь страшно шаткомъ основаніи, какъ физическая близость не основывался приговоръ. Я утверждаю, что Георгіевскій совершенно чистъ въ томъ преступленіи, которое по кѣмъ то счастливо сдѣланной характеристикѣ есть преступленіе свыше уголовнаго, что онъ по крайней мѣрѣ былъ совершенно чистъ относительно сообщества до ареста, что-же случилось бы съ нимъ во время ареста... Во время ареста совершилось надъ нимъ, что совершается со всѣми арестантами, будь они судимы не за дѣла свыше уголовныхъ, а за простыя кражи; устанавливается особаго рода сообщество не политическое а просто тюремное, переписка, обмѣнъ словъ, общія думы и заботы о свободѣ, заговоры противъ тюремнаго начальства, всѣ порожденія скуки, всѣ ухищренія ума, обреченнаго на бездѣйствіе и способнаго вслѣдствіе уединенія на выходки необыкновенныя а иногда и геніальныя. Георгіевскій уже посвященъ въ шифры, уже принимаетъ дѣятельное участіе въ перепискѣ по слу-

чаю освобожденія Чикоидзе. Тѣмъ не менѣе я не думаю, чтобы его по поводу и на основаніи этого тюремнаго сообщества можно было привлечь къ отвѣтственности за заговоръ политическій. Я полагаю, что подобныя сообщества между людьми подъ замкомъ сидящими только и могутъ устраиваться, благодаря несовершенству мѣстъ содержанія или оплошности содержащихъ въ отношеніи къ содержимымъ. Злая сатира на современные порядки не могла бы придумать ничего злѣе предположенія о политическомъ заговорѣ, составленномъ уже въ тюрьмѣ между арестантами на ниспроверженіе государственнаго порядка и суда, который бы такихъ, въ мѣшкѣ сидящихъ, за это судилъ. И такъ, гг. судьи ни въ чемъ свыше уголовномъ Георгіевскій не повиненъ, не доказано даже, чтобы онъ былъ единомышленникъ ни кружковъ дома Корсакъ, ни своихъ товарищей по заключенію; а ежелибы вы и подозрѣвали, что онъ единомышленникъ, то слава Богу еще за мысли у насъ не судятъ; казнь за мысль въ смыслѣ науки есть такая криминалистическая ересь, которую я даже не берусь опревергать. Раставаясь съ Георгіевскимъ въ полной увѣренности, что я его еще встрѣчу на свободѣ и оправданнымъ, я приступаю къ другому подсудимому гораздо болѣе уличаемому и потому болѣе печальному, къ закавказцу Ивану Спиридоновичу Джабадари, который обвиняется и въ сообществѣ и въ пропагандѣ. Чтобы оцѣнить, какъ велики противъ него улики, надлежитъ взвѣсить объективно по началамъ науки, что такое сообщество и что такое пропаганда, послѣ чего уже можно будетъ подводить дѣяніе Джабадари подъ ту ли другую уголовную форму.

Въ то самое время когда по предположенію обвиненія нѣкоторые изъ подсудимыхъ, кромѣ Георгіевскаго, задумывали въ Парижѣ, Бернѣ и Цюрихѣ ниспроверженіе въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ русскаго правительства и упраздненіе русскаго государства, происходила здѣсь въ Россіи маленькая перемѣна

въ законахъ, предрѣшающая ихъ настоящую судьбу; 4 іюня 1884 г. добавлено къ 250 ст. 2-ую часть въ главѣ о бунтѣ и измѣнена въ главѣ о противозаконныхъ сообществахъ статья 318, бывшая въ свою очередь передѣлкою этой главы посредствомъ закона 27 марта 1867 г. Главныя черты этой перемѣны, измѣняющей существенно систему уложенія заключаются въ слѣдующемъ. Система уложенія была необыкновенно послѣдовательна и цѣльная; въ главѣ VI запрещались всякія собранія и соглашенія, хотябы и для дозволенныхъ закономъ цѣлей, и усиливаясь шли наказанія, смотря по увеличивающейся противозаконности цѣлей. Когда эта противозаконность доходила до возмущенія спокойствія государства и поколебанія или измѣненія образа и порядка правленія, то такое общество уже становилось однимъ изъ подвидовъ бунта, а законы о бунтѣ преслѣдовали и подавляли это преступленіе, начиная съ первоначальнаго его зародыша—появленія умысла въ единичной головѣ и до открытаго дѣла т. е. до возстанія заговоромъ или скопомъ противъ верховной власти. По наказанію выдѣлена была только одна зародившаяся въ единичной головѣ идея, она наказывалась слабо какъ приготовленіе и начало покушенія по 251 ст., но разъ она сообщена и распространена, само распространеніе сочиненія или письма или произнесеніе рѣчи преслѣдовались почти одинаково какъ заговоръ открытый до произведенія смятеній и почти одинаково какъ самъ бунтъ на дѣлѣ... Въ этой системѣ все послѣдовательно, но она вся покоится на предположеніи, что одна идея равна почти дѣлу, что надобно тушить идею въ ея зародышѣ, что зажигательная революціонная идея, хотя она мала какъ спичка, отъ которой не можетъ сыръ боръ загорѣться и которая есть только первое возбужденіе, вносимое въ организмъ общественный, совершенно по злокачественности равна рефлексамъ, вызваннымъ этою идеею, когда организмъ общественный его усвоилъ и перерабатываетъ, на каковую перера-

ботку требуется конечно время пропорціональное величинѣ этого организма. Эта система выкидывала совсѣмъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ для оцѣнки преступнаго умысла—время. Возьмемъ самаго радикальнаго революціонера, который составилъ себѣ идею объ упраздненіи всякаго государства и всякой власти, даже отцовской и материнской; если этотъ революціонеръ отлагаетъ осуществленіе своего идеала, хотя и не до второго пришествія Христа и не до возвращенія въ Европѣ ледяного періода, но за 200, 300 лѣтъ, когда не только его въ живыхъ не будетъ, но не будетъ въ живыхъ и тѣхъ самыхъ юныхъ дѣтей, съ которыми онъ сообщался въ условіяхъ жизни земной, то невозможно этого человѣка считать бунтовщикомъ и его идеи столь индиферентны для насъ, какъ индиферентно для насъ то что, по ученію естествоиспытателей пашупитъ когда-то прекращеніе жизни органической и паденіе земли на солнце. Вотъ почему, въ виду трудности примѣненія въ первоначальномъ видѣ ст. 249 о бунтѣ, въ виду усиливавшагося развитія во всевозможныхъ видахъ жизни общественной, чему дали толчекъ великія реформы настоящаго царствованія, явилась, необходимость соразмѣрить наказаніе съ видами вины вновь зарождающимися въ общежитіи и отдѣлить умыселъ на бунтъ въ опредѣленномъ будущемъ и посредствомъ мѣръ насильственныхъ, отъ вины человѣка не думающаго дѣйствовать насильственно и стремящагося только къ распространенію такихъ идей, которыя, въ заранѣе съ точностью неопредѣленное время, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ могли бы произвести коренной и можетъ быть внезапный государственный переворотъ. Таковъ смыслъ 2 ч. ст. 250 по редакціи 1874 г. Въ техническомъ отношеніи, въ отношеніи шематизма эта редакція стушевала всякую границу между главою II и VI. Глава VI и теперь озаглавлена: «тайныя общества и сходбища», но сходбища уже выкинуты въ 1867 г. а и тайныя общества превращены просто въ сообщества

не политическо-революціонныя, сіи же послѣднія вклеены и приставлены къ бунту по 250 ст., отъ которой они существенно отличаются и по составу преступленія и по ненаказуемости весьма широко понятой и допускающей громадное въ пользу подсудимаго число оттѣнковъ, опускающихся до простаго заключенія въ крѣпости на 1 г. и 4 мѣсяца. Редакція во всякомъ случаѣ выгоднѣе для подсудимыхъ; что касается до примѣненія ея къ настоящему случаю, то я наталкиваюсь на нѣкоторыя сомнѣнія, кои долгомъ считаю отмѣтить. Сомнѣнія мои заключаются во 1) въ томъ, что во 2 ч. 250 ст. сказано: въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, всетаки не очень отдаленномъ, не такимъ, котораго и опредѣлить нельзя, что имѣетъ мѣсто въ настоящемъ заговорѣ; 2) въ томъ, что умыселъ направленъ къ ниспроверженію правительства во всемъ государствѣ или его части или къ перемѣнѣ образа правленія, а въ данномъ случаѣ. хотя я не отвергаю, что умыселъ клонился къ упраздненію государства и всякаго правительства, но вовсе не непосредственно а посредственно, чрезъ предварительное упраздненіе собственности а можетъ быть и семьи, послѣ чего упразднилось бы и правительство. Всякое тайное общество имѣющее предметомъ измѣненіе общественныхъ отношеній имѣетъ въ сущности и политическій характеръ, рефлексомъ оно отражается и на государствѣ, но всетаки оно должно быть оцѣниваемо по главному преобладающему въ немъ характеру, который есть несомнѣнно соціалистическій или пожалуй коммунистичеекій—разрушеніе основъ общественной жизни, религіи, семьи и собственности, возбужденіе вражды между сословіями, слѣдовательно преступленіе, предусмотрѣнное въ 1 и 318 ст. улож. о наказ. а не въ 250 ст. Но оставляя въ сторонѣ эти сомнѣнія, допустимъ, что было сообщество революціонно политическое, въ которомъ принимаютъ участіе нѣкоторыя лица; прежде чѣмъ осудить за принадлежность

къ нему Джабадари нужно опредѣлить какого рода дѣятельность необходима для подведенія кого бы то не было подъ сообщество, послѣ чего соотвѣтствуетъ ли этимъ условіямъ дѣятельность Джабадари. И такъ, какой составъ преступленія революціонно политическаго сообщества по 2 ч. 250 ст. улож.?.. Мнѣ кажется, что надобно начать съ этимологическаго разбора самаго слова: сообщество. Оно конечно происходитъ отъ *общій*, общаго я могу имѣть много съ разными людьми, съ одними любовь къ скульптурѣ, съ другими убѣжденія религіозныя, съ третьими привычки общежитія или наклонности политическія, изъ того что у меня черты общія не вытекаетъ даже того, чтобы между мною и тѣми лицами было *общеніе* т. е. обмѣнъ идей, чувствъ или услугъ. Общеніе самое близкое, знакомство самое задушевное недостаточны для сообщества. Сообщниками по смыслу 13 ст. уложенія, которая относится ко всѣмъ преступленіямъ а слѣдовательно и къ политическимъ считаются тѣ лица, которыя по предварительному между собою соглашенію рѣшили произвести политическій переворотъ или по крайней мѣрѣ произведенію его посодѣйствовать. Такой выводъ вытекаетъ изъ 13 ст., такой же вытекаетъ и изъ сопоставленія ст. 250 съ 318.—Во главѣ 6-й стояло прежде «всякія тайныя общества», потомъ при томъ же заглавіи поставлено *сообщества*, потомъ слово сообщество перешло въ 250 ст., очевидно, что оба выраженія одно и тоже выражаютъ — *тайныя общества*. Тайныя общества съ революціонною цѣлью вездѣ запрещены; они преслѣдуются по французскому праву какъ *комплотъ* (который все таки требуетъ resolution d'agir convertie et arrêtée entre deux ou plusieres personnes art. 89) или какъ Verbotene Verbindung по 129 § новаго нѣмецкаго имперскаго кодекса; всегда однако требуются извѣстныя условія, которыя бы отдѣляли тайное общество отъ общенія т. е. знакомства и условія, которыя могутъ выразиться въ слѣдующемъ опредѣленіи.

Тайное общество есть постоянный союзъ лицъ, рѣшившихся преслѣдовать по извѣстному плану или уставу политическую революціонную цѣль, напримѣръ цѣль пропаганды идей, которыя въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, если распространятся и усвоятся, произведутъ бунтъ и переворотъ. Какъ въ старыхъ учебникахъ давалось слѣдуюее опредѣленіе государству: союзъ лицъ, состоящихъ подъ господствомъ одного закона и управляемыхъ на основаніи этого закона одного властью, такъ и здѣсь въ этомъ тайномъ обществѣ, которое изображаетъ собою status in statu, необходимы: 1) люди, 2) подчиненные уставу, 3) признающіе власть, 4) имѣющіе одну цѣль, 5) которую они рѣшили осуществлять сообща и дружно общими средствами. Тайное общество есть прежде всего организація, это есть живая клѣточка, воспринимающая кое что извнѣ, сама получаемое перерабатывающая и на внѣшній міръ воздѣйствующая. Принадлежалъ ли къ такой клѣточкѣ Джабадари, сидѣлъ ли онъ въ ней, да вообще доказано ли, что она существовала въ тотъ моментъ когда онъ былъ арестованъ? Таковы вопросы, которые ставятся дѣломъ и на которые отвѣты могутъ быть весьма различные, смотря по исходной точкѣ разсуждающаго.

Есть одинъ способъ рѣшенія: все въ жизни и отдѣльнаго человѣка и общества происходитъ, совершается и устраивается сознательно. Если случилось смятеніе, если есть движеніе, то потому, что дѣйствуютъ и орудуютъ злоумышленники, которые задумали, распространили, согласили и произвели все чего маленькій отрывокъ прошелъ предъ вами на судѣ. Такова теорія обвинительнаго акта. По этой теоріи реформація произошла только потому, что появился Лютеръ; революціи французской не было бы не будь Мирабо. По этой теоріи вся будущая организація и все тайное общество существовали потенціально въ Парижѣ 1874 г. и безъ дальнѣйшихъ уже доказательствъ, въ силу од-

ного a priori и на вѣру принимается предположеніе и допускается, что все впослѣдствіи осуществленное отбывалось по плану, который изъ начала былъ уже присущъ этимъ лицамъ, когда они еще ходили по улицамъ Берна или Цюриха или когда они изъ Парижа направлялись въ Россію для революціонной пропаганды. Я не буду долго останавливаться на этой ипотезѣ, которой главный недостатокъ въ томъ, что она противоестественна, потому что бо́льшая часть психической жизни, какъ единичной, такъ и соціальной происходитъ въ безсознательномъ, что гдѣ есть потребности, чувства тамъ сами собою являются и дѣйствія болѣе или менѣе сознательныя, но далеко не всѣ сознательныя, что гдѣ есть организованная плазма тамъ сами собою появляются и клѣточки, слѣдовательно моментъ образованія клѣточки не предполагается въ прошедшемъ совершенно неопредѣленномъ, а въ каждомъ случаѣ долженъ быть опредѣленъ. Нашъ государственный канцлеръ въ своей извѣстной нотѣ говоритъ о сказочномъ завѣщаніи Петра Великаго и, отвергая объясненія враждебныхъ Россіи державъ о подстроенномъ движеніи на Балканскомъ полуостровѣ, назвалъ превосходно подобныя объясненія дипломатической миѳологіею. И я утверждаю, что въ настоящемъ случаѣ происходитъ нѣчто подобное, криминалистическая миѳологія, которую надо устранить, приступая къ изслѣдованію дѣла безъ предвзятыхъ идей. Если разсматривать дѣло безъ предвзятыхъ идей, то оказывается, что случайно въ 1874 г., вслѣдствіе движенія нашей молодежи недоучившейся въ Россіи, нѣкоторые изъ этихъ лицъ побывали въ Цюрихскомъ университетѣ и потомъ слушали медицинскіе курсы въ Парижѣ, послѣ чего они возвратились; нѣкоторые изъ нихъ остались въ С.-Петербургѣ, другіе разсѣялись и возвратились въ мѣста родины. Въ подобныхъ случаяхъ сборнымъ пунктомъ для разъѣзжающихся въ южныя губерніи, въ Малороссію, Закавказье, представляется Москва. Допустимъ, что подобрались люди одной масти, что

всѣ, не исключая Джабадари, и коренные русскіе и восточные, которые по происхожденію и обыкновенному разсчету должны бы быть сепаратисты, а оказываются вовсе не сепаратистами а нигилистами—единомышленники, что всѣ они какъ герои романа «Новь» имѣютъ стремленіе идти въ народъ; то изъ этого только слѣдуетъ, что они кружокъ. Всякая куча знакомыхъ кружокъ—кружокъ еще не тайное общество; чтобы оно было организовано ему необходимо имѣть организацію, необходимо имѣть уставъ; гдѣ же уставъ? гдѣ сѣть общинъ, съ центромъ въ Москвѣ? Къ Джабадари не можетъ быть отнесенъ ни одинъ изъ признаковъ, по которымъ узнается по обвинительному акту организація: ни денегъ изъ общественныхъ суммъ онъ не получалъ, ни колечка не носилъ, ни бѣльемъ онъ не компрометировался, ни шрифтомъ не обладалъ, ни переписывался. Въ рукахъ обвинительной власти столь богатой письменными документами нѣтъ ни одного клочка бумажки Джабадаровскаго, я уже не говорю о томъ, что о подведеніи его подъ какой бы то не было уставъ не можетъ быть и рѣчи. Самъ уставъ то выработался лѣтомъ, когда послѣ крушенія Московскаго кружка птицы разсѣялись. Дарья Скворцова проговорилась, что они и до погрома намѣрены были разъѣхаться, разсѣяться: 1) но она на мои вопросы отозвалась незнаніемъ зачѣмъ разъѣхаться и не сказала вовсе что для пропаганды, и 2) она не относила этого плана разъѣхаться ко всѣмъ подсудимымъ, не относила его къ Джабадари. Дивчата, бывшія на квартирѣ, говорили что разъѣдутся, изъ чего нельзя заключить, что разъѣхаться съ ними имѣлъ Джабадари, который напротивъ того собрался ѣхать гораздо раньше, а именно еще до весны, въ концѣ марта отправилъ свои пожитки, оставилъ свою квартиру и ждалъ только денегъ, за которыми зашелъ къ своей знакомой Бардиной. Въ подкрѣпленіе его членства приведены быть могутъ единственно только два обстоятельства: 1) заарестованіе его въ домѣ Корсакъ и не объявленіе при этомъ

своей фамиліи и 2) показаніе Дарьи Скворцовой. Но заарестованіе можетъ случиться вслѣдствіе простаго знакомства, а имени своего Джабадари въ теченіи часу открыть не хотѣлъ, онъ какъ и всѣ его сотоварищи пикировался въ сношеніяхъ съ жандармами, становился на почву законную впредь до исполненія своихъ, какъ онъ полагалъ, законныхъ требованій не хотѣлъ исполнять ихъ требованій—укрывательства своей фамиліи не учинилъ. Что касается до Дарьи Скворцовой, то онъ ее знаетъ, какъ и она его знаетъ, онъ съ товарищами дѣйствительно проживалъ у нея и ея любовника на квартирѣ въ домѣ Костомарова на Сыромятникахъ. Разберемъ по кусочку тѣ части ея показаній, которыя бросаютъ на него тѣнь и убѣдимся, что всѣ они не такого рода, чтобы могли убѣждать въ чемъ либо иномъ кромѣ знакомства и пожалуй единомыслія.

И такъ по словамъ Дарьи на съемку квартиры подбылъ Васильева не Джабадари а Петръ Алексѣевъ. При покупкѣ вещей Джабадари давалъ денегъ 5 р. Васильеву и 5 р. Дарьѣ, очевидно онъ былъ заинтересованъ, квартира была нанята и для него; потомъ привезъ какія то книги въ чемоданѣ Ѳедоръ, а чрезъ нѣсколько времени увезъ ихъ Джабадари. Какія? этого сама Дарья не знаетъ, мало ли книгъ перебывало въ рукахъ у учащейся молодежи. Джабадари этого обстоятельства не помнитъ, вѣроятно развозилъ книги по случаю переѣзда на другую квартиру. Джабадари называетъ Михаила,—этого обстоятельства никто другой не подтвердилъ; вообще на именахъ играть трудно въ этомъ дѣлѣ, гдѣ можетъ быть много Ивановъ, Степановъ, Алексѣевъ да Михайловъ; есть и настоящій Михайло Петровъ а именно Боронковъ, но никто его и не думалъ пріурочивать къ Москвѣ и къ дому Костомарова, либо Корсака. На масляной разстались. Дарья переѣхала въ Лефортово, потомъ по заарестованіи Николая Василіева она отыскала квартирантовъ у Николаевскаго вокзала, ночевала два дня, послѣ чего ей горько стало и пошла она до-

нести властямъ о случившемся съ ея любовникомъ. Посудите сами, гг. судьи, есть ли въ этомъ разсказѣ элементы для признанія не только членства Джабадари въ организаціи, но и существованія самой организаціи, вотъ почему я прошу по этой статьѣ Джабадари оправдать.

Но Джабадари обвиняется не только въ сообществѣ, а и въ пропагандѣ и по обстоятельствамъ дѣла второе обвиненіе несравненно сильнѣе перваго. Чтобы защищать Джабадари по этому пункту я долженъ сдѣлать, что сдѣлалъ по первому, то есть совершить экскурсію въ область уголовнаго права, въ область уложенія. Я объяснялъ систему уложенія направленную на самую идею и ея распространеніе; набросанная на бумагу она уже начало исполненія, сообщеніе ея на письмѣ или въ печати и передача изъ рукъ въ руки знакомымъ или незнакомымъ почти все равно по наказуемости, что и составленіе комплота, имѣющаго цѣлью бунтъ,—одинаково каторжныя работы. Я уже объяснялъ, какія обстоятельства и соображенія вызвали измѣненіе въ 1874 г. въ законѣ о комплотѣ 250 ст.; законодатель остановилъ вниманіе на 2-хъ чертахъ—насильственность и близость переворота и рядомъ съ настоящимъ заговоромъ, затѣяннымъ съ цѣлью произвести переворотъ насильственно и въ точно опредѣленномъ будущемъ, поставилъ тайное общество, задуманное съ цѣлью произвести переворотъ, но безъ рѣшимости на насильственныя средства и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; это сообщество угрожаетъ сравнительно весьма слабыми въ широкихъ предѣлахъ опредѣленными наказаніями. Но сообщеніе книжки или рукописи или такъ называемая пропаганда остались по прежнему безъ измѣненія подъ угрозою каторжныхъ работъ. Эта неподвижность 251 ст., въ то время когда 250 ст. подверглась коренному измѣненію, имѣетъ то важное и существенное послѣдствіе, что многочисленное сообщество, развѣтвившееся и въ теченіи многихъ лѣтъ выработавшее планъ новой организаціи

общества, если оно еще не условилось какъ и когда ее произвести, подвергается слабому относительно наказанію, между тѣмъ какъ подъ казнь, граничащую со смертной, подходитъ простая передача любознательному другу пріятелю, какъ пикантную новость, подлиннаго произведенія подпольной печати или № «Впередъ» или «Набата», провезенные изъ заграницы. Упирая на одно обыкновенное свойство произведенія, не дѣлается уже никакого различія, ни кто его распространяетъ, ни между кѣмъ (между образованными скептиками или совсѣмъ необразованными или полуобразованными), ни съ какими намѣреніями, ради курьеза, или для предостереженія отъ злоумышленныхъ подстрекателей разоблаченіемъ всей несостоятельности ихъ ученія съ точки зрѣнія логической (печатался же катехизисъ революціонный по нечаевскому дѣлу и никого не возбудилъ къ возмущенію и бунту). Вслѣдствіе величайшихъ неравномѣрностей и несоотвѣтствія между опасностью и наказаніемъ, между виною и наказаніемъ я полагаю, что сама ст. 251 должна быть примѣняема съ величайшею осторожностью и осмотрительностью со многими изъятіями и рестрикціями, и что главнымъ образомъ надо имѣть при примѣненіи ея въ виду; 1) что брошюры, статьи, прокламаціи могутъ имѣть значеніе воззванія или подстрекательства къ бунту въ исключительныхъ случаяхъ, когда онѣ кидаются въ массы въ рѣдкій моментъ броженія, а обыкновенно онѣ только сѣмена, бросаемыя въ почву, которая, хотя и способна къ ихъ воспріятію но переработаетъ ихъ по своему и длиненъ будетъ этотъ процессъ и нельзя и предвидѣть какіе будутъ всходы; 2) что въ разборѣ злокачественности этихъ брошюръ и прокламацій необходимо ввести, какъ орудіе сортировки тѣ признаки, которые послужили для отдѣльнаго заговора или тайнаго общества а именно: опредѣленное время, когда предполагается переворотъ и побужденіе къ тому, чтобы совершить его насильственно. Съ этой стороны подвергнемъ

разбору всю ту литературу, которая распространялась во многихъ сотняхъ и тысячахъ экземпляровъ между простонародіемъ. Разборъ этотъ представляетъ нѣкоторыя особенныя затрудненія, изъ которыхъ первое заключается въ томъ, что трудно критиковать то, что составляетъ само по себѣ секретъ и что само, своимъ невѣдомымъ для публики, но распространеннымъ въ народѣ содержаніемъ, защищаться не можетъ. Такія критики обыкновенно расходятся съ цѣлью и приводятъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ, то есть критику послушаютъ а думаютъ: въ книгѣ то по больше чѣмъ въ критикахъ, однимъ словомъ въ самомъ безобразномъ сочиненіи предполагается существованіе той доли истины, которая кроется и въ самомъ сильномъ заблужденіи. Другое затрудненіе это множественность этихъ произведеній, ихъ разныхъ десятка два, писанныхъ съ неровнымъ успѣхомъ и дарованіемъ. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній уже потому не могутъ дѣйствовать, что весьма скучны («Чтой то братцы»), иныя производятъ впечатлѣніе въ окончательномъ результатѣ совершенно противоположное революціонной пропагандѣ («Исторія французскихъ крестьянъ»), которая доказываетъ, что крестьянинъ всегда былъ игрушкою интригановъ, властныхъ людей, кулаковъ. Мнѣ кажется, что изъ этой массы книгъ надобно выбирать не отдѣльныя зажигательныя фразы, которыя отторгнутыя отъ цѣлаго и безъ связи съ нимъ ничего не доказываютъ и ничего не выражаютъ, но тѣ произведенія, которыя содержатъ въ себѣ самую соль, самую суть ученія, которыя могутъ служить мѣриломъ и показателями идей, и такихъ я нахожу двѣ: «Хитрая механика» и «Сказка о 4 братьяхъ», которую нѣкоторые пропагандисты не изъ развитыхъ знали наизусть. Въ этихъ произведеніяхъ обращаетъ прежде всего вниманіе ихъ несерьезная, сказочная форма. Я не слыхалъ, чтобы какое нибудь воззваніе къ бунту было въ формѣ сказки. Сказка, новелла, басня все равно, что

орѣхъ въ своей скорлупѣ: сначала раскуси, намотай на усъ, поразмысли и тогда пойми, возбужденіе на размышленія не совсѣмъ хорошія, но не бунтъ. Въ скорлупѣ сидитъ и мораль. Мораль эта: критика настоящаго, чаяніе будущаго или идеалъ. Идеалъ этотъ политическаго свойства: не будетъ моего ни твоего а все братское, чтобы всѣ трудились по своей силушкѣ, а брали сколько надобно, безъ излишества. Когда все братское то не можетъ быть барыша, а не будетъ барыша, нѣтъ надобности копить, а нѣтъ накопленія и воровъ не будетъ. Хитрой механики мы не заведемъ, но и никакой механики не предлагаемъ; настоящая фаза пропаганды тѣмъ и замѣчательна, что въ неопредѣленной дали, открывая виды на коммунистическій рай, изображая нѣчто въ родѣ золотаго сна, она воздерживается отъ всего догматическаго, непредлагаетъ ни фаланстера, ни коммуны, ни какихъ бы то не было построеній, ни окончательныхъ, ни переходныхъ; на первый планъ вмѣсто всѣхъ утопій она выдвигаетъ критику и одну только критику всего существующаго съ коммунистической точки зрѣнія: совѣсть у богатаго, что сталь закаленная; законъ такъ устроенъ, что сильный можетъ все сдѣлать а слабый долженъ молчать—нѣтъ мѣста для бѣднаго, всѣ мѣста міроѣдами заняты. Критика и одна критика ѣдкая и сильная идетъ по всѣмъ направленіямъ отъ міра мужицкаго и фабричнаго до вершинъ общества и государства, возбуждая общее неопредѣленное неудовольствіе настоящимъ, которое, потому что оно общее, потому что оно направлено въ одинаковой степени и противъ собственности и противъ фабрикантовъ и противъ священниковъ и противъ всѣхъ міроѣдовъ и противъ, правительства дѣлается мало интенсивнымъ, а болѣе экстенсивныъ и захватываетъ въ ширь, но не захватываетъ въ глубину;—оно слишкомъ широкое, чтобы можно предположить, что оно то что предполагаетъ произведетъ, что оно, сдвинетъ горные хребты и выровняетъ моря общественнаго устройства. Чтобы вы сказали на цѣлый муравейникъ, который бы

задался мыслью разрушить Монбланъ: оно конечно возможно но въ продолженіи безконечно долгаго времени и безконечно великаго числа рабочихъ единицъ. Произвести политическую революцію легче, надобно только пріударить на правительство, но соціальную куда какъ труднѣе, а обѣ вмѣстѣ даже невозможно; вотъ почему соціальные революціонеры, подводя свои мины подъ общество, стараются быть легалистами, быть строгими законниками и жить въ ладахъ съ правительствомъ. Но если общій характеръ всей пропаганды, которая судится по книжкамъ, есть соціальный съ примѣсью относительно незначительнаго политическаго элемента, съ незначительною и, смѣю полагать, неловкою примѣсью, то спрашивается возможно ли пропагандистовъ подводить подъ 251 ст. (воззваніе къ бунту, къ перевороту въ близкомъ опредѣленномъ будущемъ и притомъ насильственному)? Я увѣренъ, что отвѣтъ можетъ быть только отрицательный.

Подъ какой же законъ другой болѣе подходящій подводить эти ученія, всетаки съ государственной точки зрѣнія вредныя? Я бы могъ сказать—не мое дѣло, поищите сами, можетъ быть 252 ст., а можетъ быть и еще какая нибудь иная. Мнѣ кажется, что еслибы я былъ судья, если бы меня заставили пріискать эту статью, то я не затруднился бы и подвелъ дѣяніе пропагандистовъ, судя его по главному преобладающему въ немъ характеру, подъ оспариваніе началъ собственности и семейнаго союза—1037 ст. улож., воззваніе вооружающее одну часть населенія противъ другой—1036, колебаніе довѣрія къ дѣйствующимъ законамъ—1035 ст. и меня не остановило бы то, что за эти преступленія, совершенныя посредствомъ гуттенбергова изобрѣтенія, полагаются сравнительно малыя, хотя и очень чувствительныя наказанія: смирительный домъ. Они малы, но мнѣ кажется были бы вполнѣ достаточны. Репрессивность наказаній всего сильнѣе обезпечивается умѣренностью ихъ, строгимъ соотвѣтствіемъ ихъ съ виною. Кромѣ того не надо забывать, что собственность, религія, семья—это уста-

новленія самостоятельныя, которымъ, хотя государство и обязано охраною отъ посягательствъ извнѣ, но охраною непереходящею границъ строгой необходимости; государство находится въ союзѣ, но не сливается ни съ однимъ изъ этихъ установленій, они сами должны давать отпоръ. Когда они охраняются только государствомъ и посредствомъ такихъ мѣръ, какими государство ограждаетъ собственное свое бытье, то они сами теряютъ свою самостоятельность, дѣлаются, такъ сказать, понятіями казенными и вокругъ нихъ вслѣдствіе строгостей образуется искуственная тишина; никто ихъ не защищаетъ, потому что оспаривать ихъ не безопасно, и неоспариваемыя явно—они только подтачиваются незамѣтно маленькими червячками въ родѣ брошюръ, которыя выложены на столѣ и которыхъ дѣйствіе, по моему мнѣнію, было бы гораздо менѣе опасно, если бы онѣ были пропечатаны въ газетахъ.

Такова по моему общая характеристика этой значительной по размѣрамъ и задающейся широкими цѣлями пропаганды коммунистической. Чтобы наказать кого нибудь, напр. Джабадари, за производство этой пропаганды нужно съ точностью опредѣлить, что онъ пропагандировалъ, какія книжки онъ давалъ, потому что нельзя же взваливать на человѣка всѣ произведенія подпольной печати, когда онъ распространялъ только нѣкоторыя а отъ иныхъ можетъ быть и чурался, ненавидя ихъ и боясь, какъ ненавидѣлъ Вольтеръ Руссо, какъ всякій революціонеръ не самый крайній и всякій постепеновецъ боится и противодѣйствуетъ тѣмъ, которые его перещеголяли. Подъ боевымъ перекрестнымъ огнемъ суда всѣ тѣ лица, которыя привлечены за пропаганду, сплотились и стоятъ однимъ фронтомъ, но какъ въ церкви нѣтъ двухъ лицъ, которыя бы имѣли одинаковыя понятія о Богѣ, такъ и въ этомъ отрядѣ нѣтъ двухъ людей одинаково понимающихъ свои цѣли, средства и задачи. Что въ нѣдрахъ этой, если она дѣйствительно существовала, организаціи были страшныя раз-

гогласія, діаметрально противоположныя мнѣнія, на это есть указаніе въ письменномъ архивѣ, который такъ богатъ и разнообразенъ по настоящему дѣлу. Въ бумагахъ нашли переписанное рукою Цвиленева характерное письмо. Всякая революціонная организація тѣмъ и отличается отъ всѣхъ другихъ, что въ ней какъ въ ковчегѣ Ноя сосуществуютъ и взаимно себѣ помогаютъ всякія животныя — и рядомъ съ человѣкомъ, который говоритъ: бунтовать, убивать, стрѣлять, можетъ быть человѣкъ, который по принципу не способенъ убить даже муху. Онъ напрямикъ говоритъ пропагандистамъ: вашъ радикализмъ основанъ на ненадежной подкладкѣ чувства—онъ сулитъ синицу въ небѣ людямъ, которыхъ потребности доведены соціальными невзгодами до minimum'а и народу, который одомашненъ и прирученъ, такъ что его и не поднять на дѣло Стеньки Разина и Пугачева. Народъ-стихія, бываютъ стихійныя движенія, но разъ они возбуждены имъ воспользуются не тѣ, которые ихъ вызвали а люди иные, которые сумѣютъ ими воспользоваться. Революція это не теорія, а чувства отдѣльныхъ лицъ и порывы массы.

Внести сознаніе въ эту массу надо, но надо развить эту массу вообще, возвысить въ ней культуру а не бросать тенденціозныя книжки зажигательнаго свойства, которыя надо кинуть въ печь, потому что онѣ только абсурдъ.—Если это письмо писалъ революціонеръ, то съ нимъ можно въ значительной степени помириться. Если какой либо революціонеръ идетъ въ народъ, дабы изучать его и поднять въ немъ культуру дѣйствіями образовательными, тоже тенденцію заключающими, то смѣшивать его съ сорвиголовою и вертопрахомъ, которому бы только зажечь пламя и любоваться какъ оно красиво, было бы явною вопіющею несправедливостью. Итакъ надобно различать пропаганду и пропаганду и вникать въ то какія книжки раздавалъ Джабадари и какія рѣчи произносилъ. Чемоданъ съ книжками, по словамъ Дарьи, содержалъ какія то книги, но какія неизвѣстно.

Джабадари на фабрику онъ не поступалъ, съ рабочими не работалъ а дѣйствительно вертѣлся вмѣстѣ съ Филатомъ Егоровымъ около фабрики Тюляевыхъ. Филатовъ дѣйствительно давалъ книжки («Хитрая Механика», «Сказка о 4 братьяхъ»), улика противъ Джабадари заключается только въ томъ, что когда Филатъ Егоровъ для разговора и раздачи книжекъ зазывалъ рабочихъ въ трактиръ, то, по словамъ Афанасія Ермолаева, Семена Зотова и Игнатова, въ этомъ же трактирѣ сидѣлъ чернолицый человѣкъ не изъ русскихъ, который курилъ табакъ и чаемъ угощалъ, изъ чего заключается, что онъ былъ въ исходѣ бесѣды заинтересованъ, но участіе въ разговорѣ онъ принималъ самое обыкновенное: у Зотова разспрашивалъ, какъ онъ съѣздилъ въ Нарву, у Игнатова, какимъ образомъ была деревня обложена оброкомъ, однимъ словомъ онъ имѣлъ видъ человѣка знакомящагося съ бытомъ крестьянъ, но не пропагандирующаго. О идеяхъ Джабадари, которыя бы онъ вносилъ въ пропаганду ничего неизвѣстно, разсказъ Дарьи Ивановой о томъ, что занимало кружокъ, вышелъ на судѣ отрывочный и блѣдный, скорѣе въ пользу подсудимаго, а не во вредъ, хотя ему трудно вѣрить даже и въ такомъ смягченномъ видѣ: Бога признавали, но личность его отрицали? Что это, научное ли опредѣленіе религіозно философской системы пантеизма? Едвали неграмотная Дарья настолько имѣла образованія, чтобы понимать въ чемъ заключается сущность пантеизма, да и едвали эти молодые люди занимались такою ветошью и такою метафизикою, какъ пантеизмъ; они скорѣе позитивисты, слѣдовательно люди, для которыхъ и ставиться не можетъ вопросъ метафизическій о личности или безличности Бога. Слѣдовательно надобно осторожно относиться и къ другимъ частямъ показанія Дарьи Ивановой: чтобы горя не было, чтобы всѣ жили ровно, да не былобы то, что у одного десять домовъ, а у другого ни одного. Я и узнаю разговоръ экономическо-соціальный съ примѣсью разсказовъ о формѣ правленія, что Дарья Иванова и приня-

ла за разговоръ о бунтѣ; о рѣзни не упоминалось, да и была это простая бесѣда между товарищами, а не пропаганда. Такимъ образомъ по совершенной неопредѣленности, зачѣмъ Джабадари бывалъ въ народѣ, можетъ быть просто какъ наблюдатель, по совершенному отсутствію указаній на то, чтобы онъ давалъ книжки, по совершенной невинности разговоровъ и бесѣдъ, которые онъ имѣлъ съ рабочими, я прошу и по вопросу о пропагандѣ его оправдать.

Моя работа еще не кончена, остается на рукахъ еще самое трудное—участь Вѣры Любатовичъ, такъ называемой съ малолѣтства въ домѣ родителей *Волчёнка.*

Моя кліентка Вѣра Любатовичъ обвиняется прежде всего въ общегражданскомъ т. е. просто уголовномъ преступленіи—покушеніи на смертоубійство, состоящее въ томъ, что она хотѣла собственными ручками, которыя не велики и не сильны, какъ Геркулесъ—Антея задушить помощника частнаго пристава Федорова, между тѣмъ какъ компаніонъ ея Циціановъ стрѣлялъ въ жандарма Ловягина, причемъ сдѣлана ссылка на ст. 114, то есть, что покушеніе остановлено независѣвшими отъ преступницы обстоятельствами. Изъ судебнаго слѣдствія вытекаетъ, мнѣ кажется, то неопредѣленное убѣжденіе, что между выстрѣломъ Циціанова и царапаніемъ по шеѣ Федорова нѣтъ ничего общаго. Подсудимые не сговаривались, соединиться для общей цѣли они не могли. Еслибы они знали что происходило въ номерахъ «Украины», то они бы эти номера не только обошли, но и объѣхали. Она и попалась совершенно отдѣльно, на разстояніи, какъ показываетъ Вѣра Любатовичъ, 4 часовъ, по показаніи свидѣтелей, дающихъ самыя меньшія разстоянія времени,—3/4 часа. Вѣра Любатовичъ сидѣла спокойно до второго выстрѣла; послѣ второго, какъ извѣстно, Евстихіевъ и Власьевъ храбро бросились бѣжать, швейцаръ Галактіоновъ, городовые Вдовинъ, Чибисовъ, Лебедевъ и Федоровъ—всего 5 человѣкъ повалили Циціанова, чтобы вырвать у него изъ рукъ револь-

веръ и ухватились за него не съ нѣжными чувствами. Они образовали пирамиду тѣлъ, человѣкъ на человѣкѣ, Федоровъ подъ однимъ изъ городовыхъ, а подъ нимъ Циціановъ. Въ сердцѣ каждаго человѣка есть чувство, которое психологически называется симпатіей, которое заставляетъ при видѣ, что кого нибудь бьютъ, кидаться на выручку слабѣйшему, а Циціановъ былъ не кто-нибудь, но компаніонъ Вѣры. Что у нея было на умѣ трудно сказать, потому что происшествіе случилось въ нѣсколько секундъ; мысль почти совпадаетъ съ исполненіемъ, вѣроятно Вѣра хотѣла сдѣлать просто диверсію. Эпизодикъ былъ до того маловажный, что его не замѣтили Вдовинъ, Чибисовъ, что Ловягинъ вовсе не занесъ его въ протоколъ, запомнили его только пострадавшій Федоровъ, да Галактіоновъ и Лебедевъ, при осмотрѣ оказались на шеѣ и за ухомъ только ссадины и никакихъ знаковъ давленія, никакихъ подтековъ, слѣдовательно то, что, какъ вѣрно охарактеризовалъ движеніе Вѣры Любатовичъ, Лебедевъ, она щипала за шею Федорова—движеніе конечно не женское, не красивое и совпадающее съ прозвищемъ Волченка. Волченокъ и показалъ свои зубы. Вполнѣ понятно и то, что Вѣра предлагала Власьеву или сулила ему за его усердіе при посылкѣ пятачекъ, но гдѣ же силушка то на удушеніе, гдѣ условія приведенія замысла въ исполненіе, гдѣ наконецъ смертоубійство; замысла этого не высказалъ даже и Федоровъ. Геркулесъ задавилъ гиганта Антея, но Геркулесъ былъ Богъ греческій, на то чтобы задавить нужно лишить дыханія человѣка на нѣсколько минутъ, а Федорову достаточно было выпустить Циціанова и обернуться, онъ бы съ Волченкомъ справился, онъ этого не сдѣлалъ, царапины не заставили его обернуться. «Мы сладили съ Циціановымъ, тогда и барыня перестала меня душить»—новое докаaательство, что барышня не покушалась на душеубійство, а просто выручала товарища. Федорову она причинила легкое поврежденіе, не преслѣдуемое какъ только по частной жалобѣ, которая по-

дана быть не могла за смертью Федорова, почему я прошу весь этотъ эпизодъ скорѣе забавный нежели трагическій оставить безъ послѣдствій и не возводить мою кліентку на пьедесталъ, на которомъ красовалась Леди Макбетъ и иныя эпическія или историческія героини, кровью человѣческою обагренныя.

Кромѣ того Вѣра Любатовичъ обвиняется еще и въ томъ, что она распространяла печатныя воззванія къ бунту въ народѣ; ни въ обвинительномъ актѣ, ни въ судебномъ слѣдствіи не было ни малѣйшаго указанія на то, чтобы она давала какую нибудь, хотя малѣйшую, книжку. Единственнымъ основаніемъ подозрѣнія является то, что Вѣра Любатовичъ съ необыкновенною юркостью и подвижностью успѣвшая перебывать во всѣхъ мѣстахъ, которыя считаются гнѣздами организаціи: въ домѣ на Сыромятникахъ, въ домѣ Эйнбротъ, въ домѣ Толстой и посѣщавшая номера «Украны», считается чуть ли не главою организаціи, а такъ какъ въ послѣдней квартирѣ, занимаемой ею у кн. Циціанова, въ домѣ Толстой, найденъ архивъ печатныхъ зажигательныхъ сочиненій, ergo и она совиновница тѣхъ, которые оттуда выносили книжки для распространенія, ergo совиновница самаго распространенія. Я протестую противъ такого примѣненія къ Вѣрѣ Любатовичъ ст. 251, считаю, что эта статья не примѣнима безъ точнаго указанія на фактъ, на то, кому давались, когда и какія книги. Доказательства мои слѣдующія:

Если разобрать всѣ 1711 ст., изъ которыхъ состоитъ нашъ уголовный кодексъ, то окажется, что онъ казуистиченъ т. е. что всѣ предусмотренные въ немъ случаи сводятся къ какимъ нибудь 4 или 5 десяткамъ общихъ понятій, которымъ давно уже и пріисканы названія какъ въ обыкновенной, такъ и уголовной терминологіи, да и между этими преступленіями есть много общаго. Общность бываетъ двоякаго рода: во внѣшнемъ дѣйствіи, хотя намѣренія различны, нпр. убійство и повреждёніе тѣлесное, ударъ нанесенъ намѣренно, но если

не предполагалось умысла убить, то хотя послѣдовала смерть, будетъ только поврежденіе тѣлесное; обвинитель не можетъ доказывать, что меньшее содержится въ большемъ, и долженъ выбрать либо одно либо другое, либо ставить вопросъ вспомогательный: если не виновенъ въ смертоубійствѣ, то не виновенъ ли въ причиненіи поврежденій. Но общность можетъ быть и въ объективной сторонѣ преступленія. Въ этомъ случаѣ надобно различать не нанизываются ли эти дѣянія какъ бы на одну ниточку, не составляютъ ли они разныхъ только моментовъ развитія и осуществленія идеи, или они осуществляютъ идею по совершенно разнымъ направленіямъ. Я представлю примѣры. Возьмемъ нпр. пропаганду: сочиненіе въ родѣ о мудрецѣ Наумовѣ написано и переписано, оно по 251 ст. только приготовленіе и начало покушенія къ пропагандѣ, затѣмъ слѣдуетъ распространеніе, слѣдовательно совершеніе; вы знаете какія громадныя разницы, но въ сущности это только два момента одного и того же дѣянія. Но есть дѣянія разнородныя нпр., съ одной стороны тайная организація революціоннаго общества, съ другой пропаганда, изъ которыхъ ни одно не представляетъ собою послѣдовательныхъ моментовъ осуществленія идеи, ни одно не вмѣщается во второмъ, съ третьей стороны агитація, имѣющая цѣлью побудить личность или кружки на активную революціонную дѣятельность. Когда образовано тайное политическо-революціонное общество, то хотя бы оно и имѣло въ виду и пропаганду и агитацію и приводило къ нимъ, оно еще не резсматривается какъ активно революціонная дѣятельность т. е. какъ самый бунтъ, чему доказательствомъ служитъ обвинительный актъ, въ которомъ хотя обществу приписываютъ уставъ, гдѣ прямо помѣщены и пропаганда и агитація; но образованіе организаціи подведено подъ 2 ч. 250 а не подъ 17 и не подъ 251. Агитація можетъ быть совершена безъ всякой организаціи и безъ предварительной пропаганды, чему доказательствомъ можетъ служить ст.

249: возстаніе скопомъ и заговоръ противъ власти Верховной, скопомъ въ противоположность заговору, скопомъ дружнымъ дѣйствіемъ безъ предварительнаго сорлашенія.—Наконецъ, сколько же разъ пропаганда совегшалась не кунно, не сообща, а была дѣйствіемъ одинокаго человѣка, самаго новатора, который взлелѣялъ мысль, и зарядивъ ею слово, ввергаетъ ее въ общество какъ бомбу, которой опасаются какъ будто бы она была начинена порохомъ или динамитомъ, но которая въ сущности никакого непосредственнаго дѣйствія не имѣетъ, такъ какъ она подлежитъ самостоятельной переработкѣ въ средѣ, для которой предназначается. Въ организацію могутъ попадать люди, которые не сочувствуютъ ни способамъ пропаганды ни ея содержанію, которые знаютъ не все, что пропагандируется. Допустимъ, что вошелъ въ организацію жертвуя собою, Цвиленевъ, съ его взглядомъ, что книжки надо бросить въ печь, съ его понятіями, что на крестьянъ надо дѣйствовать образованіемъ а не зажиганіемъ а между тѣмъ только беречь силы на серьезное дѣло. Исторія тайныхъ обществъ исполнена такихъ примѣровъ. Наконецъ замѣтимъ, что въ своихъ моментахъ и относительной ихъ наказуемости пропаганда и организація не совпадаютъ. Въ организаціи совершеніе наступаетъ сразу когда соглашеніе состоялось; допустимъ что оно уже состоялось и что оно имѣетъ спеціальною цѣлью распространеніе не букварей и общеполезныхъ книжекъ, но «Хитрой Механики» и «Сказки о 4 братьяхъ», то и тогда желанія одного и согласія мало; для пропаганды нужно, чтобы книжки были розданы, иначе будетъ только храненіе книжекъ, и тоже можно сказать, что со стороны Вѣры Любатовичъ были или тайное храненіе книжекъ или просто недонесеніе о книжкахъ, которыя хотя имѣли быть выпущены, но не могли быть выпущены, потому что она была заарестована въ августѣ 1875 года. Распространители книжекъ въ Москвѣ были выловлены въ началѣ апрѣля, съ апрѣля по августъ не видно пропаганды

а только организація образуется лицами, которыя были совсѣмъ новыя, гдѣ же доказательство, что они тѣ книжки выпускали? И такъ я прошу и полагаю, что моя просьба будетъ уважена, Вѣру Любатовичъ по этому обвиненію оправдать. Обвинительный вопросъ прошу ставить совершенно опредѣленно: виновна ли Вѣра Любатовичъ въ томъ, что приблизительно въ такое то время, въ такомъ то мѣстѣ, такимъ то лицамъ давала такія то книжки возмутительнаго содержанія. Я полагаю, что иначе какъ совершенно опредѣленно нельзя ставить вопросовъ о пропагандѣ.

Остается послѣдняя изъ подлежащихъ моей разработкѣ матерій—задача столь трудная, что я считаю ее едва ли себѣ по силамъ, это обвиненіе Вѣры Любатовичъ въ членствѣ, въ соучастіи въ организаціи, въ дѣятельности административной въ кружкѣ центральномъ, въ заправленіи нѣкоторое время дѣлами всего революціоннаго союза вкупѣ съ другимъ необнаруженнымъ членомъ организаціи—Рыжимъ, обвиненіе, которое возводитъ ее въ предводители и ставитъ почти во главу угла всего союза. Слабосильное чахоточное существо, дѣвушка, отправившаяся съ сестрою заграницу, не чтобы учиться а чтобы лечиться, арестованная съ сестрою на границѣ по подозрѣнію въ провозѣ писемъ, отправленная потомъ въ Черниговъ и освобожденная только въ мартѣ 1875 г., Вѣра Любатовичъ въ короткій промежутокъ времени отъ марта и до августа (5 съ чѣмъ то мѣсяцевъ) попала въ водоворотъ революціоннаго движенія, завертѣлась столь шибко, со свойственной ея темпераменту юркостью и живостью, что успѣла вездѣ перебывать и со всѣми перезнакомиться, оставивъ свой слѣдъ во всѣхъ мѣстахъ, считаемыхъ гнѣздами и разсадниками заговора. Ее помнятъ въ домѣ Костомарова она жила въ домѣ Эйнбротъ подъ именемъ Лидіи Фигнеръ, она проживала съ Цицiановымъ въ домѣ Толстой и попалась въ номерахъ «Украины», въ квартирѣ Гамкрелидзе. Вездѣ она носила съ собою данное ей еще

въ отцовскомъ домѣ прозвище Волченка, которое въ обвинительномъ актѣ признается революціонною кличкою. Она и писала при слѣдствіи, подобно многимъ другимъ подсудимымъ, она измѣняла почеркъ; хотя эксперты не признали совершеннаго сходства съ ея рукою разныхъ предполагаемыхъ писанными ею писемъ, на ея отвѣтственность возлагаютъ, не по сходству почерка, а по содержанію, приписку 24 іюля 1875 г., писанную за двѣ недѣли до арестованія т. е. до конца революціонной дѣятельности Вѣры Любатовичъ и въ тотъ самый день когда Вѣрѣ Любатовичъ, если вѣрить ея метрическому свидѣтельству, исполнился срокъ ея гражданскаго и уголовнаго совершеннолѣтія.

Она эту приписку отвергаетъ. Но вслѣдствіе несчастнаго совпаденія имени писавшей—Вѣра съ ея именемъ, того что она имѣла сестру, того что она была въ Москвѣ, она и порѣшила защищаться такъ, какъ будто бы эта приписка была ею писана. Принятіе на себя письма имѣло то хорошее послѣдствіе, что а) упрощало дѣло и б) пресѣкало дальнѣйшіе поиски всевозможныхъ Вѣръ, которыхъ такъ много бываетъ на свѣтѣ. И такъ допустимъ что письмо писано Вѣрою Любатовичъ, что изъ этого слѣдуетъ? Что Вѣра просится вонъ изъ организаціи, что ей не хочется переписывать сказки о «Наумовѣ», что она шила сапоги т. е. сочиняла фальшивые паспорты. Я надѣюсь, что вы ей не припишете никакой солидарности съ содержаніемъ письма Рыжаго и съ глупымъ, безсмысленнымъ совѣтомъ: убивайте, стрѣляйте, бунтуйте. Приписка есть самостоятельное письмо и никогда приписчикъ не можетъ быть привлеченъ къ отвѣту за глупую ерунду. Если вы будете судить Вѣру Любатовичъ за эту приписку, если вы ее признаете виновною въ членствѣ, въ организаціи, въ администраціи, то я полагаю, что при постановкѣ вопросовъ и опредѣленіи степени соучастія вы всетаки не окажете ей чести считать ее главнымъ воротилою, главнымъ лицомъ въ организаціи, что вы не возвысите

ее въ предводительши, а не признаете ее потому, что какія бы усилія ни дѣлались, чтобы играть роль и начальствовать, всетаки она въ моментъ самый важный своей революціонной дѣятельности была малолѣтка и женщина...

Кончая мою защиту, я позволю себѣ высказать нѣсколько общихъ соображеній, которыя, по моему убѣжденію, должны бы васъ расположить быть мягкими, снисходительными въ отношеніи ко всѣмъ моимъ кліентамъ, какъ и ко всѣмъ вообще подсудимымъ по дѣлу 21 февраля. По обвинительному акту подсудимыхъ 50, изъ нихъ какъ разъ 1/3 женщинъ, 2/3 мужчинъ, изъ подсудимыхъ болѣе 10% несовершеннолѣтнихъ, да и вообще если сложимъ всѣ года подсудимыхъ, то получимъ средній выводъ 23,72, изъ чего вытекаетъ заключеніе, что судится молодое недозрѣлое поколѣніе людьми, которыхъ средній возрастъ едва ли не вдвое болѣе... Разница въ возрастахъ затрудняетъ пониманіе нуждъ и потребностей, ошибокъ и стремленій — они не всѣ могутъ быть такъ дурны какъ предполагаютъ; при оцѣнкѣ не надо слишкомъ довѣряться первому впечатлѣнію, ихъ рѣзкости въ словахъ, ихъ грубости въ выраженіяхъ; оно вообще грубѣе это поколеніе, оно выросло и сложилось при другихъ нежели наше условіяхъ. Наше поколѣніе выросло при двухъ условіяхъ: при устраненномъ потомъ волею законодателя крѣпостномъ правѣ и при полномъ отсутствіи почти всякой жизни общественной, вслѣдствіе чего кормились мы одними только отвлеченными умственными наслажденіями, воспитывались по началамъ эстетики, въ культѣ чистой красоты. Всякая односторонность вызываетъ реакцію въ совершенно противоположномъ направленіи. Такою реакціею и является позитивизмъ, презрѣніе ко всякой эстетикѣ, понятіе, что пара сапоговъ лучше поэмы Пушкина и такая водобоязнь въ отношеніи къ идеальному, къ романтическому, что аффектируется напускная грубость, чтобы не показаться сентиментальнымъ и слюнявымъ и что по выраженію

письма, на которое я просилъ позволенія ссылаться, если-бы новому дѣятелю пришлось быть въ лѣсу и зябнуть, то онъ имѣя спички не зажегъ бы огня, чтобы не походитъ на героя изъ Майнъ Рида или Купера. Этой рѣзкости я не одобряю. Mais on a les qualitès de ses defauts, у нихъ есть нѣкоторыя качества, которыхъ въ наше время недоставало, намѣренное предпочтеніе, отдаваемое черной работѣ, тяжкому труду, сознательное стремленіе посвящать себя этому труду. Стремленіе доведено до абсурда, но съ теченіемъ времени абсурдъ отойдетъ, хорошее останется и человѣкъ подобный можетъ быть употребленъ съ пользою даже государственною властью на дѣло полезное; я ссылаюсь на вашъ опытъ, на то, что бывали въ государствѣ Россійскомъ люди, которые въ молодости считались отчаянными и опасными революціонерами, а впослѣдствіи оказали услуги, какъ люди вполнѣ государственные.

Наконецъ мой послѣдній аргументъ—это чрезвычайное распространеніе въ настоящее время, если не коммунистическихъ и соціалистическихъ сообществъ, то по крайней мѣрѣ идей, вслѣдствіе чего идетъ большая волна, на ней плаваютъ какъ будто бы крупинки, какъ будто бы щепки, ничѣмъ невыдающіяся, ординарные представители «безъимянной Руси», какъ ее обозвалъ Тургеневъ въ своемъ романѣ «Новь». Чрезвычайное распространеніе есть фактъ общеизвѣстный, для удостовѣренія коего я и просилъ позволенія ссылаться на оффиціальныя данныя извѣстныя въ настоящемъ дѣлѣ. Изъ этого документа видно, что въ 1875 г. пропаганда въ кружкахъ была въ 37 губерніяхъ, что къ ней привлечены были въ то время 770 человѣкъ, 612 мужчинъ, 158 женщинъ, и что она, эта пропаганда, шла въ то время въ возрастающей прогрессіи, вслѣдствіе отсутствія достаточнаго противодѣйствія со стороны общества. Этихъ данныхъ довольно. Широкій фактъ, серьезный фактъ, какое же вліяніе его на уголовную отвѣтственность въ вашемъ судѣ? По дѣлу, недавно бывшему,

о преступленіи 6 декабря моимъ товарищемъ по однимъ защитѣ произнесены были слова, противъ которыхъ я протестую: что въ дѣлахъ политическихъ, проистекающихъ не столько отъ испорченности сердца, сколько отъ заблужденій ума, нравственность и безнравственность не принимаются въ разсчетъ, а преступленія преслѣдуются и наказываются только по относительной опасности дѣянія, по закону необходимой обороны. Я протестую противъ начала, которое повело бы къ тому, что пропаганда должна соразмѣряться съ распространеніемъ преступленія, съ чиномъ дѣйствующаго лица и отрицаю всякое примѣненіе закона необходимой обороны. Какая же тутъ необходимая оборона? гдѣже опасность неминуемая? гдѣ вулканъ? Фактъ распространенія, имѣетъ свои причины, въ эти причины не могутъ входить ни защита, ни судъ; и защитнику непрошенному совѣтнику не придетъ на мысль предлагать свою политику, свои мѣры противодѣйствія. Но защитникъ не можетъ не знать, что этотъ фактъ вызываетъ противодѣйствіе не въ одной только формѣ уголовныхъ наказаній, что, уголовныя наказанія всего менѣе успѣшны и что не задаваясь никакими посторонними задачами политики, судъ долженъ только, рѣшая по справедливости, отыскивать уравненіе между наказаніемъ и виною, а по справедливости онъ можетъ уравнивать, опредѣляя величину преступленія, не измѣреніемъ волны плюсъ стоящій на ней человѣчекъ, но откидывая волны и за устраненіемъ ихъ, измѣряя только человѣчка; не можетъ же быть этотъ человѣкъ искупителемъ за духъ вѣка, за его неудержимыя стремленія, за все то, что увлекаетъ мимо вѣдѣнія и воли въ невѣдомую и загадочную даль. Распространеніе движенія есть въ глазахъ правосудія смягчающее вину обстоятельство. Я вѣрю, что вы это обстоятельство примете въ разсчетъ и что вообще вы будете дѣлать различіе между подсудимыми по степени ихъ революціонности.

Правительствующій сенатъ, въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, призналъ: 1) подсудимыхъ Ивана Джабадари и Вѣру Любатовичъ—виновными въ составленіи, въ 1875 г., въ Москвѣ, противозаконнаго сообщества, имѣвшаго своею цѣлью, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, ниспроверженіе существующаго правительства въ государствѣ, 2) подсудимыхъ Василія Георгіевскаго и др.—виновными въ принадлежности къ упомянутому выше противозаконному сообществу, съ знаніемъ о цѣляхъ онаго; 3) подсудимыхъ Джабадари и Любатовичъ—сверхъ сего виновными въ злоумышленномъ, съ цѣлью возбужденія къ бунту или явному неповиновенію власти верховной, распространеніи сочиненій, соотвѣтствующихъ этой цѣли; 4) сверхъ сего, Вѣру Любатовичъ—виновною въ сопротивленіи, сопровождавшемся насиліемъ, распоряженіямъ полицейскаго чиновника при отправленіи должности.

Вслѣдствіе сего опредѣлилъ: Вѣру Любатовичъ и Ивана Джабадари—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ: Вѣру Любатовичъ—на шесть лѣтъ, Ивана Джабадари—на пять лѣтъ. Василія Георгіевскаго—лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Енисейскую губ., съ воспрещеніемъ отлучки изъ назначеннаго мѣста жительства въ продолженіи 4 лѣтъ и выѣзда потомъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіи 12 лѣтъ.

21.

Дѣло объ убійствѣ Нины Андреевской.

22-го іюля 1876 г., между 9 и 10 часами вечера, исчезла дѣвица Нина Эрастовна Андреевская, временно проживавшая вмѣстѣ съ матерью своею, вдовою дѣйс. ст. сов. Варварою Андреевскою, въ г. Тифлисѣ, на Воронцовской набережной, въ домѣ княгини Шерваншидзе, рядомъ съ лѣтнимъ помѣщеніемъ «Кружка», а на другой день утромъ, вскорѣ послѣ восхода солнца, трупъ ея былъ найденъ рыбаками въ р. Курѣ, въ такъ называемой Караязской мѣстности, приблизительно верстахъ въ 40 отъ города.

Произведеннымъ по этому поводу предварительнымъ слѣдствіемъ было обнаружено слѣдующее: по духовному завѣщанію д. с. с. Эраста Андреевскаго, двумъ его дочерямъ Нинѣ и Еленѣ, вышедшей замужъ за князя Георгія Шервашидзе, достались имѣнія, расположенныя въ разныхъ частяхъ Тифлисскаго уѣзда. Первоначально имѣнія находились въ нераздѣльномъ владѣніи обѣихъ сестеръ и, такъ какъ владѣльцы проживали въ Россіи, и завѣдывались управляющими, то не доставляли владѣльцамъ никакого дохода. Въ концѣ 1875 г. кн. Шервашидзе предложилъ управлять имѣніями князю Давиду Чхотуа, не какъ опытному хозяину, а какъ честному, вполнѣ благонадежному лицу и другу. Молодой Чхотуа принялъ предложеніе и вскорѣ поселился въ Тифлисѣ, въ д. кн. Шервашидзе; въ іюнѣ 1876 г. къ нему пріѣхалъ младшій братъ—Николай Чхотуа, собиравшійся поступить въ военную службу. Весною этого года владѣльцы порѣшили произвести раздѣлъ доставшихся имъ имѣній и съ этою цѣлію Нина Андреевская съ своею матерью Варварою и кн. Шервашидзе въ началѣ іюля съѣхались въ г. Тифлисѣ, гдѣ остановились въ гости-

ницѣ «Европа». Вскорѣ Шервашидзе переселился изъ гостиницы въ домъ жены своей, находящійся въ Кукахъ, надъ Курою, въ довольно глухомъ мѣстѣ, куда приглашалъ переѣхать и Андреевскихъ. Послѣднія, не желая быть стѣсненными, не приняли этого предложенія. Раздѣлъ совершился третейскимъ судомъ, по жребію; обѣ стороны дѣлежомъ остались вполнѣ довольны. Послѣ раздѣла кн. Шервашидзе уѣхалъ по своимъ дѣламъ въ Кутаисскую губ., а Андреевскія, на другой день послѣ его отъѣзда, перебрались въ его домъ, въ ту самую комнату, гдѣ жилъ домовладѣлецъ. Домъ этотъ представляетъ каменное 2-хъ этажное зданіе, обращенное переднимъ фасадомъ во дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ густымъ, запущеннымъ садомъ, примыкающимъ къ саду лѣтняго помѣщенія, такъ наз. «Кружка» а заднимъ на небольшую площадку, обнесенную деревьями, за которыми спускается, въ видѣ обрыва, крутой берегъ Куры. Къ рѣкѣ ведетъ крутая и обрывистая тропинка, по которой спускъ довольно труденъ. Въ зданіи имѣются два входа: одинъ со двора возлѣ кухни, а другой съ площадки; чрезъ сѣни и по длинѣ всего нижняго этажа проходитъ корридоръ. Изъ числа проживавшихъ въ домѣ лицъ старшій Чхотуа помѣщался въ верхнемъ этажѣ и окна его комнаты выходили во дворъ; младшій же Чхотуа и Андреевскіе помѣщались въ нижнемъ этажѣ, но комната перваго изъ нихъ была расположена ближе къ кухнѣ и окна ея также выходили во дворъ, комната Андреевскихъ находилась въ противоположномъ концѣ корридора и была обращена окнами къ рѣкѣ. Прислуга состояла изъ 3-хъ лицъ: поваръ Габисонія и сторожъ Коридзе жили въ комнатѣ рядомъ съ кухней, а садовникъ Мчеладзе въ особой сторожкѣ у воротъ дома. У Андреевскихъ собственной прислуги не было, почему онѣ довольствовались тою мужской прислугой, которая состояла при Чхотуа. Обыкновенно онѣ утромъ уходили изъ дому, возвращались около 7—8 час. вечера и до 12 час. ночи и даже позже занимались своими дѣлами а послѣ ложились спать. Въ день происшествія, 22-го іюля утромъ, Нина Андреевская, вмѣстѣ съ матерью своею, отправились на именины къ бабушкѣ своей, проживавшей у кн. Варвары Тумановой. Здѣсь она согласилась съ дочерьми Тумановой, Ниною и Елизаветою, что въ 10 часовъ вечера подойдутъ въ своемъ саду къ забору «Кружка», гдѣ въ тотъ день долженъ былъ быть танцовальный вечеръ. Около восьми часовъ вечера Андреевскія вернулись домой, гдѣ встрѣтилъ ихъ Давидъ Чхотуа; братъ же его Николай, по прибытіи ихъ, сейчасъ же отправился кататься въ Муштаидъ. Просидѣвъ съ Андреевскими минутъ двадцать, Давидъ Чхотуа оставилъ ихъ и отправился по своимъ дѣламъ въ городъ, тотчасъ по прибытіи брата своего Николая. Послѣдній оставался съ Андреевскими минутъ десять. Затѣмъ всѣ разошлись. Нина Андреевская, переодѣвшись въ домашнее платье, и старыя опорки отъ дамскихъ полусапожекъ и вытряхнувъ на террасѣ

отъ пыли платье, въ которомъ она вернулась изъ города, принялась писать письмо къ кн. Шервашидзе въ Кутаисъ, предполагая послать его съ Давидомъ Чхотуа, который, уходя вечеромъ въ городъ, сказалъ, что завтра поѣдетъ въ Кутаисъ, чтобы отвести князю Шервашидзе, забытую имъ шашку. Часу въ 10-мъ Нина, окончивъ письмо, взяла у матери большую свѣчу, оставила ей огарокъ и вышла со свѣчею изъ комнаты, причемъ сказала матери, что пойдетъ въ кухню къ повару Габисоніи за полусапожками, которые дала ему утромъ для чистки. Спустя минутъ 20 по уходѣ Нины, когда оставленный ею огарокъ началъ догарать, Варвара Андреевская вышла въ корридоръ и увидѣла, что свѣча, взятая Ниною, горѣла въ корридорѣ у поворота къ двери, ведущей на террасу, а дочери ея нѣтъ; на встрѣчу ей шелъ Зурабъ Коридзе босикомъ. На вопросъ, гдѣ барышня, Коридзе отвѣтилъ, что она, должно быть, пошла въ садъ прогуляться. Они отправились вмѣстѣ въ садъ, но Нины тамъ не нашли. Тогда по просьбѣ Андреевской, Коридзе разбудилъ спящаго уже Николая Чхотуа и съ нимъ Андреевская продолжала розыски въ саду, постоянно зовя дочь свою по имени. Когда они вышли изъ сада на дворъ, въ верхнемъ этажѣ, изъ окна показался Давидъ Чхотуа и, узнавъ о поискахъ Нины Эрастовны, тотчасъ же сбѣжалъ внизъ и сталъ искать ее въ саду; когда же поиски оказались безуспѣшными, спустился къ берегу Куры и нашелъ тамъ, на каменной площадкѣ, платье и опорки Нины Андреевской. На другой день, 23 іюля, въ Караясѣ, авлабарскіе рыбаки Менабдишвили и Чіоберовъ задержали утромъ плывущій по рѣкѣ, ногами по теченію, трупъ дѣвушки въ рубашкѣ, кальсонахъ и чулкахъ, въ каковомъ трупѣ, какъ по немъ самомъ, такъ и по бывшему на немъ бѣлью, знакомые и родные Нины А. признали эту послѣднюю. Первоначально возникло предположеніе, не утонула ли она, отправившись вечеромъ купаться въ рѣкѣ; но затѣмъ слѣдствіемъ были добыты данныя, которыя привели обвинительную власть къ убѣжденію, что Нина А. въ вечеръ происшествія не могла отправиться купаться и что смерть ея послѣдовала не отъ случайной к. л. причины, а была причинена постороннею рукою, путемъ насилія.

Вотъ эти данныя: 1) Нина А. не могла бы сама, безъ посторонней помощи, спуститься ночью къ рѣкѣ, по крутой и обрывистой тропинкѣ. 2) Еслибы она и рѣшилась на это, то такъ какъ тропинка ведущая къ рѣкѣ покрыта грязью и постоянно мокра, то платье и сапоги ея непремѣнно были бы перепачканы грязью и мокры: между тѣмъ какъ они оказались совершенно чистыми и сухими. 3) Задумавъ купаться Н. А. оставила бы на берегу рубашку, кальсоны и чулки и не стала бы купаться въ бѣльѣ. 4) Будучи въ высшей степени стыдливой и конфузливой, она не рѣшилась бы купаться въ то время когда, по заявленію свидѣтелей, на противоположномъ берегу рѣки купались мужчины. 5) Это не возможно тѣмъ болѣе, что Н. А. въ день

происшествія находилась въ періодѣ мѣсячнаго очищенія и вообще видя купающихся въ Курѣ возмущалась какъ можно купаться въ такой грязной и мутной водѣ. 6) Если бы Н. А. и утонула, то трупъ ея не могъ бы впродолженіи 6—8 час. оказаться въ Караязской мѣстности, на разстояніи 40 в. отъ города. 7) Такъ какъ въ 16 верстахъ отъ г. Тифлиса Кура, вслѣдствіе мелководія, образуетъ 3 острова и раздѣляется на 3 рукава глубиною лишь отъ 2—4 вершковъ, то трупъ ея едва ли могъ бы проплыть дальше указаннаго мѣста; но еслибы въ силу случайныхъ причинъ успѣлъ проплыть и далѣе, то по причинѣ каменистаго дна, оказался бы разбитымъ и поврежденнымъ; между тѣмъ какъ на немъ никакихъ ссадинъ, царапинъ и др. знаковъ насилія или побоевъ не было.

Судебно-медицинское вскрытіе трупа Н. А., произведенное 25 іюля въ г. Тифлисѣ врачами: Горалевичемъ, Блюмбергомъ и Павловскимъ тоже привело къ заключенію, что Н. А. утонуть не могла.

Хотя вскрытіе не могло во всей точности выяснить ближайшую причину смерти Н. А., такъ какъ трупъ ея подъ вліяніемъ дѣйствія воды и главнымъ образомъ высокой лѣтней температуры воздуха сильно разложился (особенно мозгъ и мозговыя оболочки),—по тѣмъ не менѣе врачи эксперты пришли къ слѣдующимъ выводамъ: 1) что при вскрытіи не обнаружено ни одного признака, который съ достовѣрностью указывалъ бы на смерть отъ утопленія, а именно: въ гортани, дыхательномъ горлѣ и легкихъ не было ни пѣны, ни пѣнистой жидкости, въ дыхательномъ и пищеварительномъ путяхъ не оказалось присутствія песку или ила,—въ желудкѣ не было накопленія воды и на рукахъ не было замѣчено ссадинъ, а подъ ногтями песку, или же камешковъ; 2) на головѣ умершей Андреевской и на разныхъ частяхъ туловища и конечностей ея оказались значительные кровоподтеки, имѣющіе характеръ прижизненныхъ поврежденій, такъ какъ кровяные свертки на головѣ представляли обширную сплошную массу, а на груди слишкомъ глубоко были расположены въ мышечномъ слоѣ, и притомъ, травматическаго происхожденія, т. е. происхожденія не отъ болѣзненныхъ внутреннихъ явленій, а отъ внѣшняго насилія; вмѣстѣ съ тѣмъ врачи—эксперты признали, что кровоподтекъ, найденный на головѣ, могъ произойти или отъ удара, или отъ паденія о какое либо твердое тѣло, а поврежденія, найденныя на шеѣ и на груди и особенно противъ яремной впадины, т. е. надъ дыхательнымъ горломъ, произошли, вѣроятно, отъ удавленія; поврежденія эти не могли быть объяснены ушибомъ о каменья въ рѣкѣ, ибо тогда: а) на головѣ подтекъ не могъ-бы занимать столь большаго и при томъ сплошнаго пространства, а поврежденія на груди и въ яремной области не допускаютъ возможности такого рода ушибовъ, такъ какъ эти части тѣла окружены мягкими, упругими органами и защищены болѣе выдающеюся нижнею челюстью и б) при такихъ ушибахъ поврежденія на обѣихъ половинахъ груди

не представляли бы такой полной симметричности. 3) Что же касается до ближайшей причины смерти Н. А., то, по мнѣнію д-ра Главацкаго, смерть ея, судя по жидкому состоянію крови, не оставившей по себѣ въ сердцѣ кровяныхъ свертковъ, была асфиктическая, т. е. произошла отъ прекращенія доступа воздуха къ легкимъ, и составляетъ одинъ изъ видовъ удушенія, но было-ли въ данномъ случаѣ утопленіе или задушеніе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, опредѣлить не возможно; остальные же три врача, не находя достаточныхъ признаковъ для признанія асфиктической смерти, полагаютъ, что причиною смерти А. могли быть ушибы, нанесенные ей по головѣ и причинившіе, какъ надо полагать по величинѣ ихъ, сотрясеніе мозга, которое могло быть смертельнымъ.

Въ виду этихъ данныхъ обвиненіе пришло къ заключенію, что какова бы не была причина смерти Н. А., во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ трупъ ея попалъ въ воду, ей былъ нанесенъ цѣлый рядъ повреждецій, произведенныхъ давленіемъ на горло, ударами по головѣ и тому подобнымъ насиліемъ.

Что же касается вопроса, кто является виновникомъ сего преступленія, то обвиненіе признало, что такая мысль могла явиться лишь у тѣхъ лицъ, которыя знали, что отъ нихъ прежде всего потребуютъ отчета о причинѣ исчезновенія Н. А., близко и хорошо были знакомы съ мѣстностью и имѣли достаточно времени и возможности для того, чтобы по совершеніи преступленія принять всѣ нужныя мѣры къ сокрытію слѣдовъ онаго; таками же лицами могли быть лишь Давидъ и Николай Чхотуа и ихъ прислуга. Притомъ, такъ какъ на дворѣ дома Шервашидзе были на столько злыя собаки, что не только ночью, но даже и днемъ никого посторонняго не впускали во дворъ, то потому никакой чужой человѣкъ не могъ забраться въ домъ Ш., для совершенія преступленія. Къ тому же отсутствіе при убійствѣ видимой цѣли преступленія напр. грабежа, посягательства на цѣломудріе ея и т. п. указывали обвиненію на существованіе между убійцами и жертвою болѣе близкихъ, личныхъ или денежныхъ отношеній, могущихъ возбудить неудовольствія; въ такихъ же отношеніяхъ съ Андреевскими могли находиться лишь бр. Чхотуа. Но, такъ какъ трудно допустить, чтобы подобное преступленіе могло быть совершено ими одними, безъ вѣдома и содѣйствія домашней прислуги, то вмѣстѣ съ Чхотуа были привлечены къ отвѣтственности въ качествѣ обвиняемыхъ, находившіеся у нихъ въ услуженіи: сторожъ Зурабъ Коридзе, поваръ Петръ Габисонія и садовникъ Иванъ Мчеладзе. Всѣ они, не признавая себя въ чемъ либо виновными по настоящему дѣлу, дали слѣдующія показанія.

Давидъ Чхотуа объяснилъ, что въ вечеръ происшествія, по возвращеніи Андреевскихъ домой, онъ, посидѣвъ съ ними на террасѣ и дождавшись вернувшагося съ катанья брата, ушелъ въ городъ за по-

купками, такъ какъ на другой день утромъ имѣлъ въ виду отправиться въ Кутаисъ, для доставленія кн. Шервашидзе, оставленной имъ въ Тифлисѣ шашки. Прежде всего онъ заѣхалъ къ портному Капанадзе, взять находившіеся у него въ починкѣ брюки, но нашелъ магазинъ запертымъ; оттуда отправился въ Сололакскую аптеку, въ которой купилъ хинные порошки и мозольные кружки. На обратномъ пути въ магазинѣ Чарухчіанца купилъ себѣ черный шарфъ и затѣмъ, около $9^{1}/_{2}$ ч. веч., зашелъ въ гостинницу «Европа» поужинать. Домой вернулся въ началѣ 11 часа: въ комнатѣ Ан—ихъ, хотя и былъ тогда видѣнъ свѣтъ, но разговора слышно не было. Раздѣвшись при помощи Зураба, онъ легъ спать, но вскорѣ былъ разбуженъ крикомъ В. А., которая на дворѣ звала свою дочь. Открывъ окно и узнавъ объ исчезновеніи Нины, онъ наскоро одѣлся и сошелъ внизъ; такъ какъ послѣ поисковъ Нины нигдѣ не оказалось, то ему мелькнула мысль, не пошла ли она купаться и не утонула ли въ рѣкѣ, вслѣдствіе чего онъ спустился по тропинкѣ къ рѣкѣ, на берегу которой, на площадкѣ нашелъ платье и сапоги ея, и тогда убѣдился, что она утонула, но объ этомъ въ ту ночь ничего не говорилъ В. А., чтобы еще больше не разстроить ея. Давъ знать о случившемся полиціи и мировому судьѣ, онъ послалъ телеграмму въ Поти на имя Шервашидзе о томъ, что Нина при смерти и чтобы онъ немедленно пріѣхалъ и, на случай выѣзда его въ Кутаисъ, такого же содержанія телеграммы въ Кутаисъ, на имя Висаріона Гогоберидзе и Маріи Цулукидзе съ просьбою передать содержаніе ихъ кн. Шервашидзе.

Николай Чхотуа показалъ, что вернувшись въ день происшествія около 10 ч. утра съ урока, онъ до вечера никуда изъ дому не выходилъ. Около 7 ч. вечера поѣхалъ кататься верхомъ и когда вернулся домой, то братъ его, сказавъ, что пойдетъ гулять, куда то ушелъ, а онъ остался на террасѣ и нѣкоторое время разговаривалъ съ А—ми. Когда же затѣмъ А—ія ушли къ себѣ, то и онъ отправился въ свою комнату, гдѣ часовъ въ 9 или въ началѣ 10-го раздѣлся и въ одномъ нижнемъ бѣльѣ легъ спать. Черезъ нѣкоторое время былъ разбуженъ, вошедшими въ его комнату Вѣрою А—ою и Зурабомъ, изъ коихъ 1-ая объявила ему, что Нина пропала; тогда онъ одѣлся и когда вышелъ на дворъ, то тамъ уже была Вѣра А—ая, Зурабъ и братъ его Давидъ, который отправился разыскивать Нину и вернувшись назадъ сказалъ ему по мингрельски, что платье ея лежитъ на берегу.

Поваръ Петръ Габисонія показалъ, что въ день происшествія онъ видѣлъ Андреевскихъ лишь утромъ, уѣзжающими изъ дому; болѣе ихъ не видѣлъ такъ какъ будучи въ тотъ день боленъ, лежалъ на кухнѣ и только впослѣдствіи отъ Зураба узналъ, что барышня утонула. Когда же послѣ обыска въ кухнѣ подъ кроватью его были найдены полусапожки Н. А., то Габисонія прибавилъ, что утромъ того дня онъ по порученію барышни сапоги эти отнесъ сапожнику въ по-

чипку, а вечеромъ, отправляясь въ Александровскій садъ гулять, взялъ ихъ у сапожника починенными. Такъ какъ тогда онъ былъ боленъ, то въ этотъ вечеръ не отнесъ сапогъ барышнѣ, а оставилъ ихъ до утра на кухнѣ, а самъ легъ спать.

Наконецъ, сторожъ Зурабъ Коридзе и садовникъ Иванъ Мчеладзе первоначально объяснили, что никакого участія въ убійствѣ Н. А. не принимали и объ убійствѣ или исчезновеніи ея ничего не знали до тѣхъ поръ, пока В. А. сама не замѣтила отсутствія своей дочери; при этомъ изъ нихъ Зурабъ пояснилъ, что послѣ возвращенія Андреевскихъ домой онъ видѣлъ барышню, вытряхивавшею платье; Давида Чхотуа тогда не было дома; когда же онъ вернулся, то Зурабъ раздѣлъ его, послѣ чего, подавъ В. А. воды отправился къ себѣ на кухню и снялъ сапоги, но въ это время былъ позванъ А—ою, съ которою пошелъ въ садъ искать пропавшую барышню; а Иванъ показалъ, что подавъ Николаю Чхотуа, по возвращеніи Андреевскихъ, чай, онъ ушелъ въ свою сторожку, находящуюся у воротъ и легъ спать, послѣ чего былъ разбуженъ Зурабомъ, который сообщилъ ему о смерти барышни.

Но впослѣдствіи Зурабъ Коридзе и Иванъ Мчеладзе, хотя и не признали своей виновности въ содѣйствіи или пособничествѣ Чхотуа въ убійствѣ Н. А., тѣмъ не менѣе объ обстоятельствахъ, при которыхъ она была лишена жизни, заявили слѣдующее.

22 іюля, послѣ возвращенія А—ихъ изъ города, Давидъ Чхотуа велѣлъ Зурабу осѣдлать лошадь и подать ее брату Николаю, а самъ остался съ А—ими на террасѣ. Когда Николай вернулся съ прогулки, то братъ его Давидъ приказалъ Зурабу хорошенько выводить лошадь, которая вся была въ пѣнѣ и сильно измучена и сталъ о чемъ то говорить съ Николаемъ,—послѣ чего, подозвавъ Ивана, онъ приказалъ ему убить самую большую и злую собаку, что съ помощью топора и было исполнено, а остальныхъ собакъ запереть въ сторожкѣ; на вопросъ Ивана зачѣмъ запирать, Давидъ ему отвѣтилъ: «не твое дѣло». Затѣмъ Давидъ велѣлъ Ивану напоить брата чаемъ и самому ложиться спать, сказавъ при этомъ, что онъ отправится въ городъ и приведетъ гостей. Вскорѣ послѣ ухода Давида Иванъ, послышавъ чьи то шаги, вышелъ изъ сторожки и увидѣлъ Давида Чхотуа, который съ нѣсколькими неизвѣстными ему, Ивану, личностями въ темныхъ платьяхъ, прошелъ черезъ садъ по направленію къ задней сторонѣ дома. Изъ любопытства Иванъ послѣдовалъ за ними и, хотя замѣтившій его Давидъ Чхотуа приказалъ ему не ходить, при чемъ грозилъ револьверомъ, но подкравшись онъ всетаки замѣтилъ, что около тропинки въ кустахъ двигаются какіе то люди и въ это время услышалъ легкій храпъ, а затѣмъ, присмотрѣвшись, увидѣлъ, что Давидъ Чхотуа и пришедшіе съ нимъ люди тащутъ трупъ женщины, одѣтой въ темное платье, къ рѣкѣ; но бросили ли ее туда или нѣтъ, онъ не знаетъ; тогда онъ догадался, что они задушили барышню, и хотѣлъ

убѣжать, но не успѣлъ, ибо Давидъ Чхотуа, схвативъ его за волосы, пригнулъ къ землѣ, чтобы онъ не могъ разсмотрѣть уходившихъ по направленію къ воротамъ людей: затѣмъ сказалъ Ивану, чтобы онъ не смѣлъ никому говорить о случившемся и не боялся, что они задушили барышню; такъ какъ платье ея положено на берегу то подумаютъ, что она сама утонула, купаясь въ рѣкѣ;—что еслибы его, Ивана, даже задержали, то онъ освободитъ его и, въ удостовѣреніе того, что онъ, Иванъ, сохранитъ молчаніе, Давидъ Чхотуа приказалъ ему произнести клятву такого содержанія: «пусть будетъ на моей совѣсти твой грѣхъ, грѣхъ этихъ людей и смерть барышни, если я скажу кому нибудь объ этомъ».

Что касается до Зураба, то тотъ показалъ, что замѣтивъ на террасѣ какихъ то людей, вышелъ изъ кухни на площадку, гдѣ увидѣлъ, что два брата Чхотуа и еще трое какихъ то людей несли по тропинкѣ къ рѣкѣ что то въ родѣ человѣческой фигуры, въ коей онъ отличилъ туловище и голову,—около нихъ стоялъ Петръ Габисонія. Вдругъ къ нему, Зурабу, подскочилъ какой то человѣкъ и обнаживъ кинжалъ, схватилъ за шею, въ каковомъ видѣ держалъ его до тѣхъ поръ, пока Чхотуа и бывшіе съ нимъ люди не вернулись на террасу. Тутъ Давидъ Чхотуа, обращаясь къ своему брату, сказалъ: «убьемъ этого сукина сына, а то онъ насъ выдастъ», но Николай Чхотуа на это не согласился и отвѣтилъ Давиду: «развѣ не довольно, что убили одного? онъ не выдастъ». Тогда Д. Чхотуа заставилъ его, Зураба, произнести слѣдующую клятву: «пусть меня причастятъ собачьею кровью, если я выдамъ», и проводивъ до воротъ бывшихъ съ нимъ людей, приказалъ Зурабу отправиться къ нему въ комнату и раздѣть его,—при чемъ Зурабъ замѣтилъ, что брюки Давида были въ грязи а изъ сапогъ текла вода. Тутъ только Давидъ сказалъ Зурабу, что они задушили барышню;—послѣ того Зурабъ пошелъ на кухню, но когда проходилъ по корридору В. А. позвала его и сначала потребовала воды, а потомъ спросила, гдѣ дочь ея и затѣмъ они пошли въ садъ розыскивать барышню.

Независимо отъ сего виновность вышесказанныхъ обвиняемыхъ въ совершеніи, по взаимному между собою соглашенію, убійства дѣвицы Андреевской, удостовѣряется въ обвинительномъ актѣ слѣдующими данными:

I. Въ отношеніи Давида и Николая Чхотуа. 1) Показаніями Зураба Коридзе и Ивана Мчеладзе, подтвержденными показаніями арестантовъ Муса-Измаилъ-Оглы и Меликъ-Мамедъ-Мурадъ-Али-Оглы, которые, находясь на излѣченіи въ военномъ госпиталѣ вмѣстѣ съ Петромъ Габисонія, узнали отъ сего послѣдняго, что въ убійствѣ дѣвицы Андреевской принимали участіе оба брата Чхотуа и вся прислуга, по подговору и подстрекательству Давида Чхотуа. 2) Распоряженіями Давида Чхотуа относительно собакъ, вслѣдствіе которыхъ одна самая злая и большая собака была убита садовникомъ Мчеладзе, а остальныя были

имъ заперты на ночь въ сторожкѣ. 3) Не подтвержденіемъ alibi Давида Чхотуа такъ какъ а) въ теченіи всего іюля мѣсяца у портнаго Канападзе никакихъ брюкъ Чхотуа въ починкѣ не было, б) въ Сололакской аптекѣ, какъ это видно изъ листа личной продажи за 22 іюля, хининъ и кружки могли быть ему отпущены не позже 7—8 часовъ утра и ни въ какомъ случаѣ не вечеромъ, в) когда именно и въ какое время была произведена въ магазинѣ Чарухчіанца продажа шарфа выяснить не было возможности. 4) Ложнымъ показаніемъ Давида Чхотуа, что по возвращеніи домой, тотчасъ заснулъ и былъ разбуженъ крикомъ В. А—ой, такъ какъ: а) свидѣтелямъ Исарлову и Меликову онъ же самъ разсказывалъ, что въ то время еще не спалъ, а лишь собирался лечь спать и б) Варвара А., по показанію ея, не на столько громко кричала, чтобы могла разбудить спавшаго во 2-мъ—этажѣ Давида Чхотуа. Точно также и Николай Чхотуа, по показанію Зураба Коридзе, хотя лежалъ въ постелѣ, закрывшись одѣяломъ, но былъ совсѣмъ одѣтъ и только сапоги у него были сняты. По мнѣнію же В. А—ой. онъ вовсе не спалъ, такъ какъ проснулся слишкомъ быстро и вышелъ къ ней тотчасъ послѣ того, какъ Зурабъ сказалъ ему у постели, что «барышню ищутъ». 5) Душевнымъ волненіемъ, безпокойствомъ и неестественнымъ поведеніемъ обоихъ братьевъ Чхотуа, въ то время когда на нихъ еще не падало подозрѣнія въ причиненіи Нинѣ Андреевской насильственной смерти. 6) Неожиданнымъ предположеніемъ Давида Чхотуа о томъ, что Нина Андреевская могла утонуть, а когда платье ея было найдено на берегу рѣки, тѣмъ стараніемъ, съ которымъ оба брата старались каждаго являвшагося на мѣсто происшествія убѣдить въ томъ, что Н. А. утонула. 7) Переговорами Давида Чхотуа съ Петромъ Габисонія на непонятномъ для окружающихъ языкѣ въ то время, когда Габисонія находился подъ надзоромъ полицейскихъ солдатъ и всякіе разговоры съ нимъ были воспрещены.

II. Въ отношеніи Зураба Коридзе и Ивана Мчеладзе: 1) Собственнымъ ихъ сознаніемъ въ укрывательствѣ убійства Н. А., но коль скоро они присутствовали на мѣстѣ преступленія, то не могли не принимать участія и въ самомъ совершеніи преступленія, иначе Чхотуа приняли бы мѣры, къ устраненію ихъ на время изъ дому. 2) Показаніями арестантовъ Церетели, Муса-Измаилъ-Оглы и Меликъ-Мамеда-Мурадъ-Али-Оглы, которые, содержась подъ стражею въ госпиталѣ вмѣстѣ съ Петромъ Габисонія, слышали отъ него, что въ убійствѣ дѣвицы А. принимали участіе вмѣстѣ съ братомъ Чхотуа и всѣ три человѣка прислуги. 3) Отсутствіемъ у Зураба сапогъ во время появленія его на зовъ Варвары А., каковое обстоятельство указываетъ, что онъ вмѣстѣ съ Давидомъ Чхотуа, по всей вѣроятности, спускался внизъ къ рѣкѣ и сапоги у него были мокры. 4) Возгласами Зураба послѣ его заарестованія, что онъ погибъ, что указываетъ на то, что онъ,

чувствуя и сознавая свою виновность, предвидѣлъ грозившую ему отвѣтственность. 5) Приказаніемъ Давида Чхотуа, даннымъ Мчеладзе, убить одну собаку и запереть остальныя, такъ какъ если бы всѣ они недѣйствовали за одно, по взаимному между собою соглашенію, то Чхотуа не сдѣлалъ бы такого распоряженія и скорѣе лично принялъ бы мѣры къ устраненію собакъ, коль скоро онѣ ему мѣшали.

и III. Въ отношеніи Петра Габисонія. 1) Объясненіемъ Зураба Коридзе, видѣвшаго между лицами тащившими трупъ Н. А. и Петра Габисонія. 2) Показаніями Ивана Церетели, Муса-Измаилъ-Оглы и Мелика-Мамеда-Мурадъ-Али-Оглы, которымъ Габисонія сознался, что убійство Н. А. совершено по подговору хозяина (Чхотуа), по предварительному соглашенію со слугами, въ кухнѣ, куда около 10 ч. вечера подошла А.; что Габисонія втащилъ ее туда, при чемъ она успѣла одинъ разъ крикнуть и защищаясь, оцарапала ему грудь; что въ это время всѣ они накинулись на нее и задушили, послѣ чего онъ, Габисонія, привелъ фаэтонъ и, посадивъ въ немъ убитую барышню, какъ живаго человѣка, повезъ ее вмѣстѣ съ знакомымъ имеретиномъ за городъ, гдѣ въ Ортогалахъ трупъ ея бросили въ рѣку. Разсказъ этотъ нашелъ себѣ подтвержденіе: а) въ томъ, что у Габисоніи на груди дѣйствительно были найдены слѣды царапинъ, б) что исчезновеніе Н. А. послѣдовало именно въ то время, когда она со свѣчею въ рукѣ отправилась въ кухню за полусапожками и в) что, по заявленію Коридзе, послѣ убійства А., Габисоніи не оказалось на кухнѣ и онъ появился лишь чрезъ довольно продолжительное время, откуда то на дворѣ. 3) Найденными подъ кроватью Габисонія полусапожками Н. А., которые, по объясненію Габисоніи, были имъ отдаваемы въ починку и не возвращены въ тотъ вечеръ Нинѣ, вслѣдствіе его нездоровія; хотя никто изъ сапожниковъ факта починки полусапожекъ въ тотъ день не подтвердилъ и сапоги, по показанію. В. А., были отданы лишь въ чистку а не для починки. 4) Симуляціей болѣзни, такъ какъ, по показанію свидѣтелей, онъ въ продолженіи дня производилъ разныя работы и завязалъ голову платкомъ лишь вечеромъ, послѣ прибытія полиціи. 5) Разговоромъ съ Давидомъ Чхотуа на непонятномъ для окружающихъ языкѣ, во время своего ареста, когда всякіе разговоры были ему воспрещены. 6) Неохотнымъ розыскиваніемъ исчезнувшей Н. А. 7) Заявленіемъ своимъ свидѣтелю кн. Гебаудзе за нѣсколько дней до происшествія, что Давидъ Чхотуа уговариваетъ его ограбить барышню А. и уѣхать затѣмъ туда, гдѣ ихъ никто не отыщетъ.

Такимъ образомъ картина убійства Нины А—ой представилась обвиненію въ слѣдующемъ видѣ. Давидъ Чхотуа, задумавъ лишить жизни Н. А., согласилъ на это преступленіе брата своего Николая, находившихся у него въ услуженіи Коридзе, Мгеладзе и Габисонію и еще нѣсколькихъ постороннихъ, по дѣлу не обнаруженныхъ лицъ, необхо-

димыхъ для сокрытія трупа послѣ совершенія преступленія и выжидалъ удобнаго случая, который и представился 22 іюля. Въ этотъ день утромъ Н. А. передала Габисоніи свои полусапожки для чистки, которые тотъ, по соглашенію съ Д. Чхотуа, не возвратилъ ей днемъ а оставилъ у себя. Когда же въ 10-омъ часу вечера она сама зашла за ними на кухню, на нее набросились братья Чхотуа, прислуга и приглашенные заранѣе сообщники въ количествѣ 3 или 4 человѣкъ. Чтобы сообщники могли войти во дворъ безпрепятственно, подъ вечеръ этого дня, самая злая изъ собакъ, по распоряженію Д. Чхотуа, была убита а остальныя заперты въ сторожку. Нападеніе на Нину А. было столь неожиданно, что она была лишена всякихъ средствъ защиты и, по всей вѣроятности, задушена. Затѣмъ вытащили ее въ садъ, сняли съ нее платье и сапоги, которые, для введенія правосудія въ обманъ, положили на берегу рѣки и трупъ ея увезли въ фаэтонѣ за городъ и тамъ бросили въ рѣку. Что трупъ А. былъ брошенъ въ рѣку не у дома Шерваншдзе, а увезенъ въ фаэтонѣ, имѣются многочисленныя показанія свидѣтелей. По объясненіямъ однихъ, фаэтонъ съ большимъ числомъ людей, съ женщиной въ бѣломъ по серединѣ, съ протянутыми руками, промчался по лѣвому берегу Куры, такъ называемой караязской дорогѣ; по показаніямъ же другихъ трупъ А. былъ переправленъ на другой берегъ Куры въ мѣшкѣ, гдѣ ожидалъ уже фаэтонъ, который доставилъ трупъ за городъ.

Что касается до цѣли убійства, то та была найдена въ оскорбленномъ чувствѣ самолюбія Д. Чхотуа и той затаенной злобѣ, которую онъ долженъ былъ питать по отношенію къ Н. А. вслѣдствіе: 1) недовѣрчиваго отношенія къ нему послѣдней, выразившагося не только въ лишеніи его полномочія на участіе вмѣсто ея при раздѣлѣ имѣній, но даже въ устраненіи его отъ управленія доставшейся ей половиной и 2) неудовольствій, доходящихъ до столкновеній между ними по поводу находившихся въ домѣ Шерваншдзе подъ надзоромъ Д. Чхотуа вещей ея.

На основаніи вышеизложеннаго обвинялся:

1) князь Давидъ Чхотуа въ томъ, что, задумавъ изъ личныхъ видовъ убить дѣвицу Нину Андреевскую, онъ согласилъ на это преступленіе другихъ лицъ и вечеромъ 22 іюля 1876 г., устроивъ въ кухнѣ засаду, куда должна была придти Нина А., онъ вмѣстѣ съ сими послѣдними лишилъ ее жизни посредствомъ задушенія или инымъ насильственнымъ образомъ.

и 2) князь Николай Чхотуа и крестьяне: Зурабъ Коридзе, Иванъ Мчеладзе и Петръ Габисонія въ томъ, что, согласившись съ Давидомъ Чхотуа, совершили означенное въ п. 1 преступленіе, каковое предусмотрѣно 3 п. 1453 ст. улож. о нак.

Дѣло это слушалось въ Тифлисскомъ окружномъ судѣ съ 23 Февраля по 5 Марта 1878 г. Изъ поименованныхъ лицъ, преданныхъ су-

ду, Мчеладзе умеръ, а Коридзе заболѣлъ, вслѣдствіе чего дѣло въ отношеніи перваго было прекращено, а въ отношеніи втерого отложено разсмотрѣніемъ впредь до его выздоровленія.

На судебномъ слѣдствіи обвиняемые не признали себя виновными а Давидъ Чхотуа объяснилъ. что онъ отрицаетъ самый фактъ преступленія, приписывая смерть Андреевской случайному утопленію во время купанья въ р. Курѣ.

Изъ показаній свидѣтелей, знавшихъ Н. А. съ дѣтства выяснилось, что она была дѣвушка умная, развитая, съ сильнымъ, настойчивымъ и самостоятельнымъ характеромъ, такъ что въ домѣ всѣ ея желанія исполнялись; общество она всегда выбирала себѣ по своему желанію и хотя поведенія была безукоризненнаго, но иногда, по свидѣтельству кн. Тумановой, позволяла себѣ такія шалости, изъ которыхъ можно заключить, что въ данномъ случаѣ она могла попробовать купаться; такъ напримѣръ поѣдетъ верхомъ кататься и ускачетъ впередъ одна, или же, бывало въ Кисловодскѣ, опускается въ рѣчку, гдѣ и мущины не рѣшались опускаться. Николай Чхотуа показалъ, что Н. А. нѣсколько разъ спрашивала его, въ которомъ мѣстѣ онъ купается и глубока ли тамъ Кура.

Относительно alibi Давида Чхотуа портной Капанадзе измѣнилъ данное имъ на предварительномъ слѣдствіи показаніе, объяснивъ, что на дняхъ, уже по открытіи засѣданія по настоящему дѣлу, другой его приказчикъ Шахнабаровъ, поступившій на мѣсто Мдивани, нашелъ брюки Чхотуа въ магазинѣ, и въ подтвержденіе сего Капанадзе представилъ въ судъ таковые. Шахнабаровъ подтвердилъ это обстоятельство. Брюки, по осмотру ихъ въ судебномъ засѣданіи, оказались почти новыми. Капанадзе не могъ вспомнить, что именно имъ починено.

Изъ показаній, данныхъ свидѣтелями Мусою-Измаилъ-Оглы, Дмитріемъ Сагара-Швили, докторомъ Маркаровымъ и полковникомъ Бѣлликомъ, бывшимъ во время производства предварительнаго слѣдствія Тифлисскимъ старшимъ полиціймейстеромъ, обнаружилось: что Габисонія не сознавался свидѣтелямъ Мусѣ Церетели; что полицейскій чиновникъ Лоладзе всѣ вышеприведенныя показанія о сознаніи выманилъ путемъ пытокъ, обѣщаній и застращиваній; что когда Лоладзе неудалась попытка выманить у Габисоніи сознанія посредствомъ спаиванія его водкой, онъ обѣщалъ татарину Мусѣ сначала 800, потомъ 2000 руб. а также и свободу, если онъ повторитъ продиктованный ему разсказъ; что для полученія сознанія Мчеладзе, Лоладзе вкрался въ его довѣріе, выдавая себя за ходатая по дѣламъ, и самъ Бѣлликъ призналъ, что онъ лично обѣщалъ этому подсудимому за таковое сознаніе смягченіе наказанія и перемѣщеніе изъ одиночной въ общую арестантскую камеру; что Мчеладзе передъ смертью терзался и раскаявался въ томъ, что невинно оговорилъ

своихъ товарищей и господъ; что для полученія сознанія Коридзе Лоладзе съ одной стороны мучилъ его и держалъ «въ секретѣ», съ другой же обѣщалъ хлопотать передъ Великимъ Княземъ объ его освобожденіи, если тотъ будетъ говорить такъ, какъ онъ его научитъ почему Коридзе «показалъ то, чего и не зналъ».

Врачи эксперты, принявъ во вниманіе, что при вскрытіи трупа Н. А., не было обнаружено ни одного изъ признаковъ, характеризующихъ утопленіе а именно: въ дыхательныхъ путяхъ и въ легкихъ не было найдено ни пѣны, ни пѣнистой жидкости, равнымъ образомъ не было открыто слизи и въ плеврѣ жидкости, гортань оказалась совершенно сухою и отека легкихъ не было, пришли къ заключенію что смерть Н. А. не могла произойти отъ утопленія. Что касается кровоподтековъ, обнаруженныхъ на головѣ, груди и подъ яремной впадиной, то эксперты признали ихъ прижизненными, происшедшими отъ ударовъ и давленія, а не причиненными въ водѣ. Кровоподтеки же на бедрѣ и др. мѣстахъ признали за трупныя явленія, т. к. они не имѣли свертка крови. Устанавливая происхожденіе кровоподтековъ, эксперты въ данныхъ, представляемыхъ вскрытіемъ трупа, открыли признаки, указывающіе на существованіе удушенія, какъ одной изъ причинъ смерти А—ой. Таковыми эксперты признали расширеніе мышцъ задняго прохода, пустоту мочеваго пузыря, сокращеніе селезенки и слабое налитіе ея кровью, пузыри на легкихъ, прижатіе языка зубами и жидкое состояніе крови. Опредѣляя ближайшія причины смерти, экспертъ д-ръ Горалевичъ объяснилъ, что таковая послѣдовала отъ удара въ голову, оставившаго слѣдъ въ видѣ кровоподтека и могшаго произвести сотрясеніе мозга, и отъ удушенія; экспертъ д-ръ Главацкій—что смерть произошла отъ давленія на дыхательное горло и грудную клѣтку, т. е. отъ удушенія;—д-ръ Блюмбергъ — что ударъ въ голову произвелъ безсознательное состояніе А—ой., во время коего она была задушена, и д-ръ Павловскій—что смерть была слѣдствіемъ и удара въ голову и удушенія.

По выслушаніи заключительныхъ преній окружный судъ, опредѣлилъ: Давида Чхотуа и Петра Габисонію, признанныхъ виновными въ насильственномъ лишеніи жизни Нины Андреевской, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы: перваго въ рудникахъ на 20 л. а втораго въ крѣпостяхъ на 10 л. Николай Чхотуа признанъ оправданнымъ.

Вслѣдствіе отзыва подсудимыхъ и протеста прокурора дѣло это 25—30 Ноября 1878 г. слушалось въ апелляціонномъ порядкѣ въ Тифлисской судебной палатѣ.

Защита пригласила новаго эксперта професора С.-Петербургскаго университета и Медико-Хирургической академіи Сорокина. Обвиненіе довольствовалось экспертами окружнаго суда.

Професору Сорокину были предложены палатою тѣже вопросы, что и экспертамъ въ окружномъ судѣ. Въ виду неполноты и неясности фактовъ, изложенныхъ въ протоколѣ вскрытія, имъ было испрошено разрѣшеніе палаты предложить экспертамъ, производившимъ вскрытіе, нѣсколько вопросовъ, съ цѣлью болѣе подробнаго описанія видѣнныхъ ими фактовъ и объясненія употребленныхъ ими способовъ изслѣдованія. Эксперты, отвѣчая на заданные имъ вопросы, между-прочимъ, высказали, что во всѣхъ кровоподтекахъ замѣченныхъ ими на трупѣ Н. А. найдены были кровяные свертки т. е., что кровоподтеки эти не посмертнаго, а прижизненнаго свойства.

Професоръ Сорокинъ, основываясь на полученныхъ отъ экспертовъ свѣдѣніяхъ и добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ, пришелъ къ заключенію, что смерть Н. А. произошла отъ утопленія. По его мнѣнію, въ виду жидкаго состоянія крови и сокращенія селезенки, слѣдуетъ признать, что Н. А. умерла отъ асфиксіи, причиною же послѣдней могло быть или утопленіе или одинъ изъ видовъ механическаго задушенія. Главнымъ и единственнымъ основаніемъ послѣдняго предположенія, являются знаки насилія, въ видѣ кровоподтековъ на различныхъ частяхъ тѣла, которые могли быть произведены или побоями, или давленіемъ. При побояхъ (ушибахъ) подтеки бываютъ или поверхностные или глубокіе. *Первые* обнаруживаются немедленно послѣ нанесенія побоевъ, но рыбаки, кромѣ мелкихъ синихъ пятенъ на рукахъ, не замѣтили на тѣлѣ покойной никакихъ слѣдовъ насилія,—что же касается *вторыхъ* то они производятъ разрывы и полное размозженіе глубокихъ тканей, переломы костей и другія тяжкія поврежденія, чего въ настоящемъ случаѣ тоже не замѣчено. При давленіи же нѣкоторые подтеки имѣли бы поверхностное положеніе, а таковыхъ не обнаружено; затѣмъ, на тѣлѣ потерпѣвшей остались бы ссадины, царапины, вдавленія ногтей или отпечатки пальцевъ въ видѣ углубленій, которыя вслѣдствіе высыханія кожи съ теченіемъ времени становятся ѣще замѣтнѣе. Однако на тѣлѣ Н. А. никакихъ вообще поврежденій не оказалось. Итакъ, если подтеки не могли произойти ни отъ побоевъ, ни отъ давленія, то необходимо должно заключить, что всѣ наружные подтеки не имѣли травматическаго характера и безъ сомнѣнія были трупными гипостазами, тѣмъ болѣе, что при всѣхъ видахъ асфиксіи часто встрѣчаются произвольныя кровотеченія, которыя иногда по своему макро и микроскопическому виду ничѣмъ не отличаются отъ подтековъ, произведенныхъ механическимъ насиліемъ.—Что касается подтековъ, замѣченныхъ на головѣ, шеѣ и груди Н. А., то, по мнѣнію пр. Сорокина, ихъ можно былобы признать за травматическіе только въ томъ случаѣ, еслибы на ограниченномъ ихъ пространствѣ находилось большое количество жидкой или свернувшейся крови, когда была бы повреждена самая ткань, содержащая подтекъ или же когда имѣлись бы наружныя поврежденія въ видѣ ссадинъ, царапинъ, вдавленій и т. п. Такъ какъ

въ этихъ подтекахъ ни одного изъ упомянутыхъ признаковъ не найдено, то они должны быть признаны или за трупные гипостазы или за произвольные кровоподтеки, развившiеся во время агонiи.—Но не было ли замѣчено при вскрытiи признаковъ смерти отъ утопленiя? Отвѣчая на этотъ вопросъ, профессоръ Сорокинъ замѣтилъ, что, такъ какъ вскрытiе тѣла Н. А. было произведено черезъ 62 часа послѣ ея смерти, то всѣ характерные признаки отъ утопленiя, если не исчезли, то должны были значительно стушеваться, въ особенности когда эксперты употребили всѣ старанiя, конечно неумышленно, чтобы замаскировать или уничтожить всѣ доказательные признаки. Сохранился, однако, одинъ существенный признакъ, приведенный въ протоколѣ: «легкiя не спавшiяся, выполняютъ грудную полость»; присутствiе «на поверхности ихъ эмфизематозныхъ возвышенiй» не могло препятствовать ихъ спаденiю, гортанная щель была открыта, гиперемiя не послужила бы препятствiемъ къ спаденiю, да, по словамъ протокола, ея и не было; слѣдовательно, находились препятствiя, если не въ дыхательномъ горлѣ, то въ крупныхъ и мелкихъ дыхательныхъ вѣтвяхъ а такимъ препятствiемъ могла быть содержавшаяся въ нихъ вода, или пѣна, или та и другая вмѣстѣ. Признакъ этотъ получаетъ значенiе несомнѣннаго доказательства, въ виду показанiя рыбака Менабди Швили, даннаго имъ на судебномъ слѣдствiи въ судебной палатѣ. Рыбакъ этотъ объяснилъ, что когда тѣло Н. А. вытащили на берегъ, раздѣвали, сплавляли на островъ, опускали въ могилу, то всякiй разъ, когда сообщалось трупу какое нибудь движенiе, у покойницы изо рта показывалась «каплями», «какъ слезы» *слегка окрашенная жидкость и мелкая пѣна*. Такое явленiе, въ совершенно свѣжемъ трупѣ, въ высшей степени характерно и наблюдается исключительно у однихъ только утопленниковъ. —Итакъ, на основанiи фактическихъ данныхъ, проф. Сорокинъ заключилъ, что Н. А. утонула, безъ всякихъ признаковъ насильственной смерти.

Гг. члены тифлисской судебной палаты, гг. судьи коронные, гг. судьи законники, то есть посвящающiе себя служенiю закону, исполненiю его свято, и разумному его истолкованiю, позвольте мнѣ начать мою защитительную рѣчь словами же закона.

Ст. 890 ус. уг. суд. гласитъ, что при пересмотрѣ приговора по отзыву подсудимаго, опредѣленное ему наказанiе можетъ быть не только уменьшено, но и вовсе отмѣнено. Слова эти исполнены глубокаго значенiя, они

якорь спасенія для тѣхъ несчастныхъ мучениковъ, которые, бывъ осуждены въ 1-й инстанціи, ввѣрили мнѣ свою судьбу. Если апелляція не мертвый обрядъ, если апелляціонное производство не трата времени, томительная какъ все, что безполезно, если слова закона, который я только что прочелъ,—настоящая, живая правда, то значатъ они слѣдующее: что эти арестанты еще люди не рѣшенные, что еще они не осуждены, не изобличены, что они могутъ возвратиться въ общество, отъ котораго ихъ отдѣляли долгое время стѣны тюрьмы; что къ приговору ихъ осудившему вы должны отнестись критически, то есть должны его испытать и провѣрить, слѣдовательно—усомниться въ томъ, что онъ справедливъ, слѣдовательно предположить, что можетъ быть они люди невинные и перебрать мысленно всѣ звенья, состоящія изъ умозаключеній того приговора, который ихъ сковалъ точно веригами, съ тѣмъ чтобы узнать, не порвутся ли, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя звенья, какъ нити, и не спадутъ ли съ подсудимыхъ вслѣдствіе того оковы приговора. Эта закономъ возложенная обязанность на судей высшаго суда, обладающихъ большею опытностью, большими свѣдѣніями, значитъ большею возможностью систематически усомниться въ виновности осужденныхъ подсудимыхъ до тѣхъ поръ, пока заново и самостоятельно не будетъ построена вполнѣ прочно ихъ вина въ совѣсти судей, составляетъ одно изъ преимуществъ суда, передъ которымъ я имѣю честь говорить, суда апелляціоннаго передъ судомъ съ присяжными. Въ судѣ присяжныхъ, судящемъ болѣе по впечатлѣнію, а не по логическимъ выводамъ, и человѣка, только еще обвиняемаго, а не такого, о которомъ уже прогремѣлъ осуждающій его приговоръ,—закономъ не установлено никакого метода повѣрки обвиненія, не предписано никакихъ правилъ изслѣдованія, а для избѣжанія увлеченій, весьма возможныхъ, когда судится дѣло громкое и сильно возбуждающее страсти, служатъ два средства,—съ одной стороны, присяга присяжнаго:

подать голосъ сообразно тому, что увижу и услышу на судѣ (ст. 666 ус. у. с.), и съ другой стороны, неизбѣжное почти затѣмъ предвареніе со стороны предсѣдателя въ заключительномъ словѣ: забыть все то, что моглобы дойти до присяжныхъ окольнымъ путемъ, въ видѣ разсказовъ, молвы, слуховъ, устныхъ или печатныхъ. Судьи коронные въ такихъ предвареніяхъ и присягахъ не нуждаются. По закону, а именно по 2 п. 797 и 892 ст. ус. уг. суд., судъ долженъ мотивировать рѣшеніе, объяснивъ его и сопоставивъ не съ иными какими нибудь данными, а только съ представленными къ дѣлу доказательствами и уликами. По 737 ст. ус. уг. суд. прокуроръ поддерживаетъ обвиненіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется по судебному слѣдствію, точно также какъ и защита—по 744 ст. у. у. с. въ томъ же видѣ представляетъ свои объясненія; причемъ каждой изъ состязающихся сторонъ воспрещается вставлять, ссылаться или приводить обстоятельства, не бывшія предметомъ слѣдствія. Если же сторонамъ возбранено употреблять данныя, въ дѣлѣ неимѣющіяся, если суду только и можно мотивировать свое рѣшеніе имѣющимися въ дѣлѣ доказательствами и уликами, то отсюда ясно, очевидно и безспорно, что и состязаніе, и рѣшеніе происходятъ въ рѣзко очерченномъ и ограниченномъ кругѣ, на почвѣ фактовъ, въ предѣлахъ источниковъ; а источниками только и могутъ быть 4 тома предварительнаго слѣдствія, 2 т. производства окружнаго суда и судебной палаты и дополненіе судебнаго слѣдствія. Закономъ установленная необходимость позабыть все, внѣ дѣла лежащее, имѣетъ громадное значеніе въ настоящемъ дѣлѣ, потому что на канвѣ дѣйствительности, какъ бурьянъ, поросли сказки, легенды и миѳы, которые приходится корчевать и вырывать, чтобы добраться до истины. Отрѣшаясь отъ сказочнаго элемента, судебное изслѣдованіе по источникамъ, согласно закону должно поступать въ изслѣдованіи правды точно тѣми же путями, какъ и всякое изслѣдованіе истины, напр., изслѣдова-

ніе историческое. Былъ фактъ въ исторіи, изъ него возникла быль, сказаніе, легенда, которыя составляютъ ходячее, хотя и превратное представленіе о предметѣ; ложь перемѣшалась съ истиной. Что дѣлаетъ историкъ? Онъ отрицаетъ всю легенду, кропотливо возстановляетъ истину по источникамъ и являетъ фактъ въ новомъ видѣ. Можетъ быть новое, добытое такимъ образомъ, представленіе и не совершенно совпадаетъ съ дѣйствительностью, можетъ не вполнѣ изобразить ее, но оно, тѣмъ не менѣе, несравненно ближе къ истинѣ, гораздо правдивѣе, нежели всякія легенды.

Доказавъ, такимъ образомъ, что изслѣдованіе должно быть производимо только по источникамъ и что было бы противозаконно основывать его на чемъ либо еще иномъ, кромѣ источниковъ, я позволю себѣ еще изложить какимъ образомъ слѣдуетъ пользоваться этими мною уже исчисленными источниками. Способы и пріемы пользованія источниками находятся въ тѣснѣйшей связи съ устройствомъ суда. Каждый своеобразно устроенный судъ иначе функціонируетъ, и есть коренное различіе въ этомъ отношеніи между судомъ съ присяжными, окончательно рѣшающимъ дѣла въ одной инстанціи, и судомъ тифлисской палаты, рѣшающимъ дѣла по апелляціи. Основной типъ судопроизводства по судоустройству есть судъ съ присяжными. Къ нему примѣнены и приспособлены почти всѣ кассаціонныя рѣшенія, даже и такія, которыя имѣютъ самый общій характеръ. Въ судѣ съ присяжными источники предлагаются далеко не всѣ; здѣсь заботливо усѣкаются, такъ сказать, всѣ дикія вѣтви; запрещено читать и собственныя признанія, и опыты дознанія, и нѣкоторые документы; не могутъ быть подвергнуты подъ опыты судебнаго слѣдствія и вещественныя доказательства. Вы, господа судьи, гораздо свободнѣе въ этомъ отношеніи, вы разсматриваете все дѣло отъ первой страницы до последней, вы знаете его полнѣе, нежели присяжные, вы знаете больше, но и къ источникамъ вы съ молоду

привыкли относиться критически, для васъ не существуетъ причинъ, заставляющихъ законодателя искусственно устранять тѣ изъ источниковъ, которымъ онъ не совсѣмъ довѣряетъ. Какъ историкъ пользуется всѣми ими, такъ и вы воспользуетесь всѣми источниками, и позволите мнѣ ссылаться на всякій источникъ, лишь бы онъ имѣлся въ дѣлѣ. Но вслѣдствіе того, что вы разсматриваете дѣло во второй инстанціи, не повторяя всего судебнаго слѣдствія, знаніе ваше менѣе непосредственное, изученіе менѣе наглядное, опытъ вашъ имѣетъ болѣе книжный, бумажный характеръ; каждая буква въ протоколѣ что нибудь да вѣситъ и вы не будете мнѣ препятствовать, когда я буду взвѣшивать слова, буквы и даже запятыя, уничтожая измышленія, искаженія истины и прикрасы въ самомъ ихъ зародышѣ.

Кромѣ этихъ двухъ существенныхъ различій есть еще одно третье, которому приписываютъ большое значеніе, но на которое я попрошу не обращать никакого вниманія. Оно заключается въ томъ, что, такъ какъ присяжные ничѣмъ не мотивируютъ своего рѣшенія, а вы обязаны мотивировать, то судъ присяжныхъ въ своихъ осужденіяхъ несравненно смѣлѣе и рѣшительнѣе, что судъ присяжныхъ можетъ и долженъ брать болѣе на свою совѣсть. Юстиція присяжныхъ способна ошибаться и увлекаться, но она менѣе дискредитируется, потому что она юстиція по преимуществу народная. Когда есть, и несомнѣнно есть фактъ преступленія на лицо, а съ другой стороны въ обвиняемомъ сильные къ совершенію его мотивы, удостовѣренные порывы и стремленія къ тому, чтобы воспользоваться плодами жизни, или, по крайней мѣрѣ, напряженное выжиданіе результата, то сотни разъ я это видѣлъ и испыталъ, для совѣсти присяжныхъ этого достаточно: смѣло перекидывается воздушный мостъ стройною аркою отъ преступленія къ мотивамъ, хотя бы въ дѣлѣ не было и малѣйшаго слѣда руки обвиняемаго. Отъ васъ, господа судьи, стоящихъ превыше страстей и увлече-

ній народныхъ, обязанныхъ отдавать отчетъ въ каждомъ вашемъ выводѣ, обыкновенно требуется чтобы, даже при наличности факта преступленія и мотивовъ, виновность подсудимаго только тогда признавалась, когда есть какое нибудь хотя бы малое, но удостовѣренное внѣшнее дѣяніе обвиняемаго въ преступленіи, видимое проявленіе его воли въ мірѣ внѣшнемъ по пути къ преступленію. Допустимъ, что Н. Андреевская удавлена и потомъ въ воду брошена, допустимъ, что отысканы правдоподобные мотивы, зачѣмъ подсудимые Чхотуа и Габисонія желали ея смерти. Но докажите, что по ея шеѣ и груди проходила ихъ рука, докажите это по отношенію къ каждому изъ нихъ, а если не можете сдѣлать этого, то докажите, что существовалъ между ними общій на умерщвленіе Н. Андреевской уговоръ. Это требованіе, которое всегда почти и не безрезонно ставилось по отношенію къ судамъ изъ техниковъ и которое вытекаетъ изъ того, что отъ нихъ и ожидается всегда менѣе вообще осуждающихъ приговоровъ, но также, такъ какъ они свѣдущіе судьи, менѣе и плачевныхъ судебныхъ ошибокъ, имѣетъ громадное значеніе для тѣхъ изъ подсудимыхъ, которые являются спутниками другихъ свѣтилъ, мерцаютъ въ ихъ блескѣ и осуждаются за одно, по общему правилу: «да кто ихъ тамъ разберетъ»! Таковы въ данномъ дѣлѣ Габисонія и Н. Чхотуа, таковъ былъ бы и Мелитонъ Кипіани, если бы прокуроръ не составилъ заключенія о прекращеніи относительно его преслѣдованія. Были на мѣстѣ преступленія въ моментъ совершенія его, и отчего о немъ не знаютъ? Значитъ виноваты.

Я заявилъ, что, сообразуясь съ условіями устройства и производства суда, я могъ бы съ полнымъ основаніемъ стоять на этой почвѣ и, допуская, что могло совершиться удавленіе, утверждать, что виновность въ немъ подсудимыхъ не доказана, не доказано ихъ участіе, что Нина А. можетъ быть убита, но не они убійцы, что невѣдомые люди могли проникнуть въ садъ, спус-

титься въ немъ и сбросить съ обрыва свою жертву въ воду, что могли сторожить ее когда она вошла въ воду и стала купаться, и тогда ее удавили, и мало ли можно сдѣлать подобныхъ предположеній, не совсѣмъ правдоподобныхъ, но физически не невозможныхъ. Но, господа судьи, я отъ этого средства отказываюсь, я его откидываю, какъ ненужное, я на вашихъ глазахъ сожигаю мои корабли. Я становлюсь прямо и безъ колебаній на точку зрѣнія суда и усваиваю себѣ слѣдующую дилемму: 1) либо Н. Андреевская утонула случайно, и тогда уголовному правосудію нечего дѣлать; 2) либо она убита и брошена потомъ въ воду, но убита никѣмъ инымъ, какъ домашними, и тогда въ числѣ этихъ домашнихъ были или какъ подстрекатели, или какъ физически виновные, или, по крайней мѣрѣ, какъ пособники и укрыватели, Д. Чхотуа и Габисонія, но не Н. Чхотуа, который могъ, по мнѣнію суда, ничего не знать о преступленіи и о которомъ мнѣ придется говорить особо, по поводу прокурорскаго протеста.

Поставивъ эту дилемму, я разрѣшаю ее прямо и ставлю какъ тезисъ, который я долженъ доказать и который я надѣюсь доказать, тезисъ въ полной истинѣ котораго я глубоко убѣжденъ и который для меня яснѣе бѣлаго дня, а именно, что Н. Андреевская, купаясь, утонула, и что, слѣдовательно, въ смерти ея никто не виноватъ.

Чтобы доказать этотъ тезисъ, пойдемъ за трупомъ Н. Андреевской съ того момента, когда онъ отысканъ въ Караязѣ, прослѣдимъ обратно тотъ путь, который былъ пройденъ этимъ трупомъ, дойдемъ до мѣста на площадкѣ, гдѣ найдено ея платье, до минуты, когда она разсталась съ матерью и до предшествовавшихъ ея исчезновенію обстоятельствъ, и при этомъ разборѣ фактовъ будемъ перебирать, какъ зерна въ четкахъ, всѣ тѣ изъ нихъ, которые нанизаны одно на другое, какъ обвиняющія подсудимыхъ улики. При этомъ разборѣ я надѣюсь васъ убѣдить, что ни одна улика не уцѣлѣетъ,

что всѣ онѣ раскрошатся въ мелкій песокъ; однѣ изъ нихъ изъ фактовъ обратятся въ противное тому—небылицы, другія получатъ смыслъ безразличныхъ, третьи—сомнительныхъ, и весь искуственно построенный замокъ обвиненія превратится въ марево, въ миражъ.

Я кончилъ мои предварительныя объясненія, извиняясь за ихъ длинноту, но такова ужъ моя усвоенная привычка обращать прежде всего вниманіе на пріемы и методы изслѣдованія. Во всякомъ изслѣдованіи они то главное, они почти все, всякая погрѣшность коренится въ ошибочномъ пріемѣ, въ ложномъ методѣ.

За симъ прошу перенестись мысленно въ Караязъ и присутствовать при обстоятельствахъ отысканія и вскрытія трупа.

22 іюля 1876 года, въ среду, въ самый день таинственнаго происшествія исчезновенія Н. Андреевской, два рыбака спустились утромъ въ Ортачалы на бурдюкахъ. Черезъ часъ, въ полдень, они остановились въ Навтлугѣ, а въ сумерки прибыли въ село Таклы. Одного звали Пидуа Менабди-Швили, другого—Эстате Чіаберовъ, по прозванію Наташка. Такловъ два: по лѣвой сторонѣ Куры - Кара - Таклы и по правой - Акъ - Таклы. Возьму предположеніе, наиневыгоднѣйшее для подсудимыхъ, именно, что они ночевали въ Акъ - Таклы. По протоколу судебнаго слѣдствія, по словамъ Чіаберова - Наташки, они ночевали не въ Акъ-Таклахъ, а въ мѣстности, находящейся близко Акъ - Таклы и называемой Кенчи - Кара. Съ восходомъ солнца (которое бываетъ по календарю въ концѣ іюля въ 4 часа 58 минутъ, возьму для округленія счета 5 часовъ) они умылись и пошли внизъ, до праваго развѣтвленія Куры, къ тому мѣсту, гдѣ были разставлены еще прежде того ими сѣти и надо было повѣрить привѣшенные къ сѣтямъ крючья. Мѣсто, гдѣ были сѣти и крючья, отстояло отъ мѣста ночевки, какъ этотъ судъ отъ Татарскаго майдана, во всякомъ случаѣ болѣе версты. Я полагаю, что minimum надо дать на путь полчаса. И такъ, въ 5 1/2 ча-

совъ утра они осмотрѣли сѣти и разошлись, Пидуа пошелъ вверхъ, Эстате Чіаберовъ внизъ. Но всетаки они отстояли другъ отъ друга на разстояніи человѣческаго крика. Спустя $1^1/_2$ или 2 часа, говоритъ Чіаберовъ, я услышалъ крикъ Пидуа; солнце уже было порядочно высоко. Крикъ былъ вызванъ видомъ трупа, и находка трупа произошла, такимъ образомъ, въ 7 или $7^1/_2$ часовъ, что совпадаетъ и съ словами Пидуа: солнце не было еще очень высоко, т. е. далеко было ему до апогея высоты. Трупъ этотъ плылъ свободно по водѣ въ бѣльѣ и браслетахъ, съ распущенными волосами, закрытыми глазами и ртомъ. Лицо бѣлое, спокойное, какъ у спящаго ангела; ноги были у нея раздвинуты на два вершка, руки приподнятыя вверхъ, у локтей обгибали грудь. Экспертъ по части утопленниковъ, Пидуа, видѣвшій болѣе 15 труповъ, не вытерпѣлъ и сдѣлалъ слѣдующую индукцію, образчикъ эмпирической индукціи, которая едва ли найдетъ оправданіе въ судебной медицинѣ: трупъ женщины всегда плыветъ на спинѣ, а мужчины вверхъ спиною. Вѣроятно онъ плылъ ногами впередъ. Мѣсто, гдѣ трупъ отыскапъ, находится ниже караязскаго моста, слѣдовательно, у развалинъ Риша-кала. Рыбаки раздѣли трупъ донага и, помѣстивъ его на островку, приняли мѣры, чтобы дать знать властямъ о находкѣ. Въ верстѣ отъ мѣста находки трупа по направленію къ Тифлису, въ шабуровской мѣстности, они натолкнулись на собиравшихся въ городѣ крестьянъ Ивана Арутинова и Гигола Каракозова, и которые, хотя собирались въ городъ, но пришли на островокъ поглядѣть на трупъ. Общее впечатлѣніе всѣхъ 4-хъ то, что трупъ былъ свѣжій, чистый; а между тѣмъ тогда былъ уже голый; никакихъ рѣшительно не было поврежденій и знаковъ, ни на шеѣ, ни на груди (ссадинъ), ни царапинъ, а только, говорятъ Пидуа и Чіаберовъ, что было синее пятно на лѣвой рукѣ. По показаніямъ Пидуа и Цинамзгварова синее пятно было ниже сгиба, на самой кисти лѣвой руки. Я прошу обратить вниманіе на

эти, совершенно согласныя между собою, четыре показанія: это не то что не замѣтили, а то что совершенно не было никакихъ пятенъ и подтековъ. Когда трупъ подняли, по словамъ какъ Пидуа такъ и Арутинова, изъ рта вылилась кровь красноватая, какъ бы разбавленная водою. Пидуа говоритъ, что жидкости вытекло нѣсколько капель, а Арутиновъ говоритъ—ложки двѣ.

Пидуа при передопросѣ пояснилъ: это была жидкость, въ которую замѣшана была кровь.

Нагой трупъ тутъ же для предохраненія отъ быстраго разложенія зарыли въ яму, конечно, не глубокую, засыпали пескомъ, прикрывши его хворостомъ. Ясно, что къ тѣлу не могли не пристать земляныя частицы, но я долгомъ считаю сказать, что, по показаніямъ Пидуа и Кобіева, въ рукахъ между пальцами, подъ ногтями не было найдено ни земли, ни песку. Черезъ день потомъ, т. е. 24 іюля въ 7 часовъ вечера, произведено полиціею при докторѣ Мревловѣ, съ замѣчательною неточностью и небрежностью, вскрытіе трупа для перенесенія его въ анатомическій театръ. Полиція, Мревловъ, Кобіевъ, Цинамзгваровъ стояли на берегу и послали на островъ раздѣтыхъ рыбаковъ, Арутиновыхъ, которые, откопавъ трупъ, сплавили трупъ нагой по рѣкѣ къ мѣсту, гдѣ стояли изслѣдователи, причемъ, конечно, трупъ былъ обмытъ отъ земляныхъ частицъ и песку, и если были какія нибудь песчинки или былинки между пальцами и подъ ногтями, то онѣ должны были исчезнуть. Отъ пребыванія его въ ямѣ неглубокой остались наружные слѣды, глубокіе и узкіе желоба, вѣроятно, отъ хворосту, въѣвшагося въ потерявшую всякую окоченѣлость и размягченную отъ разложенія массу.

Кромѣ того говорится, что на пальцахъ ногъ кожа представилась поверхностно изъѣденною, вѣроятно, полевыми крысами. Пребываніе въ водѣ сдѣлало свое дѣло въ совокупности съ жгучимъ зноемъ іюльскаго солнца. Трупъ былъ въ полномъ гніеніи. Обѣ щеки, вѣки, шея

и верхъ груди представляли видъ темнокрасныхъ поверхностей съ синимъ отливомъ, покрытыхъ пузырями. Тоже представляли спина, оба бока груди и живота, мѣста подъ колѣнами, заднія поверхности обѣихъ верхнихъ конечностей, а также уши; съ спины и съ предплечій даже кожа слупилась. Тѣло сдано цирюльнику Шахъ-Незидову, который прокололъ его булавкою, или бистурмомъ на животѣ въ двухъ мѣстахъ, и доставлено въ анатомическій театръ въ Тифлисъ. Бѣглый, небрежный, поверхностный протоколъ 24 іюля едва отмѣтилъ нѣкоторыя подробности.

Настоящее изслѣдованіе началось только въ анатомическомъ театрѣ 25 числа, ровно черезъ двое съ половиною сутокъ послѣ исчезновенія Н. Андреевской, т. е. чрезъ 61 часъ отъ момента ея предполагаемой смерти. Было ли оно полное, было ли оно точное, вотъ въ чемъ да будетъ мнѣ позволено усомниться. Дѣятельность врачей должна быть двоякая: константированіе фактовъ въ актахъ осмотровъ и выводы заключеній. Разсмотримъ отдѣльно и то и другое.

Съ формальной стороны все какъ слѣдуетъ. Произведенъ наружный осмотръ, а затѣмъ вскрытіе головы, брюшной и грудной полостей, и при этомъ наружномъ осмотрѣ пропущены несомнѣнно существовавшіе на трупѣ знаки, неупомянуты проколы булавками на животѣ фельдшеромъ Шахъ-Незидовымъ, ни даже такой важный признакъ, по которому трупъ признанъ 24 іюля за трупъ Н. Андреевской со стороны Шарвашидзе, Андреевской и Чхотуа, а именно порубленіе, т. е. отсѣченіе указательнаго пальца лѣвой руки. За то въ актѣ осмотра вошли текстуально совсѣмъ непринятые и не провѣренные экспертизою, а я полагаю, что докажу, ошибочныя удостовѣренія со стороны слѣдователя, неимѣющаго права ничего подобнаго удостовѣрять, потому что оно для него искомое, а именно, что Н. Андреевская не могла сойти на площадку, что ея ботинки не загрязнены, что слѣдовательно, правдоподобно, она не

утонула, а инымъ образомъ была изведена. Вмѣсто того, чтобы сказать имъ: вотъ вамъ трупъ, спорный вопросъ: утонула ли Андреевская, или была убита и въ воду брошена,—имъ предлагаютъ все слѣдствіе въ извлеченіи съ готовымъ уже заключеніемъ: она убита, и заставляютъ искать признаковъ, которые бы соотвѣтствовали этому заключенію. И вмѣсто того, чтобы отстоять самостоятельность своего изслѣдованія, медики вносятъ заключеніе въ свой актъ и изъ осмотра выпускаютъ все то, что не имѣетъ съ нимъ прямой связи, вопреки 1766 ст. уст. суд. мед., которая предписываетъ записать въ актъ даже рубцы, бородавки и родимыя пятна, не только отсутствіе одного изъ членовъ тѣла. Слово «ноготь» измѣнено въ «палецъ», такъ какъ обезображенъ былъ указательный палецъ, вслѣдствіе бывшаго, вѣроятно, ногтоѣда. Изъ осмотра извлекаемъ черты, считаемыя мною существенными: конецъ языка прижатъ, ротъ и глаза закрыты, изъ рта выходила сукровица, тѣло распухшее, кожа облѣзаетъ, гдѣ были багровыя пятна, тамъ теперь, какъ на головѣ, шеѣ, груди, бокахъ, зеленыя трупныя пятна. Есть и сине-багровыя пятна съ сильными кровоподтеками; на обѣихъ бедрахъ въ ½ ладони, ниже того два, величиною въ двугривенный; а также на спинѣ, подъ лопаткою, на поясницѣ, на обѣяхъ плечахъ, на обѣихъ голеняхъ.

Внутренній осмотръ представляетъ слѣдующее: подъ кожею на всѣхъ костяхъ черепа обширные кровоподтеки въ видѣ рыхлыхъ темныхъ шариковъ, лежащихъ сплошною массою. Мозгъ малокровенъ, сильно разложенъ, безъ всякихъ признаковъ кровоизліянія. Кости цѣлы. На груди, при полной цѣлости реберъ, кровоподтеки въ грудныхъ мышцахъ въ видѣ островов. Легкія не спали, блѣднокровныя; сердце пусто, въ околосердной сумкѣ обильное скопленіе серозной жидкости. Въ желудкѣ ничего особеннаго, ни малѣйшихъ признаковъ отравленія, но нѣтъ и воды; мочевой пузырь пустой. Въ дѣтородныхъ частяхъ слизистая оболочка влагалища блѣдна,

что представляетъ важный признакъ отсутствія регулъ. Селезенка умѣренно сокращена. Наконецъ, на шеѣ, противъ яремной впадины, между мышцами шеи кровоподтекъ въ двугривенный; безъ поврежденія хрящей, съ покраснѣлою слизистою оболочкою гортани и дыхательнаго горла, но безъ пѣнистой жидкости. Таковы главные факты. Посмотримъ же теперь на заключеніе.

Заключеніе состоитъ изъ отрицательныхъ и положительныхъ результатовъ. Отрицательный результатъ есть тотъ результатъ, въ которомъ всѣ эксперты, Горалевичъ, Главацкій, Блюмбергъ и Павловскій, согласились съ поразительнымъ единогласіемъ, а именно въ томъ, что никакихъ признаковъ утопленія нѣтъ, потому что нѣтъ двухъ признаковъ, постоянныхъ и характеристичныхъ смерти отъ утопленія, а именно пѣны у рта и отека легкихъ, и менѣе постоянныхъ—воды въ желудкѣ и песку подъ ногтями. Пѣна въ гортани остается трое сутокъ, потомъ она переходитъ въ плевру, остается слизь, которую можно разсмотрѣть еще въ третьи сутки. Отекъ въ легкихъ увеличиваетъ ихъ въ объемѣ; они нажимаютъ на вдавливающія ихъ ребра и только тогда, когда жидкость просочится въ сосѣднія ткани, легкія спадаютъ и являются въ половину своей прежней величины. Въ данномъ случаѣ не было ни отека, ни спаденія.

Установилось также полное единодушіе и по важнѣйшему изъ пунктовъ положительнаго результата, по вопросу о кровоподтекахъ. Тѣ свертки крови густыми массами, которые замѣчены на всѣхъ почти частяхъ тѣла, признаны прижизненными явленіями травматическаго происхожденія, т. е. причиненными Н. Андреевской насиліемъ извнѣ, причемъ признано неправдоподобнымъ, чтобы они могли появиться отъ ударовъ утопающей или только что утонувшей, у которой только что прекратилась жизнь, но продолжаются еще сокращенія сердца и кровеобращеніе. Выводъ этотъ сдѣланъ рѣшительно и категорически, какъ ножемъ отрѣзано. Крово-

подтеки не могли быть смѣшаны съ трупными явленіями. Горалевичъ даже опредѣлилъ, что ударовъ было нанесено не 1, а 4; цѣлыхъ 4, ни болѣе, ни менѣе. По словамъ Главацкаго, былъ нанесенъ ударъ твердымъ тѣломъ, не особенно сильный. По словамъ Блюмберга, кровоподтеки служатъ признакомъ удавленія, травматическаго поврежденія и вообще насилія, болѣе несомнѣннымъ, нежели петля, затянутая на шеѣ какого нибудь трупа. Павловскій заявилъ, что посмертные подтеки никогда не бываютъ въ сверткахъ и смѣшать кровоподтеки съ трупными пятнами почти невозможно. Полное отсутствіе ссадинъ и ранъ заставило экспертовъ придти къ заключенію, что подтеки могли произойти либо отъ ушибовъ не особенно сильныхъ, либо отъ давленія. Особенно поражали подтеки на черепѣ и подтекъ на шеѣ противъ подъяремной впадины, величиною въ двадцати копѣечную монету.

При оцѣнкѣ вліянія кровоподтековъ на смерть Н. Андреевской произошли споры, и мнѣнія раздѣлились. Самый осторожный изъ врачей, Главацкій, формулировалъ свой взглядъ довольно неопредѣленно. По его словамъ, смерть произошла отъ асфиксіи, т. е. отъ преграждения доступа воздуха къ легкимъ. Заключеніе довольно эластичное, потому что подъ него подходитъ и насильственно удушенный зажатіемъ рта, и захлебнувшійся, потерявшій сознаніе и переставшій дышать самоутопленникъ. Остальные врачи возстали всѣ, защищая внѣшнее насиліе съ поврежденіями. По мнѣнію Павловскаго, Н. Андреевская была удавлена нажатіемъ на шеѣ безъ поврежденія гортаннаго хряща, а по мнѣнію Блюмберга, главную роль играли не знаки на шеѣ, а удары по головѣ, которые причинили сотрясеніе мозга. Заключеніе удобное и трудно опровержимое, въ виду того, что во 1-хъ, мозгъ былъ въ состояніи полнаго разложенія, недопускавшаго изслѣдованія, и во 2-хъ, сотрясеніе мозга не оставляетъ никакихъ слѣдовъ, слѣдовательно нѣтъ предположенія какъ предположеніе,

оно неопровержимо, его и провѣрить то нельзя. Ученый споръ кончился, какъ не всегда бываетъ, соглашеніемъ въ духѣ эклектизма, въ смыслѣ допущенія единовременно всѣхъ противоположныхъ системъ, въ родѣ мольеровскаго изреченія: Passez moi la rhubarbe, et je vous accorde la sèné.

Главацкій признаетъ травматичность подтековъ и сотрясеніе мозга и думаетъ, что смерть произошла скорѣе отъ удушенія, нежели отъ утопленія, хотя признаки и той и другой смерти одинаковы. По мнѣнію Горалевича, смерть послѣдовала отъ совокупности всѣхъ наружныхъ поврежденій, т. е. отъ давленія на горло и грудную клѣтку. Павловскій приписываетъ подтекъ въ яремной впадинѣ давленію, которое прекратило доступъ воздуха къ легкимъ и такимъ образомъ причинило удушеніе. Блюмбергъ, отстаивая свою гипотезу о commotio cerebri, знаетъ даже самымъ точнымъ образомъ, какъ совершилось убійство: сначала были нанесены удары по головѣ, удары эти не произвели мгновенной смерти, а привели Н. Андреевскую въ безсознательное состояніе, въ которомъ она была удушена и тотчасъ брошена въ воду. Но г. Блюмбергъ знаетъ весьма многое, и не только по предметамъ, относящимся къ его спеціальности; онъ знаетъ, напр., какъ значится въ судебномъ протоколѣ, что трупъ вовсе и не плылъ по рѣкѣ, а такъ только былъ положенъ на мелкомъ мѣстѣ, гдѣ его и обрѣли рыбаки.

Такова главная суть заключенія экспертовъ, изъ котораго я выпускаю все второстепенное, какъ напр., разсказы объ илѣ и пескѣ, которыхъ нѣтъ, а быть непремѣнно должны у утопленниковъ на глубокихъ мѣстахъ, о водѣ въ легкихъ и желудкѣ, которой можетъ не быть, о пустомъ мочевомъ пузырѣ, на пустотѣ котораго настаиваетъ г. Блюмбергъ, но тутъ же замѣчаетъ, что этотъ признакъ отвергаютъ ученые. По особенному свойству нашего дѣла весь ключъ позиціи въ томъ, что составляло предметъ экспертизы: утонула ли, или

была убита и брошена въ воду? Внѣ этого вопроса все остальное, какъ я постараюсь доказать, не важно и мелочь. И по этому вопросу въ отвѣтахъ экспертовъ уже былъ вынесенъ подсудимымъ готовый приговоръ: убита. Суду оставалось только либо усомниться и призвать другихъ еще болѣе опытныхъ экспертовъ, либо приложить, такъ сказать, къ готовому осужденію свою печать, потому что ни я, ни мой почтенный противникъ, ни господа судьи не знаемъ, не можемъ, и не вправѣ по незнанію своему рѣшать, какіе признаки на трупѣ соотвѣтствуютъ утопленію, и какіе удавленію. Судъ такъ и сдѣлалъ. Но послѣ того возникаетъ вопросъ, какой смыслъ сторонѣ, хотя бы и осужденной, возражать противъ такого приговора, произнесеннаго представителями науки. Я, господа, уважаю всякій законный, по закону юридическому или по природѣ и законамъ вещей, авторитетъ, но я не допускаю авторитетовъ безусловныхъ, въ особенности когда отъ оракула этого авторитета зависитъ судьба человѣка, смертная казнь или каторжныя работы. Что можетъ быть святѣе и крѣпче третейскаго рѣшенія по формальной записи, а и оно можетъ быть кассировано судомъ; точно также, что можетъ быть сильнѣе слова, произнесеннаго представителемъ науки во имя науки, но и это слово можетъ быть уважено или не уважено, и не должно быть уважено, когда въ немъ нѣтъ условій, при которыхъ оно становится убѣдительнымъ. Когда же оно становится убѣдительнымъ то и тогда, какъ извѣстно, судъ юридически ему не обязанъ подчиняться. Но возможны случаи, когда онъ и нравственно не обязанъ ему подчиняться. Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ о соотношеніи двухъ авторитетовъ — суда и науки. — вопросъ, который не ясно понимался и криво поставленъ даже въ рѣшеніи Тифлисскаго окружнаго суда. Да будетъ мнѣ позволено сосредоточить на нѣкоторое время на немъ вниманіе палаты. Всякій судебный приговоръ есть логическая дедукція, всякая дедукція имѣетъ форму силлогизма; каждый, кто совершилъ тако-то дѣя-

ніе, подлежитъ такому-то наказанію, говоритъ законъ,—это большая посылка. *A* совершилъ такое-то дѣяніе—меньшая посылка, выражающаяся въ вердиктѣ присяжныхъ. Слѣдовательно, *A* подлежитъ такому-то наказанію, дополняетъ судъ въ своей резолюціи. Въ общемъ ходѣ и работѣ судебной дедукціи есть эпизоды, къ числу которыхъ принадлежитъ и экспертиза. Она тоже вся построена въ формѣ силлогизма, въ выводѣ котораго участвуютъ и эксперты, и судъ.

Дедукція съ помощью экспертовъ имѣетъ слѣдующій видъ. Большая посылка представляется въ такомъ видѣ: Если есть на лицо признаки 1, 2, 3, то имѣло ли мѣсто удушеніе, или отравленіе, или изгнаніе плода? Этого положенія никто не можетъ вывести, кромѣ спеціалиста, не только спеціалиста по медицинѣ вообще, но и спеціалиста по судебной медицинѣ. Есть люди, которые всю жизнь посвятили подаванію помощи живому больному человѣку, которымъ, однако, я не довѣрю вовсе рѣшать вопросъ о причинахъ смерти субъекта, котораго они не наблюдали живымъ, какъ не совѣтую обращаться ко мнѣ, хотя и юристу, по финансовому вопросу, потому только, что мнѣ, какъ юристу, не можетъ быть чуждо и финансовое право, или по вопросамъ по архитектурѣ, потому что я, будучи, напримѣръ, искуснымъ человѣкомъ въ построеніи рѣчи, долженъ быть искуснымъ и во всякомъ другомъ строеніи, даже каменныхъ зданій. Большая посылка это положеніе, недоступное для профановъ. Но если оно въ себѣ самомъ заключаетъ противорѣчіе, если оно чисто эмпирическое, т. е. предлагаетъ фактъ голый, но не объясняетъ законовъ факта; если оно, наконецъ, совсѣмъ противно популярному книжному значенію, столь нынѣ распространенному посредствомъ печати, то понятно, что и судъ можетъ и долженъ усомниться въ большой посылкѣ и либо эту посылку совсѣмъ отвергнуть, либо обойтись вовсе безъ экспертизы, или же обратиться къ другимъ оберъ-свѣдущимъ людямъ, спеціалистамъ въ квадратѣ.

Что касается до второй посылки, то она ставится такъ, въ данномъ случаѣ, напримѣръ: на тѣлѣ Андреевской найдены такіе-то признаки, соотвѣтствующіе понятію убійства, удушенія, отравленія. Въ выводѣ этой посылки, которая заимствована изъ протоколовъ и свидѣтельскихъ показаній, оба элемента, и судьи и эксперты, принимаютъ одинаково живое и непосредственное участіе, контролируя другъ друга. Слѣдовательно, если экспертъ выдаетъ за признакъ то, чего никто изъ свидѣтелей не говоритъ, или то, чего вовсѣ нѣтъ въ visum repertum, то судъ вправѣ сказать: этого признака нѣтъ, онъ фальшивъ, это фантазія, устранить его совсѣмъ.

Когда есть обѣ посылки, то заключеніе слѣдуетъ само собою и его выводитъ самъ судъ, уже съ вовсемъ безъ экспертовъ, при чемъ онъ юридически можетъ и не вывести его. 533 ст. уст. гр. судопр. примѣняется и къ уголовному производству. На основаніи этой статьи судъ не обязанъ подчиняться мнѣнію свѣдущихъ людей, несогласному съ достовѣрными обстоятельствами дѣла, но нравственно обязанъ подчиниться, коль скоро оно стойко и выдерживаетъ пробу тѣхъ критеріевъ, которые я имѣлъ честь изложить.

Изложивъ логическія основанія, по которымъ и профаны, каковы судьи и стороны, могутъ, конечно не по существу, а только съ внѣшней стороны, съ кассаціонной, такъ сказать, точки зрѣнія, отнестись къ дѣлу, я позволю себѣ примѣнить эти критеріи къ экспертизѣ по дѣлу Н. Андреевской.

Я думаю, что не обижу и не скажу ничего непріятнаго для гг. экспертовъ Блюмберга, Главацкаго, Горалевича и Павловскаго, сказавъ, что они не то что диллетанты, но и не полные специалисты, такъ сказать, полуспеціалисты, такіе напр., какимъ былъ бы я критикомъ, если бы мнѣ дали разрѣшать тонкіе вопросы права полицейскаго, финансоваго или административнаго. Всѣ гг. эксперты — искусные люди въ принесеніи по-

мощи живому больному человѣку, но не въ излѣдованіи причинъ смерти умершаго.

Лекціи судебной медицины, этой крайней спеціальности въ кругу медицинскихъ знаній,—предметъ второстепенный,—остающійся въ нашихъ тетрадяхъ, да нѣсколько печатныхъ учебниковъ, да собственный опытъ— десятка два вскрытій, а эти опыты куда какъ недостаточны, все это способствуетъ образованію поспѣшныхъ индукцій, общихъ выводовъ изъ нѣсколькихъ случайныхъ примѣровъ.

Ни одинъ изъ экспертовъ не могъ объяснить признаковъ утопленія и удавленія генетически; они говорятъ: есть, но не говорятъ: почему?... За то явились обобщенія, напримѣръ у г. Блюмберга о пустотѣ мочевого пузыря, отъ которой онъ самъ долженъ былъ отказаться, совершенно такія же основательныя, какъ обобщенія Пидуа: утопленники плывутъ вверхъ спиною, а утопленницы на оборотъ. При такой экспертизѣ невполнѣ спеціалистовъ весьма важное значеніе имѣетъ литература, книжки. Знаніе у насъ не хранится подъ спудомъ; есть по каждому знанію печатные учебники, капитализированный опытъ цѣлыхъ вѣковъ, изложенный въ доступной формѣ. Если эти книжки говорятъ прямо противное тому, что говорятъ живые эксперты, то я не совѣтовалъ бы судить по книжкамъ, по причинамъ, которыя я потомъ изложу, но я бы совѣтовалъ не вѣрить и экспертамъ относительно этого факта, а разъ не вѣришь этимъ фактамъ, то все обаяніе ихъ авторитета пропало, — не вѣришь имъ совсѣмъ. Авторитетъ есть нѣчто цѣльное, какъ заговоръ. Разъ въ одномъ пунктѣ его провалишь, онъ провалится и во всей своей цѣлости. Но даже одинъ бѣглый просмотръ книжекъ самыхъ извѣстныхъ, самыхъ употребительнѣйшихъ учебниковъ достаточенъ, чтобы пошатнуть всю вѣру въ экспертизу. Книжки говорятъ противное тому, что экспертиза. Господа, я не спеціалистъ, но учебники я перелистывалъ и вотъ что я нашелъ въ самыхъ употре-

бительнѣйшихъ изъ нихъ, каковы: Casper, Liman, для вскрытія труповъ, Mittelerweig, переводъ профессора Крылова, Briand et Chaudet, Tardieu и даже самый старый, по почетный Шауенштейнъ и друг. Относительно пресловутыхъ устойчивыхъ признаковъ утопленія, будто-бы отсутствующихъ въ трупѣ Н. Андреевской, то напр., еще у Шауенштейна говорится, что никакихъ признаковъ нѣтъ вѣрныхъ, устойчивыхъ, не постоянны даже пѣна, даже отекъ легкихъ. Одинъ признакъ, который здѣсь имѣется: гніеніе страшно быстрое и начинающееся сверху, съ головы, безусловно постояненъ. Даже не могутъ считаться таковыми пѣна и пѣнистая жидкость. Она дѣйствительно важна, но только тогда, когда смерть произошла отъ асфиксіи. Когда человѣкъ утопая, борется со смертью, реагируетъ и напрягаетъ силы, чтобъ дышать, тогда гортань, горло и бронхіи содержатъ всегда пѣну, но когда смерть происходитъ отъ обморока, тогда наступаетъ мгновенная пріостановка рефлекторнаго дѣйствія легкихъ, и дыханія, происходитъ потеря сознанія безъ боли отъ апоплексіи нервной въ выдыхательномъ положеніи грудной клѣтки и тогда дыхательное горло сухо, и содержитъ въ себѣ немного лишь воды безъ пѣны. Точно тоже можно сказать и объ отекѣ легкихъ. Увеличеніе легкихъ происходитъ отъ тойже причины, что и пѣна: отъ сильнаго вдыханія при борьбѣ со смертью; но во первыхъ, при смерти отъ обморока, при выдыхательномъ положеніи клѣтки увеличеніе легкихъ до такой степени слабый признакъ, что Миттелервейгъ не помѣстилъ его въ число признаковъ смерти отъ утопленія. Во вторыхъ, кромѣ того, я обращу вниманіе на слѣдующую странность въ словахъ экспертовъ. Они признали бы утопленіе, еслибы легкія были съ отечнымъ отпечаткомъ реберъ или спавшія, вслѣдствіе просоченія жидкости въ сосѣднія ткани, а если тѣло найдено въ моментъ перехода отъ одного состоянія въ другое, то, очевидно, не было бы ни того, ни другого, ни А. ни В., а среднее состоя-

ніе, не очень отечное, а съ легкою воздушною опухолью.

Но я имѣю болѣе серьезный упрекъ противъ экспертовъ нежели тотъ, что они приняли не серьезный признакъ—пѣну изо рта—за серьезный, я ихъ упрекаю въ томъ, что они не провѣрили существованіе этого признака въ данномъ случаѣ, который, по всей вѣроятности, былъ. Это нѣчто въ родѣ воды у рта, которая замѣчена Пидуа—нѣчто ни кровь, ни вода; вода разбавленная кровью, которой вылилось двѣ ложки, въ связи съ состояніемъ красноватости гортани и дыхательнаго горла, давали полное основаніе думать, что пѣна была, но исчезла, потому что произошло необычайно быстрое разложеніе трупа и сохраниться то на третій день она не могла. Гг. эксперты предпочли совсѣмъ игнорировать показаніе рыбаковъ и остановились на выводѣ: пѣны не нашли, а слѣдовательно ея не было. Одинъ изъ нихъ, Главацкій, объяснилъ показаніе рыбаковъ такимъ образомъ: пѣна могла исчезнуть, но осталась бы слизь, а слизи то и не было, гортань была сухая. Прошу обратить вниманіе на этотъ отзывъ. Онъ является exromptu, онъ не занесенъ въ visum repertum, онъ не подтвержденъ другими экспертами. Прямая обязанность суда была его исключить, именно потому, что, если этотъ важный и существенный признакъ имѣлъ мѣсто, то онъ долженъ былъ быть занесенъ въ актъ осмотра, а заявленный такъ поздно, теряетъ всякое значеніе. Судъ же его такъ таки безъ провѣрки и принялъ, хотя принятіе или не принятіе признака есть обстоятельство изъ области житейскихъ, а не научныхъ фактовъ, опредѣляемыхъ и провѣряемыхъ протоколами. И такъ оказывается, что не доказано отсутствіе устойчивыхъ признаковъ утопленія.

Еще менѣе оправдывается признаніе наличности удушенія, доказываемое кровоподтеками. Самый наглядный пунктъ положенія совершенно ложный: что подтеки не могли быть смѣшаны съ гипостозами или трупными

пятнами отъ просачиванія сыворотки съ кровянымъ пигментомъ сквозь капилляры въ сосѣднія ткани, и о томъ, что, какъ только есть кровяные свертки, такъ, непремѣнно, должны были имѣть мѣсто прижизненныя поврежденія.

Миттелервейгъ говоритъ, что въ періодѣ гніенія кровоподтеки тоже измѣняются и тогда ихъ едва возможно отличить отъ гипостозовъ посредствомъ имбибиціи. Гипостозы представляютъ равномѣрно окрашенную поверхность, ихъ признаки рѣзки, такъ какъ они не проникаютъ глубоко въ ткань; но для опредѣленія ихъ надобно прорѣзать мышцу, а этихъ опытовъ именно и не дѣлали эксперты на черепѣ. Здѣсь то, что они называютъ подтекомъ, было прямо на кости, но не въ мышцахъ шеи, которой кожа не была окрашена, а только между ними было пятно, величиною въ двадцати копѣечную монету. Ихъ не было даже между ребрами. Въ visum repertum сказано, что разсѣянные островками сѣтки на реберныхъ мышцахъ проходили до надкостицы реберъ, но это заключеніе лично было выведено изъ сопоставленія красноты на ребрахъ съ краснотою на подкостицѣ, безъ сѣченія всей мышцы, которое едва ли было произведено. Бріанъ и Шоде говорятъ, что когда вырѣзанная кожица оказывается пропитанною кровью во всю толщину и эта жидкость оказывается густою и свернувшеюся, то почти съ достовѣрностью можно сказать, что эти поврежденія были причинены при жизни. Этихъ признаковъ нельзя повѣрить на visum repertum. Великій авторитетъ—Касперъ, основываясь на опытахъ своихъ, Энгеля и Бока, отвергаетъ, чтобы свертки крови доказывали происхожденіе прижизненное. Майръ говоритъ, что какъ только наступаетъ гніеніе, уже нельзя опредѣлить, имѣешь ли передъ собою прижизненный или посмертный свертокъ крови. Главная разница та, что при травматическихъ кровоподтекахъ границы подтека точнѣе и рѣзче обозначены, между тѣмъ какъ трупныя пятна болѣе расплывчаты, а въ данномъ

случаѣ подтеки описаны, какъ обширные, рыхлые, сплошные, на черепѣ, и какъ неопредѣленные островки на ребрахъ. Я думаю, что если не останавливаться на нѣкоторыхъ только кровоподтекахъ, а взять всѣ описанные въ visum repertum въ связи съ полнѣйшимъ отсутствіемъ всякихъ ссадинъ, ранъ, царапинъ и подкожныхъ подтековъ, то легко убѣдиться, что почтенные эксперты просто на просто смѣшали гипостозы съ экхимозами. Кровоподтековъ оказалось пропасть на головѣ, кругомъ черепа, въ мышцахъ реберъ, на бедрахъ, спинѣ, правой лопаткѣ, поясницѣ, бокахъ, обѣихъ голеняхъ, у колѣнъ; всѣ эти кровоподтеки на всѣхъ частяхъ туловища и головѣ признаны прижизненными. Для объясненія, какъ могли они произойти безъ окрашиванія кожи, такъ какъ трупъ былъ чистъ, и безъ внѣшнихъ знаковъ, каковы ссадины и проч., г. Главацкій долженъ былъ прибѣгнуть къ предположенію мягкой подстилки между кожею и бьющимъ предметомъ, вслѣдствіе чего кровь изливается не подъ кожицу, но въ мышцы. Но въ такомъ случаѣ были истязанія. Н. Андреевская была избита отъ головы до пятокъ, съ такими утонченными варварскими пріемами, которые не соотвѣтствуютъ ни короткому времени между ея исчезновеніемъ и обнаруженіемъ исчезновенія, ни мѣсту и обстоятельствамъ, которыя внушали осторожность, ни цѣли, которую могла полагать даже корысть или мщеніе. Зачѣмъ было надо колотить по плечамъ, и по бокамъ, да по головѣ чрезъ какую нибудь подушку? Многочисленность кровоподтековъ доводитъ предположеніе объ ихъ прижизненности до абсурда. Ясно, что мало мальски разсудительная критика должна была обнаружить, что признаки утопленія Н. Андреевской весьма вѣроятны, и напротивъ, признаки травматическихъ изліяній крови, слѣдовательно прижизненныхъ насилій, весьма сомнительны. Что предстояло суду? Либо повѣрить экспертамъ на слово, какъ авторитету, либо усомниться въ томъ, толкуютъ ли они согласно съ обстоятельства-

ми дѣла, извѣстными и суду по протоколу? отрицаютъ ли пѣну, когда она есть, отрицаютъ ли плытіе трупа, какъ напримѣръ Блюмбергъ, когда трупъ найденъ плывшимъ. Разъ усомнившись, судъ столь же мало можетъ видоизмѣнять, кодифицировать сужденія экспертовъ, какъ приговоръ присяжныхъ. Судъ не можетъ совладать съ большою посылкою, которой эксперты являются вѣщателями, онъ можетъ повѣрить оракулу и тогда принять цѣликомъ его изреченіе; либо потерять вѣру въ авторитетъ, и тогда отнестись къ экспертамъ, какъ къ недостовѣрному источнику. А затѣмъ что?... Затѣмъ либо надо самый вопросъ признать не рѣшеннымъ, т. е. сказать: можетъ быть удавлена, а можетъ быть утонула, и оправдать прямо и просто подсудимыхъ по общему правилу криминалистики, что всякое сомнѣніе должно быть истолковано въ пользу подсудимыхъ; либо—назначить новую и настоящую экспертизу. Въ мѣсто того судъ вышелъ изъ предѣловъ своей роли, заявилъ, что онъ вправѣ повѣрять, какъ экспертизу, такъ и научную основательность приводимыхъ въ опроверженіе ея выводовъ авторитетовъ, и явиться судьею между экспертами, требующими пѣны и ученымъ Окстономъ, который вскрывалъ 90 труповъ въ 55 часовое время послѣ смерти и пѣны не находилъ. Окстонъ не нашелъ пѣны, но не видно изъ протокола, не нашелъ ли онъ слизи, а слизи не было, какъ говорятъ эксперты, слѣдовательно, эксперты правы.

Я уже замѣтилъ, что слизь вѣроятно была, но не въ томъ ошибка, а въ томъ, что судъ является разборщикомъ спора между экспертами и книгою, которой они не читали, которая извѣстна только по отрывку изъ судебной медицины Бухнера; что хотя судъ даетъ предпочтеніе экспертамъ передъ книгою, но могъ дать предпочтеніе и книгѣ предъ экспертами, и на основаніи сочиненія, хотя и спеціальнаго, но достоинствъ котораго онъ оцѣнить не въ состояніи, рѣшилъ научный вопросъ, въ которомъ онъ, очевидно, столь же мало

компетентенъ, какъ я въ вопросахъ объ ассирійскомъ языкѣ. Позвольте пояснить мою мысль примѣромъ. Есть въ судебной медицинѣ знаменитость, Тардье, написавшій десятки сочиненій. Онъ изобрѣлъ теорію распознаванія задушенія по подтечнымъ пятнамъ подъ плеврою на легкихъ, которыхъ никогда нѣтъ при смерти отъ утопленія. Допустимъ, что судъ преклонился бы предъ этимъ авторитетомъ. Но всѣ нѣмецкіе врачи отвергаютъ выводъ Тардье. Слѣдовательно оказалось бы, что судъ подкупило бы и увлекло громкое имя, и что онъ сдѣлалъ бы громадную ошибку, взявшись не за свое дѣло судить по вопросу, въ которомъ онъ то и не судья и потому, что не судья вызываетъ экспертовъ. Я надѣюсь, гг. судьи, что вы не пойдете по этой опасной стезѣ, что вы не повѣрите экспертамъ, Главацкому, Горалевичу, Блюмбергу и Павловскому, и ихъ рубящему, какъ топоръ, выводу, въ виду противорѣчій и промаховъ экспертизы, что вы отдадите предпочтеніе болѣе трезвому и убѣдительному выводу моего эксперта, настоящаго по этому дѣлу спеціалиста, и, слѣдовательно, заключите, что 23 іюля въ Караязъ приплылъ свѣжій трупъ женщины, на которомъ не могло быть никакихъ знаковъ внѣшняго насилія, удавленія или задушенія, женщины, можетъ быть, утонувшей. Такимъ образомъ одна улика убыла, разсѣялась изъ тѣхъ, которыя доказывали событіе преступленія. Всѣ остальныя остались, а ихъ, повидимому, безчисленное множество, и всѣ до единой надо разобрать. За доводами, почерпнутыми изъ осмотра тѣла, идетъ доводъ, заимствованный изъ области механики, или, лучше сказать, гидравлики. Если Н. Андреевская не убита, то утонула въ 10 ч. вечера 22 іюля, а если утонула, то въ Тифлисѣ, въ саду около своего дома. Но если она утонула въ этомъ мѣстѣ, трупъ ея не могъ проплыть пространство, отдѣляющее Тифлисъ отъ Караяза, сомнительно даже могло ли ея тѣло пройти по мелкимъ мѣстамъ, во всякомъ случаѣ не могло оно не ударяться о дно, не быть

ушибленнымъ. А такъ какъ трупъ чистъ, то она, вѣроятно, была убита, изъ Тифлиса увезена сухимъ путемъ и пущена въ воду гдѣ нибудь, по близости отъ того мѣста, гдѣ ее нашли. Такова вторая улика. Займусь ея разборомъ.

Было заявлено при слѣдствіи не Богъ знаетъ какимъ знатокомъ, пожалуй, такимъ же, какъ Пидуа или «Наташка», что трупъ непремѣнно идетъ ко дну, что, попавъ въ яму, онъ пролежитъ тамъ дня три, пока разбухнетъ, и что онъ долженъ тащиться по дну, цѣпляясь за камни и подвергаясь ушибамъ. Всѣ эти заключенія подлежатъ сильному спору и весьма сомнительны. Коль скоро человѣкъ потерялъ сознаніе, то онъ пересталъ управлять собою и дальнѣйшій его путь въ водѣ зависитъ отъ удѣльнаго вѣса его тѣла. Вѣсъ этотъ больше, если человѣкъ захлебнулся, напился воды и вода вытѣснила изъ легкихъ воздухъ, и меньше, если смерть безъ опоснія, вслѣдствіе нервной апоплексіи, какъ въ данномъ случаѣ. Вѣсъ больше, когда человѣкъ худъ, какъ щепка, и меньше, когда человѣкъ плотенъ, съ отложеніемъ жиру, какъ въ настоящемъ случаѣ. Вотъ почему трупъ могъ не опуститься въ яму, могъ попасть въ теченіе прямо изъ этой ямы у площадки въ $4^1/_2$ арш., по словамъ Водопьянова, въ 5—по словамъ Каменогорскаго, и пойти дальше. Вѣсъ человѣка почти равенъ вѣсу воды, вѣсъ Андреевской, вслѣдствіе ея полноты и того количества воздуха, который остался въ легкихъ, могъ быть меньше воды, т. е. что тѣло настолько же было погружено подъ поверхностью, насколько высовывалось надъ поверхностью, забирая такимъ образомъ чрезвычайно малое количество воды. Плылъ же свободно этотъ трупъ, когда его остановили, хвативъ за ноги, рыбаки; слѣдовательно, по той же самой причинѣ, онъ могъ уплыть такъ и отъ Михайловскаго моста. Тутъ изъ этого логическаго кольца выхода нѣтъ, развѣ оспаривать показаніе рыбаковъ, но такого tour de force не дѣлаетъ даже и обвиненіе. Оно

пришло въ голову только г. Блюмбергу, съ его живымъ воображеніемъ.

Но трупъ не могъ проплыть 43 версты отъ начала ночи 22 іюля до ранняго утра 23. Прежде всего я отвергаю эти 43 версты. Они безъ критики взяты со словъ свидѣтеля Водопьянова, котораго я ловлю на первой крупной цифровой неточности и утверждаю, что если онъ ошибся въ длинѣ рѣки, которую онъ такъ досконально будто бы знаетъ, какъ староста спасительной станціи, то почему ему же не ошибиться и въ глубинѣ той же рѣки. Экспертъ Ткачевъ, на основзніи точныхъ измѣреній, опредѣлилъ это разстояніе въ 33 версты, и сомнѣваться въ этомъ невозможно. Такимъ образомъ, разстояніе прочно установлено. Остается опредѣлить скорость теченія. Въ сентябрѣ 1876 г. при слѣдствіи путь этотъ пройденъ лодкою ровно въ 5 1/2 часовъ, а именно отъ 6 1/2 ч. утра до 12 ч. Н. Андреевская, если утонула, то въ половинѣ десятаго. Нашли ее въ Караязѣ приблизительно чрезъ 14 часовъ, т. е. 840 минутъ. Если раздѣлить это время на 33 версты и 100 саж. (840:16600), то окажется, что трупъ проходилъ версту почти въ 25,5 минуты, вдвое медленнѣе ходьбы человѣка пѣшкомъ и ѣзды на лодкѣ. Если разсчитать, какова будетъ эта скорость въ минуту, то выйдетъ въ минуту 19,7 саж., а въ секунду—0,33 сажени. Это исчисленіе почти цифра въ цифру совпадаетъ съ вычисленіями, на которыя я попрошу обратить вниманіе въ запискахъ кавказскаго техническаго общества за 1869—70 г. т. II. Въ технической бесѣдѣ г. Вейсенгофа отъ 27 сент. 1870 г. передаются результаты изслѣдованій Куры въ Тифлисѣ англійскими инженерами Белли и Габъ, въ теченіи 4 лѣтъ, отъ 1862 г. до 1865 г. По этимъ изслѣдованіямъ Кура рѣка капризная. Она имѣетъ самыя низкія воды зимою, не столь низкія лѣтомъ, весьма большія весною, не столь большія осенью. Колебанія между максимумомъ и минимумомъ относятся, какъ 33 къ 1. Скорость рѣки, неимѣ-

ющей водопадовъ, на небольшихъ протяженіяхъ въ нѣсколько десятковъ верстъ, почти вездѣ одинакова. Она по вертикальному разрѣзу воды больше на поверхности, нежели въ глубинѣ, но тѣло плыло по поверхности. Быстрота теченія зависитъ отъ объема воды и при объемѣ воды въ кубическихъ саженяхъ 10,93, она равняется 0,378 въ секунду. Наибольшая скорость 2 саж. въ секунду. Но могутъ сказать, что лѣтомъ объемъ воды, доставляемой въ секунду, можетъ быть меньше 10,93 саж. Едва ли, скорѣе больше. Я это заключаю изъ сопоставленія по таблицѣ объема воды за 22-е іюля за всѣ 4 года, 1862—1865. Объемъ воды бывалъ въ 7,2 саж., но бывалъ и въ 22½ саж., а въ среднемъ выводѣ 15,13 сажени, а при этомъ объемѣ средняя скорость теченія 0,45.

Итакъ, по техническимъ даннымъ, основаннымъ на точныхъ вычисленіяхъ, трупъ могъ проплыть 22 іюля 1876 г. 33 версты до Караяза.

Но если исчезаетъ препятствіе пространства въ 43 версты, то существуетъ другое, въ такъ называемыхъ въ рѣшеніи суда перекатахъ въ Курѣ. Рѣка течетъ глубокимъ русломъ до 16 верстъ. Затѣмъ, не доѣзжая до Караджалара, она дѣлится на три рукава, изъ которыхъ наиболѣе глубокій имѣлъ въ сентябрѣ 1876 г. глубины 6 вершковъ. Потомъ идетъ опять развѣтвленіе съ глубиною въ наиболѣе глубокомъ изъ 3 рукавовъ на 4 вершка, причемъ руководившій экспертизою Водопьяновъ удостовѣряетъ, что 23 іюля 76 г. вода была еще ниже на 1½ вершка, слѣдовательно имѣла 4½ и 2½ верш., и значитъ, въ глубочайшемъ изъ рукавовъ стояла на высоту, равную ширинѣ моей ладони. Ясно, что по такой мели не проплыть никакому трупу, если правду говоритъ Водопьяновъ; но говоритъ ли онъ правду, въ томъ да будетъ мнѣ позволено усомниться.

Прежде всего я поторгуюсь объ этихъ 1½ вершкахъ. Въ осмотрѣ мѣстности занесено въ протоколъ,

что Водопьяновъ признавалъ разницу уровней воды всего въ $^1/_2$ вершка, слѣдовательно, въ наиболѣе мелкомъ мѣстѣ наиболѣе глубокаго рукава $3^1/_2$ вершка. Въ протоколѣ 9 сентября и въ протоколѣ судебнаго слѣдователя записано $1^1/_2$ вершка, вѣроятно, по ошибкѣ. Во всякомъ случаѣ, разница цифръ не объяснена, на нее не обратили никакого вниманія. Но я полагалъ, что, при изысканіи полной и настоящей истины, никакъ нельзя установить $1^1/_2$ вершка на томъ только основаніи, что противъ протокола защитникъ не возражалъ.

Почему судилъ даже и объ этихъ 4 и $3^1/_2$ вершкахъ Водопьяновъ? Имѣлъ ли онъ аршинъ съ собою, мѣрилъ ли онъ воду? Нѣтъ, онъ судилъ по глазомѣру, какъ судилъ о 43 верстахъ, и если ошибся на 43 верстахъ, то могъ ошибиться и на 4 вершкахъ. Но если была ошибка, то никакъ уже не въ пользу подсудимыхъ, потому что Водопьяновъ принадлежалъ къ числу увлекавшихся, желавшихъ доказать преступленіе, какъ увлекались Цимамзгваровъ, слѣдователь и весь, можно сказать, Тифлисъ, т. е. всѣ вѣрившіе въ преступленіе и подгонявшіе къ нему факты. А между тѣмъ изъ того же показанія можно почерпнуть нѣсколько данныхъ, послѣ которыхъ плохо вѣрится въ 4 вершка. Осмотръ былъ произведенъ такимъ образомъ. Въ лодкѣ сидѣли слѣдователь, товарищъ прокурора, Бураковъ, Водопьяновъ, Каменогорскій да 4 гребца, итого 9 человѣкъ. Вѣсъ этихъ людей вмѣстѣ съ вѣсомъ лодки былъ не менѣе 55 пудовъ. Я очень сомнѣваюсь, чтобы эта лодка сидѣла въ водѣ только на 4 вершка, т. е. на глубинѣ двухъ моихъ ладоней въ ширину. Она забирала больше, и глубина рѣки, такъ какъ лодка не сѣла на днѣ, должна была быть и того еще больше. Правда, что въ одномъ мѣстѣ лодка цѣплялась за камни и они должны были ее перетащить. Но что значитъ это «перетащить»? Не тащили же гг. Кобіевъ, Хлодовскій и понятые, не высаживались же они, а просто, вѣроятно, одинъ или

два гребца сошли въ воду, да толкнули и двинули ее своими руками. Притомъ, самъ Водопьяновъ, хотя предполагаетъ, что воды было чуть ли не на одинъ стаканъ, предполагаетъ, но трупъ все же могъ проплыть. Даже въ судебномъ протоколѣ сказано, что если трупъ проплылъ, то долженъ былъ быть сильно поврежденъ. А почему поврежденъ? Потому, что по идеямъ Водопьянова, трупъ тащится по дну, а не шелъ поверхъ воды. Но я отвергаю эту теорію Водопьянова; трупъ долженъ былъ идти, если онъ легокъ, по поверхности, а трупъ Н. Андреевской былъ особенно легокъ, распущенные волосы предохраняли голову, плылъ онъ на спинѣ, но туловище было охраняемо бѣльемъ, которое испытало значительныя поврежденія. Рубашка, приподнятая вверхъ и державшаяся подъ мышками была разорвана на спинѣ на 1/4 вершка. Кальсоны были тоже разорваны по бокамъ. Быстрота теченія, 1/3 сажени въ секунду, не такова, чтобы тихо несущееся тѣло, въ особенности предохраненное бѣльемъ, должно было терпѣть ушибы. И такъ, существуетъ полная возможность проплытія трупомъ пространства отъ Тифлиса до Караяза въ 10 часовъ, а тѣмъ болѣе въ 14.

Но я не отвергаю, что существуетъ и возможность смерти Нины Андреевской отъ асфиксіи, не оставившей насильственныхъ знаковъ и не отличимой отъ утопленія, перевозки ея тѣла ниже перекатовъ Караладжарскихъ и опущенія трупа въ воду гдѣ нибудь около Кара-Таклы или Акъ-Таклы. Вдумаемся въ это послѣднее предположеніе и укажемъ на тѣ невѣроятности, на которыя оно наталкивается. Таинственные неизвѣстные убійцы, которые вынесли, по предположенію суда, трупъ Нины Андреевской на своихъ рукахъ и обладали превосходными средствами перевозки, должны были быть озабочены тѣмъ, куда дѣвать трупъ, не подавая вида, что она убита, вселяя убѣжденіе, что она утонула. Изъ-за чего они провезли трупъ верстъ двадцать слишкомъ, и спустили его въ одномъ изъ немногихъ спусковъ къ Курѣ, двѣ версты

за Таклами, гдѣ дорога, прежде чѣмъ отойти отъ Куры, подходитъ къ ней на 80 саженей и гдѣ проѣзжіе поятъ скотъ? Надобно признаться, что эти люди, которые должны были страшно умно и хитро задумать преступленіе, страшно глупыми оказались при укрывательствѣ. Зачѣмъ довѣрять ея трупъ водѣ и притомъ водѣ такой быстрой, не хранящей довѣренной ей поклажи? Платье, сложенное на берегу, заставляло бы предполагать утопленіе; изслѣдованіе преступленія задерживалось бы ожиданіемъ всплытія трупа; есть трупы даже и въ малыхъ рѣкахъ, которые никогда не всплываютъ, и между тѣмъ трупъ былъ бы зарытъ въ уединенномъ мѣстѣ, въ какую нибудь яму, въ оврагѣ или между кустами, и не узнали бы о немъ не только люди, но и птицы небесныя. Если же эти люди, вопреки здравому смыслу, рѣшились бросить трупъ въ рѣку, какъ поддѣльное доказательство не бывшаго утопленія, то, во-первыхъ, имъ нельзя было Н. Андреевской до нага не раздѣть, оставляя браслеты и медальонъ, а снять по крайней мѣрѣ бѣлье, такъ какъ купанье въ бѣльѣ даже между женщинами исключеніе и съ этимъ исключеніемъ могли быть знакомы мать, сестра, но едва ли могли быть знакомы недавно приставленная прислуга Шервашидзе и самъ Чхотуа. Во-вторыхъ, изъ осмотра сухимъ путемъ мѣстности видно, что есть спускъ въ нѣсколькихъ верстахъ за Навтлугомъ, за дачею Тамамшева, у дальней церкви св. Варвары. Въ осмотрѣ мѣстности сказано, что спускъ крутъ и есть строенія жилыя по близости. Крутизною спуска никого въ Тифлисѣ не испугаешь, а что касается до жилыхъ строеній, то ихъ назначеніе не опредѣлено и не указано, какъ далеки они отъ спуска, а притомъ ночью подвозъ трупа къ спуску и мимо жилыхъ строеній, лишь бы не открытыхъ всю ночь для гуляющихъ людей, какъ духаны, совершенно возможенъ. Таковы соображенія, по которымъ весьма сомнительно, чтобы трупъ Н. Андреевской былъ вывезенъ и умышленно спущенъ за Акъ-Таклами, за двумя перекатами;

а слѣдовательно и эта вторая улика превращается въ дымъ, въ неизвѣстное, въ мечту воображенія. Остается 3-я. Спускъ изъ дома Шервашидзе былъ весьма крутой и почти невозможный для ходьбы днемъ, не только ночью; притомъ съ половины этого спуска сочилась вода родника по тропѣ, такъ что платье, а по крайней мѣрѣ ботинки сходившей должны быть грязными, или, по крайней мѣрѣ, мокрыми, а онѣ найдены совсѣмъ чистыми и сухими. Разберемъ послѣднюю изъ уликъ, будто бы доказывающихъ физическую невозможность купанья, а слѣдовательно и того, что Н. Андреевская утонула.

Передъ открытымъ окномъ комнаты, въ нижнемъ этажѣ, занимаемой В. и Н. Андреевскими, есть площадка, по которой идетъ черезъ обрывъ къ рѣкѣ, какъ обыкновенно на кручахъ, зигзагами тропинка въ формѣ латинскаго вывороченнаго на другую сторону S; всей тропинки 5 саженей до воды, но сюда слѣдуетъ включить самую площадку до обрыва; самъ обрывъ отъ площадки до поверхности воды въ вертикальномъ направленіи 2, мало-мало $2\frac{1}{2}$ сажени, т. е. какъ спускъ съ крыши одно-этажнаго небольшаго домика. Первый зигзагъ, составляющій половину S, идетъ по твердому и сухому, зеленью поросшему грунту и неособенно крутъ. Я сходилъ по немъ безъ всякихъ затрудненій. Говорятъ, и это записано въ протоколѣ судебнаго слѣдствія, но весьма неопредѣленно и глухо, что послѣ того, какъ въ домѣ помѣщена больница Краснаго Креста, сдѣлана выемка, тропа расширена. Незнаю, произошли ли какія либо перемѣны въ этой части спуска, можетъ быть слово выемка относилось къ другой части спуска. Сторожъ, который водилъ меня, утверждалъ, что первая верхняя половина спуска совсѣмъ не тронута. Но другой зигзагъ, другая часть спуска подверглась нѣкоторому весьма незначительному исправленію, которое, неизмѣняя его вида, облегчаетъ работу спускающейся стопы; въ немъ сдѣланы насѣчки горизонтально въ видѣ ступенекъ. Когда я былъ въ сентябрѣ, да и теперь, ни-

какихъ камешковъ не было, но изъ протокола, отъ 27 февраля, видно, что мелкій щебень, оставшійся, вѣроятно, отъ насѣчекъ, мѣшалъ осматривавшимъ. Теперь по ступенькамъ сходить удобно, тогда же не отрицаю, что было трудненько; рискнулъ ли бы я сходить въ мои 50 лѣтъ,—не знаю, можетъ быть не рискнулъ бы, но во всякомъ случаѣ я замѣчу, что трудность есть понятіе относительное и что для насъ спускъ былъ бы un peu raide въ виду того, что и плотнѣе мы и главное менѣе гибки наши мускулы и кости, то ни по чемъ для дѣвушки молодой, бойкой, отважной, воспитанной не для салона, но имѣющей почти мужскій складъ ума и сильную волю. Правда, что сходъ затруднительнѣе ночью, но вспомнимъ, что это былъ садъ дома, гдѣ проживала Н. А. цѣлую недѣлю, и что ночь была хотя и облачная, но лунная, слѣдовательно, дающая полную возможность оріентироваться, какъ днемъ. Сходили же по этой тропѣ во время поисковъ за Ниною, кромѣ братьевъ Чхотуа, Цинамзгваровъ, полиціймейстеръ Меликъ-Бегляровъ, Исарловъ и самъ слѣдователь; а Бѣлликъ и Сулхановъ сходили только до половины, до родниковъ. Мало того, на судебномъ слѣдствіи Гоцеридзе, лакей Цинамзгварова, показалъ, что видѣлъ какъ малютка Николаева, дочь лѣснаго сторожа, спускалась къ Курѣ по тропинкѣ. Всѣ они охали и жаловались на боль въ спинѣ, нѣкоторые пользовались помощью полицейскихъ на спускѣ. Тѣмъ не менѣе, я утверждаю, что спускъ былъ возможенъ, а не опасенъ, что до нижней площадки на скалѣ, въ 12 шаговъ длины и 5 ширины, съ которой былъ сходъ въ рѣку, могла Н. Андреевская рѣшиться сойти и исполнить свое намѣреніе, не дѣлая никакого tour de force, не обладая никакими акробатическими способностями, кромѣ здоровыхъ и гибкихъ мускуловъ. Возможность подтверждается и показаніемъ кн. Варвары Тумановой, что въ день происшествія Н. Андреевская ходила по спуску и распрашивала про мѣсто, гдѣ купаться. Даже и окружный судъ не поставилъ крутизну спуска

въ шеренгу уликъ, онъ зачислилъ туда только сухіе и чистые сапожки. Приходится именно объ нихъ и говорить теперь.

На площадкѣ у берега лежали въ образцовомъ порядкѣ, заставляющемъ вѣрить въ купаніе, либо предполагать весьма тонкое, умное, хладнокровно обдуманное воспроизведеніе искуственныхъ сборовъ къ купанію, сначала поясокъ, потомъ кофточка, на ней платье съ грязными пятнами и разорваннымъ подоломъ, а рядомъ съ платьемъ пара опорокъ отъ ботинокъ старыхъ и поношенныхъ, поставленныхъ рядышкомъ, носками къ рѣкѣ, но совершенно сухихъ. Въ актѣ, составленномъ въ 4½ ч. утра, значится, что на этихъ ботинкахъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ засохшей грязи. По словамъ главныхъ свидѣтелей, Цинамзгварова и Меликъ-Беглярова, 22 іюля, съ половины высоты обрыва, сочилась вода изъ родниковъ и воды было больше, нежели потомъ, нежели теперь, потому что родникъ обдѣланъ кирпичемъ, послѣ чего вода течетъ теперь струею, а тогда она, вѣроятно, стекала сплошною, тонкою массою. Беглярова утверждалъ, что послѣ спуска по тропинкѣ сапоги его были совершенно грязные, но напротивъ, тѣ ботинки были совсѣмъ красноватыя съ замѣтными слѣдами зелени. Цинамзгваровъ утверждаетъ тоже, что на подошвахъ были замѣтны слѣды травы и зелени. Этотъ отрицательный признакъ и былъ точно лучъ свѣта, съ этой минуты Цинамзгваровъ увѣровалъ въ преступленіе. Чтобы оцѣнить этотъ признакъ по достоинству, отдѣливъ его отъ всякихъ оттѣняющихъ его субъективныхъ воззрѣній, нужно принять въ соображеніе: 1) время наблюденій, 2) свойства какъ грунта, такъ и стекающей воды въ лѣтнее время, безъ дождей. Прежде всего я долженъ замѣтить, что въ Тифлисѣ, имѣющемъ вообще грунтъ скалистый, не бываетъ и не можетъ быть грязи иначе, какъ послѣ дождя. Ея не бываетъ и быть не можетъ въ скалистомъ грунтѣ, даже тамъ, гдѣ родники, развѣ грязь эта образуется искуственно, когда, топча

ногами на одномъ и томъ же мѣстѣ, разболтаютъ сочащуюся влагу. Я понимаю, что теперь, когда родникъ выложенъ кирпичемъ и превращенъ въ одну струю, т. е. въ ручеекъ водообильный, многократно проходя по немъ толпой, можно его взбаламутить и получить на сапогахъ сланцевые и иловые слѣды. Но даже и по этой чистой струѣ, если идетъ только одинъ, то онъ можетъ лишь замочиться, а не загрязниться, тѣмъ болѣе въ то время, когда вода тонкимъ и широкимъ слоемъ покрывала скалистый бокъ обрыва. Что касается до грязныхъ сапогъ Меликъ-Беглярова, то еслибы свидѣтели припомнили, что ихъ имъ показывалъ Меликъ-Бегляровъ, я думаю, онъ могъ загрязниться, потому что былъ на обрывѣ въ особенныхъ обстоятельствахъ 22 іюля, послѣ обоихъ Чхотуа, Цинамзгварова, Бѣллика, Сулханова да мало ли кого, когда на всей скалѣ виднѣлись слѣды сапоговъ, слѣды истоптанные и размазанные. И такъ, я полагаю, что не грязь слѣдуетъ искать, не на ней останавливаться, а главнымъ образомъ имѣть въ виду сухость или мокроту. Извѣстно, что г. Тифлисъ имѣетъ одинъ изъ самыхъ сухихъ климатовъ въ мірѣ, въ особенности въ бездождное лѣтнее время, въ концѣ знойнаго іюля, при 30 гр. жары. Съ 8½ ч. до 4½ ч., когда былъ составленъ протоколъ Кобіевымъ, прошло 7 часовъ, въ теченіе которыхъ всякіе сапоги могли просохнуть. Относительно ихъ мокроты во время, болѣе близкое къ происшествію, мы ограничимся только показаніемъ Цинамзгварова и Беглярова. Оба наблюдали поздно и при огненномъ свѣтѣ, даже не въ комнатѣ, а на площадкѣ, гдѣ вещи такъ и лежали до прибытія слѣдователя Кобіева.

Согласитесь, гг. судьи, что эти условія крайне неудобны для изслѣдованія цвѣтовъ. Я по первому показанію Цинамзгварова, данному 30 октября, опредѣляю такимъ образомъ время: узнали о происшествіи около 12 часовъ, въ половинѣ перваго; въ часъ ночи поѣхали вмѣстѣ съ Бегляровымъ къ Варварѣ Андреевской. Оба

видѣли площадку, и сапоги около половины второго, слѣдовательно, опять через 4 часа послѣ происшествія, когда незначительчая мокрота могла просохнуть. Но ихъ показанія именно такого рода, что если принять ихъ за сущую правду, то надо положительно заключить, что подошвы ботинокъ были весьма мокры и мокротою именно родника. Старыя изношенныя опорки отъ ботинокъ имѣютъ сѣро-желтый цвѣтъ нежженной охры съ тушью, между тѣмъ, по Беглярову, подошвы были красноватыя, но Цинамзгваровъ утверждаетъ, что подошвы были красны, а кожа старая, не полированная, бываетъ всегда томнокрасная и коричневая, когда ее намочить; что же касается до зелени, то она необъяснима ничѣмъ другимъ, кромѣ соприкосновенія съ тѣми слизистыми водорослями въ водѣ, нити которыхъ всегда заводятся въ топкой влагѣ, на скалистомъ грунтѣ подлѣ ручейковъ. Н. А. нигдѣ не была, гдѣ бы могла къ подошвѣ пристать зелень, зелень сада въ концѣ іюля не была сочною, слѣдовательно, если допустить слѣдъ зелени, а онъ подтвержденъ произведенной экспертизой, то отъ водорослей на нашей колеѣ, а слѣдовательно, въ связи съ темнокоричневымъ цвѣтомъ подошвъ прямо доказывается, что Н. А. прошла чрезъ родникъ.

Замѣчательно то, что при осмотрѣ обуви Кобіевымъ въ 4$^1/_2$ ч. утра, при тѣхъ же гг. Цинамзгваровѣ и Меликъ-Бегляровѣ признакъ зелени вовсе въ протоколъ не занесенъ, изъ чего я усматриваю, что на глазъ его не было видно, что проходя черезъ столько рукъ, онъ стерся, какъ стереться могли и слѣды грязи на ботинкахъ, которая, если была, то, конечно, самая неглубокая. Однимъ словомъ, либо пятна зелени были, и они доказываютъ присутствіе родника, а ихъ исчезновеніе доказываетъ, что проходя черезъ много рукъ, ботинки потеряли всѣ характерныя особенности, которыя имѣли, когда стояли на площадкѣ; либо зелени вовсе не было, такъ что, разсматривая ботинки второпяхъ при свѣчкѣ или факелѣ, Цинамзгваровъ или Бегляровъ увидѣли чего не

было, зелень имъ померещилась, но въ такомъ случаѣ и показанія ихъ о сухости подошвъ не достовѣрны; неизвѣстно каковы были ботинки, къ пяти часамъ утра они успѣли окончательно просохнуть. Такимъ образомъ выходитъ слѣдующее: было обстоятельство столь важное, что его сразу приняли за рѣшительное доказательство преступленія. Лица, сдѣлавшія это открытіе, сейчасъ пошли обыскивать, арестовывать, строить воздушные замки гипотезъ для объясненія мотивовъ, а между тѣмъ самого то обстоятельства не констатировали какъ слѣдуетъ, не описали, вслѣдствіе чего оно и выходитъ въ уголовномъ отношеніи никуда негоднымъ, какимъ то не то жировымъ, не то кровянымъ пятномъ, изъ котораго самый тщательный химикъ, анализируя, ничего вывести не въ состояніи, а между тѣмъ это и есть единственный кирпичъ, на которомъ зиждется все зданіе, вся пирамида обвиненія, имѣющая вопреки статикѣ узкое основаніе и широкую вершину въ самомъ неустойчивомъ равновѣсіи.

Послѣ разбора улики, основанной на ботинкахъ, о физической невозможности утонутія не можетъ быть и рѣчи. Остаются соображенія, заимствованныя уже не изъ области физики и статики, и уже гораздо менѣе рѣшительныя, основанныя на психологіи, на серьезныхъ свойствахъ ума и характера, которыя, по мнѣнію суда, мѣшали молодой дѣвушкѣ купаться, на ея привычкахъ, потому что не могла она купаться въ бѣльѣ, не могла она купаться во время регулъ. Между тѣмъ всякія психологическія задачи труднѣе рѣшать нежели физическія, потому что дѣятельность человѣка не чисто рефлекторная и какъ элементъ въ нихъ входитъ тотъ X, который одними называется свободнымъ произволомъ, а другими—способностью противупоставлять внѣшнимъ мотивамъ тѣ неисчислимые сонмы идей и представленій, которыя составляютъ содержаніе нашего сознанія. Какъ бы то не было и эта новая категорія уликъ физико-психологическихъ, блѣдныхъ, не ясныхъ должна

быть разобрана и упразднена. Я полагаю, что она упразднится несравненно легче даже, нежели улики, почерпанныя изъ законовъ физики и изъ свойствъ матеріи.

Въ visum repertum 25 іюля 1876 г. есть слѣдующія слова: *слизистая оболочка влагалища блѣдна.* Никѣмъ незамѣченный, этотъ фактъ имѣетъ громадное значеніе. Онъ доказываетъ, что въ моментъ купанья не только прошла менструація съ ея признаками, но прошло послѣдующее послѣ выдѣленія крови выдѣленіе бѣлей или, по крайней мѣрѣ, что послѣ менструаціи продолжалось только выдѣленіе бѣлей, которыхъ слѣды найдены на правомъ рукавѣ рубашки, но которыхъ вовсе не найдено на кальсонахъ.

Оно такъ и должно быть по разсказамъ прачки. По словамъ г-жи Зуевой регулы впервые были въ гостинницѣ, куда пріѣхала Андреевская, какъ извѣстно, 29-го іюня, а такъ какъ, по словамъ Зуевой, регулы бывали черезъ 3 недѣли, то регулы должны были быть ко времени убійства. Они и были дѣйствительно. За два или за три дня до убійства, слѣдовательно 19-го или 20-го іюля, г-жѣ Зуевой дано было бѣлье, въ томъ числѣ извѣстныя женскія тряпки, окровавленныя, изъ чего г-жа Зуева и заключила, что регулы имѣли мѣсто за 5 дней до убійства, т. е. около 17-го іюля; кусковъ этихъ было всего 5; изъ факта ихъ отдачи я могу заключить, что періодъ регулъ кончился. Да и спросите любого доктора, могутъ ли онѣ 5 дней продолжаться. Нинѣ такъ нужно было бѣлье, что, отдавъ его 19-го, она уже ѣздила 22-го къ прачкѣ просить о доставкѣ его немедленно; прачка и приняла все бѣлье и съ этими тряпками, 23 или 24 іюля, вмѣстѣ съ запискою Нины. И то и другое получила Безирганова, заплатившая за бѣлье 2 р. 50 к.

Настоящая экспертиза единогласно согласилась, что въ моментъ купанья у Нины Андреевской не было уже кровей. Войдите же теперь въ положеніе чистоплотной женщины, у которой только что кончились регулы. У нея должна быть неодолимая физіологическая потреб-

ность вымыться, каковы не были бы серьезныя или не серьезныя свойства ея ума и характера. Когда является физiологическая потребность, то какой вздоръ толковать про свойства ума и характера.

А что, имѣя надобность выкупаться, она прямо отправилась тайкомъ, никому не сказавъ, въ Куру, это настолько естественно, какъ то, что когда кто голоденъ, то отправится поѣсть въ первый ближайшiй трактиръ. Въ пользу этого предположенiя говоритъ не только бойкость и неугомонность ея характера, ея всѣмъ извѣстная и всѣми удостовѣряемая эксцентричность, но и та масса имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ, что она постоянно была занята идеею купанья въ Курѣ, что ее подмывало идти окунуться въ струяхъ этой рѣки. Сюда относятся всѣ разговоры Н. Андреевской съ разными лицами о грязной водѣ въ р. Курѣ и о томъ, что она бы не рѣшилась купаться. Изъ отзывовъ Автандилова, Сулханова и друг. видно, что она заводила съ ними разговоры объ этомъ именно предметѣ, а если относилась къ этой идеѣ отрицательно, скажу, что 9/10 всего числа дѣвушекъ отнеслись бы на языкѣ отрицательно къ самой эксцентричной выходкѣ, напримѣръ, поѣхать въ маскарадъ или куда нибудь на пикникъ. Не ожидать же отъ нея, что она скажетъ: а вотъ я такъ пойду купаться; не ожидать же, что она скажетъ: я тогда и тогда буду купаться.

Подобнаго рода заявленiя были бы граничащею съ идiотизмомъ простотой, или болѣе, чѣмъ кокетствомъ. Ни то, ни другое не было присуще Н. Андреевской.

Съ посторонними она заводила только разговоры, не высказывалась, но съ близкими она не таилась и не хитрила, какъ говоритъ В. Андреевская. Матери она прямо сказала, что попробуетъ разъ выкупаться. Вспомните показанiе на судебномъ слѣдствiи кн. Варвары Тумановой, что въ Кисловодскѣ, въ 1866 году, Н. Андреевская купалась въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не рѣшился бы купаться и мужчина. Вспомните ея же слова,

что В. Андреевская передавала ей послѣ событія, слѣдовательно утромъ 23-го іюля, слышанное отъ прислуги, что 22-го іюля Нина спускалась къ Курѣ, распрашивала прислугу и Н. Чхотуа, гдѣ мельче, и вы повѣрите словамъ обоихъ Чхотуа, что она выражала имъ намѣреніе выкупаться. Это совсѣмъ на нее похоже, пойти купаться въ 10 часовъ, говоритъ княгиня Туманова.

Но если она рѣшилась купаться, то, раздѣваясь, она должна была скинуть и бѣлье, должна была взять съ собою перемѣну бѣлья, простыню. Такъ судило общество, такъ судили даже знакомые, даже родные, напримѣръ, кн. Кетевана Орбеліани, но знающіе жизнь въ извѣстномъ домѣ лишь по наружности, по входу съ передняго крыльца. Если предположить, что убійцы Н. Андреевской хотѣли сочинить поддѣльное утопленіе и расположили для виду платье на площадкѣ въ порядкѣ естественнаго раздѣванія, то, во что бы то ни стало, они должны были снять и бѣлье, тѣмъ болѣе, что оно оказалось не окровавленнымъ, за исключеніемъ тѣхъ незначительныхъ крапинокъ, доказывающихъ, что оно было грязно, когда его одѣла Н. Андреевская. Но, гг. судьи, судебное изслѣдованіе имѣетъ свои громкія прерогативы, оно ходитъ съ задняго крыльца и наблюдаетъ человѣка en déshabillé. Такихъ неожиданностей и тутъ много, противорѣчащихъ ходячимъ понятіямъ о комфортѣ въ семьѣ, во всякомъ случаѣ богатой. На Нинѣ Андреевской было, несомнѣнно, грубое и сильно заношенное бѣлье, кальсоны заплатанные и на заднихъ частяхъ, и на колѣнахъ. Рубаха испещрена кровяными крапинками, башмаки съ покривившимися каблуками весьма не элегантнаго свойства. Изъ показанія В. Андреевской явствуетъ,—прошу извиненія за подробность, но суду не присуще чувство стыдливости,—что Н. Андреевскою выливаемо было за окно содержимое ночного горшка. Добавьте незначительность багажа, отдачу всего бѣлья прачкѣ; тогда и явится предположеніе, что мо-

жетъ и не быть губки, можетъ и не быть другой простыни, а былъ такой разсчетъ, что, снявъ рубашку и кальсоны, Нина, надѣвъ платье, кофту и на голую ногу широкія опорки, доберется до дому такимъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ воду она могла пойти только въ бѣльѣ, одѣтая, во-первыхъ, потому, что хотя ночью, но купанье происходитъ все-таки въ Тифлисѣ, во-вторыхъ, что бойкая дѣвушка, наѣздница, артистка, читавшая Геккеля и Дарвина и удивлявшая рѣзкостью своихъ словъ и смѣлостью поступковъ, была нѣчто въ родѣ Карла XII, крайне застѣнчивая, стыдливая, мечтавшая также остаться на вѣкъ дѣвицею. Стыдливость ея была столь неслыханно велика, что даже въ баню ходила она въ рубашкѣ. Старуха служанка Хончикашвили говоритъ: «Разъ была я въ банѣ съ Андреевскими; барышня парилась въ рубашкѣ и только потомъ раздѣлась». Мать, В. Андреевская, удостовѣряетъ, что она всегда мылась въ рубашкѣ, и когда ей приходилось снимать рубашку и закутываться въ простыню, она даже ей никогда не показывалась въ одной рубашкѣ, а выходила совсѣмъ одѣтая. Если родная мать, которая въ концѣ концовъ увѣрилась въ убійствѣ, твердила, что Н. Андреевская могла сойти въ однихъ чулкахъ безъ ботинокъ, что она не могла снять бѣлья, но могла не взять съ собою простыни, то по какому же праву и на какомъ основаніи могъ усомниться въ этомъ судъ, менѣе знающій Н. Андреевскую, чѣмъ родная мать. Спущенные чулки ничего не значатъ, если трупъ, хотя нѣкоторое время, плылъ впередъ головою а не ногами, а неизвѣстно какъ онъ плылъ, когда его изловилъ Пидуа.

И такъ, и эти улики пропадаютъ. У средневѣковыхъ юристовъ для доказательства убійства требовалось тѣло убитаго, corpus delicti. Здѣсь есть corpus, но весьма сомнительно, есть ли это corpus delicti. Можетъ быть утоплена, можетъ быть задушена, но безъ давленія на

горло, а однимъ изъ способовъ въ романахъ только встрѣчающихся, напримѣръ, приложеніемъ пластыря и прегражденіемъ дыханія, а можетъ быть и утонула. Чтобы обличить убійство, необходимо доказать, что ее извѣстные люди убивали, поймать ихъ на самомъ дѣяніи убійства, а затѣмъ, такъ какъ нѣтъ дѣйствія безъ причины и злодѣянія безъ мотива, то доискаться личныхъ цѣлей убійства; необходимы доказательства не самаго дѣла, а преступнаго дѣянія подсудимыхъ. Такихъ доказательствъ нѣтъ, актъ дѣянія покрытъ совершеннымъ мракомъ. Ставятъ улики, которыя относятся либо къ области приготовленій, либо къ области сокрытія слѣдовъ преступленія, о мотивахъ никто и не думаетъ; зачѣмъ ихъ доискиваться? Эти изслѣдованія разсматриваются, вѣроятно, какъ роскошь. Если предшествующіе мои доводы успѣли хоть сколько нибудь пошатнуть убѣжденіе въ наличности corpus delicti, то, конечно, остальной анализъ дѣйствій приготовительныхъ къ акту, который можетъ быть и не былъ, или охранительныхъ, когда преслѣдованіе уже висѣло надъ головами подозрѣваемыхъ не имѣетъ никакого значенія.

Но я долженъ сразиться и съ этими личными уликами противъ каждаго изъ подсудимыхъ, дабы доказать, что это псевдоулики, хитроумныя натяжки, что въ силу предвзятой идеи, каждое лыко шло въ строку, что каждый безцѣльнѣйшій предметъ превращался въ рѣжущій инструментъ, топоръ или револьверъ, противъ подсудимыхъ и въ особенности противъ главнаго, Чхотуа, потому что объ остальныхъ мало и думали, они такъ и шли безъ счету и числа въ придачу.

И такъ, разберемъ прежде всего личныя улики противъ Д. Чхотуа, подраздѣливъ ихъ на пріуготовительныя и послѣдовавшія за преступленіемъ, изъ которыхъ я постараюсь потомъ доказать, что только первыя имѣли бы значеніе, а послѣднія никакого.

Теперь перехожу къ разсмотрѣнію уликъ противъ Д. Чхотуа. Главною уликою являются собаки. Въ домѣ

Шарвашидзе ихъ было 5 или 6. Онѣ были особенно злыя, кусались, не пропускали постороннихъ, но своихъ домашнихъ знали, и повидимому, и Андреевскія освоились съ ними, по крайней мѣрѣ, въ дѣлѣ нѣтъ намековъ, чтобы собаки безпокоили ихъ, и чтобы люди, по пріѣздѣ Андреевскихъ, были озабочены униманіемъ собакъ. Прочіе же входили во дворъ только при комъ нибудь изъ домашнихъ, всего же чаще при помощи садовника Мгеладзе, который и жилъ въ сторожкѣ у воротъ двора. Между этими собаками самая большая, сильная и злая была одна, которая была между ними первая и главная, въ родѣ старшины. Свидѣтель Кадуринъ удостовѣрилъ, что за недѣлю до событія, слѣдовательно когда Андреевскія только что въѣхали въ домъ, Д. Чхотуа просилъ яду у Кадурина, чтобы отравить собаку, такъ какъ она могла взбѣситься, но Кадуринъ посовѣтовалъ ему подождать. Въ дѣлѣ есть еще болѣе раннія доказательства, что собакъ опасались. Въ счетахъ Д. Чхотуа подъ № 22 значится на 21 іюня, что коновалу дано 2 руб. за леченіе собакъ. Случилось, что свое давнишнее намѣреніе убить собаку Д. Чхотуа привелъ въ исполненіе какъ разъ въ роковое число 22 іюля. Вечеромъ того числа, часовъ въ 8, онъ приказалъ ее убить садовнику Мгеладзе, что Мгеладзе и сдѣлалъ, убивъ ее палкою, которая и найдена 23 іюля утромъ въ кухнѣ окровленною съ прилипшими къ ней шерстинками. Но въ соображеніи г. Цинамзгварова, присутствовавшаго при ея осмотрѣ, палка эта превратилась потомъ въ топоръ, какъ онъ это показалъ 30 октября.

Остальныя собаки присмирѣли, не лаяли, оно такъ и должно было быть послѣ того, какъ изведенъ былъ подзадоривавшій ихъ собратъ. Были ли онѣ заперты, или такъ гдѣ нибудь припрятались, не извѣстно; очень можетъ быть, что онѣ не были заперты, такъ какъ одна изъ нихъ попала подъ ноги пріѣхавшей въ 10½ часовъ княгинѣ Варварѣ Тумановой. Отсутствіе собакъ обратило на себя вниманіе розыщиковъ въ самую ночь

событія и породило предположеніе, что собаки были заперты и заперты по приказанію Чхотуа. Фактъ этотъ непосредственно извѣстенъ только Д. Чхотуа и Мгеладзе, но во время слѣдствія онъ явился обставленнымъ мельчайшими подробностями. Говорили, нпр., о какомъ то опрокинутомъ корытѣ съ помоями, о закладкѣ двери сторожки полѣномъ. Но тутъ представляется такая особенность, что все показаніе Мгеладзе признано судомъ романомъ, совершенно какъ зачумленное, какъ вынужденное спаиваніемъ и подкупомъ. Самъ Мгеладзе умеръ. Фактъ запиранія собакъ выяснился такимъ образомъ изъ вторыхъ источниковъ, а именно: 1) изъ показаній Цинамзгварова и Беглярова, которые распрашивали и прислугу, и Чхотуа о собакахъ ночью въ саду и 2) изъ показаній другихъ лицъ, имѣвшихъ съ Д. Чхотуа разговоры о собакахъ впослѣдствіи. Что касается до Цинамзгварова и Беглярова, то ихъ роль, которую я разберу послѣ, не такова, чтобы ихъ собственно можно было назвать свидѣтелями; они скорѣе были доводчики, ближайшіе дѣятели въ созиданіи легенды о таинственныхъ незнакомцахъ, о фаэтонахъ и т. д. Но въ дѣлѣ еще приведенъ цѣлый рядъ показаній людей, которыхъ приставили къ Д. Чхотуа послѣ того, какъ онъ сдѣланъ былъ кандидатомъ въ тюремные сидѣльцы, на похоронахъ и послѣ похоронъ. Прочтите, господа судьи, всѣ эти показанія, и вы не найдете, чтобы имъ признавался Д. Чхотуа, что онъ приказалъ запереть собакъ. Таковы показанія Умикова, Меликова, Ивана Месхи, Мозгварова. Они отозвались въ томъ смыслѣ, что когда приставали къ Чхотуа относительно запиранія собакъ, то онъ отражалъ эти нападки, не говоря, что онъ приказалъ запереть, а говоря: „ну и что же, если были заперты, ихъ заперли, чтобы онѣ не кусались и чтобы не мѣшали розыскамъ.“ Итакъ, сомнительно, по приказанію ли Д. Чхотуа заперъ собакъ Мгеладзе, а можетъ быть ихъ и вовсе не запирали. Несомнѣнно только, что самая боль-

шая изъ собакъ была убита. Что же изъ этого слѣдуетъ? Что Д. Чхотуа старался облегчить нешумный доступъ въ садъ таинственнымъ незнакомцамъ? Какимъ? Доказано ли существованіе этихъ незнакомцевъ, не легенда ли они? А такъ какъ устраняются показанія Мгеладзе и Коридзе, то кто ихъ видѣлъ? Господа судьи, здѣсь допущенъ, по моему, такой антилогичный пріемъ: запираніемъ собакъ, доказывается входъ незнакомцевъ, а входъ незнакомцевъ объясняется запираніемъ собакъ, при чемъ теряется изъ виду, что является уравненіе съ двумя неизвѣстными безъ извѣстныхъ величинъ; теряется изъ виду, что запираніе собакъ не имѣетъ смысла, коль скоро допускается, какъ это сдѣлано въ приговорѣ, совмѣстное убіеніе Н. Андреевской и домашними, въ числѣ 4-хъ человѣкъ, и незнакомцами извнѣ, въ составѣ тоже пожалуй 4 человѣкъ. Господа судьи, для того, чтобы справиться съ дѣвушкой 25-ти лѣтъ, не надо восьми человѣкъ, довольно двухъ или трехъ. Если въ заговорѣ были домашніе, двое Чхотуа, Коридзе, Мгеладзе, Габисонія, то, убивъ Н. Андреевскую, они могли сдать ее чрезъ ворота незнакомцамъ, съ тѣмъ чтобы припрятать трупъ. Но въ такомъ случаѣ незачѣмъ убивать собакъ, такъ какъ дворъ и ворота находились внѣ наблюденій В. Андреевской. Или убійство совершили невѣдомые незнакомцы, то тогда не однѣхъ собакъ надлежало припрятать и удалить, но и Коридзе, и Мгеладзе, и Габисонію, и я не понимаю, зачѣмъ послѣдній на скамьѣ подсудимыхъ, такъ какъ достаточно было посадить одного Д. Чхотуа. Во всякомъ случаѣ улика, заключающаяся въ собакахъ, далекая и подлежитъ многоразличнымъ толкованіямъ.

Какія же другія? Штаны, мозольные кружки и галстухъ, изобрѣтенные для сочиненія поддѣльнаго alibi. Или я ничего не смыслю въ дѣлахъ уголовныхъ, или по вопросу объ этомъ alibi существуетъ странное недоразумѣніе. Признаюсь, я этого alibi не понимаю, и вотъ по какимъ соображеніямъ: я думаю, что эта улика не улика, что она походитъ на колесо вѣтренной мельницы,

съ которымъ пресерьезно сражалось обвиненіе, не подозрѣвая, что оно неодушевленный предметъ.

Alibi называется отводъ со стороны обвиняемаго, основанный на томъ, что онъ не былъ на мѣстѣ преступленія въ моментъ совершенія его. Преступленіе совершено въ промежутокъ времени получасовый, между моментомъ, когда Н. Андреевская вышла со свѣчею изъ комнаты матери и моментомъ, когда В. Андреевская стала искать свою дочь. Судъ опредѣляетъ этотъ промежутокъ равнымъ отъ времени послѣ 9 часовъ до $9^3/_4$ часа, но точное опредѣленіе времени здѣсь ни причемъ. Д. Чхотуа могъ думать, что онъ возвратился въ $10^1/_4$ часа, но главное то, что онъ уже спалъ или притворялся спящимъ въ моментъ начатія поисковъ, т. е. въ $9^3/_4$ часа, а передъ тѣмъ вернулся, раздѣлся и расположился спать, на что нужно полчаса, слѣдовательно, что онъ несомнѣнно былъ въ своей квартирѣ въ единственные полчаса, потребные для лишенія жизни Н. Андреевской, внѣ которыхъ преступленіе и не мыслимо.

При такихъ уловіяхъ разыскиваніе того, гдѣ былъ Чхотуа вечеромъ, прежде чѣмъ онъ возвратился домой, не имѣетъ никакого соотношенія къ alibi его, есть работа столь же праздная, какою, напр., была бы повѣрка того, что онъ ѣлъ за обѣдомъ, рыбу или говядину, или въ какомъ онъ былъ сюртукѣ, сѣромъ или черномъ. Ну, не ужиналъ Д. Чхотуа въ гостиницѣ «Европа», хотя объ этомъ и не произведено изслѣдованія, не покупалъ онъ въ аптекѣ у провизора Канделяки хинныхъ порошковъ и мозольныхъ кружковъ 22 іюля вечеромъ, а утромъ, хотя записка въ книгѣ едва ли что нибудь доказываетъ и неизвѣстно, не записывались ли продаваемые медикаменты заразъ, а не постепенно. Ну, положимъ, совралъ въ этомъ отношеніи Д. Чхотуа. Можетъ быть галстухъ онъ купилъ у Чарухчіанца не 22, а 23 іюля, хотя такіе шарфы продавались у Чарухчіанца и 21, и 22, и хотя изъ показанія обоихъ Чарухчіанцевъ и изъ книги видно, что шарфъ могъ быть купленъ 22

іюля во время до пожара, что совершенно понятно, такъ какъ пожаръ совпалъ съ моментомъ исчезнованія Н. Андреевской. Такого же рода и вопросъ о брюкахъ, хотя онъ и повредилъ, можетъ быть, всего больше Д. Чхотуа, возбудивъ подозрѣніе о какомъ то подстроенномъ доказательствѣ, о стачкѣ между Д. Чхотуа и портнымъ Капанидзе, вслѣдствіе коей Капанидзе и Мдивани на предварительномъ слѣдствіи отозвались, что никакихъ брюкъ Д. Чхотуа имъ не оставлялъ и подтвердили этотъ отвѣтъ, осмотрѣвъ и свои книги, и магазинный гардеробъ, а при судебномъ слѣдствіи они и новый приказчикъ Шахнабазовъ представили тѣ самые брюки, какъ завалявшіеся между старыми вещами. Но это дѣло до того выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, что настоящія, несомнѣнныя, фальсификаціи проходили въ немъ безслѣдно, зато и подлинное принималось иногда за фальшивое, какъ нпр., находка брюкъ, которую я положительно отношу къ числу неподдѣльныхъ фактовъ, на томъ основаніи, что эти брюки не имѣютъ къ дѣлу никакого соотношенія и слѣдовательно сочинять этотъ фактъ въ сообществѣ съ портными для Чхотуа не представляло никакого интереса. Я въ такомъ видѣ представляю себѣ это произшествіе: когда пошелъ таинственный розыскъ по всѣмъ направленіямъ по таинственному дѣлу, преступленію, которое по своей обстановкѣ поражало воображеніе и ужасало будто бы своими размѣрами, всякій, кромѣ тѣхъ, которые явились добровольцами—сыщиками, старались, сколько могли, не быть задѣтыми, чтобы не попасть въ какую то прикосновенность съ убійцами. Вотъ почему и Капанидзе съ Мдивани, изъ малодушія и трусости, промолчали, о брюкахъ, но когда дѣло пошло на судъ, Шахнабазовъ прочелъ обвинительный актъ и магазинщики пораскусили въ чемъ дѣло и какое значеніе имѣютъ брюки, всѣмъ имъ жаль сдѣлалось, что можетъ быть они напрасно повредили Чхотуа, они и предъявили въ интересахъ правды брюки, но оказали Д. Чхотуа медвѣжью

услугу, потому что ихъ запоздалое поличное отвергнуто какъ плодъ ихъ стачки съ Д. Чхотуа. Оставимъ, впрочемъ, тотъ споръ, который, по моему, не болѣе, какъ водотолченіе. Допустимъ что Д. Чхотуа совралъ. Что же изъ этого слѣдуетъ по дѣлу объ убійствѣ? Развѣ судъ засѣдаетъ, чтобы судить о нравственныхъ грѣшкахъ Д. Чхотуа? Предоставимъ это дѣло его бесѣдѣ съ священникомъ на духу. Развѣ мы не знаемъ вралей постоянныхъ, вралей безъ мотива, вралей, которые постоянно и безъ интереса врутъ. Никто же ихъ еще не судилъ какъ за убійство. Мало того, вы, господа судьи даже и относиться къ этому вранью не можете, какъ отнесся бы посторонній человѣкъ, съ осужденіемъ и негодованіемъ. Вы должны устранить это обстоятельство, какъ къ дѣлу не подходящее, на основаніи того, что вы слуги закона, вы судите по законамъ, а преслѣдованіе обвиняемаго только за то, что онъ вралъ, прямо противно духу судебныхъ уставовъ. Въ старой инквизиціонной процедурѣ, гдѣ доискивались прежде всего собственнаго признанія подсудимаго, я понимаю, что искренность или не искренность подсудимаго играли роль, и въ числѣ уликъ преступленія было то, что подсудимый дѣлалъ на слѣдствіи разнорѣчивыя, а слѣдовательно ложныя, или просто лживыя показанія. Но замѣтьте, что за то онъ могъ быть оставленъ только въ подозрѣніи, а лучшія постановленія нашей старой магистратуры направлены къ тому, чтобы на такой фактъ не обращалось даже вниманія. Вмѣсто инквизиціи мы дожили до процесса состязательнаго. Первое условіе состязанія-свобода дѣйствій, возможность употребленія подсудимыми всѣхъ средствъ къ оправданію безъ малѣйшаго разбора; никто не можетъ ему воспретить употреблять даже ложь и, summum jus summa injuria. Въ нашемъ новомъ судѣ отношеніе его къ подсудимому таково — извините за нѣсколько тривіальныя выраженія: защищайся чѣмъ угодно, ври сколько душѣ угодно, тѣмъ покойнѣй будетъ судья, что все вышло наружу, интрига не оста-

лась скрытою. Судья будетъ судить не по твоимъ словамъ, которыя, какъ слова заинтересованнаго, подозрительны, но по обстоятельствамъ дѣла, въ число которыхъ войдутъ факты дѣла, но не твоя ложь, но не твое поведеніе при слѣдствіи. Въ судѣ съ присяжными показанія при слѣдствіи подсудимаго вовсе не читаются, такимъ образомъ остается неизвѣстнымъ, какъ онъ защищался при слѣдствіи. Да если бы онъ вралъ и на судѣ, то ни одинъ изъ предсѣдателей не остановитъ его, не будетъ объяснять присяжнымъ, чтобъ они на эту ложь не обращали вниманія, а его предупреждать, что до истины можно добраться умомъ, помимо всѣхъ усилій подсудимыхъ затемнить истину и безъ вымучиванія у него признанія. Въ судѣ безъ присяжныхъ есть другое средство противъ увлеченія негодованіемъ, возбужденнымъ ложью: мотивація приговора. — Подсудимый, защищаясь, на что онъ имѣетъ право, ставитъ отводъ объ alibi. Отводъ этотъ, по несостоятельности, отвергнутъ; и такъ, слѣдуетъ, что подсудимый былъ на мѣстѣ преступленія въ моментъ его совершенія, былъ въ домѣ Шарвашидзе. Да онъ этого и не отвергалъ, будутъ ли ему вѣрить, что онъ уже спалъ, или повѣримъ ли мы другимъ лицамъ, которые будто бы отъ него слышали, что онъ читалъ газету, собираясь спать. Фактъ этотъ весьма сомнительный, такъ какъ въ его комнатѣ было темно, свѣча не свѣтилась, а безъ свѣчки не читаютъ.

Во всякомъ случаѣ опроверженіе alibi не идетъ дальше того, что alibi не было; а превращать отводъ alibi въ самостоятельную улику преступленія есть, по моему, грубая логическая ошибка, принятіе какого то картоннаго доказательства за настоящее. Я отрицаю, какъ одно изъ грубѣйшихъ заблужденій, умозаключеніе суда, что къ нелѣпому предлогу, по мнѣнію суда, подсудимый могъ прибѣгнуть, такъ какъ всякій юристъ знаетъ, что сгоряча, когда подсудимый, хотя бы и не виновный, попадетъ подъ судъ, онъ наговоритъ

вздору для себя же вреднаго короба съ два, а судъ долженъ будетъ установить связь между alibi и преступленіемъ, а не гадать о цѣли съ какою кто вралъ. Цѣль была ясная, чтобы спастись отъ опасности, кажущейся грозою, отъ каторжныхъ работъ. Мнѣ тяжело даже отвѣчать на двѣ послѣднія улики противъ Чхотуа, до того онѣ представляются натянутыми, на тѣ два—три слова, которыми онъ обмѣнялся съ Габисоніей въ ночь 22-го іюля и на то, что онъ будто бы дѣлалъ притворные поиски трупа у парома. Прислуга уже была охраняема стражею подъ глазами Петренко, значитъ заподозрѣна въ убійствѣ. Д. Чхотуа оставался на свободѣ, но въ него впивались жадные взгляды людей, уже заранѣе убѣжденныхъ, что онъ убійца, и слѣдившихъ съ напряженнымъ вниманіемъ Гамлета въ сценѣ съ театромъ, не измѣняется ли онъ въ лицѣ. Въ эту минуту подсудимые перекинулись двумя—тремя словами по грузински, которыхъ никто не слышалъ и которыхъ содержаніе осталось неизвѣстнымъ. Можетъ быть со стороны Габисонія было сказано: «за что насъ арестовали, что намъ дѣлать?» Можетъ быть Д. Чхотуа отвѣтилъ: «не унывайте, держитесь какъ слѣдуетъ, говорите правду» и т. д. Обмѣнъ мыслей тотчасъ же былъ прерванъ Петренко, Колмогородскимъ, Цинамзгваровымъ. Приведеніе такихъ уликъ доказываетъ, что нѣтъ вѣскихъ, нѣтъ настоящихъ, когда платежъ наличными производится выдачею такихъ кусковъ металла, которые совершенно лишены даже формы монетъ.

Еще красивѣе улика съ паромщикомъ, со словъ его, паромщика Кадурина о томъ, что Д. Чхотуа стоялъ долго на берегу,—а можетъ быть онъ отыскивалъ глазами трупъ Нины,—потомъ вымылъ руки, а можетъ быть и голову какъ это дѣлаютъ люди встревоженные, когда желаютъ успокоиться и собрать мысли; затѣмъ, вѣроятно, увидѣвъ его, Кадурина, лежащимъ на паромѣ, пораженный пришедшею ему въ голову мыслію, онъ сталъ съ горячностью распрашивать: не видѣлъ ли па-

ромщикъ утопленника. Въ безсвязности этихъ дѣйствій, происходящихъ отъ внутренней тревоги лица, судъ усматриваетъ явное притворство, притворные поиски за тѣломъ Н. А., о которой Д. Чхотуа извѣстно было, что она не утонула. Чтобы вы сказали, гг. судьи, если бы родственникъ и ближній наслѣдникъ завѣщателя по закону сталъ доказывать недѣйствительность завѣщанія сумасшествіемъ, а сумасшествіе сталъ доказывать невозможностью, чтобы по духовному завѣщанію. онъ, наслѣдникъ по закону, былъ бы устраненъ. Ясно что здѣсь будетъ petitio principii, верченіе въ бѣличьемъ колесѣ. Не то ли самое и здѣсь?

Вопросъ о притворствѣ есть вопросъ чисто психологическій, о томъ, что *A* зналъ, что чего-то нѣтъ и несмотря на то его искалъ. Еслибы мы не знали по обстановкѣ театральнаго представленія, что мы присутствуемъ при воображаемыхъ и симулированныхъ дѣйствіяхъ, то мы ни какъ не могли бы рѣшить, правду ли мы созерцаемъ или ложь; слѣдовательно и для рѣшенія вопроса, притворялся ли Давидъ Чхотуа, необходимо рѣшить, что Н. А. не утонула и что о неутонутіи ея зналъ Д. Чхотуа и не смотря на то ее искалъ. Но вѣдь и *A* и *B* суть факты искомые, еще неизвѣстные. Обыкновенно и въ логикѣ, и въ математикѣ идутъ отъ величинъ извѣстныхъ, чтобъ опредѣлить неизвѣстныя. Здѣсь же отъ неизвѣстныхъ идемъ къ изслѣдованію неизвѣстныхъ. Вотъ почему и получаются нелѣпые результаты. Лучшимъ опроверженіемъ вывода улики о притворномъ исканіи трупа служатъ чрезъ нѣсколько же строкъ слѣдующія золотыя слова суда, къ несчастію, оставшіяся безъ примѣненія, а именно, что наблюденія надъ состояніемъ духа подсудимаго по обнаруженіи преступленія произведены при такомъ тревожномъ состояніи духа самихъ наблюдателей, что лишены гарантіи правильности, сдѣланныхъ имъ тогда нахожденій. А тревожное состояніе духа подсудимаго не должно ли быть объясняемо не столько угры-

зеніями совѣсти, сколько можетъ быть что оно слѣдствіемъ неловкаго его положенія, слѣдствіемъ устремленнаго на него всеобщаго вниманія, высказываемаго ему почти въ глаза. Какъ жаль, что судъ неостался вѣренъ этой правдивой мысли. Она, будучи послѣдовательно развита, предотвратила бы массу ошибокъ, предварила бы смерть двухъ людей и долговременное содержаніе другихъ подъ стражею.

Съ уликами противъ Д. Чхотуа я кончилъ. Но есть еще другіе подсудимые: братъ Чхотуа, Габисонія, Куридзе и Мгеладзе. Не явствуетъ ли преступность, какъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, такъ и всѣхъ съ совокупности, изъ уликъ, имѣющихся противъ остальныхъ подсудимыхъ. Разберемъ эти улики, и прежде всего улики противъ Габисоніи.

У Н. Андреевской было три пары обуви: а) опорки, найденныя у Куры, в) другія, которыя она сняла, вернувшись вечеромъ и раздѣваясь и с) которыя были найдены Цинамзгваровымъ подъ кроватью П. Габисоніи. Относительно сапожковъ этихъ только изъ показанія Чинамзгварова видно, что они была нечищены, но не разслѣдовано, какіе были починенные и какіе непочиненные, такъ какъ былъ сбитъ одинъ каблукъ. Это разслѣдованіе разрѣшило бы всѣ спорные вопросы. Но именно въ настоящемъ дѣлѣ—бездна праздныхъ изслѣдованій, тогда какъ важные пункты оставлены безъ вниманія. Вотъ эти то сапожки и задали работы слѣдователю больше, чѣмъ мозольные кружки и брюки Д. Чхотуа. Какъ и когда они попали къ П. Габисоніи? Это тайна между нимъ и Н. Андреевской. Ее не разрѣшили даже и показанія матери, которыя до того сбивчивы и противорѣчивы, что придется допустить: а) либо, что ея голова ослабѣла, b) либо, что показаній отъ нея добивались, пригоняя ихъ къ извѣстному уже рѣшенію задачи. Такъ, 23 іюля, она показала, что Нина пошла вытряхивать пыль изъ платья. 28 іюля, она-же показала, что Нина, уходя, сказала только слова: «я скоро

прійду». Петру были отцаны того же утра Ниной, безъ ея вѣдома, сапоги для починки. Въ показаніи, данномъ 5 ноября въ Одессѣ, говорится: Нина сказала, что сходитъ въ кухню за полусапожками, которые дала утромъ вычистить повару. Наконецъ, 29 ноября Варвара Андреевская показала, что она не знаетъ, давала ли Нина въ день убійства повару или кому либо сапоги для починки. Сопоставьте эти показанія. Два изъ нихъ несомнѣнно ложны и, по всей вѣроятности, самое ложное отъ 5 ноября, когда одряхлѣвшая мать въ своемъ горѣ увѣровала, что ея Нина мученица, что ее убили. Но это показаніе, очевидно, всего то болѣе и было на руку обвиненію, какъ средство доказать, что, взявъ сапожки для чистки утромъ, Габисонія не возвратилъ ихъ вечеромъ, чтобы заставить барышню прійти въ кухню, гдѣ ее ожидала засада. Всѣ усилія были направлены къ тому, чтобы доказать, что сапоги были даны для чистки, но не для починки, и, слѣдовательно, къ разрушенію показанія Габисоніи о томъ, какъ онъ отдавалъ сапоги, бралъ ихъ назадъ, оставлялъ ихъ у пурщика и т. д. Я не въ состояніи разбирать всю эту длинную и главное, безполезную исторію. Она, по моему, разрѣшается очень просто тѣмъ, что не могъ же Габисонія разсчитывать, что барышня потребуетъ чистые сапоги въ 10 ч. ночи, потому что, во-первыхъ, барышня никуда не собиралась, во-вторыхъ, что барышня имѣла другіе сапоги, которые скинула: наконецъ, въ третьихъ, барышни обыкновенно не ходятъ въ кухню, а зовутъ людей, и какъ ни неохотно служила Андреевскимъ чужая прислуга, а все таки на зовъ эта прислуга должна была явиться. Я главнымъ образомъ обращу вниманіе палаты на то употребленіе, какое судъ сдѣлалъ изъ обстоятельства о ботинкахъ, столь же идущаго къ дѣлу, какъ берлинскій конгрессъ или событія въ Америкѣ къ уликѣ виновности Габисоніи въ убійствѣ. Габисонія, значитъ, и теперь старается скрыть истину о сапожкахъ, а если онъ старается скрывать,

то для того только, чтобы отклонить подозрѣніе, а кто старается отклонить подозрѣніе, тотъ уже виноватъ. Гораздо было бы прямѣе, вмѣсто всѣхъ этихъ логическихъ хитросплетеній, имѣющихъ видъ софизмовъ, поставить ребромъ вопросъ: носилъ ли Габисонія сапоги въ починку и разрѣшить его осмотромъ самыхъ сапоговъ. Но сапоговъ то и нѣтъ. За неимѣніемъ же сапоговъ, имѣется записанное въ протоколъ показаніе Ив. Сумбатова, говорившаго, что онъ замѣтилъ башмаки подъ кроватью Габисоніи, что онъ разсматривалъ ихъ,— башмаковъ теперь нѣтъ между вещественными доказательствами, — и что онъ замѣтилъ новую полосу на каблукѣ. Починка, по словамъ Сумбатова, была свѣжая и потому онъ убѣдился, что Габисонія говоритъ правду.

Вторая улика противъ Габисоніи заключается въ томъ, что, когда исчезла Н. А., когда исчезновеніе это огласилось и пришло даже много постороннихъ посѣтителей, въ томъ числѣ г. Цинамзгваровъ, кн. Сумбатовъ, княгиня Туманова и др., то сходившіе на площадку, глядя сверху внизъ, видѣли на обрывѣ человѣка съ обвязанною головою, кто говоритъ тряпкою, какъ напр. Варвара Андреевская, кто — башлыкомъ, и этотъ человѣкъ внимательно слѣдилъ за наблюдателями, а когда его замѣтили, удалился въ кухню. Человѣкъ этотъ оказался П. Габисоніей. Онъ говорилъ, что его трясла лихорадка. Его словамъ не хотѣли вѣрить: онъ дескать притворяется больнымъ. Наконецъ, и само странное его любопытство обличало его въ преступленіи. Говорили, что онъ притворяется больнымъ, хотя въ скорбномъ листѣ значится, что онъ страдалъ давнишнею лихорадкою. Довольно взглянуть на этого исхудавшаго человѣка, чтобы убѣдиться, на сколько его жизнь сильно подточена сифилисомъ и кавказскою febris intermittens. Говорятъ, что онъ интересовался розысками и ставятъ это ему въ вину. Но, гг. судьи, вѣдь это дѣлаетъ г. Цинамзгваровъ, который лично не зналъ Андреевскую, а такъ заинтерссовался самъ, что и слѣдствію то до-

ставилъ половину матеріаловъ. Спросите себя, неужели никто изъ васъ, узнавъ, что случилось по сосѣдству что то необычайное, не пожелалъ бы поглядѣть на это зрѣлище.

Но вѣнецъ всѣхъ уликъ и nec plus ultra въ искуствѣ строить предположенія смѣлыя до невозможности, болѣе тонкія, нежели паутинная сѣть, это царапина надъ правымъ соскомъ у П. Габисоніи, открытая 14 августа, слѣдовательно, чрезъ три недѣли, спустя послѣ происшествія, на такомъ мѣстѣ тѣла, которое я отношу къ секретнымъ, потому что нетолько въ высшемъ классѣ, но и въ простонародіи на Кавказѣ, никто этого мѣста не обнажаетъ, даже у русскаго мужика оно спрятано подъ рубашкою, а у здѣшнихъ — подъ рубашкою, архалукомъ и черкеской. Исходя изъ словъ доктора Маркарова, что ранка эта могла быть отнесена ко времени, когда совершено преступленіе, т. е. къ 22 іюля, судъ связалъ эти два факта и вывелъ заключеніе, что царапина могла быть причинена Габисоніи во время совершенія убійства, но ставитъ между этихъ словъ маленькую, ничтожную на видъ частичку *только: царапина только и можетъ быть причинена Габисоніи при совершеніи убійства.* Сказать это, значитъ вывести заключеніе не о возможности, а о достовѣрности, т. е. что Габисонія при совершеніи убійства изцарапанъ. Позвольте мнѣ этотъ замѣчательный образецъ логики пояснить примѣромъ: 12 октября 1877 года много людей ранено за Дунаемъ, подъ Горнымъ Дубнякомъ. Я тоже, положимъ, къ этому времени порѣзалъ себѣ руку. Рана по времени совпадаетъ съ сраженіемъ при Горномъ Дубнякѣ, изъ чего я вправѣ составить предположеніе, что я могъ быть раненъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, но, вставивши частичку *только* и утверждая, что я только могъ быть раненъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, выйдетъ, слѣдовательно, въ результатѣ, что я въ самомъ дѣлѣ раненъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, за что и могу претендовать на полученіе военнаго ордена Георгія четвертой степени. Но возвратимся къ Габисоніи. Если онъ

дѣйствительно израненъ при убійствѣ Н. А., то какъ же рука ея туда попала и какъ на самыхъ этихъ нѣжныхъ рукахъ не было слѣда того, что онѣ рвали черкеску, верхнюю рубаху и добрались до самаго соска. Въ скорбномъ листѣ есть ранки у Габисоніи также и на рукѣ, на противоположной сторонѣ голени, въ двухъ мѣстахъ двѣ ранки. Я удивляюсь какъ не отнесены онѣ тоже къ убійству и не приписаны рукѣ Н. А. Всѣ же эти улики, вмѣстѣ взятыя и уничтожающіяся при строгомъ анализѣ, доказываютъ только, какъ мало постигается у насъ вообще, что такое улика въ преступленіи и какъ искуственный подборъ какъ бы уликъ, псевдо-уликъ, лишь бы ихъ было много по счету, вполнѣ достаточенъ для осужденія людей, хотя бы въ ихъ дѣйствіяхъ не было ничего, имѣющаго какое бы то ни было отношеніе къ преступленію, кромѣ ихъ случайной близости по времени и мѣсту къ преступленію еще не доказанному, но предполагаемому совершившимися.

За Габисоніею стояли въ категоріи прислуги Зурабъ Коридзе и Иванъ Мгеладзе, оба умершіе, оба подлежащіе и упоминовенію и разбору нынѣ съ одной лишь стороны, не признались ли они въ прямомъ и непосредственномъ участіи въ преступленіи и не усиливаетъ ли ихъ участіе подозрѣнія, падающаго на остальныхъ. Иванъ Мгеладзе убилъ большую злющую собаку и заперъ остальныхъ. Если предположить, какъ долженъ былъ дѣйствовать судъ, что оба эти дѣйствія совершены по приказанію Д. Чхотуа, то затѣмъ участіе Мгеладзе, видимое и доказанное, сведется до нуля. Если, не получивъ приказанія, онъ заперъ собакъ въ сторожку, то и въ такомъ случаѣ я уже доказалъ, что это обстоятельство безразлично; кромѣ того оно опровергается показаніемъ кн. Тумановой, что собаки не были заперты.

О Зурабѣ Коридзе, появившемся первымъ послѣ исчезновенія Н. Андреевской есть два совершенно противоположныя обстоятельства въ показаніяхъ В. Андре-

евской, съ которыми, по причинѣ уже разсмотренной, должно обходиться очень осторожно.

Въ показаніи отъ 25-го іюля В. Андреевская говоритъ: Я стала звать Нину, потомъ позвала Зураба, Зурабъ крикнулъ «сейчасъ» и съ полчаса не являлся; послѣ чего явился и сказалъ, что раздѣвалъ Д. Чхотуа.

Въ показаніи 29-го іюля она говоритъ: черезъ 1/4 часа, послѣ ухода Нины, услыхавъ трескъ въ корридорѣ, я крикнула Зураба, онъ отвѣтилъ: «сейчасъ»! и пришелъ черезъ полчаса, когда огарокъ уже догоралъ. Я приказала ему убрать огарокъ и принести свѣчку.

По показанію ея 9-го ноября она говоритъ: Я вышла въ корридоръ, съ удивленіемъ увидѣла свѣчку на полу у двери и услышала приближающіеся шаги изъ комнаты Д. Чхотуа. То былъ Зурабъ, шедшій босикомъ.

Разницы малехонькія но онѣ существенны. Это обстоятельство о сапогахъ наводитъ на мысль, что сапоги были мокрые, когда барышню топили. Къ счастію, мокрыхъ сапоговъ нигдѣ въ домѣ не оказалось, а простонародіе какъ во всемъ свѣтѣ, такъ и здѣсь любитъ ходить босикомъ; что же касается до мѣста, гдѣ В. Андреевская встрѣтилась съ Зурабомъ, то его откровенное признаніе: «Я иду отъ Чхотуа», разомъ упрощало вопросъ. Нѣтъ, нужно было, чтобъ Зурабъ не самъ сказалъ, что его накрыли возвращавшимся отъ Чхотуа и вотъ почему во второмъ показаніи его замѣтили въ корридорѣ.

Такъ или иначе Зурабъ могъ раздѣвать Чхотуа, а такъ какъ противъ него нѣтъ никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ вымученнаго признанія средствами, которыя осудилъ окружной судъ, то я не сомнѣваюсь, что за полнымъ отсутствіемъ данныхъ о мѣрѣ участія Зураба Коридзе, вы, гг. судьи, если бы его судили, то тотчасъ же и оправдали бы его.

Остается оправданный Николай Чхотуа, котораго несчастіе заключается въ томъ, что онъ жилъ въ домѣ

Шарвашидзе и, повидимому, спалъ въ моментъ, когда Н. Андреевская пропала. Говорятъ, что въ послѣднемъ словѣ онъ сказалъ: «г. прокуроръ во всей своей рѣчи обо мнѣ не упомянулъ ни слова, что же мнѣ послѣ того говорить въ мою защиту»? Свобода, которая выпала на долю Николая Чхотуа оспорена апелляціоннымъ протестомъ г. товарища прокурора. Первый разъ судъ сказалъ: убійство совершено чрезъ домашнихъ, но кѣмъ, нѣтъ никакой возможности выслѣдить и указать прямо на одну какую нибудь личность. Совершено съ участіемъ домашнихъ, слѣдовательно, нужно привлечь къ суду всѣхъ домашнихъ безъ изъятія. Если Д. Чхотуа согласилъ слугъ, то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ согласить брата. При этомъ по послѣднимъ показаніямъ В. Андреевской, Николай Чхотуа слишкомъ скоро выскочилъ изъ комнаты и къ тому же одѣтый, на зовъ Варвары Андреевской, слѣдовательно, онъ притворялся, слѣдовательно, онъ зналъ и участвовалъ по предварительному съ ними соглашенію. Вся система доказательствъ состоитъ въ ссылкѣ на отвергнутыя судомъ вымученныя и купленныя сознанія Мгеладзе и Коридзе, которыя я теперь обхожу, предоставляя ихъ себѣ разсмотрѣть потомъ, когда, разобравъ и установивъ исторію происшествія, я перейду къ исторіи возникновенія сказокъ, легендъ и иныхъ фальсификацій происшествія. Теперь я имѣю дѣло только съ показаніемъ В. Андреевской, но прежде всего я долженъ повторить, что показанія ея раздваиваются по нѣкоторымъ интереснымъ пунктамъ, и что сторонамъ приходится либо выбирать любое, либо отвергнуть всѣ, какъ противорѣчивыя и не провѣренныя на судѣ, слѣдовательно, заставляющія предположить либо о слабыхъ умственныхъ способностяхъ, либо о внѣшнемъ давленіи, безъ всякой возможности возстановить нынѣ истину,

29 іюля В. Андреевская, не упомянувъ о пожарѣ, показала, что она стала звать Нину, и пошла съ Зурабомъ искать ее къ саду. „Мы разбудили Николая Чхотуа (въ нижнемъ этажѣ возлѣ кухни), который, повидимому,

спалъ въ то время. Отъ этого крика проснулся (въ верхнемъ этажѣ) Д. Чхотуа и спросилъ: «Что такое»? Потомъ одѣлся, побѣжалъ весь взволнованный.“ Между тѣмъ въ показаніи 5 ноября она говоритъ: „Около 8½ часа Нина пришла со двора, сказавъ, что пожаръ вспыхнулъ гдѣ-то, что на пожаръ будто бы смотрѣли Николай Чхотуа и прислуга. Черезъ часъ, слѣдовательно въ 9½ часа, у Ник. Чхотуа свѣча уже не горѣла; я не входила въ комнату, я стояла внѣ (не смотрѣла же она сквозь щель въ комнату молодаго человѣка), я только втолкнула Зураба со свѣчею. Чхотуа сдѣлалъ видъ проснувшагося, но онъ проснулся быстро; я не вѣрю чтобы онъ спалъ, я не знаю, какъ онъ былъ одѣтъ (не спалъ же голый?), былъ ли онъ прикрытъ одѣяломъ; не знаю, что онъ надѣлъ, надѣлъ ли онъ сапоги (слѣдовательно, былъ, можетъ быть, босъ). Когда онъ вышелъ на дворъ, то отворилось верхнее окошко, въ бѣлой рубашкѣ высунулся Д. Чхотуа и спросилъ: «что такое»?

Извѣстно, какъ не благопріятны для подсудимыхъ послѣднія показанія Варвары Андреевской въ сравненіи съ первыми, и какъ ни объяснять ихъ, давленіемъ ли извнѣ, системою ли допросовъ, или убѣжденіемъ, мало по малу проникшимъ въ душу старушки, что дочь ея убита, убѣжденіе, котораго она сначала не имѣла. Но даже и въ этомъ допросномъ пунктѣ, кромѣ субъективнаго „мнѣ не вѣрится, чтобы онъ спалъ“, не сказано ничего далѣе о снѣ, котораго она и не могла, стоя внѣ комнаты и наблюдать, а выходитъ, что Н. Чхотуа, вѣроятно, былъ босъ, въ бѣльѣ лежалъ подъ одѣяломъ, слѣдовательно, въ положеніи совершенно противномъ тому, какое изображено въ прокурорскомъ протоколѣ. Если-бы за часъ до исчезновенія Н. Андреевской Николай Чхотуа и смотрѣлъ на пожаръ, то и это еще ничего бы не значило; но, гг. судьи, замѣтьте, что его наблюденія за пожаромъ ни чѣмъ не подтвердились. Записаны слова Н. Андреевской: „Матушка, подите, посмотрите на пожаръ, Н. Чхотуа отправился

смотрѣть на него“—вставка странная: съ какой стати то обстоятельство, что Н. Чхотуа смотрѣлъ на пожаръ, могло повліять на В. Андреевскую, чтобы и она пошла носмотрѣть на пожаръ. Это одинъ изъ тѣхъ позднѣйшаго происхожденія узоровъ, которыми рождающаяся легенда старалась сшить расползающіеся свои элементы, изъ которыхъ выкраивалось исподоволь и постепенно обвиненіе. Но изъ этого матеріала зданіе не выстраивается, какъ не выстраивается домъ изъ пуху или каналъ изъ масла. Допустимъ, что Н. Чхотуа притворялся, что онъ залѣзъ въ подушки, чтобы не быть при совершеніи или послѣ совершеннаго ужаснаго событія. Судите его, но судите по закону. Но законъ обойденъ, какъ будто онъ вовсе неизвѣстенъ обвинителю и я невольно задаюсь вопросомъ: извѣстно ли обвинителю, что въ преступленіи, совершенномъ нѣсколькими лицами сообща, нужно прежде всего, по 11 ст. улож., предварительно рѣшить, было ли это преступленіе совершено скопомъ, безъ предварительнаго соглашенія, или по предварительному соглашенію? Вопросъ этотъ не разобранъ, хотя и рѣшенъ безъ всякихъ мотивовъ въ послѣднемъ смыслѣ. Но въ такомъ случаѣ нужно сдѣлать переборку всѣхъ участвующихъ и только подводя подсудимыхъ подъ извѣстныя категоріи, казнить ихъ по мѣрѣ участія въ преступленіи, какъ сказано въ заголовкѣ предъ 117 ст. Куда же прикажете отнести подсудимыхъ, какъ того требуетъ 13 ст., не говоря уже о Д. Чхотуа, котораго вы зачисляете и въ зачинщики, и въ подстрекатели, и, вѣроятно, въ физическіе виновники? Онъ конечно, атаманъ цѣлой разбойничьей шайки. Онъ Ванька Каинъ или Стенька Разинъ. Но остальные? Габисонія участвовалъ тѣмъ, что у него болѣла голова и что былъ оцарапанъ. Но участвовалъ ли онъ въ совершеніи преступленія, или въ сокрытіи слѣдовъ его? Н. Чхотуа участвовалъ только тѣмъ, что влѣзъ въ подушки и лежалъ прикрытый одѣяломъ. Кого онъ подтсрекалъ? Какой онъ могъ имѣть къ совершенію преступленія мо-

тивъ? Откуда видно, что онъ физически участвовалъ? Предположеніе, что Д. Чхотуа, завлекая домашнихъ, завлекъ быть можетъ и брата, оказывается фальшивымъ и не вѣрнымъ, именно потому, что всякій любитъ брата и, задумавъ преступленіе, не втянетъ, а напротивъ изъ любви выгородитъ его тѣмъ болѣе, что въ физическомъ его участіи не было необходимости, въ виду и трехъ человѣкъ прислуги, и неопредѣленнаго быть можетъ сотеннаго числа таинственныхъ незнакомцевъ. Чѣмъ онъ помогалъ къ подготовленію преступленія, чтобы быть отнесеннымъ въ сообщники? Имѣлъ ли онъ одинъ достаточную силу, чтобы помѣшать преступленію? Слѣдовательно, можетъ быть онъ отнесенъ къ рязряду попустителей? Что онъ укрывалъ, чтобы можно было его отнести къ рязряду укрывателей? Самое большое, что его могло постигнуть—это подведеніе его по 15 ст. улож., подъ категорію недоносителей о преступленіи уже содѣянномъ, но тутъ самъ законъ, а именно ст. 128, какъ Архангелъ становится на его стражѣ и прикрываетъ его своими крыльями. Наказаніямъ за не донесеніе о содѣянномъ преступленіи не подвергаются недонесшіе родители на дѣтей, дѣти на родителей, супруги на супруговъ, родные братья и сестры на родныхъ братьевъ и сестеръ. Преслѣдуя всѣхъ виновныхъ и въ томъ числѣ Н. Чхотуа безъ разбора, безъ раздѣленія на категоріи, безъ мѣры вины, обвиненіе поступаетъ суровѣе, чѣмъ по горскимъ адатамъ (обычаямъ). По этимъ адатамъ только опредѣленное число домашнихъ дѣлается за убійство отвѣтственнымъ.

Обвиненіе же требуетъ выдачи головою всѣхъ домашнихъ безъ исключенія,—отчего - же и не тѣхъ собакъ или щенковъ, которые тоже обнаружили нѣкоторое участіе въ преступленіи тѣмъ, что не лаяли въ вечеръ 22-го іюля?

Я разобралъ всѣ доказательства событія преступленія; ихъ нѣтъ. Самое большое что можно извлечь—это двоящееся предположеніе: можетъ быть утонула, можетъ

быть утоплена; мало вѣроятности, чтобы была удавлена и брошена въ воду. Я разобралъ прикосновенность къ злому дѣлу; если оно было твореніемъ рукъ домашнихъ, то оказывается, что никто изъ нихъ не прикасался, что связь ихъ съ преступленіемъ основана только на томъ, что они домашніе. Но въ дѣлѣ преступленія, даже доказанномъ, есть еще нѣчто третье, кромѣ мертваго тѣла да и движенія рукъ убійцъ, а именно та душевная пружина, которая приводила руки въ дѣйствіе, сердечное побужденіе, первоначальный импульсъ, мотивъ. Для полной ясности дѣла необходимо, чтобы существовали всѣ три элемента, обнаруженные или намѣченные, и при отсутствіи котораго либо изъ нихъ, дѣло точно статуя безъ головы, или безъ рукъ, или безъ туловища. Въ крайнемъ случаѣ субъективный человѣкъ, по скудости средствъ познанія, довольствуется двумя, когда можетъ догадываться о существованіи третьяго. Внѣшняя сторона дѣла раскрыта: есть убійство, есть физическій виновникъ, дѣйствовавшій въ состояніи вмѣняемости, тогда нужно предположить, что онъ имѣлъ цѣль, потому что только сумасшедшіе дѣйствуютъ безъ достаточнаго основанія, а меньше всего безпричинность можетъ быть приписана волѣ. Всего чаще случается въ судѣ уголовномъ и при томъ въ судѣ съ присяжными, вести мостъ воздушною аркою между дослѣженнымъ фактомъ убійства и несомнѣнными мотивами и дѣлать заключеніе о невѣдомомъ преступникѣ. Наконецъ, бываетъ, и это еще рискованнѣе, когда предполагаемый убійца похваляется, что онъ убилъ своего явнаго врага, на немъ найдены царапины и ссадины, обнаружено окровавленное платье предполагаемаго убитаго. Убійца осужденъ,—но во всѣхъ уголовныхъ лѣтописяхъ вы найдете случаи, что такіе убитые воскресали и въ старой практикѣ выработалось даже правило не обвинять безъ наличнаго corpus delicti.

Во всякомъ случаѣ мотивъ все равно что улика, клѣтка и сердце состава преступленія. Мотивы должны

быть хотя бы отмѣчены; въ приговорѣ должна быть, по крайней мѣрѣ, указана ихъ возможность, слѣдовательно, вѣроятность того, что, хотя не раскрытые, они существуютъ. Приговоръ суда о мотивахъ даже не заикнулся, онъ просто обошелся безъ нихъ. Онъ просто намъ далъ постройку преступленія безъ грудной клѣтки и сердца, какъ будто бы такъ и слѣдуетъ быть, такъ что по ихъ недостатку мы должны обратиться къ обвинительному акту, котораго намеки должно быть не подтвердились, коль скоро не вошли въ приговоръ.

Какіе же мотивы подходятъ подъ предполагаемыя дѣйствія подсудимыхъ, и прежде всего челяди? Даже въ обвинительномъ актѣ нѣтъ никакихъ, благо они челядь, чернь, толпа, о которой на всемъ свѣтѣ мало заботятся, предполагая, что, легко завлекаемая вожакомъ, она пойдетъ какъ панургово стадо; къ этому присоединяются чисто мѣстныя причины, нѣсколько высокомѣрное отношеніе къ горцамъ. Объ этихъ абхазцахъ, напр., говорятъ мнѣ со всѣхъ сторонъ: абхазецъ готовъ зарѣзать за абазъ, готовъ зарѣзать даромъ. Изъ этого взгляда при условіяхъ мѣстной среды и обстановки создается даже и у весьма образованныхъ, но обжившихся здѣсь людей, странное міросозерцаніе. Признаюсь, что отъ такихъ сужденій невольно морозъ подираетъ по кожѣ пріѣзжаго и кажется ему, что у суда должна быть одна мѣрка, и что этою мѣркою надо было бы судить даже дикихъ краснокожихъ и даже австралійскихъ аборигеновъ.

Каждый изъ насъ—человѣкъ Божій. Я полагаю, что вы ихъ будете судить по человѣчески, какъ людей, хотя они и абхазцы. Но въ такомъ случаѣ вы примете въ разсчетъ то обстоятелъство, что не всѣ изъ этой челяди были въ такомъ подчиненіи у Д. Чхотуа, чтобы они рѣшились на все или по матеріальной отъ него зависимости, или потому, что Гизо называетъ ésprit de clan, чувство солидарности всѣхъ членовъ рода—клана къ старшему, которому слѣдуетъ повиноваться. Какое

такое подчиненіе, или какую привязанность могъ питать такой, наприм., Габисонія, безъ году недѣлю пребывавшій въ домѣ Шарвашидзе, нанятый за 8 или за 9 дней до происшествія. О Н. Чхотуа нѣтъ уже и помину.

Предполагаютъ, что онъ былъ увлеченъ старшимъ братомъ, хотя упускаютъ изъ виду, что братъ то и долженъ былъ помѣшать ему втягиваться безъ нужды въ дѣло убійства. Остается Давидъ Чхотуа. Изъ двухъ мотивовъ, только и возможныхъ въ настоящемъ случаѣ: корысти и злобы, прежде всего отпадаетъ корысть. Н. Андреевская не была ограблена, одна или двѣ вещицы съ медальономъ или остались на днѣ рѣки, или пропали у рыбаковъ. Смерть ея никому матеріальной выгоды не доставила, кромѣ какъ стоявшему вдали отъ всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ и жившему тогда въ Одессѣ брату ея Константину. Итакъ злоба, но спрашивается за что? Занимаясь геологіею въ Петербургскомъ университетѣ, самъ кавказецъ, Д. Чхотуа пріѣхалъ въ 1870 году въ Одессу и сталъ вхожъ въ полукавказскій домъ бывшаго доктора при князѣ Воронцовѣ, женатаго на княжнѣ Тумановой и породнившагося съ Орбеліани. Знакомство началось еще при жизни Э. Андреевскаго. Въ домѣ этомъ онъ былъ принятъ точно родной послѣ женитьбы на одной изъ Андреевскихъ его молочнаго брата князя Шарвашидзе. Его отношенія съ бойкой, живой, имѣвшей много мужескаго, рѣшительнаго и занимавшейся естественными науками Ниной, были милыя, дружескія. Въ 1872 году умеръ Эрастъ Андреевскій. Сестрамъ достались домъ и имѣнія на Кавказѣ, которые съ 1872 года по 1876 годъ оставались въ нераздѣльномъ владѣніи сестеръ, но приносили мало дохода, потому что нельзя было подыскать умѣлыхъ и добросовѣстныхъ управляющихъ. Не оправдалъ довѣрія Анищенко, не поправилъ дѣла Вейсенфельдъ, тогда Шарвашидзе и упросилъ Д. Чхотуа взять на себя управленіе имѣніемъ. Человѣкомъ добрымъ его назы-

валъ еще покойный Андреевскій. Управляющій онъ былъ не важный. Но если въ немъ не видать качествъ управляющаго, то съ другой стороны тѣ даже, которые называютъ его скупымъ, говорятъ, что онъ былъ честный человѣкъ и даже честнѣйшій, какъ отозвался объ немъ редакторъ газеты *Дроэба* С. Месхи.

Во всякомъ случаѣ онъ былъ свой, вѣрный человѣкъ и за управленіе имѣніемъ, которое, по словамъ кн. Анчабадзе, стоитъ болѣе двухъ сотъ тысячъ руб., бралъ всего 600 руб., а потомъ, по предложенію кн. Шарвашидзе, 1,200 руб. въ годъ.

Будучи приглашенъ на это мѣсто, Чхотуа бросилъ Петербургъ, заключилъ условіе въ ноябрѣ 1874 г., но сталъ управлять имѣніемъ съ апрѣля 1875 года. Такимъ образомъ управлялъ годъ до давно желаннаго и предвидѣннаго момента раздѣла.

Въ цѣломъ раздѣлѣ этомъ онъ былъ фигурантъ, лице, являющееся только ради церемоній для приложенія къ акту своей подписи. Раздѣлъ условленъ былъ заранѣе еще въ Варшавѣ, когда мать съ дочерью посѣщали жену Шарвашидзе. Надобно было предварительно заложить имѣніе, потому и выслана была довѣренность нѣкоему Мирзоеву, который, по словамъ Шарвашидзе, и оцѣнилъ домъ въ 22 т. р. Но Мирзоеву было некогда, вслѣдствіе того была дана довѣренность на имя Давида Чхотуа, посланная при письмѣ Н. Андреевской изъ Одессы. Письмо это замѣчательно. Она, между прочимъ, пишетъ: «Это въ сущности одна формальность, потому что мы въ Одессѣ согласились на полюбовный раздѣлъ». Довѣренность эта служила только для предварительныхъ дѣйствій, потому что, когда В. и Н. Андреевскія пріѣхали 29 іюня и остановились въ гостинницѣ «Европа», то составить раздѣлъ на основаніяхъ, предложенныхъ въ Варшавѣ со стороны кн. Шарвашидзе, взялся кн. Анчабадзе, а со стороны Н. Андреевской ихъ старинный 65 лѣтній знакомый Ониковъ. Соглашеніе состоялось и относительно дома, по оцѣнкѣ

Мирзоева, и относительно имѣній. Шарвашидзе далъ Нинѣ вексель въ половину стоимости дома, а именно въ 11 т. р. Вексель былъ изорванъ потомъ братомъ ея, Константиномъ. Представителями сторонъ были Филковъ и Анчабадзе. Облечь полюбовный раздѣлъ въ форму третейскаго приговора упрошенъ былъ нѣкто Виссаріонъ Гогоберидзе. Анчабадзе и Ониковъ составили двѣ равныя части. Подававшему чай, лакею Оникова, Леванидзе, приказано было позвать мальчика съ улицы для вынутія жребія, и жребій вынутъ: на долю Нины выпалъ лѣсъ въ Дрэ, въ которомъ производилась уже рубка по распоряженію Шарвашидзе и Чхотуа. По словамъ Ал. Сулханова, Оникова и Гогоберидзе, когда жребій былъ вынутъ, то Нина сказала Шарвашидзе: «Георгій, ты хотѣлъ лѣсъ, помѣняемся», но Шарвашидзе не принялъ этого предложенія. Это обстоятельство разсѣваетъ всѣ выводы, основанные на лакейскихъ соображеніяхъ Леванидзе о томъ, что Шарвашидзе не былъ доволенъ, недопилъ чаю и уѣхалъ. Они опровергаются и тѣмъ, что beau frère и belle soeur остались въ дружескихъ отношеніяхъ, которыхъ я еще коснусь.— Какъ только раздѣлъ совершился, надо было пріостановить рубку лѣса въ Дрэ; новая владѣлица, входя во всѣ свои права и видимо наслаждаясь ихъ пользованіемъ, поѣхала на мѣсто, созвала крестьянъ и въ присутствіи ихъ, а также Д. Чхотуа и Сулханова, племянника Оникова, заявила себя владѣлицей, указала на Сулханова, какъ на новаго управляющаго и какъ на человѣка, къ которому съ тѣхъ поръ они должны обращаться въ своихъ нуждахъ и со своими требованіями. При этомъ случаѣ, разсказывалось Сулхановымъ, что Д. Чхотуа былъ скученъ и поблѣднѣлъ; по словамъ Баграта-Швили, онъ металъ на Сулханова столь злобные взгляды, что Баграта-Швили опасался за жизнь Сулханова и держалъ ружье наготовѣ.

Я не придаю этимъ показаніямъ сулхановскимъ никакого значенія потому, что фактъ наблюденія можетъ

быть явился у Сулханова ретроспективно. Онъ трудно констатируется; такъ могло Сулханову показаться; что касается Баграта-швили, то онъ, какъ видно, дикарь, и какъ дикарь судилъ объ отношеніяхъ людей образованныхъ и при томъ такъ мало понималъ въ чемъ дѣло, что принималъ все время Д. Чхотуа за Константина Андреевскаго, на котораго опять незачѣмъ было бросать гнѣвные взгляды, да притомъ гнѣвныхъ взглядовъ никто не замѣчалъ кромѣ этого дикаря. Ни самъ фактъ, ни его формы не оправдывали ни въ малѣйшей степени предположенія, чтобы Д. Чхотуа могъ быть недоволенъ назначеніемъ новаго управляющаго. По разсказамъ очевидцевъ, Н. Андреевская не сказала никакихъ обидныхъ словъ и не сдѣлала обидныхъ намековъ для Д. Чхотуа. Назначеніе же новаго управляющаго было существенно важно и практически необходимо, какъ для того, чтобы отмѣтить перемѣну порядка, разницу стараго отъ новаго, такъ и для того еще, чтобы дать волю своему доброму и благородному сердцу, привлечь къ себѣ крестьянъ и провозгласить программу цѣлой новой помѣщичьей политики. Дѣло въ томъ, что, по показанію, весьма вѣроятному, свидѣтеля объѣздчика осетина Алексѣя Текета-Швили на этомъ имѣніи лежалъ отцовскій грѣхъ. Эрастъ Андреевскій заставилъ крестьянъ до ихъ освобожденія подписать прошеніе, въ которомъ они назывались «хизанами». Вслѣдствіе этого они не получили надѣла. Конечно, исправить зло не было возможности при общемъ владѣніи, но первымъ дѣломъ Н. Андреевской было объявить, что они получатъ землю. Минута была торжественная и сильно могла растрогать присутствовавшихъ, вотъ почему могъ поблѣднѣть Д. Чхотуа. Что Н. Андреевская дѣлала крестьянамъ заявленія по необходимости своего положенія, а не для того, чтобы кольнуть Д. Чхотуа, и заявленіе не могло быть понимаемо какъ только въ видѣ дѣйствительной необходимости и со стороны самаго Чхотуа, что я заключаю изъ того, что и новый управляющій не

былъ человѣкъ окончательный. Г. Сулхановъ, племянникъ Оникова, имъ рекомендованный, былъ взятъ на время; это несомнѣнно изъ письма, найденнаго на столикѣ Н. Андреевской и писаннаго ею утромъ 22 іюля къ своему учителю Іосифу Васильевичу Романовскому, управляющему одесскимъ домомъ. «Можетъ быть мой повѣренный Сулхановъ (назначенный на прошлой недѣлѣ) окажется также честнымъ человѣкомъ; до сихъ поръ онъ очень старателенъ... Но вы всетаки пріищите надежнаго грузина. Мы съ маменькой только на васъ можемъ полагаться». Былъ ли смыслъ мѣнять Д. Чхотуа на Сулханова, а вмѣстѣ съ тѣмъ выписывать новаго управляющаго отъ Романовскаго; очевидно, практичнѣе было подождать новаго, оставивъ управленіе при Чхотуа. Нельзя было не перемѣнить въ одномъ только случаѣ, если бы самъ Чхотуа отказался. Есть обстоятельства, дѣлающія этотъ отказъ фактомъ, почти несомнѣннымъ, и прежде всего слова Сулханова, который говоритъ, что отношенія между Н. Андреевской и Д. Чхотуа были самыя вѣжливыя. Д. Чхотуа самъ отказался отъ званія управляющаго, чтобы не навлечь на себя нареканій изъ боязни, чтобы къ нему не отнеслись недовѣрчиво. Не повѣрите Сулханову, такъ повѣрьте матери. Въ этомъ дѣлѣ какъ бы условлено брать изъ ея показаній только то, чѣмъ она обвиняетъ, а не то, чѣмъ она оправдываетъ Д. Чхотуа. Между тѣмъ въ показаніи 28 іюля она говоритъ, что у Нины никакой непріязни къ Д. Чхотуа не было. Чхотуа никогда не выражалъ желанія быть управляющимъ имѣніемъ Нины; при томъ онъ ничего не знаетъ въ дѣлѣ управленія. Въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія нато, чтобы онъ напрашивался. Единственный свидѣтель въ этомъ родѣ лѣсной сторожъ Ковальскій, слышавшій это отъ неподтвердившаго ссылки лѣсника Георгія Модебадзе. Я потомъ объясню происхожденіе этой сказки. Между сторонами можетъ быть все обошлось безъ всякихъ объясненій; случилось то, что бываетъ между короткими и хоро-

шими знакомыми, изъ деликатности они не станутъ другъ у друга одолжаться, другъ къ другу нанниматься, чтобы не испортить своихъ хорошихъ отношеній. Внѣ дѣловыхъ отношеній, неподающихъ повода къ злобѣ и даже къ размолвкѣ, не обнаружено ни малѣйшихъ поводовъ къ неудовольствію, ни малѣйшаго намека, на которомъ можно было бы построить романъ отвергнутой любви. За неимѣніемъ личнаго мотива стали подозрѣвать, что Д. Чхотуа есть только ширма, что за нимъ дѣйствовали другія темныя силы. Два тома дѣла посвящены обслѣдованію въ Кутаисѣ, что ѣлъ, гдѣ былъ, съ кѣмъ разговаривалъ кн. Шарвашидзе съ своимъ повѣреннымъ, кн. Анчабадзе. Они не были привлечены къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, но я полагаю, что гораздо лучше положеніе подсудимыхъ, нежели людей, относительно которыхъ слѣдователемъ дается предложеніе кутаисской полиціи узнать между какими лицами вращался кн. Шарвашидзе и не готовился ли онъ послать въ Россію убить своего шурина К. Андреевскаго, или о которыхъ составляется постановленіе, что для окончательнаго убѣжденія въ виновности Шарвашидзе и Анчабадзе въ убійствѣ не достаетъ только телеграммъ ихъ къ Д. Чхотуа. Между тѣмъ и телеграммы на лицо, и все таки первоначальное убѣжденіе въ убійствѣ остается подъ спудомъ. Пришлось признать, что кн. Шарвашидзе не могъ имѣть ни малѣйшаго интереса въ смерти Н. Андреевской, такъ какъ не жена его наслѣдовала по закону все ея имущество, а братъ ея Константинъ, что досужія предположенія о томъ, что кн. Шарвашидзе нѣчто въ родѣ того шейха, который во время крестовыхъ походовъ посылалъ на Ричарда Львиное сердце и Филиппа Августа своихъ убійцъ, не внесены даже въ обвинительный актъ. Безсиліе и нищета этихъ предположеній не помѣшали помѣщенію въ обвинительномъ актѣ нѣскольких парфянскихъ стрѣлъ, пущенныхъ назадъ убѣгающихъ всадниковъ, не сказано, что подозрѣнія не подтвердились, а намѣчено только, что

не добыто данныхъ къ возбужденію обвиненія и не открыто, къ несчастію, надлежащихъ уликъ, какъ будто бы есть мѣсто какимъ либо уликамъ, когда признается, что смерть не могла принети пользы, и что не могло быть болѣе интимныхъ отношеній, какъ тѣ, которыя существовали между Ниной и ея зятемъ. Она умерла, когда не обсохли еще чернила на письмѣ ея, которое она должна была въ 9 ч. утра слѣдующаго дня отправить въ Кутаисъ съ Д. Чхотуа. Она пишетъ: «Дорогой Георгій! Portez vous bien, cher princillo, n'oubliez pas votre belle soeur, qui vous embrasse et vous aime bien. — Nina, citoyenne mocalaque de Tiflis». Далѣе она пишетъ, что купила мѣсто на домъ и была страшно рада.

Я полагаю, что тѣмъ можно и покончить главу мотивовъ преступленія. Нигдѣ, ни въ комъ не обнаружено никакихъ мотивовъ, да ихъ и не было. Событія 22 іюля развертываются предъ нами просто, естественно, прямолинейно, словно хронологически они укладываются въ слѣдующемъ порядкѣ.

Передъ нами носится яркій, живой, рельефный образъ женщины, молодой, исполненной жизни и силы, имѣющей всѣ задатки долгой, счастливой жизни, полезной для себя и для другихъ. Хотя грузинка по матери, Н. Андреевская по складу ума, наклонностямъ, закалу характера въ полномъ смыслѣ русская женщина, въ лучшемъ смыслѣ слова, сама во все вникающая и рѣшающаяся на дѣло самостоятельно. Свидѣтель Меликовъ привелъ, между прочимъ, на судѣ ея слова, сказанныя кн. Анчабадзе: «Я русская женщина, люблю, чтобы все дѣлалось прямо, оканчивайте ваши акты, потомъ я поѣду и подпишу». Это была притомъ русская женщина новѣйшей формаціи, бойкая, веселая, рѣзвая, смѣлая, съ широкимъ умственнымъ горизонтомъ, незнающая предѣловъ. Она любила Бокля, читала Дарвина и Геккеля; по словамъ кн. Варвары Тумановой, знала медицину. По словамъ студента Донаіани, знававшаго ее съ 1868 по 1870 г., занималась жен-

скимъ вопросомъ, мечтала о докторствѣ и о путешествіяхъ, разсказывала живо, огненно, съ увлеченіемъ, одѣвалась чрезвычайно просто, даже неряшливо, съ мужчинами становилась тотчасъ на товарищескую ногу, была рѣзка, отважна, по выраженію Варвары Тумановой, говорила, смѣясь, что трусятъ однѣ бабы. При такихъ условіяхъ понятно, что она подчинила себѣ всѣхъ окружающихъ, что она вполнѣ подчинила себѣ мать. По словамъ кн. Тумановой, мать все дѣлала по волѣ Нины еще въ бытность ихъ въ 1876 году въ Кисловодскѣ. При этихъ смѣлыхъ полетахъ въ область мышленія, живомъ и трезвомъ разсудкѣ, стремленіе къ реальному, при рѣзкости и вирильности въ манерахъ,— полное отсутствіе, или, по крайней мѣрѣ, полное подчиненіе чувственности, похоти и того, что называется плотскимъ инстинктомъ.

Она другая Діана, она между женщинами другой Карлъ XII. Объ ней говоритъ Шарвашидзе: «она была чужда всякаго романтизма». О ней всѣ говорятъ, что она никого, что называется, не любитъ; она смѣялась, когда говорили о любви, это говоритъ Донаіани. Она говорила домашнимъ, что никогда не выйдетъ замужъ. При этомъ пугливомъ цѣломудріи, при этой стыдливости, мѣшающей ей обнажаться при сестрѣ и матери, при этомъ крѣпкомъ умѣ и закаленномъ характерѣ, трудно было и выйти замужъ, ей трудно было подыскать человѣка, котораго превосходство она бы признала и потому къ нему привязалась. Н. Андреевская выходила изъ ряда женщинъ, но и рѣдкій мужчина былъ бы ей парой, его бы надо было со свѣчей поискать.

Дѣловитость Н. Андреевской проявилась и въ раздѣлѣ. Она даетъ для формы довѣренность, но условія продиктованы ею лично и сдѣлка совершена толково, разсчетливо, съ полнымъ пониманіемъ своего интереса. Послѣ раздѣла, Нина, со свойственной ей принципіальностью и со сметкою, стала пріискивать себѣ управляющаго, за отказомъ Д. Чхотуа, бывшаго интермаль-

нымъ управляющимъ, что нисколько не возмутило добрыхъ ея отношеній къ братьямъ Чхотуа. По познаніямъ и происхожденію, она не могла не относиться къ Д. Чхотуа, какъ къ человѣку своего общества и, конечно, не могла раздѣлять ретроградныхъ предразсудковъ своей матери: «какое же они намъ общество, они служатъ на жалованьи?» Еще въ бытность Шарвашидзе въ Тифлисѣ, онъ предложилъ Андреевскимъ переѣхать въ свой домъ, но онѣ не переѣхали, боясь стѣснить князя, къ которому ходило много молодыхъ людей, а они могли быть ими стѣснены. Послѣ отъѣзда Шарвашидзе, онѣ вдругъ воспользовались приглашеніемъ и переѣхали по инициативѣ Нины. Это утверждаетъ прямо В. Туманова, это утверждаетъ и мать, объясняя переѣздъ такъ: Нинѣ, которая любила все устраивать и укладывать, пришла мысль наклеить ярлычки на вещи въ домѣ Шарвашидзе, ей принадлежащія. Положеніе въ домѣ оказалось не очень удобное не потому, чтобы Д. Чхотуа не былъ предупредителенъ, но по недостатку подходящей прислуги. На всемъ свѣтѣ прислуга такова, что родственники господъ для нихъ люди чужіе, которымъ служатъ они нехотя, если не ублажать ихъ подарками, а мать и дочь—женщины разсчетливыя. Какая притомъ прислуга изъ неуклюжихъ абхазцевъ или осетинъ могла быть годна для дамъ такого общества и воспитанія, къ какимъ принадлежали Андреевскія? Какая горничная — Зурабъ Коридзе, двигающійся медленно, какъ автоматъ, Зурабъ Коридзе, который скажетъ флегматически «сейчасъ» и ждешь его потомъ минутъ 10 или 20? Обѣ дамы отъ этой прислуги требовали весьма малаго, сами выливали горшки, не обѣдали дома и, разумѣется, имѣли въ виду пробыть здѣсь наиболѣе короткое время, затѣмъ уѣхать; ихъ пребываніе имѣло характеръ случайности, думалось, уѣдутъ черезъ день, черезъ два.—А задержали ихъ случайно появившіяся одно за другимъ обстоятельства. Ѣздили въ Каджоры въ фаэтонѣ, въ сопровожденіи Габисоніи. По показанію свидѣтелей То-

хадзе и Хидакова, она ѣздила въ лѣсъ Дрэ и обѣщала хизанамъ, что ихъ судьба будетъ устроена была; наконецъ, была извѣстная покупка въ Тифлисѣ мѣста подъ домъ, по предложенію Сулханова, о чемъ писала Н. Андреевская въ письмѣ къ Шарвашидзе: «me voila citoyenne de Tiflis». Объ этой новой затѣѣ, задержавшей именно еще на нѣкоторое время Нину, не могъ знать Д. Чхотуа, ѣздившій съ Андреемъ Николаевымъ 20-го іюля и возвратившійся 21-го вечеромъ изъ Дрэ. 21-го онъ вернулся, а 23-го долженъ былъ ѣхать въ Кутаисъ, къ Шарвашидзе, везти отцовскую шашку, починенную въ Тифлисѣ.

У него въ промежуткѣ поѣздокъ только и было полтора дня, въ теченіи которыхъ онъ узналъ о предстоящей покупкѣ земли. Онъ предполагалъ ѣхать въ Гори. Онъ думалъ, что онѣ уѣхали. Ихъ обыкновенное времяпрепровожденіе было слѣдующее: утро онѣ проводили дома, въ 3 часа по полудни отправлялись обѣдать въ гостинницу, возвращались въ 7 часовъ вечера домой, пили чай, потомъ дамы запирались у себя и просиживали по городскому современному обычаю часовъ до 12 и до 1-го, между тѣмъ, какъ прислуга спала мертвымъ сномъ уже въ половинѣ десятаго или въ 10 часовъ и даже не свѣтился огонекъ въ корридорѣ. Такъ какъ даже за естественной нуждою дамы не выходили на дворъ, то устроеніе засады, безъ вызова ихъ изъ комнаты, было не мыслимо; вызовъ безъ мотива—тѣмъ паче. Подстроить нельзя было эту засаду такъ, чтобы попала въ руки жертва, потому что ея прогулка ночью была такая случайность, на которую никто изъ домашнихъ не могъ разсчитывать.

День 22-го іюля, прошелъ тѣмъ же порядкомъ, но съ нѣкоторыми особенностями, которыя только и могутъ быть удостовѣрены показаніями Варвары Андреевской, данными ею 23-го и 28-го іюля. 22-го былъ день ангела матери Варвары Андреевской. Дамы уѣхали туда въ 11 часовъ, видались съ Тумановыми, при-

чемъ Нина обѣщала, по словамъ княжны Тумановой, подойти въ 10 часовъ къ забору «Кружка». Заѣзжали къ Бебіеву заказать лимонаду, обѣдали въ 3 часа въ гостинницѣ «Кавказъ», потомъ пробыли до 7 часовъ у тетки, кн. Орбеліани; къ 8-ми часамъ, уже напившись чаю, пріѣхали и, заставъ Д. Чхотуа одного, такъ какъ Н. Чхотуа ѣздилъ кататься въ Муштаидъ, отказались отъ предложеннаго Д. Чхотуа чаю. Нина раздѣлась; узнавъ отъ Д. Чхотуа, что онъ ѣдетъ, написала письмо къ Шарвашидзе, которое намѣревалась передать утромъ; посидѣла нѣкоторое время, а именно до 8¼ часовъ съ В. Андреевской. Въ 8½ часовъ ушелъ Д. Чхотуа, но минутъ черезъ 10 явился Николай, посидѣлъ на террасѣ тоже минутъ 10, выпилъ чай, отъ котораго отказались дамы, но который былъ заготовленъ къ обычной порѣ прислугою и поданъ Зурабомъ. Затѣмъ прошли еще полчаса въ теченіи которыхъ Нина нѣсколько разъ входила и выходила. Въ этотъ промежутокъ времени апелляціонный протестъ вставляетъ, на основаніи показанія В. Андреевской отъ 5-го ноября, слова Нины: «пойдемъ, матушка, посмотрѣть на пожаръ, смотрятъ Н. Чхотуа и вся прислуга»,—какъ доказательство, что Н. Чхотуа не спалъ вплоть до исчезновенія Н. Андреевской, но это запоздалое показаніе подозрительно. Это было передъ уходомъ Нины со свѣчею. Если бы обстоятельства были таковы, то Андреевская, когда вышла за Ниною, натолкнулась бы на возвращавшуюся прислугу. А между тѣмъ, когда она вышла, не было ни живой души. Все успокоилось; въ 10 часовъ Нина условилась идти къ «Кружку». Настаетъ роковое время, 9½ часовъ. Въ это время совершается выходъ Нины изъ комнаты, возвращеніе ея съ огаркомъ, обмѣнъ огарка на свѣчку и уходъ Нины, сопровождаемой словами: «я скоро приду», какъ сказано въ показаніи 28-го іюля, или какъ сказано въ показаніи 5-го ноября: «я не успѣю пройти черезъ корридоръ съ этимъ огаркомъ, его вѣтеръ задуетъ, я ухожу черезъ кор-

ридоръ въ кухню за башмаками, которые отдали утромъ».

Изъ этихъ двухъ совершенно противорѣчивыхъ показаній о намѣреніяхъ Н. Андреевской надо выбрать одно. Я выбираю первое и положительно отвергаю второе, какъ несомнѣнно несостоятельное. Во-первыхъ, противно природѣ, чтобы несвѣжія воспоминанія были обстоятельнѣе, въ особенности у женщины, ослабленной лѣтами, которая въ послѣдующихъ показаніяхъ наговорила массу вещей, прямо противныхъ первымъ показаніямъ. Кромѣ того, я надѣюсь доказать, что и допросы были тенденціозны, т. е. дѣлались съ цѣлью подогнать показанія подъ факты, считавшіеся обнаруженными; во-вторыхъ, потому что для того, чтобы пройти корридоръ и вернуться, достаточно было маленькаго огарка; въ третьихъ, потому что Нина на ночь не нуждалась въ ботинкахъ, у нея были тѣ, въ которыхъ она была въ этотъ день, и опорки, и наконецъ, въ четвертыхъ, потому что не только стыдливой Нинѣ, но и всякой дѣвицѣ, дамѣ, женщинѣ не прилично идти на кухню въ то время, когда по часамъ челядь, повидимому, раздѣвается или раздѣлась и легла спать. Послѣ того и появленіе ночью между спящими мужчинами вы должны бы признать за явленіе естественное.

Итакъ, Нина сказала: «я скоро приду», не сказавъ, куда идетъ, но само взятіе свѣчки въ подсвѣчникѣ указываетъ, что она не очень скоро придетъ, или, что скорость, по крайней мѣрѣ, есть понятіе относительное. Подсвѣчникъ нуженъ былъ, чтобы поставить его у лѣстницы, гдѣ его и увидала мать, а ушла она на террасу, передъ открытымъ окномъ матери, и оттуда на спускъ купаться, по извѣданной утромъ тропинкѣ. Не брала ни простыни, ни губки, ни полотенецъ, потому что она была въ чужомъ домѣ, безъ всякихъ принадлежностей туалета и даже безъ бѣлья, котораго у нея свѣжаго, можетъ быть, и вовсе не было, такъ какъ

оно было отдано въ стирку. Но если бы оно и было въ комодѣ, она, можетъ быть, и не взяла бы его, чтобы не безпокоить мать. Не сказавъ матери, куда она идетъ, она исполнила еще поутру задуманное со свойственною ей рѣшимостію и, поставивъ подсвѣчникъ въ корридорѣ, у выхода или лѣсенки на террасу, пришла на террасу; засады здѣсь никому нельзя было устроить, потому что малѣйшій крикъ услышала бы мать и высунулась бы въ открытое окошко. По своему обычаю, она предполагала выкупаться въ бѣльѣ, послѣ чего, сбросивъ его, надѣть на босую ногу сапожки, на тѣло—черное платье и кофту. Въ то время, когда она сходила на террасу, возвращался съ противоположной стороны черезъ сторожку Мгеладзе, въ это же самое время Д. Чхотуа и звалъ къ себѣ Коридзе помочь ему раздѣться.

Легкою поступью, свѣтлою лунною ночью, Н. Андреевская спустилась по тропинкѣ, раздѣлась и, не зная мѣстности, не умѣя плавать, попала тотчасъ въ яму, глубиною въ пять аршинъ, у площадки налѣво, яму, которую изслѣдовалъ потомъ Кадуринъ.

Она потеряла почву подъ собою, захлебнулась, не испустивъ крика, потеряла сознаніе, получила нервный ударъ, къ которому ее располагало полнокровіе, и вода со свойственною Курѣ быстротою унесла ее, незамѣченную паромщиками, вдаль за Тифлисъ и до Караяза. Между тѣмъ, наступаетъ 10 часовъ, мать безпокоится, выходитъ въ корридоръ, видитъ подсвѣчникъ. По корридору раздались шаги; то былъ возвращавшійся отъ Д. Чхотуа Зурабъ, вѣроятно, съ платьемъ; на зовъ онъ по обычаю сказалъ «сейчасъ», да и не пришелъ сейчасъ, пока опять не вызвала его своимъ крикомъ В. Андреевская; тогда онъ пришелъ подпоясанный, въ архалухѣ и босой; вѣроятно, босикомъ онъ ходилъ раздѣвать и Д. Чхотуа. Съ Зурабомъ Коридзе В. Андреевская пошла поднимать на ноги всѣхъ домашнихъ, всунула ему въ руки подсвѣчникъ и втолкнула его будить Н. Чхотуа. Сама она же кричала «Нинуца» и заставила Д. Чхотуа вы-

сунуться изъ окна. Николай Чхотуа смотрѣлъ спокойнѣе, но Д. Чхотуа весь дрожалъ, пораженный неожиданнымъ извѣстіемъ. Остальное извѣстно. Явились знакомые и не знакомые, въ ихъ числѣ и Цинамзгваровъ; тотчасъ же, въ часъ ночи, возбудилось подозрѣніе въ убійствѣ; въ 2 часа прислуга была арестована; всѣ глаза были устремлены на братьевъ, Чхотуа, что бы они ни дѣлали, стояли или сидѣли, краснѣли отъ внутренняго волненія или блѣднѣли подъ устремленными на нихъ взорами пытливыхъ розыщиковъ изъ знакомыхъ враговъ. Д. Чхотуа ставятъ въ вину и то, что онъ на рѣкѣ близъ парома вглядывался пристально въ камень, наблюдая не плывущій ли это предметъ; и то, что онъ, взволнованный происшествіемъ, омочилъ руки, а можетъ быть, вспрыснулъ холодной воды на горячую голову и лицо; и то, что онъ не позволялъ трогать платье на берегу, пока не придетъ полиція; и то, что онъ говорилъ «мы погибли»; и то, что, когда внезапно пало подозрѣніе на домашнихъ, и эти люди, которыхъ онъ зналъ какъ невинныхъ, будучи неожиданно арестованы, смущались, онъ внезапно ободрилъ одного изъ нихъ спокойнымъ словомъ: «не бойся, не погибнешь, невинныхъ людей не губятъ»; и то, что, когда въ послѣдующіе дни его, оставленнаго пока на свободѣ, пронизывали пытливые взгляды публики, его лицо осунулось и губы нервно дрожали,—но вѣдь, въ такомъ положеніи въ одну недѣлю можно посѣдѣть!

Такимъ образомъ, изъ точнаго, обстоятельнаго разсмотрѣнія дѣла Н. Андреевской вытекаетъ, что ничего нѣтъ въ немъ темнаго, загадочнаго, таинственнаго, что только болѣзненное воображеніе могло искать за естественнымъ ходомъ событій какихъ-то адскихъ, страшныхъ, ужасающихъ причинъ. Дѣйствительчость оказывается безъ всякой поэзіи: она суха и прозаична.

Положимъ былъ человѣкъ молодой, исполненный будущности, слетѣлъ со второго этажа и убился на смерть; невинное дитя убито было ударомъ грома на полѣ; кра-

сивая дѣвица, купаясь, утонула,—какъ жаль, скажетъ всякій по врожденному человѣку чувству симпатіи, чувству человѣколюбія. Иные, ближе знавшіе утопленницу, потоскуютъ, растрогаются и заплачутъ... Но затѣмъ, какая же вытекаетъ изъ этихъ событій драма, какая мораль, гдѣ чья либо вина? Развѣ вина утопленницы, заключающаяся въ неосторожности.

Но если бы послѣ всего предпосланнаго мною разбора дѣла, вы остановились окончательно, гг. судьи, на такомъ отрицательномъ, нигилистическомъ заключеніи, то вы бы сильно ошиблись. Заключеніе, что въ дѣлѣ ничего поучительнаго и драматическаго нѣтъ, вытекаетъ только изъ тѣхъ фактовъ, которые я до сихъ поръ подобралъ, сопоставилъ и разобралъ. Я же не всѣ факты вамъ представилъ и доложилъ, есть еще цѣлый непочатый уголъ фактовъ, совершенно особыхъ, совершенно своеобразныхъ, которые хотя и попадались но не достаточнымъ образомъ взвѣшены и оцѣнены, а между тѣмъ они то и даютъ дѣлу особенное, яркое, такъ сказать, электрическое освѣщеніе. Въ виду этихъ фактовъ все заключеніе подлежитъ измѣненію; есть въ дѣлѣ мораль, но она иного рода, есть и потрясающая драма, но не тамъ, гдѣ ее ожидали. Драматично то, что при всей простотѣ дѣла уже осуждены нѣкоторые люди, ничѣмъ неуличенные, что двое изъ нихъ отправились отъ недостатка воздуха, отъ лишенія столь дорогой для нихъ, какъ вода, хотя они и горцы, свободы, на тотъ свѣтъ, что и тѣхъ, которые остались, жизнь надломлена, что несмотря на всю глубину моего убѣжденія и ту опытность, которую я въ теченіи многихъ лѣтъ пріобрѣлъ, я сомнѣваюсь, успѣлъ ли я моими словами и доводами разбить гранитъ предразсудковъ и предубѣжденій, который стоитъ предо мною стѣною.

Трагично въ дѣлѣ то, что оно возникло и разбиралось на почвѣ малоспособной, мало удобствъ представляющей для спокойнаго безстрастнаго историческаго изслѣдованія истины, почвѣ, на которой рядомъ съ исто-

рическимъ изслѣдованіемъ, въ уровень съ нимъ, а иногда и перерастая его, слагается быль; вмѣсто точнаго преданія—поэтическая легенда, гдѣ ползучія вѣтви сказки совсѣмъ закроютъ дубъ, вокругъ котораго онѣ образовались. Вамъ всѣмъ извѣстны страны благословенныя въ тепломъ климатѣ густаго чернозема, земля тучная, благодатная, плодоносная, но дайте ей залежаться или засѣйте новь, потому, что разъ вы не будете ее полоть, разъ вы не будете ее истощать, пойдутъ бурьянъ, дикая ромашка и всякая другая гадость, и они заглушатъ хлѣбъ; никуда негодныхъ растеній получится бездна, а зерна хлѣбнаго ни-ни.

Въ художественномъ отношеніи эти зеленыя волны высыпавшей ромашки и этотъ разросшійся бурьянъ красивѣе хлѣба, но въ хозяйственномъ—они злѣйшіе враги.

Я полагаю, что такое же отношеніе, какъ между бурьяномъ и агрономіей, существуетъ между практическою жизнью вообще и легендою, поэзіею, вымысломъ, а въ особенности между судомъ и легендою. Судъ легенды не выноситъ, потому что двухъ господъ онъ не имѣетъ и служитъ только одной сухой, простой, иногда вовсе непоэтической, за то безсмертной истинѣ. Когда въ дѣло судебное проникаетъ контрабандою элементъ вымысла, сказки, поэзіи, то онъ худшія сочиняетъ штуки, болѣе плохія оказываетъ услуги, нежели вѣдьмы Макбету въ шекспировской драмѣ. Элементъ этотъ надо преслѣдовать, искоренять. Нѣтъ средствъ, которыхъ бы неслѣдовало употреблять, чтобы избавиться отъ заразы. Я думаю, что всѣ согласны на счетъ вреда страшнаго, происходящаго отъ этихъ паразитовъ, отъ этихъ башибузуковъ, залѣзающихъ въ покой мышленія и мѣшающихъ правильности изслѣдованія.

Но меня могутъ спросить, чѣмъ же я докажу, что въ настоящемъ дѣлѣ замѣтенъ элементъ фантастическій, что легенда затесалась въ судебные протоколы, что красная нитка сказки примѣшалась къ бѣлой тка-

ни точнаго изслѣдованія? Нѣтъ ничего легче, какъ доказать этотъ несомнѣнный фактъ: стоитъ только сослаться, съ одной стороны, на приговоръ окружнаго суда, съ другой—на апелляціонный протестъ товарища прокурора Холодовскаго. Оба документа, главнымъ образомъ, возятся съ этимъ фантастическимъ элементомъ, но ни одинъ изъ нихъ не справился какъ слѣдуетъ. Обратите вниманіе на тѣ характерные въ этихъ документахъ мѣста, на которые я вамъ укажу далѣе.

Я вамъ напомню часть приговора окружнаго суда, которая относится къ оцѣнкѣ показаній и образа дѣйствій агентовъ правительства и свидѣтелей Лоладзе, Бѣлика, Маркарова, а также арестантовъ Мусы-Измаилъ-Оглы и Церетели, относительно подсудимыхъ Коридзе и Мгеладзе. Я позволю себѣ разсказать вкратцѣ факты изъ дѣла. Съ 22 іюля по 23 ноября спрашивали всю прислугу, слѣдовательно Коридзе, Мгеладзе и Габисонію, и посадили въ секретѣ, какъ предполагаемыхъ убійцъ. Представьте себѣ положеніе этихъ темныхъ людей и этихъ горцевъ, ничего не смыслящихъ въ общественныхъ и въ особенности въ русскихъ порядкахъ. Намъ, понимающимъ ихъ смыслъ и ходъ, не всегда легко остеречься, чтобы эти шестерни и колеса насъ не раздавили, а что же имъ, которымъ эти учрежденія представляются какъ роковыя силы, какъ приближающаяся смерть отъ пожара, наводненія—не разсуждать, а спасаться. Люди малые, сидѣвшіе больше въ кухнѣ и ничего не знающіе, они смекнули, что травля имѣетъ предметомъ болѣе крупнаго звѣря, а не ихъ мелкотравчатыхъ, что сила бо́льшая противъ Чхотуа. Они усомнились, сдобровать ли ему, а потому по политикѣ, свойственной людямъ маленькимъ и темнымъ, и приняли свои мѣры выйти изъ потока уликъ. Виноватъ, или не виноватъ Чхотуа, это ихъ не занимало. Его преслѣдуютъ, Богъ его знаетъ, можетъ быть и виноватъ, да мы то не виноваты. Крѣпились, крѣпились долго, да и пошли потомъ сами же на доносы. Доносы имѣли цѣлью выгораживаніе

самихъ себя. Они показали, сперва Коридзе, потомъ Мгеладзе: «мы видѣли какъ Чхотуа распоряжался убійствомъ, вмѣстѣ съ невѣдомыми, чужими людьми, мы были съ кинжалами и револьверами, но и убійцы тоже». Объясненіе глупое: Чхотуа не могъ рѣшиться, не заручившись содѣйствіемъ домашнихъ, а если онъ имѣлъ ихъ на своей сторонѣ, то ему незачѣмъ было приводить чужихъ людей. Одинъ только Габисонія былъ какъ скала крѣпокъ, но и на того пошли показанія не совсѣмъ то надежныхъ свидѣтелей, тюремныхъ, сидѣльцевъ, людей, что называется прожженныхъ, осужденныхъ, лишенныхъ правъ состоянія, которые изъ услужливости начальству приняли на себя несомнѣнно неприличную, неопрятную роль лазутчиковъ. Таковы показанія Церетели и татарченка Мурада-Али-Оглы и Мусы-Измаилъ-Оглы. Эти лазутчики писали и говорили, что при нихъ Габисонія сознался, что онъ былъ свидѣтелемъ убійства Н. Андреевской, съ мельчайшими подробностями обрисовали даже и экономическую сторону дѣла, т. е. сколько каждому изъ своихъ клевретовъ убійцъ далъ серебряниковъ Д. Чхотуа. Габисонія молчалъ, однако, твердо, какъ камень. Изъ доносившихъ на него лазутчиковъ въ моментъ судебнаго слѣдствія Церетели оказался больнымъ въ военномъ госпиталѣ, Али-Оглы — сосланнымъ уже въ Эривань; доставленъ одинъ Муса, но показаніе его вмѣсто того, чтобы окончательно уличить Габисонію, явилось на судѣ совершеннымъ откровеніемъ, лучемъ свѣта, озарившимъ цѣлую подготовительную стряпню въ дѣлѣ, цѣлый рядъ странныхъ, я смѣло скажу, преступныхъ маневровъ, подготовляющихъ показанія, прежде чѣмъ таковыя показанія облеклись въ юридическую форму протоколовъ судебнаго слѣдствія.

Муса татаринъ, хотя и каторжникъ, но подъ присягою, которую мусульмане вообще сильно уважаютъ, объявилъ, что осужденный и свыше всякаго описанія несчастный, онъ поступилъ въ сыщики къ полицейскому

офицеру Ваалу Лоладзе, который обѣщалъ выхлопотать ему свободу отъ Великаго Князя, дать 2 т. рублей, а самому получить чинъ, если откроются убійцы Н. Андреевской. Муса пролежалъ 15 дней въ госпиталѣ съ другими, точно также посторонними, выпытывающими, вымучивающими у Габисоніи его сознаніе. Онъ приставалъ къ Габисоніи цѣлыхъ 4 дня. Для добытія истины употреблялось и вино. При докторѣ Маркаровѣ Лоладзе вынулъ изъ собственнаго кошелька 60 коп. на спаиваніе, но оно не удалось. Тогда приступлено было къ простому сочиненію показанія Габисоніи. Муса боялся присяги, его увѣрили, что онъ присягать не будетъ. Лоладзе училъ Мусу, что показывать и Муса повторялъ за нимъ тѣ же слова, затѣмъ былъ родъ домашняго экзамена при старшемъ полиціймейстерѣ Бѣлликѣ. Наконецъ, показаніе, сочиненное и лживое, было облечено въ форму слѣдственнаго протокола. Впослѣдствіи Муса хотѣлъ взять назадъ свое показаніе, но онъ удержанъ былъ слѣдователемъ съ просѣдью, который ему посовѣтовалъ держаться стараго, а то ему будетъ жестокое наказаніе.

Каторжнику можно было не вѣрить, но вотъ въ чемъ особенность его показанія: оно находитъ множество неожиданныхъ подтвержденій съ той стороны, съ которой ихъ трудно было ожидать, а именно, отъ доктора Маркарова и старшаго полиціймейстера Бѣллика, послѣ которыхъ намъ остается только послѣдовать примѣру окружнаго суда и признать все то правдой, что говорилъ Муса. Оба они наивно и безъ того, чтобы совѣсть ихъ мучила, участвовали съ Лоладзе въ предварительной обработкѣ подсудимыхъ и выпытываніи отъ нихъ сознаній, не подозрѣвая ничего въ томъ дурного, думая, что дѣлаютъ доброе дѣло и способствуютъ правосудію.

Докторъ Маркаровъ не сознается, что онъ мучилъ голодомъ Габисонію, чтобы вымучить сознаніе, какъ то прямо удостовѣряетъ Мурадъ-Али-Оглы, но сознается,

что онъ, докторъ, не въ видахъ лѣченія, а въ видахъ наказанія за непослушаніе, посадилъ этого Лазаря, на которомъ, какъ видите, только кожа да кости, на полъ-порціи, т. е. всетаки морилъ голодомъ. Этотъ же доктотъ Маркаровъ открылъ ту знаменитую царапину на груди, которая какъ рана уже не признана, но превращена въ улику, вышла даже какъ улика въ рѣшеніи суда. Этотъ же докторъ Маркаровъ помогалъ Лоладзе не выписывать, какъ самъ говоритъ, изъ лазарета Мусу и Мурада и обязательно командировалъ своего солдата въ кабакъ за виномъ, чтобы напоить, да—напоить Габисонію, и въ пьяномъ видѣ заставить его сознаться. Къ довершенію красивой картины прибавлю, что есть въ дѣлѣ вещественное доказательство, а именно письмо ищейки Церетели къ доктору Маркарову: «Мой милостивый баринъ, который приказалъ написать относительно дѣла, какъ разскажетъ Габисонія»... Это письмо обнаруживаетъ, что, подобно г. Цинамзгварову, онъ счелъ совмѣстимыми обязанности доктора съ ролью добровольца-разыщика, несчастный человѣкъ, а не докторъ! Къ чести русской медицины, я надѣюсь, что мало найдется людей, которые рѣшились бы на такое явное забвеніе обязанностей своего званія и искуства. Г. полковникъ Бѣлликъ, старшій полиціймейстеръ, одобрительно отзываясь, а также наивно разсказывая, какъ его субалтернъ-агентъ Лоладзе выдаетъ себя за ходатая по частнымъ дѣламъ, за друга и помощника, подосланнаго къ подсудимымъ ихъ родственниками,—слѣдовательно совершалъ актъ возмутительный обмана и измѣны,—самъ производилъ нравственное давленіе на подсудимыхъ, обѣщая имъ освобожденіе изъ одиночнаго заключенія и помѣщеніе въ общей камерѣ, если они сознаются, т. е. склонялъ тенденціозно къ заранѣе по содержанію опредѣленному показанію оказаніемъ выгодъ, вѣроятно, бывшихъ въ его власти, хотя по бумагамъ и по закону они числились тогда за судебнымъ слѣдователемъ. Превышеніе власти, обработка предварительная, соеди-

ненная съ фальсификаціею свидѣтельскихъ показаній, пытка, подстрекательство ко лжи,—всѣ уголовныя красоты, собранныя въ одинъ букетъ, совмѣщаются въ картинѣ, которую имѣлъ предъ собою окружный судъ. Судъ не остановился на богатой находкѣ, никто не преданъ суду, не возбуждено преслѣдованія противъ Лоладзе, благоразумно не явившагося. Спасибо ему и за то, что онъ произвелъ извѣстнаго рода ампутацію, выбросивъ за бортъ нѣсколько, очевидно, фальшивыхъ доказательствъ изъ тѣхъ, которыя были подобраны самимъ обвиненіемъ; что онъ устранилъ всѣ показанія, имѣющія предметомъ усиливать вину, устранилъ добытое сознаніе Габисоніи; все это понятно, это само собою слѣдовало изъ обстоятельствъ судебнаго слѣдствія, съ этимъ согласенъ и прокуроръ, который не отрицаетъ, что Лоладзе допустилъ нѣкоторыя дѣйствія неправильныя и недозволенныя закономъ. Но судъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выкинулъ какъ недостовѣрныя, полупризнанія и другого подсудимаго Мгеладзе, а, слѣдовательно, и третьяго Коридзе, такъ какъ, если онъ промолчалъ о Коридзе, то только потому, что Коридзе былъ живъ, и что всякое сужденіе о недостаточности его признанія было бы преждевременно до явки Коридзе на судъ и либо утвержденія, либо отрицанія слѣдственныхъ показаній. Судъ заключилъ, что если Лоладзе вымучилъ показаніе у Габисоніи неудачно, то тѣ же способы онъ долженъ былъ употреблять и въ отношеніи Мгеладзе и Куридзе, т. е. спаиваніе водкой, обѣщаніе выгодъ, принятіе на себя не принадлежащаго ему званія, однимъ словомъ, насиліе и обманъ. Изъ сего судъ заключилъ, что сознаніе, выманенное у Мгеладзе, а, слѣдовательно, и у Коридзе, вопреки закону, посредствомъ ухищреній и обѣщаній выгодъ, драгоцѣнныхъ для содержащагося въ одиночномъ заключеніи, не могло внушить ни малѣйшаго довѣрія. Однимъ словомъ судъ поступилъ какъ тотъ, кому придется подавать на столъ гнилое яблоко съ темнобурымъ пятномъ: сначала онъ

вырѣзываетъ пятно, а потомъ подаетъ бѣлый остатокъ. Вотъ изъ за этого гнилаго пятна и завязался споръ между прокуратурою и судомъ; это составляетъ главную тему апелляціоннаго протеста. Г. товарищъ прокурора употребляетъ слѣдующій пріемъ: поддѣльно сочиненное доказательство онъ называетъ нерегулярнымъ, не совсѣмъ правильнымъ и заключаетъ: если неправильно отобранныя при незаконномъ, напр., обыскѣ или выемкѣ вещественныя доказательства не пропадаютъ, а всетаки употреблены для дѣла, то и иррегулярно добытыя показанія Мгеладзе и Коридзе не должны пропадать; имъ нельзя вѣрить, когда они выгораживаютъ себя, но имъ надо вѣрить, когда они обвиняютъ другихъ, напр., Д. Чхотуа. Я полагаю, что такой взглядъ весьма выгоденъ для обвиненія, какъ средство захватить въ разставленныя тенета возможно большее число людей за одинъ разъ, и виноватыхъ, которымъ не вѣрятъ, и оговариваемыхъ виноватыми, на которыхъ эти послѣдніе сваливаютъ свои грѣхи. Но, чтобы способъ этотъ былъ законный, правильный и согласный съ истиною, въ томъ да позволено мнѣ будетъ усомниться на основаніи нижеслѣдующихъ соображеній.

Понятія, правильно и неправильно, съ одной стороны, и подложно или не подложно—съ другой, принадлежатъ къ совсѣмъ различнымъ категоріямъ мышленія. Фальшивая бумажка нельзя сказать, что неправильна, потому что на ней не соблюдены всѣ тѣ знаки, которые неподдѣльны, а потому, что она фальшивая, т. е. обманнымъ образомъ фабрикуется частными лицами. Такъ точно и показанія сфабрикованныя Лоладзе не неправильны, а подложны; они могутъ служить вещественнымъ доказательствомъ, но только противъ него; по обвиненію его по 237 и 942 ст. улож. о нак., грозящимъ за подобныя дѣйствія лишеніемъ правъ состоянія и ссылкою въ каторжныя работы. Я отвергаю и теорію г. товарища прокурора о вещественныхъ доказательствахъ, будто бы вещественное доказательство непре-

мѣнно будетъ доказательствомъ, гдѣ бы и какъ бы оно не было бы добыто. Если бы мнѣ, какъ частному лицу предоставлено было произвести обыскъ у моего противника и представить добытыя, такимъ образомъ, будто бы при этомъ обыскѣ, доказательства вещественныя, то я сомнѣваюсь были ли бы признаны отобранныя, такимъ образомъ, у него деньги и бумаги доказательствомъ противъ него; за такой обыскъ я бы поплатился. Равнымъ образомъ, если бы слѣдователь, завѣдомо сталъ производить слѣдствіе, въ которомъ онъ непосредственно заинтересованъ, я полагаю, что были бы выброшены, какъ негодные, всѣ представленные имъ топоры, ломы, ружья и лопаты и не повѣрили бы кровянымъ знакамъ на платьѣ, потому что всѣ эти вещи были въ подличающихъ, нечистыхъ рукахъ и могли легко подвергнуться фабрикаціи. Я удивляюсь тому развязному способу оцѣнки доказательствъ, по которому одно и тоже доказательство, заключающееся въ показаніи, считается и годнымъ и негоднымъ, не по своему содержанію, а по цѣли, для которой могло бы быть употреблено. Я согласенъ въ томъ, что нѣкоторыя вещи могли быть испорчены въ частяхъ, какъ напримѣръ, половина фрукта гнилая, но я утверждаю, что есть предметы, и къ числу ихъ относятся показанія, которыя въ техническомъ отношеніи на судѣ признаются совершенно испорченными, напримѣръ, какъ испорченъ стаканъ чаю, если въ него влита ложка чернилъ. Мнѣ невольно приходитъ на мысль сходство признаній Мгеладзе и Коридзе съ такимъ стаканомъ чая, приправленнымъ чернилами. Стаканъ чаю былъ поданъ въ обвинительномъ актѣ, изъ него хлебнули, выслушавъ Мусу, отвернулись послѣ глотка, стаканъ весь негоденъ. Нѣтъ, говоритъ г. товарищъ прокурора въ протестѣ: не годенъ былъ глотокъ; но отчего же не допустить, что кромѣ того глотка все остальное содержимое стакана превосходно. Я могу доказать, что оно не превосходно. Показаніе не можетъ быть никогда сравнено съ вещественнымъ доказатель-

ствомъ, или, если его сравнивать, то съ такимъ, какъ чай съ чернилами, медъ, приправленный дегтемъ.

Всякая рѣчь, слово, показаніе не есть изображеніе вещей или предметовъ, но только нашихъ идей и представленія о предметѣ, они окрашены нашимъ *я*, проникнуты нашею субъективностью, суть произведеніе внѣшнихъ впечатлѣній и нашей субъективности.

Когда лице показываетъ о предметѣ, то возникаютъ два вопроса: первый, могло ли оно наблюдать, не было ли въ его умѣ нелѣпыхъ идей, предразсудковъ, превратныхъ и кривыхъ понятій, которые бы ему помѣшали наблюдать событіе, и второй вопросъ—хочетъ ли лице показывать правду, т. е. не заинтересовано ли оно корыстью, не поставлено ли оно угрозою и страхомъ въ необходимость лгать и представлять въ превращенномъ видѣ то, о чемъ его спрашиваютъ. Разъ только доказано, что былъ страхъ, былъ обманъ, ухищреніе, вымогательство, все показаніе въ конецъ испорчено до такой степени, что не только судья, но даже историкъ, не пренебрегающій никакимъ матеріаломъ, не рѣшится его употребить. Утверждать, что показаніе, хотя и вымученное, можетъ служить доказательствомъ, значитъ, не знать исторіи, ни отмѣны пытки въ 1801 году, ни наказа Екатерины, ни стараго, ни новаго судопроизводства, значитъ пытаться вернуть насъ къ блаженнымъ временамъ петровскимъ и Алексѣя Михаиловича, когда вздергивали на дыбу, садили на кобылку, ломали ноги, завинчивая испанскіе сапоги; сказалъ подсудимый, хотя его мучили, значитъ повинился, и дѣло съ концомъ, и приговоръ готовъ. Къ счастью, до этого позора и до святой инквизиціи мы не дожили и вымученныя сознанія обращаются, прежде всего, противъ вымучившаго. Главный вопросъ, вымучены ли сознанія у Мгеладзе и Коридзе. Но на этотъ счетъ не можетъ быть сомнѣнія, это удостовѣряютъ нѣмые габисоніевскіе свидѣтели.

По показанію Мусы, Лоладзе безъ вѣдома доктора выписалъ его изъ лазарета, подсадилъ къ Зурабу Ко-

ридзе и, сочинивъ показаніе, училъ, какъ показывать. И старшій полиційместеръ Бѣлликъ совѣтовалъ показать, какъ научилъ Лоладзе. Все это происходило въ метехскомъ замкѣ. Даже Бѣлликъ самъ признаетъ, что онъ обѣщалъ Мгеладзе выводъ изъ одиночнаго заключенія и смягченіе наказанія за признаніе. Кромѣ того, имѣется съ печатью правдивости показаніе Дм. Сапара-Швили, что Мгеладзе и Коридзе обвиняли другъ друга въ ложныхъ доносахъ по наущенію Лоладзе, и что передъ смертью Мгеладзе страшно мучился и приказалъ ему, Сапара-Швили объявить, что мучимый Лоладзе, онъ напрасно оклеветалъ невинныхъ людей.

Итакъ, гг. судьи, правильно поступилъ судъ, отвергнувъ полупризнанія Мгеладзе и Коридзе, какъ зараженныя органическимъ порокомъ, какъ явно противозаконныя, вымученныя.

Но при отсѣченіи пораженныхъ антоновымъ огнемъ членовъ, надо дѣйствовать энергично и рѣшительно, надо вырѣзывать гнилое съ корнемъ, надо вглубь рѣзать яблоко и захватывать не только темнобурое пятно, но и свѣтлобурую полость, отдѣляющую гнилое отъ здороваго. Судъ не сдѣлалъ ни того, ни другого; онъ не предалъ суду Лоладзе, слѣдовательно, не пошелъ вглубь; онъ и не всѣ гнилыя пятна очистилъ, напротивъ того, многими пользовался. Возьмемъ, напримѣръ, его отзывъ о показаніи Дгебуидзе. Свидѣтель этотъ, говоритъ судъ, показалъ па предварительномъ слѣдствіи, что за недѣлю до убійства, Габисонія спрашивалъ его, какъ поступить ему: его подговариваютъ убить Андреевскую. Это показаніе ничѣмъ не опровергнуто, а потому не можетъ возбуждать подозрѣнія въ достовѣрности, ergo... и т. д. Вы спросите, кто такой Дгебуидзе? Я вамъ на это отвѣчу, что это каторжникъ, лишенный правъ состоянія, обязательно доставленный къ слѣдователю г. Цинамзгваровымъ и пропавшій безслѣдно, такъ что его не могли розыскать. Напрасно Габисонія клянется, что его въ глаза не видѣлъ, что они и не знакомы, что въ Але-

ксандровскомъ саду не могъ совѣтоваться, потому что изъ дѣла явствуетъ, что за недѣлю до событія еще не существовало даже того мотива неудовольствія, который эксплуатируется обвинительнымъ актомъ,—удаленія Д. Чхотуа отъ званія управляющаго, — а все-таки Габисонія долженъ опровергнуть показаніе Дгебуидзе. Да, предъ такимъ пріемомъ, предъ такимъ судомъ кто же устоитъ и очистится? Волосы становятся дыбомъ: воришка, бродяга, не помнящій родства заявитъ въ глаза мнѣ, прожившему на виду всего общества 50 лѣтъ: «ты сознавался мнѣ, что ты кралъ, что ты убилъ, или совершилъ прелюбодѣяніе» и я буду осужденъ, потому что я не опровергъ. А какже я могу опровергнуть, доказывать не бытіе факта, что я не кралъ, что я не убивалъ, и долженъ я буду предъ такимъ судомъ преклонить выю и сказать, я погибъ, потому что воришка рѣшился меня оболгать, и я его показанія не опровергъ.

Есть и другой свидѣтель, доставленный тоже г. Цинамзгваровымъ, нѣкто Кирилъ Ковальскій, лѣсной сторожъ въ Дрэ, который показывалъ вещь важную, что Д. Чхотуа похвалялся, что скоро попрежнему сдѣлается управляющимъ. Къ несчастію, онъ только слышалъ это отъ другаго сторожа, Георгія; къ еще большему несчастію, этотъ другой сторожъ Георгій Модсбадзе отвергаетъ слова Ковальскаго, говоря, что ничего подобнаго не было и что онъ этого не говорилъ. Напрасно.

Слова Ковальскаго остаются. Дѣлается предположеніе, что, можетъ быть, былъ другой сторожъ Георгій и противъ этого parti pris вѣрить не помогаетъ ничѣмъ не опровергнутое показаніе Д. Чхотуа, что лѣсниковъ было не много и что одного изъ нихъ только, и то свидѣтеля по слухамъ, доставилъ къ слѣдствію мировой судья — поставщикъ свидѣтелей, — это явленіе рѣдкое, пикантное. Негодныхъ этихъ свидѣтелей поставилъ г. Цинамзгваровъ. Есть и другіе напр., рыбаки, которые и прежде прошли чрезъ его руки и уже имъ опрошен-

ные доставлены къ слѣдователю. Показанія ихъ, данныя Цинамзгварову, были потомъ закрѣплены формально. Въ теченіи всего слѣдствія г. Цинамзгваровъ стоитъ по срединѣ всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій, съ нимъ совѣтуются, когда допрашиваютъ Церетели и другихъ свидѣтелей изъ каторжниковъ, его слушаются, всѣ нити слѣдствія скрещиваются въ его лицѣ, и если есть одно темное пятно, которое уже судомъ немножко соскоблено, имя же ему Лоладзе, то есть еще другое, въ противуположной сторонѣ, которое называется Цинамзгваровъ. Я не дѣлаю г. Цинамзгварову той обиды, чтобы поставить его, хотя на одну минуту, рядомъ съ полицейскимъ офицеромъ Вааломъ Лоладзе: разница между ними громадная: та, что Лоладзе, какъ утверждаютъ арестанты, выслуживается, а Цинамзгваровъ является усердно безкорыстнымъ розыскателемъ истины; но, именно, потому что у Цинамзгварова болѣе убѣжденія, я считаю вліяніе его гораздо злокачественнѣе лоладзевскаго, потому что въ убѣжденіи даже ложномъ есть магическая сила, оно сильнѣе крупповскихъ пушекъ, оно заразительно. Я въ сущности не удивляюсь, что и слѣдователи имъ заразились. Да позволено мнѣ будетъ на минуту остановиться и обрисовать ту въ высшей степени оригинальную роль, какую играетъ въ этомъ дѣлѣ г. Цинамзгваровъ.

Г. Цинамзгваровъ, по его собственнымъ словамъ, есть завсегдашній понятой по всѣмъ важнымъ дѣламъ, какія встрѣчаются въ Тифлисѣ, объ убійствѣ консула и другихъ; такъ какъ, по его словамъ, онъ не можетъ отказывать слѣдователю въ своихъ совѣтахъ... Я не считаю нужнымъ останавливаться на томъ, что 1) такой завсегдашній понятой совсѣмъ не соотвѣтствуетъ понятію понятаго; по закону это все равно, что если судьи, вмѣсто того, чтобы обновлять комплектъ присяжныхъ засѣдателей стали бы брать въ комплектъ однихъ и тѣхъ же засѣдателей и 2) какъ страшенъ, какъ опасенъ такой понятой — руководитель, такой доброво-

лецъ, не связанной обязанностями своего званія и не отвѣчающій за свои промахи, этотъ Габоріо, произведенный въ судебные слѣдователи. Андреевскихъ Цинамзгваровъ не зналъ. Объ нихъ могъ только слышать вскользь отъ своего родственника Сулханова; первый разъ былъ онъ въ домѣ Андреевскихъ въ ночь послѣ происшествія съ Н. Андреевской. Цинамзгваровъ откровенный человѣкъ, онъ весьма просто и наивно изобразилъ всѣ душевные процессы, совершавшіеся въ его душѣ. Тропинка, дѣйствительно, крутая. Цинамзгваровъ убѣдился, что Н. Андреевская, которую онъ не зналъ, не сходила купаться по этой тропѣ. Поднялъ сапожки, посмотрѣлъ, эти сапожки были цѣлое откровеніе: они сухіе, со слѣдами зелени. Цинамзгваровъ убѣдился, что тутъ кроется преступленіе и тотчасъ же немедленно посовѣтовалъ арестовать прислугу. Когда люди были арестованы и смутились, смутившись же перекинулись двумя, тремя словами съ Чхотуа, Цинамзгваровъ восклицаетъ въ показаніи словами сыщика: «мы накрыли, Габисонія говорилъ, значитъ, старался скрыть преступленіе», потому, что преступленіе уже для Цинамзгварова несомнѣнно. Убѣжденный окончательно сухими сапожками въ виновности прислуги, мало того и Давида Чхотуа, Цинамзгваровъ, какъ Гамлетъ послѣ явленія тѣни отца, продѣлываетъ почти все то, что продѣлываетъ Гамлетъ въ знаменитой сценѣ театра. Онъ впивается глазами въ лицо Чхотуа и малѣйшую нервную дрожь въ теченіе этой ночи, столь богатой ощущеніями, онъ приписываетъ смущенію совѣсти. Онъ накрываетъ бр. Чхотуа, когда у нихъ при мысли объ обыскѣ, лица сдѣлались, какъ бѣлое полотно. Чхотуа ломалъ себѣ руки, измялъ бороду, чуть съ нимъ дурно не сдѣлалось. Какое противорѣчащее показаніе съ показаніемъ, даннымъ Ив. Сумбатовымъ на судебномъ слѣдствіи. Сумбатовъ говорилъ, что Д. Чхотуа такъ равнодушно относился ко всему, что происходило, что это не могло его не удивить. Цинамзгваровъ ѣдетъ въ степь съ Кобіевымъ ос-

матривать трупъ; присутствуетъ при вскрытіи, наблюдаетъ прижизненные кровоподтеки, принимаетъ участіе въ подготовкѣ фальшивыхъ свидѣтелей полиціей, въ спросѣ ихъ на слѣдствіи, какъ напр., Церетели, убѣждаясь все болѣе и болѣе въ винѣ Чхотуа или лучше сказать, наблюдая какъ его убѣжденіе, которое сложилось цѣльное и полное, торжественно господстуетъ, увлекаетъ за собою, какъ неудержимый потокъ. Въ средствахъ онъ неразборчивъ, онъ самъ поставляетъ каторжника Дгебуидзе, т. е. содѣйствуетъ тому, чтобы вторгались башибузуки, чтобы подонки общества всплывали на его поверхность.

Съ Цинамзгваровымъ имѣло мѣсто то, что бываетъ со всякимъ увлекающимся, со всякимъ фанатикомъ; не въ немъ сидѣла идея, но онъ весь ушелъ въ идею, завоеванъ ею, готовъ бы ею клясться, на нее присягать. Такіе люди прямые создатели легендъ. Легенду не въ состояніи сочинить, пустить въ ходъ какой нибудь Лоладзе,—она требуетъ живой вѣры. Когда эта живая вѣра произвела свое дѣйствіе, когда ей поддались сотни и тысячи субъектовъ болѣе слабосильныхъ, посредственныхъ, тогда, и только тогда, являются спекулянты, которые на этой вѣрѣ строятъ свои разсчеты и на ней уже возводятъ свои хитроумныя постройки. Разница между обоими дѣятелями, какъ между вдохновеннымъ пророкомъ начала всякой религіи и авгуромъ, опытнымъ въ надувательствѣ публики. Именно вслѣдствіе этого убѣжденія г. Цинамзгваровъ легъ пудовою гирею на вѣсахъ и перетянулъ чашку обвиненія. Не знающая подробностей, жадная къ самымъ пикантнымъ открытіямъ, публика, видя и слыша это лице, отъ самаго алтаря правосудія исходящее, знающее послѣдній протоколъ, вѣдающее результаты послѣдняго допроса и послѣдней выемки, съ разинутыми ртами ловила каждое изрѣченіе и повторила въ сущности на тысячу ладовъ, какъ самую правду, личныя, субъективныя убѣжденія г. Цинамзгварова, пріучилась на всѣ обстоятельства дѣла, даже безразличныя,

смотрѣть его предубѣжденными глазами. Этому настроенію публики вторила и печать, печати всегда выгоднѣе угадывать вкусъ толпы, нежели идти противъ потока. Обрисовалось странное явленіе, травля людей, противъ которыхъ вооружилось все общество. Какъ грибы послѣ дождя, являлись свидѣтели обвиненія по собственному вызову, и свидѣтели большею частью фальшивые, напр., Оскановъ, обвинявшійся въ мошенничествѣ, который со словъ Хундадзе назвалъ даже № 406 фаэтона, въ которомъ увозили Андреевскую въ мѣшкѣ, но когда ему предъявили Хундадзе, то онъ его не призналъ. Въ дѣлѣ есть весьма интересный отзывъ редакціи Тифлисскаго Вѣстника о томъ, что чуть ли не каждый день получаемы были предложенія и совѣты открыть при редакціи подписку на увеличеніе средствъ сыскной полиціи по открытію убійцъ Н. Андреевской. Я не имѣю положительныхъ данныхъ, но я слыхалъ, что подобные сборы дѣлались, и можетъ быть на нихъ то и разсчитывалъ располагающій извѣстными средствами на подпаиваніе подсудимыхъ Ваалъ Лоладзе. Въ одинъ тонъ съ публикою настроена была и судебная власть, приглашавшая Цинамзгварова въ качествѣ непремѣннаго понятого, въ качествѣ совѣтника и участника въ слѣдствіи. Есть постановленія и протоколы, которые до того поражаютъ своею необычайностью, что ничего подобнаго не встрѣчается во всѣхъ концахъ и мѣстностяхъ обширной Россіи, по крайней мѣрѣ, той ея части, гдѣ дѣйствуютъ судебные уставы. Для примѣра я укажу на постановленіе о Мелитонѣ Кипіани. Это былъ бывшій слуга, разсчитанный Д. Чхотуа. 22 іюля онъ заходилъ въ домъ Шарвашидзе. Это и была единственная сильная улика, на основаніи которой постановили его арестовать съ прибавкою: «есть противъ него и другія улики, которыя не могли быть приведены, такъ какъ сообщеніе ихъ обвиненіемъ могло бы быть вредно для дѣла». Второй примѣръ. Производившимъ кутаисское слѣдствіе постановлялось предложеніе полиціи дознать между какими

лицами вращался кн. Шарвашидзе, и не готовился ли онъ послать въ Россію убить своего шурина К. Андревскаго. Полиція можетъ дѣлать о чемъ угодно дознанія; каждый увѣренъ, что я спокоенъ подъ щитомъ судебной власти, какъ начинается дѣло безъ законныхъ къ слѣдствію основаній. Если дано предписаніе о дознаніи, то и полиція должна предположить, что есть уже законныя основанія предполагать, что Шарвашидзе настоящій убійца. Я васъ прошу указать, гдѣ эти данныя? По темнымъ слухамъ слѣдователь рѣшается повѣрить, не убійца ли человѣкъ, на котораго не подано даже и доноса. Третій примѣръ. Когда началось слѣдствіе въ Кутаисѣ о томъ, гдѣ обѣдаютъ и завтракаютъ князья Шарвашидзе и Анчабадзе, появились анонимныя письма, грозившія разными непріятностями слѣдователю. Можетъ быть эти анонимныя письма и подкинулъ В. Г. Чхотуа, но его привлекли къ отвѣтственности, на основаніи однихъ анонимныхъ писемъ, по подозрѣнію въ убійствѣ Н. Андреевской, 28 августа 1876 г. и, вопреки 398 статьи, допросили только 2 сентября, слѣдовательно съ произвольнымъ лишеніемъ свободы въ теченіи пяти дней, такъ какъ постановленіе о заарестованіи могло послѣдовать только послѣ привода и допроса.

Подъ вліяніемъ сложившагося предубѣжденія и въ обществѣ, и въ магистратурѣ, производилось слѣдствіе, искало силъ и лицъ, для которыхъ Чхотуа былъ будто бы только ширмою, гдѣ обрывались факты подставляло гипотезы и подгоняло показанія свидѣтелей и факты къ предвзятымъ предположеніямъ и объясненіямъ. Тенденціозность опредѣлилась на всемъ объемѣ слѣдствія. Конечно, въ большей части случаевъ доказать такой тенденціозности нельзя; она сказалась въ томъ, что оправдывающія обстоятельства только намѣчены вскользь, но есть два рода показаній, въ которыхъ ясно, какъ на ладони, обнаруживается неправильный процесъ подтягиванія и прилаживанія ихъ къ предвзятой идеѣ, а

именно показанія подсудимыхъ Мгеладзе и Коридзе, и показанія В. Андреевской; въ обоихъ случаяхъ допрашивали несмѣтное число разъ и добывали данныя, совсѣмъ противныя прежде добытымъ, но прямо соотвѣтствующія измѣнившимся представленіямъ и взглядамъ слѣдователя.

Итакъ, что касается до подсудимыхъ Мгеладзе и Коридзе, то прежде всего въ разсказахъ этихъ сквозитъ намѣреніе обрисовать и дѣйствующихъ лицъ, Н. Андреевскую и Д. Чхотуа такимъ образомъ, чтобы сдѣлалась правдоподобною ихъ вражду. Но пріемъ употреблялся такой, какъ у писателя, который, не зная народа, думаетъ, что онъ живымъ его перенесъ въ свой разсказъ, если вложилъ въ уста своихъ героевъ—пейзанъ нѣсколько ругани и похабщины. Н. Андреевская и Д. Чхотуа ругаются какъ пастухи или гренадеры. Н. Андреевская въ чужомъ домѣ чужую прислугу обзываетъ мамадзагли (собачій сынъ). Д. Чхотуа говоритъ при наклеиваніи билетиковъ: довольно того, что вы уже съѣли. Д. Чхотуа говоритъ: зачѣмъ эти проклятые пріѣхали и беретъ съ Зураба Коридзе клятву въ такомъ родѣ: пусть меня причастятъ собачьей кровью, если я выдамъ. Неправда ли, какая бездна couleur locale жаль только что картинка выходитъ суздальская, азбучная, какъ разъ соотвѣтствующая уровню пониманія сочинителей. Оба показанія Мгеладле и Коридзе относительно образа совершенія преступленія основаны на первоначальномъ предположеніи полиціи, что трупъ тутъ же кинули въ рѣку, лѣвѣе водоворота, и что безпрепятственно онъ проплылъ до Караяза. Для того, чтобы бросить, должны были входить въ рѣку; вотъ почему, по словамъ Коридзе, сапоги у Чхотуа были совсѣмъ мокрые.

Вынудить то полупризнаніе которое сдѣлано Мгеладзе и Куридзе, можно было только обѣщая имъ безнаказанность или смягченіе наказанія, а достигнуть того и другого можно было, только придумавъ объяс-

пенiе въ родѣ компромисса, чтобы и волки были сыты, и овцы остались цѣлы. Людей не предупредили, ихъ заставили быть безмолвными свидѣтелями убiйства, да взяли клятву, что они будутъ молчать. Какъ средство заставить ихъ уличать Д. Чхотуа, выведены на сцену призраки четырехъ туманныхъ рыцарей въ темныхъ черкескахъ, съ кинжалами. Д. Чхотуа стоитъ во главѣ ихъ. Для облегченiя ихъ работы Д. Чхотуа приказалъ убить одну и запереть остальныхъ собакъ. У него при обыскѣ 2 августа не найдено, къ сожалѣнiю, ни грязныхъ сапоговъ, ни полусапожекъ, но оказался револьверъ. Имъ машетъ онъ и кричитъ Мгеладзе: «убью и брошу трупъ твой въ рѣку». Окно, по показанiю Мгеладзе, было открыто несомнѣнно; по несомнѣнному удостовѣренiю В. Андреевской, оно было заперто и завѣшено. Такова была первая серiя показанiй, добытыхъ въ то время, когда Габисонiя еще крѣпился и когда его уличали только языки Церетели и Мусы-Оглы.

Показанiе Церетели не провѣрено, но есть его знаменитая записка; есть и показанiе при слѣдствiи Мусы, столь блистательно имъ опровергнутое на судѣ. Въ обоихъ готовится совершенно новое объясненiе убiйства въ связи съ распространившимися сомнѣнiями—могла-ли Н. Андреевская проплыть въ одну ночь отъ Тифлиса до Караяза. Если она не проплыла, то ее вывезли и и бросили; если вывезли и бросили, то долженъ былъ кто нибудь видѣть фаэтонъ и стали, съ одной стороны, разыскивать людей, которые видѣли чѣмъ нибудь особеннымъ отличающiеся по способу ѣзды фаэтоны, съ другой,—являются показанiя личностей, которыя нѣчто подобное замѣчали. Ходитъ слухъ, что какая то баба въ фаэтонѣ на Курѣ колотила двухъ господъ. Карапетъ Агаровъ, генеральша Минквицъ и сторожъ ея дома Грикуръ Элiазаровъ, семья Принцевъ и маiоръ Алихановъ видѣли собственными глазами скачущiй во весь опоръ фаэтонъ или фаэтоны съ болѣе или менѣе многочисленными сѣдоками, мужчинами и женщинами,

скачущіе отъ «Кружка» къ Михайловскому мосту. Одинъ ли или два, или болѣе фаэтоновъ,—это вопросъ; покрайней мѣрѣ вѣрно, что фаэтонъ, гдѣ, по словамъ семьи Минквицъ, сидѣла женщина въ черномъ, между мужчинами, съ распростертыми руками, могъ быть тотъ же фаэтонъ, которому Алихановъ готовился обрѣзать шашкой ремни и въ которомъ у ногъ мужчинъ что то лежало въ мѣшкѣ. Къ довершенію путаницы, по утру, на одномъ изъ спусковъ къ Курѣ Иванъ Вартановъ, духанщикъ, былъ разбуженъ какою то веселою компаніею, которая чуть не выбила окна, крича: «Ослиный сынъ! дай водки»! бросила ему цѣлковый и, не дожидая сдачи, уѣхала. И эту исторію припутали: Можетъ быть убійцы такъ наскандальничали на радостяхъ, что совершили наконецъ свое темное дѣло?... Въ виду этихъ показаній, легенда рѣшительно усвоила себѣ фаэтоны, а вслѣдъ за легендою готово показаніе Габисоніи, сочиненное въ лазаретѣ, уже совершенно отличное отъ показаній—Мгеладзе и Коридзе.—Нину не душатъ на кухнѣ, не несутъ на площадку, а прямо къ фаэтону чрезъ дворъ, завертываютъ въ мѣшокъ и везутъ мимо Алиханова вскачь въ Ортачалы и за Ортачалами къ спуску.—Такъ изображаетъ дѣло докторъ Маркаровъ. Есть имя фаэтонщика Нико, и номеръ новый, и даже подробнѣйшія указанія, сколько денегъ получилъ каждый изъ нанятыхъ bravi. Какъ согласовать показанія Мгеладзе и Коридзе съ показаніемъ Габисоніи, если бы оно было дано? Но, зная музыку, легко обойти всѣ диссонансы и остановиться на согласныхъ аккордахъ. Одни говорятъ: стащилъ въ рѣку, другіе—вывезли, всѣ говорятъ—убили. И такъ если убита, къ чему теряться въ противорѣчьяхъ?

При дальнѣйшей обработкѣ дѣла подробности еще болѣе улетучились, даже самъ фаэтонъ не существуетъ; но все таки осталось самое существенное, самое главное и уже ничѣмъ не доказанное—это гипотеза о рыцаряхъ тумана, о всесильныхъ убійцахъ и этотъ при-

зракъ, въ которомъ сидитъ квинтэссенцированная легенда, подводитъ нынѣ подсудимыхъ подъ каторжныя работы. Неопредѣленное показаніе о фаэтонѣ заставило забыть о брошенномъ разсказѣ Мгеладзе и Коридзе; но и объ нихъ вспомнилъ опять апелляторъ, г. товарищъ прокурора Холодовскій, въ своемъ протестѣ. Почему же и ихъ не употребить? докажите, что они фабрикованы. Я уже это, полагаю, доказалъ и еще разъ докажу: вспомните мокрые сапоги и револьверъ Чхотуа. Мокрыхъ сапоговъ не оказалось, а револьверъ, по показаніямъ Константина Дадшиколіани, оказался купленнымъ съ патронташемъ за 21 р. 50 к. на слѣдующій день послѣ событія 22 іюля, когда Чхотуа считалъ себя въ опасности не только отъ юстиціи, но и отъ публики, и пріобрѣлъ это смертоносное оружіе.

Противорѣчій въ показаніяхъ Варвары Андреевской я не буду излагать; я уже на нихъ указывалъ: они бьютъ въ носъ, рѣжутъ глаза. Кажется, ревностные слѣдователи, Кобіевъ и Цинамзгваровъ, допрашивали В. Андреевскую въ Тифлисѣ; между тѣмъ въ Одессѣ, при мелочномъ допрашиваніи о томъ же о чемъ она уже была въ Тифлисѣ допрошена, отъ нея добыто совсѣмъ противное тому, что добыто въ Тифлисѣ. Я припомню только заключительныя слова ея показанія при Кобіевѣ и Цинамзгваровѣ отъ 28 іюля: «У Нины никакихъ непріятностей съ Чхотуа не было. Мнѣ крайне непріятно, что изъ за этого дѣла явились нареканія въ обществѣ на Чхотуа и на моего зятя. Я этимъ слухамъ не вѣрю и совершенно увѣрена, что здѣсь никакого преступленія не могло быть, а просто несчастный случай при купаніи, на которое моя дочь, Нина, какъ я ее знаю, могла по своему характеру смѣло рѣшиться».

Многія соображенія эти и тому подобные отзывы забыты, а взяты изъ показаній В. Андреевской послѣдующія, позднѣйшія, когда ей, слабой женщинѣ, втолковали, что Нина убита, и эти только отзывы легли въ основаніе приговора.

Дѣятельность окружнаго суда въ этомъ отношеніи я бы охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ: Окружный судъ имѣлъ предъ собою самый трудный матеріалъ—чистыя, хрустальныя струи историческаго преданія сливающіяся съ мутными притоками безсознательно ложной легенды, съ грязными и вонючими осадками изъ клоакъ подлога съ нарочно дѣланными показаніями. Онъ, по своему крайнему разумѣнію, старался поступить критично, но не успѣлъ; плавающія по поверхности явную падаль и нечистоты онъ выдѣлилъ, но затѣмъ онъ забылъ, что и въ очищенномъ то жидкомъ остаткѣ, безъ твердыхъ частицъ, къ чистому примѣшено грязное, что тончайшія міазмы, не видимыя на глазъ, разведены въ цѣломъ растворѣ, и что прежде чѣмъ воспользоваться этою водою, надобно ее профильтровать, а можетъ быть и подвергнуть перегонкѣ.

Я не оскорблю васъ, гг. судьи, если скажу, что и я, и мои кліенты возлагаемъ на вашу совѣсть, надежду, что вы совершите эту великую, трудную работу. Я кончаю безъ риторическихъ орнаментовъ, безъ фразъ, я убѣжденъ въ ихъ невинности.

Судебная палата большинствомъ 2-хъ голосовъ противъ 1-го приговоръ тифлисскаго окружного суда утвердила во всемъ его объемѣ. Кассаціонная жалоба Д. Чхотуа и П. Габисоніи была оставлена Правительствующимъ Сенатомъ безъ послѣдствій.

1879.

22.

Дѣло по обвиненію Архипова, Черенкова и Сѣрикова въ подпаиваніи и подкупѣ выборщиковъ отъ крестьянскихъ обществъ.

Отставной коллежскій регистраторъ Павелъ Родіоновъ Архиповъ, 38 лѣтъ, и крестьяне елецкаго уѣзда, села Гущина Колодезя Фролъ Гавриловъ Черенковъ, бывшій засѣдатель Богато-Платовскаго волостнаго правленія, 31 года, и деревни Роговой Иванъ Ивановъ Сѣриковъ, 47 лѣтъ, были преданы суду по обвиненію въ томъ, что чрезъ угощеніе водкою и денежные подарки склоняли другихъ лицъ къ поданію голоса при выборахъ въ пользу землевладѣльцевъ изъ дворянъ Хвостова и Бехтѣева, т. е. въ совершеніи каждымъ изъ нихъ преступленія, предусмотрѣннаго въ 1425 ст. уложенія. Разбирательство дѣла происходило въ елецкомъ окружномъ судѣ въ г. Ельцѣ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей 21—22 марта 1879 года.

Гг. судьи! Судъ безъ присяжныхъ засѣдателей отличается отъ суда съ присяжными нѣкоторыми особенностями, на которыя я позволю себѣ указать. Первая особенность заключается въ томъ, что не всѣ бумаги производства читаются, что можно ссылаться на тѣ, которыя находятся въ дѣлѣ, которыя извѣстны уже гг. судьямъ и на которыя мнѣ разрѣшено ссылаться; вто-

рая особенность та, что такъ какъ въ этомъ судѣ не отдѣляется вопросъ о фактѣ отъ вопроса о правѣ, то, смотря по обстоятельствамъ, защита можетъ начать съ одного или съ другого —или съ вопросовъ юридическихъ и кончить фактическими, или наоборотъ. Я воспользуюсь этою предоставленною защитѣ свободою дѣйствій и начну съ разбора 1,425-й ст. улож. о нак., по которой обвиняются подсудимые. Эта статья гласитъ: «кто, при выборахъ дворянскихъ или же городскихъ, или сельскихъ обществъ, будетъ, черезъ *подкупъ, подарки, обѣщанія* или *угрозы*, склонять кого-либо къ поданію голоса въ его пользу, или въ пользу, или противъ другого лица, тотъ подвергается такому-то наказанію». Изъ текста этой статьи явствуетъ, что если бы кто нибудь на собраніи откупался отъ выбора его въ должность и не въ видѣ угощенія послѣ факта отклоненія отъ выборовъ, какъ это сдѣлалъ Иванъ Сѣриковъ, но еще предъ самыми выборами отказался отъ должности, то онъ не могъ бы быть судимъ по 1,425-й статьѣ. Итакъ, Иванъ Сѣриковъ не могъ бы подлежать никакой отвѣтственности, если бы еще передъ выборами онъ раскошелился и далъ 3 рубля на водку избирателямъ. Сверхъ того, изъ текста ст. 1,425-й видно еще слѣдующее: въ ней запрещены: подкупъ, подарки, обѣщанія или угрозы, но не подговариваніе и склоненіе. Постараюсь впослѣдствіи доказать, что подговариваніе и склоненіе суть совершенно законныя средства на выборахъ при всякой электоральной борьбѣ. Статья 1,425-я изданія «Уложенія» 1866 года представляетъ еще ту особенность, что она говоритъ о выборахъ дворянскихъ, городскихъ и сельскихъ обществъ, но не говоритъ о выборахъ земскихъ. Она взята изъ старинныхъ источниковъ; она въ такомъ же точно видѣ обрѣтается въ проектѣ «Уложенія» 1845 года (статья 1,889-я), откуда вошла въ 1,884-ю ст. «Уложенія» 1845 года. Съ тѣхъ поръ она повторяется безъ перемѣны во всѣхъ слѣдующихъ изданіяхъ подъ инымъ только числомъ. Она возникла еще въ то время,

когда не было и въ поминѣ земскихъ учрежденій, когда были только выборы дворянскіе, городскіе и сельскіе. Въ «Проектѣ Уложенія» отмѣчено, что это постановленіе *новое*. Оно мотивировано слѣдующимъ образомъ: «Злоупотребленіе, о которомъ говорится въ сей статьѣ, тогда было замѣчено при выборахъ, а отъ сего поступаютъ на мѣста, можетъ быть важныя, люди, которые безъ подобныхъ происковъ не были бы избраны и которые впослѣдствіи оказываются вовсе неспособными и недостойными довѣренности. Сверхъ сего, кажется, само приличіе требуетъ, чтобы такія дѣйствія были наказываемы».

Итакъ, наказаніе налагается по двумъ мотивамъ. одинъ, такъ сказать, эстетическій. Наказуемость нужна для симметріи — «прилично, чтобы такія дѣйствія наказывались». Другой мотивъ заключается въ томъ, что въ интересахъ государства нужно стараться, чтобы поступали на выборныя должности лица, того достойныя. Вся статья пропитана духомъ безвыходной и непрестанной надъ сословіями правительственной опеки, завѣдыванія правительствомъ всѣми дѣлами всякихъ сословій. Со времени возникновенія этого закона многое измѣнилось къ лучшему; явились новыя, уже инымъ совсѣмъ духомъ проникнутыя земскія учрежденія. Дано имъ болѣе самоуправленія, болѣе широкая автономія. Можетъ возникнуть даже споръ о томъ, относится ли эта статья 1,425 къ земскимъ выборамъ. Я, можетъ быть, возбудилъ бы этотъ споръ, если бы онъ уже не былъ рѣшенъ уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ правительствующаго сената, который, въ рѣшеніяхъ своихъ, за №№ 459 и 626, 1875 года, по дѣламъ Лихотинскаго и Телѣгина, призналъ, что ст. 1,425 примѣнима и къ земскимъ учрежденіямъ. Но, распространяя ее и на земскіе выборы, сенатъ не разрѣшилъ всѣхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ ею. Онъ не разрѣшилъ слѣдующаго вопроса, который нынѣ находится въ разсмотрѣніи общаго собранія кассаціонныхъ и перваго департамента сената,

по дѣлу Голубова. Одно лицо, выбранное въ земскіе гласные, было обвинено въ подкупѣ, но выборы его были утверждены земскимъ собраніемъ; о немъ состоялся, обвиняющій его въ подкупѣ выборщиковъ, приговоръ; оно обжаловало этотъ приговоръ, какъ послѣдовавшій по дѣлу, по которому, предварительно разсмотрѣнія его уголовнымъ судомъ, надлежало разрѣшить по 27-й ст. уст. угол. суд. преюдиціальный вопросъ. Преюдиціальными вопросами, какъ извѣстно, считаются не только вопросы, исчисленные въ 27 ст. уст. уг. суд., т. е. о правахъ состоянія, о правахъ собственности на недвижимое имущество и о свойствѣ несостоятельности, но еще цѣлый рядъ вопросовъ, не только гражданскихъ, но и въ другія области права входящихъ, напримѣръ, въ область права государственнаго. Проситель, по указанному мною дѣлу, основываетъ свою кассаціонную жалобу на ст. 1,853 т. 2-го ч. 1-й учр. гос. по изданію 1876 года (37-я ст. положенія о земск. учр.): «Повѣрка числа гласныхъ, законности и дѣйствительности выбора возлагается на самое земское собраніе». Если законъ возлагаетъ на земскія собранія окончательную повѣрку выборовъ, то спрашивается, какимъ же образомъ можетъ быть возбуждаемо преслѣдованіе, помимо собранія, по выборамъ, уже имъ утвержденнымъ, а слѣдовательно, узаконеннымъ? Подобный случай равносиленъ былъ бы тому, если бы противъ должностнаго лица было возбуждено преслѣдованіе безъ разрѣшенія той власти, которой оно подчинено, вопреки 1,086 ст. уст. угол. суд. Тутъ выйдетъ слѣдующая несообразность: собраніемъ выборъ утвержденъ, лицо признано гласнымъ окончательно, слѣдовательно, разслѣдованіе злоупотребленій при выборахъ безцѣльно. Неужели возможенъ такой скандалъ, что лицо, осужденное за подкупъ, послѣ того будетъ продолжать засѣдать въ собраніи въ качествѣ гласнаго! Если же, напротивъ, предоставить власти судебной пріостанавливать дѣятельность гласнаго и лишать его этого званія, то тогда можно каждаго гласнаго на неопредѣленное

время устранить или даже вышвырнуть изъ собранія, причемъ сословіе потеряетъ значительную долю самостоятельности и самоуправленія, предоставленныхъ ему закономъ. Во что обратилась бы независимость администраціи, если бы мы подчинили ее тому же началу, если бы противъ должностного лица можно было возбудить преслѣдованіе помимо его начальства. Я не вхожу въ разборъ, было ли бы при этой системѣ лучше или хуже—я только утверждаю, что строй государственнаго управленія измѣнился бы и что надъ всѣми министерствами возвысилось бы одно: министерство юстиціи, какъ грозная государственная инквизиція надъ служащими, и пріобрѣло бы первенствующее въ государствѣ положеніе, а всѣ вѣдомства сдѣлались бы отъ него зависимыми. Если бы въ данномъ случаѣ уѣздное елецкое земство стояло за свои, закономъ ему дарованныя прерогативы, если бы оно постигало силу изложенія 1,853 ст. ч. 1-й т. 2-го учр. губ., то я непремѣнно возбудилъ бы преюдиціальный вопросъ по 27 ст. уст. угол. суд. и доказывалъ бы, что Архиповъ, Сѣриковъ и Черенковъ судимы быть не могутъ, пока ихъ не предало суду елецкое уѣздное земское собраніе. Но елецкое земское собраніе о правахъ своихъ меньше всего заботилось. Изъ представленнаго мною протокола этого собранія 27-го сентября 1878 года видно, что когда выборы 6-ти волостей 3-го стана елецкаго уѣзда были опротестованы губернаторомъ, никто въ собраніи даже и не сослался на статью 1,853, никто не указалъ на безконтрольное право собранія повѣрять и утверждать выборъ. Образовались только два мнѣнія. Одни полагали, что слѣдуетъ, не утверждая гг. Хвостова и Бехтѣева гласными, допустить ихъ участвовать въ засѣданіяхъ собранія впредь до рѣшенія возбужденнаго уголовнаго дѣла о злоупотребленіяхъ на выборахъ. Другіе, напротивъ, думали, что сообщеніе губернатора не подлежитъ разбору и должно быть принято на вѣру и что губернаторъ не могъ безъ солидныхъ основаній и сооб-

щать о раскрытыхъ имъ злоупотребленіяхъ. Второе мнѣніе побѣдило: выборы были отмѣнены и въ настоящее время Бехтѣевъ и Хвостовъ не состоятъ въ числѣ гласныхъ. Но именно потому, что они извергнуты изъ собранія безъ разбора злоупотребленій, о которыхъ только въ настоящее время можно будетъ удостовѣриться, существовали ли они въ дѣйствительности или нѣтъ, приговоръ вашъ, помимо вашей воли и, можетъ быть, противъ вашего желанія, будетъ имѣть громадное значеніе въ электоральной борьбѣ партій—онъ обратится по необходимости въ орудіе дѣйствія. Если онъ будетъ обвинительный, то онъ доставитъ одной сторонѣ, той, которая была противна выбору гг. Бехтѣева и Хвостова, законное основаніе и оправданіе ея дѣйствій, которыя совершены въ предположеніи, что есть налицо злоупотребленія. Если онъ будетъ оправдательный, то онъ обнаружитъ, что исключеніе гг. Бехтѣева и Хвостова сдѣлано безъ всякихъ причинъ и основаній. Такимъ образомъ, главная въ этомъ дѣлѣ сторона вовсе не уголовная, а бытовая. Предъ нашими глазами раскрывается упорная, ожесточенная борьба партій—борьба, въ которой одна партія старается доѣхать другую, если не мытьемъ, такъ катаньемъ, а можетъ быть, и мытьемъ, и катаньемъ. Въ этой картинѣ, среди этого движенія стоятъ подсудимые Архиповъ, Черенковъ и Сѣриковъ, къ которымъ, поистинѣ, можно примѣнить извѣстную поговорку: «когда паны дерутся, у хлопцевъ чубы трещатъ». Въ средніе вѣка былъ обычай, когда воспитывали принцевъ крови, ставить при нихъ сверстниковъ изъ обыкновенныхъ смертныхъ, которыхъ наказывали и сѣкли за всякія провинности проказника принца. Отчасти такую же роль играютъ въ этомъ дѣлѣ подсудимые, которыхъ я защищаю. Я думаю, что они имѣютъ право сказать: обратите вниманіе на насъ, нами двигаютъ какъ пѣшками, но мы живые субъекты, мы люди и, какъ таковые, имѣемъ право быть судимыми независимо отъ того, какіе отъ нашего страданія результаты могутъ при-

годиться той или другой партіи. Три четверти дѣла вовсе до подсудимыхъ не относятся. Дѣло само — это громадное полотно въ нѣсколько саженъ, па которомъ виднѣются три маленькія точки: Архиповъ, Сѣриковъ и Черенковъ. Спрашивается: нельзя ли вырѣзать эти точки и разсматривать ихъ отдѣльно отъ цѣлаго полотна? Какъ бы ни былъ подобный образъ дѣйствія желателенъ, но онъ невозможенъ, потому что этихъ точекъ не разобрать и значенія ихъ не опредѣлить безъ связи съ цѣлою картиною. Если обвиняемые согрѣшили, если они въ самомъ дѣлѣ нарушили законъ употребленіемъ преступныхъ средствъ при выборахъ, то надо же знать подкупали ли они или спаивали выборщиковъ по своему собственному произволу или по чужому подговору и подстрекательству. Вы должны разобрать мотивы ихъ дѣйствія, съ этими мотивами сообразовать наказаніе. Но вины они за собою вовсе не признаютъ, они защищаются говоря: мы не насиловали выборовъ, напротивъ, мы только старались изо всѣхъ силъ сохранить нашу самостоятельность; мы только противодѣйствовали другому внѣшнему вліянію; насъ приневоливали не выбирать господъ Бехтѣева и Хвостова; но, понимая свою пользу и отстаивая свое избирательное право, мы провели выборъ Хвостова и Бехтѣева. Вы, такимъ образомъ, поставлены въ необходимость, гг. судьи, вникнуть въ душу подсудимыхъ и сообразить, могли ли они имѣть такія убѣжденія. Но этимъ не исчерпана ваша задача. Противъ подсудимыхъ возбуждено преслѣдованіе, ставятся обвиняющіе ихъ свидѣтели, подсудимые съ перваго же допроса заявляютъ, что эти свидѣтели лживые и противопоставляютъ имъ другихъ, которыхъ слѣдователь не потрудился спросить, но которые должны были удостовѣрить, что первые свидѣтели, то есть, свидѣтели обвиненія, суть свидѣтели лживые, что они подговорены и подстроены, что та же полиція, которая оказывала давленіе на выборы, отклоняя отъ выбора гг. Бехтѣева и Хвостова, продолжала ту же дѣятельность при

предварительномъ слѣдствіи, чтобы себя оправдать и, съ другой сторны не допустить сторонниковъ Бехтѣева и Хвостова очистить себя отъ обвиненія въ злоупотребленіяхъ. Итакъ, обвиненіе ставитъ доказательства, подсудимые опровергаютъ эти доказательства новыми, которыя, въ свою очередь, могутъ быть опровергаемы, причемъ это противопоставленіе доказательствъ и опроверженій должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока изслѣдованіе не дойдетъ до совершенно твердаго грунта, до фактовъ, уже не подлежащихъ оспариванію. По всѣмъ симъ соображеніямъ, какъ ни тяжело вдаваться въ разборъ косвенныхъ обстоятельствъ, повидимому, мало относящихся къ настоящему дѣлу, но все-таки, необходимо уяснить себѣ ихъ, необходимо разбить эту скорлупу, чтобы добраться до маленькаго, очень маленькаго, заключающагося въ немъ ядра. Долгомъ считаю пояснить, какимъ образомъ я буду разбирать тѣ неуголовныя, или, по крайней мѣрѣ, не подлежащія нынѣ разбору въ уголовномъ порядкѣ обстоятельства, которыми осложняется нынѣ разбираемое уголовное дѣло объ Архиповѣ, Сѣриковѣ и Черенковѣ. Конечно, я не вправѣ судить споры и пререканія между установленіями по крестьянскимъ дѣламъ для опредѣленія, кто правъ, кто виноватъ. Конечно, ни я, ни вы, гг. судьи, не вправѣ судить дѣйствія полиціи, опредѣлять виновность полиціи. Она можетъ быть привлечена къ отвѣтственности только по 1,086 ст. уст. угол. суд. Но въ данномъ дѣлѣ нельзя обойти фактъ дѣйствій полиціи на выборахъ и нельзя не разобрать, вліяла ли полиція на выборы, насколько этимъ фактомъ объясняются дѣйствія подсудимыхъ, насколько этотъ фактъ входитъ въ систему защиты подсудимыхъ. Поставивъ такимъ образомъ мою задачу, я раздѣлю защиту на двѣ части: я постараюсь, прежде всего, въ первой изъ нихъ представить вамъ бытовую картину выборовъ въ селѣ Стегаловкѣ, соединивъ въ этой картинѣ всѣ обстоятельства, неподлежащія вашему суду и косвенно только относящіяся къ

обвиненію, направленному противъ подсудимыхъ. Затѣмъ, окончивши съ неуголовнымъ матеріаломъ, перейду ко второй части моей защиты—къ обзору дѣйствій, приписываемыхъ Архипову, Черенкову и Сѣрикову. Вы знаете, гг. судьи, что Сѣрикова я долженъ защищать, несмотря на то, что г. прокуроръ отказался отъ обвиненія. Начинаю съ исторіи выборовъ.

Въ елецкомъ уѣздномъ земскомъ собраніи должно быть 33 гласныхъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, 10 отъ городскихъ обществъ и 28 отъ крестьянскихъ. Съѣздъ крупныхъ землевладѣльцовъ состоялся 7-го іюня прошлаго года; на этомъ съѣздѣ дѣйствительно были забаллотированы гг. Бехтѣевъ и Хвостовъ, или, какъ выражается обвиненіе, будто бы повторяя слова свидѣтелей крестьянъ: «прокачены на вороныхъ». Замѣчу, что само это выраженіе чисто дворянское; оно не употребляется крестьянами, потому что нынѣ при всѣхъ выборахъ, а слѣдовательно, и крестьянскихъ, употребляются одного цвѣта шары, бросаемые направо или налѣво; понятіе же о вороныхъ или черныхъ шарахъ есть остатокъ прежняго времени и прежней системы балотировки, когда въ одно отверстіе клали шары либо бѣлые, либо черные. До сихъ поръ гг. Бехтѣевъ и Хвостовъ были постоянно гласными въ теченіи трехъ трехлѣтій и въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ, участвовали во всевозможныхъ коммисіяхъ, принимали въ земскихъ дѣлахъ живѣйшее участіе. Когда они были забаллотированы, то немедленно у нихъ явилась мысль предложить себя въ кандидаты отъ крестьянскихъ обществъ. Эта мысль неновая; она всегда и вездѣ повторяется. Вездѣ молодая партія людей прогрессивныхъ, подающая руку преобразованію, интересамъ массы, сближенію сословій, была въ своей средѣ побиваема; но она подавала руку плебсу, становилась въ его главѣ и гораздо лучше, нежели самъ этотъ плебсъ, отстаивала его интересы. Самъ законъ предусмотрѣлъ возможность подобнаго стремленія и узаконилъ его, допустивъ крестья-

намъ выбирать своихъ гласныхъ изъ среды членовъ землевладѣльческаго съѣзда. Появленіе этихъ кандидатуръ было, въ данномъ случаѣ, тѣмъ естественнѣе, что во всѣхъ волостяхъ, гдѣ происходили выборы, Бехтѣевъ и Хвостовъ отлично извѣстны, какъ мировые судьи; ихъ заявили своими кандидатами пять волостей, въ томъ числѣ даже и Воронецкая; первое заявленіе подано отъ Богатоплатовской волости. Всѣхъ выборщиковъ на съѣздѣ могло быть, еслибы всѣ они явились, около 300 человѣкъ; выборы назначены на 24-е іюня, въ селѣ Стегаловкѣ. Такимъ образомъ, поставлена была открыто и сильно кандидатура гг. Бехтѣева и Хвостова въ маломъ кружкѣ меньшей братіи, въ средѣ самоуправленія крестьянскаго. Маленькій мірокъ крестьянскаго самоуправленія существуетъ по закону и красуется, по бóльшей части, на бумагѣ; въ дѣйствительности онъ только зародышъ, или, по крайней мѣрѣ, птенецъ, едва выклевывающійся изъ яичка. На бумагѣ онъ красивъ: всѣ должности выборныя—старосты, засѣдателя и старшины; старшины утверждались мировымъ посредникомъ, а по упраздненіи посредниковъ, утверждаются по 1-му п. 143-й ст. полож. о губ. и уѣздн. крест. учр., изд. 1876 года, уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ; по 122-й ст. общаго положенія о крестьянахъ, отрѣшить старшину отъ должности можетъ присутствіе не иначе, какъ по докладу, утвержденному губернаторомъ; такъ какъ всякаго рода постановленіе уѣзднаго присутствія, слѣдовательно и постановленія его объ оштрафованіи должностныхъ лицъ крестьянскихъ за маловажные проступки, а тѣмъ болѣе о смѣщеніи, можетъ быть, по 127-й ст. пол. о крест. уст., обжаловано губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, то, обыкновенно, всѣ подобнаго рода смѣщенія съ должностей проходятъ чрезъ губернское присутствіе, образующее собою нѣчто въ родѣ кассаціонной инстанціи. Въ дѣйствительности, какъ вы знаете, эта сила крестьянскаго самоуправленія болѣе кажущаяся, чѣмъ

реальная. Она призрачна, потому что отношеніе должностныхъ лицъ крестьянскихъ къ начальнику полиціи самое неопредѣленное; онъ привыкъ распоряжаться ими, какъ своими подручниками, требовать безусловной исполнительности по командѣ даже при подачѣ голосовъ и взыскивать за уклоненіе, какъ за ослушаніе начальства. Я спрашивалъ г. исправника Ивашинцева, въ качествѣ чего провинились поддерживавшіе выборъ Бехтѣева и Хвостова старшины, и онъ мнѣ отвѣчалъ: въ качествѣ не выборщиковъ, а его, г. исправникъ Ивашинцева, подчиненныхъ. Самые выборы происходятъ съ явнымъ нарушеніемъ дарованной закономъ автономіи. Членъ уѣзднаго присутстія, по закону, только открываетъ выборы; обыкновенно, эта функція поручается непремѣнному члену и ограничивается тѣмъ, что членъ предложитъ съѣзду выбрать предсѣдателя и потомъ, послѣ избранія его, передаетъ ему распоряженіе въ открытомъ собраніи. Вы сами знаете, что въ Стегаловкѣ происходило противное, то-есть, что г. начальникъ полиціи и открылъ собраніе, и руководилъ имъ самолично вплоть до конца, оставляя въ сторонѣ избраннаго предсѣдателемъ Лаврентія Сѣрикова. Настоящее дѣло могло бы служить превосходнымъ поясненіемъ того, какъ неисполняются желанія законодателя, какъ понуждаются должностные крестьяне не выбирать, кого не желаетъ начальство, и какъ они поплатиться могутъ лично, еслибы они воспользовались своимъ правомъ, какъ избиратели, и выбрали того, кто не былъ начальству угоденъ. Я не могу не коснуться послѣдняго изъ этихъ фактовъ, какъ относящагося прямо къ моему кліенту Черенкову и къ его страданію за результаты выборовъ. Всѣ старшины и засѣдатели, которые участвовали въ выборахъ 24-го іюня, какъ вамъ извѣстно, были позваны 8-го іюля въ уѣздное крестьянское присутствіе; двое старшинъ были немедленно отрѣшены за злоупотребленія на выборахъ, безъ всякаго потомъ преданія суду; та же участь постигла двухъ засѣдателей, въ томъ числѣ и Черенкова.

Изъ нихъ толко Черенковъ можетъ нынѣ оправдываться; отъ остальныхъ не выслушано даже объясненій. Это доказано бумагою, имѣющеюся въ дѣлѣ: постановленіемъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которое отмѣнило на этомъ основаніи, за несоблюденіемъ 1,086-й ст. уст. угол. суд., постановленіе уѣзднаго присутствія, наложившаго взысканіе за выборы. Замѣтьте, что на выборахъ всѣ эти лица являлись не въ качествѣ должностныхъ лицъ, а только какъ выборщики, и если могли подвернуться отвѣтственности, то только какъ выборщики, а не за преступленіе по должности. Преступленіе, за которое преслѣдуетъ 1,425-я ст., есть преступленіе общее, а вовсе не преступленіе по должности; въ противномъ случаѣ, не могъ бы вовсе судиться ни Архиповъ, который вовсе не участвуетъ въ сельскомъ обществѣ, ни Иванъ Сѣриковъ, который хотя и крестьянинъ, но не выборщикъ. За это преступленіе они и не могли подлежать суду присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, а только общему суду. Смѣщеніе старшинъ и засѣдателей породило цѣлый конфликтъ между обоими присутствіями, губернскимъ и уѣзднымъ, старшины были возстановлены губернскимъ присутствіемъ, потомъ опять смѣщены уѣзднымъ и во второй разъ возстановлены и въ третій разъ смѣщены; дѣло о нихъ, кажется, получило государственное значеніе, чуть ли не внесено оно въ земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ! Таковы послѣдствія выборовъ. Но и передъ выборами всѣ крестьянскія власти подвергались сильному натиску со стороны администраціи, съ которою они находятся въ болѣе или менѣе частыхъ и близкихъ отношеніяхъ. Этотъ натискъ былъ такъ силенъ, до того укоренилось понятіе, что, состоя должностными лицами общества, старшинами, они, въ то же время, суть полицейскіе чины, слѣдовательно, отвѣчаютъ за то, что происходитъ въ собраніи; что еслибы даже вовсе не присутствовалъ на выборахъ исправникъ, то онъ, вѣроятно, взыскалъ бы съ нихъ за послѣдствія выборовъ,

такъ какъ они старшины и такъ какъ предполагается, что въ ихъ вѣдѣніи совершено противное тому, что начальству было угодно. Что таково было вліяніе полиціи, это вполнѣ подтверждено фактами, это доказывается не четырьмя свидѣтельскими показаніями, какъ говоритъ г. прокуроръ, а гораздо бо́льшимъ ихъ числомъ, именно, семью присяжными показаніями. Нѣкоторые, правда, говорятъ, что слышали приказъ отъ одного становаго, но другіе утверждаютъ, что приказаніе исходило отъ исправника. Лавреній Сѣриковъ (смѣщенный безъ суда старшина) утверждаетъ, что за двѣ недѣли до выборовъ онъ былъ въ Ельцѣ и тамъ получилъ приказъ отъ становаго Крупкина не выбирать гг. Бехтѣева и Хвостова, причемъ становой сказалъ, что этого желаетъ исправникъ. Затѣмъ, передъ самыми выборами двое старшинъ: Сорокинъ и Рощупкинъ отправились по зову сотскаго къ Бологову, приставу 3-го стана, въ квартирѣ котораго произошелъ тотъ разговоръ, о которомъ такъ долго пререкались мы съ г. прокуроромъ во вчерашнемъ засѣданіи суда. Признаюсь, я не вижу никакого противорѣчія между показаніями Рощупкина и Сорокина. Рощупкинъ прямо показалъ, что, стоя на улицѣ, у квартиры становаго, онъ слышалъ черезъ полураскрытую дверь, какъ становой внушалъ Сорокину не выбирать Бехтѣева и Хвостова, потому что этого желаетъ исправникъ. Показаніе Сорокина тоже, въ сущности, но по формѣ, нѣсколько сдержаннѣе, что можетъ объясняться его положеніемъ. Рощупкинъ смѣщенъ, а Сорокинъ и до сихъ поръ состоитъ старшиною, слѣдовательно, зависимъ отъ исправника; тѣмъ неменѣе, не смотря на эту зависимость, онъ, всетаки, прямо высказалъ, что становой употребилъ выраженіе: «этого желаютъ», причемъ слово «желаютъ», употребленное безлично во множественномъ числѣ, указывало, по понятіямъ Сорокина, на желаніе начальства, на желаніе исправника. Такимъ образомъ, очевидно, что оба эти показанія вполнѣ подтверждаютъ одно другое. Но сверхъ того, они подтверждаются еще

показаніемъ Лаврентія Сѣрикова, который говоритъ то же самое; подтверждаются и свидѣтелями-выборщиками Богачевымъ и Першиковымъ. Два послѣднія лица находились на выборахъ и видѣли, какъ во время выборовъ между народомъ ходилъ становой приставъ и внушалъ не выбирать Бехтѣева и Хвостова. То же самое удостовѣряется Камышевымъ. Наконецъ, то же явствуетъ изъ показанія непремѣннаго члена Кузьмина, который далъ вамъ самый обстоятельный очеркъ того, что происходило въ собраніи. Я знаю, что противъ г. Кузьмина собирался разный матеріалъ, заносимый въ протоколъ судебнаго засѣданія; что г. Кузьминъ со стороны обвиненія выставлялся, какъ лицо, которое вліяло на выборы и, будто бы, внушало, какъ выражаются свидѣтели Туленинова и Ковыршинъ, избрать Хвостова и Бехтѣева. Дѣйствительно, г. Кузьминъ явился на выборы. Явка его объясняется очень просто. Я не знаю закона, который воспрещалъ бы члену присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, хотя не тому, который назначенъ присутствовать при открытіи съѣзда выборщиковъ, явиться и присутствовать, не принимая, конечно, прямого и дѣятельнаго участія. Г. Кузьминъ имѣлъ прямой интересъ въ томъ, чтобъ своими собственными глазами слѣдить за выборами: вопервыхъ, ему офиціально было заявлено старшиною Сорокинымъ о давленіи полиціи на старшинъ, слѣдовательно, вовторыхъ, онъ былъ заинтересованъ какъ членъ присутствія, держащійся иного мнѣнія, принадлежащій къ иной партіи, нежели г. Ивашинцевъ; онъ не могъ не желать провѣрить это свѣдѣніе полученное отъ Сѣрикова, и, насколько можно, не допустить, чтобъ въ его присутствіи чинимы были явныя противозаконія, чтобъ стѣсняема была свобода выборовъ. Кузьминъ присутствовалъ на выборахъ на совершенно одинаковыхъ правахъ съ открывшимъ съѣздъ г. Ивашинцевымъ, потому что и г. Ивашинцеву слѣдовало только открыть собраніе и потомъ все остальное предоставить предсѣ-

дателю, избранному самими крестьянами. Любопытно то, что только по крестьянскимъ выборамъ возникаютъ подобные курьезные вопросы, ни на какихъ другихъ выборахъ ихъ быть не могло бы, потому что ни въ какомъ другомъ сословіи не было бы допущено, чтобъ лицо, на которое возложено только открытіе выборовъ, распоряжалось бы всѣмъ ходомъ выборовъ послѣ открытія, слѣдовательно, въ сущности предсѣдательствовало во все время выборовъ. Если къ г. Кузьмину обращались крестьяне и требовали совѣта, то я не вижу почему бы Кузьминъ отказывалъ себѣ въ удовольствіи преподать подобный совѣтъ: онъ могъ открыто высказать свое мнѣніе. Ни одинъ изъ свидѣтелей не утверждалъ, чтобъ г. Кузьминъ совѣтовалъ выбирать именно Бехтѣева и Хвостова, чтобъ онъ этихъ лицъ называлъ. Онъ говорилъ вообще о землевладѣльцахъ, о томъ, что землевладѣльцевъ не запрещается выбирать. Вотъ какой смыслъ имѣли слова г. Кузьмина. Они не заключали въ себѣ никакого внушенія, а только разъясненіе закона. Но еслибъ они и содержали въ себѣ внушеніе, то это внушеніе являлось бы только, какъ противовѣсъ, и то далеко недостаточный, давленію, производимому полиціей. Когда двѣ силы дѣйствуютъ на одно тѣло въ противоположныхъ направленіяхъ, то дѣйствіе этихъ обѣихъ взаимно нейтрализующихся силъ, равняется разности ихъ или нулю. Силы нейтрализуются, дѣйствуя на тѣла неодушевленныя, но, въ данномъ случаѣ, онѣ дѣйствовали на тѣло живое, на людей. Какъ ни малъ этотъ мірокъ крестьянскій, но нельзя относиться къ нему свысока, съ пренебреженіемъ; вынесъ на себѣ этотъ мірокъ всю тягость крѣпостного права, и не сломился; нынѣ онъ сталъ уже понимать, гдѣ его друзья и въ чемъ заключаются его интересы. Для доказательства этого пониманія, я приведу изображенный въ свидѣтельскихъ показаніяхъ разговоръ между воронецкими крестьянами на выборахъ. Одни распинались, доказывая, что незачѣмъ выбирать господъ, что тамъ, гдѣ есть

24,000 крестьянъ, можно изъ нихъ выбрать всѣхъ девять гласныхъ; другіе заявляли, что желаютъ выбрать хорошихъ господъ, Хвостова и Бехтѣева. У крестьянъ всякій споръ сходитъ скоро на почву личныхъ вопросовъ. Ефимъ Кабановъ брякнулъ прямо въ глаза Дмитрію Богачеву: «подкупленъ», на что разсердившись, Богачевъ отвѣтилъ: «Хвостовъ хорошій баринъ, а ты его выбирать не хочешь, потому что ты прикарманилъ общественныя деньги и не далъ въ нихъ отчета, такъ ты его боишься». Изъ всего, что намъ извѣстно о выборахъ, видно пониманіе вообще своихъ интересовъ маленькимъ міркомъ крестьянскимъ и видно, что онъ пытается справиться съ своею задачею, хотя не всегда пользуется тою долею свободы, которая предоставлена ему закономъ. Выборы открылись въ 12 часовъ; въ 11 часовъ пріѣхалъ исправникъ. По открытіи засѣданія, одна какая то волость заявила своихъ кандидатовъ. Это была единственная, у которой не значились имена Бехтѣева и Хвостова. Эти имена были заявлены второю волостью, потомъ Богатоплатовскою волостью; такимъ образомъ, гг. Хвостовъ и Бехтѣевъ должны бы значиться четвертымъ и пятымъ въ общемъ спискѣ кандидатовъ. Списокъ кандидатовъ составилъ, вопреки закону, самъ исправникъ Ивашинцевъ, записавъ имена на бумажкѣ и отправился въ волостное правленіе, чтобы переписать списокъ набѣло. Въ этомъ перебѣленномъ спискѣ гг. Бехтѣевъ и Хвостовъ поставлены уже четырнадцатымъ и пятнадцатымъ, т. е. являются уже послѣдними кандидатами. Конечно, установленіе очереди между кандидатами есть право того, кто предсѣдательствуетъ, но оно не было право г. Ивашинцева. Едва ли оно было случайное. Всякій, участвовавшій въ какихъ бы ни было выборахъ, пойметъ, какое важное значеніе имѣетъ мѣсто въ очереди, особенно, когда кандидатовъ 15, а гласныхъ нужно выбрать только девять человѣкъ, слѣдовательно, послѣ выбора первыхъ девяти, выборщики могутъ разойтись не баллотируя остальныхъ

кандидатовъ. Крестьяне, однако, остались и баллотировали до конца, не пивши и не ѣвши. Выборы продолжались отъ полудня до захожденія солнца; нѣкоторые показываютъ — до семи часовъ. Если взять часъ на предварительные переговоры, на записку именъ, на составленіе списка кандидатовъ и на открытіе баллотировки, то остается только шесть часовъ на баллотировку 15-ти кандидатовъ. Баллотировка производилась на каждаго кандидата порознь, на двухъ столахъ, у двухъ ящиковъ, изъ которыхъ къ каждому подходили по три волости. Старшины раздавали шары, помощники ихъ выкликали выборщиковъ. Если, такимъ образомъ, раздѣлить число баллотировавшихся кандидатовъ на число часовъ, въ теченіи которыхъ происходили выборы, то выйдетъ около 20-ти минутъ на каждаго кандидата. Я обращаю вниманіе ваше на это обстоятельство для того, чтобы постигнуть всю невозможность, въ которую былъ поставленъ засѣдатель Черенковъ, отлучиться изъ собранія. Выбрали нѣкоторыхъ, другихъ забаллотировали; близилось дѣло къ концу, т. е. къ баллотировкѣ послѣднихъ кандидатовъ — Бехтѣева и Хвостова. Тогда то произошла сцена, относительно которой несовсѣмъ согласны показанія гг. Ивашинцева и Кузьмина. Несомнѣнно, что, взявшись подъ руки, они удалились отъ столовъ и выборъ Хвостова и Бехтѣева происходилъ, за удаленіемъ Ивашинцева, уже подъ непосредственнымъ руководствомъ предсѣдателя собранія, Лаврентія Сѣрикова. Результатъ выборовъ вышелъ, какъ выразился свидѣтель Кузьминъ, вопреки ожиданіямъ исправника, блистательный. Я повѣрялъ списокъ выборщиковъ, находящійся при дѣлѣ. Ихъ было всего 244 человѣка. Изъ нихъ, по показаніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, получили избирательныхъ 199 г. Хвостовъ и 195 г. Бехтѣевъ. Слѣдовательно, четыре пятыхъ они получили избирательныхъ; это были наибольшія числа балловъ, полученныя какими нибудь изъ всѣхъ девяти избранныхъ въ гласные кандидатовъ. Я долженъ здѣсь

упомянуть, что въ баллотировочномъ спискѣ, имѣющемся при дѣлѣ, не означено число голосовъ, полученныхъ избранными девятью гласными и что и въ этомъ спискѣ гг. Бехтѣевъ и Хвостовъ стоятъ опять послѣдними, какъ будто бы они получили наименьшее число баловъ. Выборы кончились, исправникъ отправился къ становому приставу, между тѣмъ, какъ крестьяне подписывали приговоръ въ волости; исправникъ уѣхалъ и представилъ о произведенныхъ выборахъ въ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Что происходило послѣ выборовъ въ заведеніи Волкова, то входитъ уже во вторую часть моей рѣчи, гдѣ я буду подробно разбирать показанія свидѣтелей. Замѣчу только, что вскорѣ послѣ выборовъ произведено полицейское дознаніе о подлогѣ и подкупѣ. Зародышъ его и появленіе вы могли прослѣдить по судебному слѣдствію. Доносчикомъ былъ Ефимъ Кабановъ, недовольный выборами: онъ искалъ уѣхавшаго уже исправника; не нашелъ; тѣмъ не менѣе, вскорѣ заявленіе Кабанова доведено до свѣдѣнія исправника, началось дознаніе; старшинъ требовали въ Елецкъ, оштрафовали, смѣстили. Дѣло передано слѣдователю. Какъ во время дознанія, такъ и во время предварительнаго слѣдствія полиція дѣйствовала въ извѣстномъ направлечіи. Дѣйствія ея удостовѣрены выслушанными вчера свидѣтелями. О нихъ показывалъ Николай Савинъ, которому предлагаемо было становымъ приставомъ мѣсто урядника, если онъ покажетъ о подпоѣ и подкупѣ выборщиковъ со стороны приверженцевъ Бехтѣева и Хвостова. Съ другой стороны, имѣется цѣлый рядъ показаній, также весьма важныхъ, относящихся къ поведенію противниковъ подсудимыхъ—Волкова и Кабанова. О Волковѣ свидѣтели Широкихъ и Иванъ Савинъ удостовѣряютъ, что онъ прямо признавался передъ Черенковымъ, что поклепалъ на него напрасно, но что сдѣлалъ это потому, что, по своему ремеслу, онъ зависитъ отъ полиціи. Вы, вѣроятно, помните также показаніе свидѣтеля Матосова. Матосовъ

удостовѣрилъ, что при немъ Кабановъ признавался, что истратилъ болѣе 100 рублей на подкупъ свидѣтелей по настоящему дѣлу. Я кончилъ первую часть моей рѣчи, составляющей какъ бы рамку, внутри которой рисуются подсудимые Архиповъ, Черенковъ и Сѣриковъ. Теперь я перейду ко второй части.

Я старался нарисовать картину борьбы двухъ партій. Борьба эта была ожесточенная и упорная. Каждая сторона старалась опровергнуть другую и найти въ ея дѣйствіяхъ уголовную подкладку. Расколъ произошелъ нетолько внутри обоихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій и между этими присутствіями, но и въ литературѣ. Я представилъ вамъ нумеръ «Русскаго Міра», гдѣ исправникъ Ивашинцевъ помѣстилъ офиціальное опроверженіе корреспонденціи, благопріятно отзывавшейся о гг. Хвостовѣ и Бехтѣевѣ. Въ опроверженіи исправникъ заявляетъ, что полиція въ этомъ дѣлѣ не принимала никакого участія и что лживо сообщеніе корреспондента, будто бы полиція производила давленіе на выборщиковъ. Опроверженіе это я могу назвать преждевременнымъ; г. Ивашинцевъ не потрудился обождать и узнать, что скажетъ судъ, въ который передано было дѣло о выборахъ. Дѣло это лежитъ передъ вами гг. судьи. Обвиняются Архиповъ, Черенковъ и Сѣриковъ. По 1,425-й ст. улож. о нак., одинаково подлежатъ наказанію и тѣ, которые подкупали, и тѣ, которые были подкупаемы. Я и думалъ, по заглавію обвинительнаго акта, что такимъ образомъ распредѣлятся роли: Архиповъ явится подкупающимъ, а другіе—подкупаемыми. Оказалось, что подкупаемыхъ совсѣмъ нѣтъ. Я думаю, что еслибъ примѣнить къ этому дѣлу мотивы одного изъ постановленій слѣдователя при предварительномъ слѣдствіи 26-го октября прошлаго года, то дѣло вовсе не дошло бы до суда. Подсудимые просили слѣдователя спросить свидѣтелей, которые удостовѣрятъ, какъ Ефимъ Кабановъ подкупалъ разныхъ непоименованныхъ индивидуально лицъ къ дачѣ лживыхъ показаній, но слѣдо-

ватель въ этой просьбѣ отказалъ на томъ основанiи, что, такъ какъ не обозначено, какъ подкупалъ Кабановъ, то и изслѣдованiе произведено быть не можетъ. Архиповъ, Черенковъ и Сѣриковъ являются по обвинительному акту, подкупающими и подпаивающими неизвѣстно кого и, притомъ, дѣйствующими, по состоявшемуся между ними предварительному уговору. Вы могли убѣдиться, гг. судьи, что въ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобъ они были даже знакомы между собою; они упорно отвергаютъ это знакомство, которое ничѣмъ не подтверждается, слѣдовательно, если даже они дѣйствовали, то порознь, совершенно отдѣльно другъ отъ друга.

Разберемъ, что дѣлалъ каждый изъ нихъ, и прежде всего коллежскiй регистраторъ Архиповъ. Онъ, по происхожденiю, принадлежитъ къ духовному званiю; онъ въ двоякомъ отношенiи заинтересованъ въ томъ, чтобъ выборъ состоялся въ пользу Бехтѣева и Хвостова; *во-первыхъ*, онъ породненъ съ крестьянскою семьей Рощупкиныхъ, стоявшихъ крѣпко за этотъ выборъ, будучи женатъ на дочери одного изъ Рощупкиныхъ—Нестера; *во-вторыхъ*, онъ управляющiй г. Бехтѣева, пользующiйся довѣрiемъ его и глубоко ему преданный. Передъ выборами ходили уже слухи о давленiи на выборы со стороны полицiи. Свидѣтель Лаврентiй Сѣриковъ доводилъ объ этомъ обстоятельствѣ до свѣдѣнiя г. Кузьмина. Поэтому, совершенно понятна бытность Архипова на этихъ выборахъ; онъ имѣлъ порученiе отъ Бехтѣева слѣдить за тѣмъ, что тамъ дѣлается, какъ держитъ себя полицiя; въ случаѣ надобности, онъ долженъ былъ нетолько довести о происходившемъ своему довѣрителю, но и стараться злоупотребленiямъ со стороны полицейскихъ чиновниковъ противодѣйствовать. Занималъ ли Архиповъ въ электоральномъ движенiи одно только наблюдательное положенiе или онъ и склонялъ кого-нибудь самъ непосредственно выбирать гг. Бехтѣева и Хвостова? Я утверждаю, что еслибъ онъ всѣми силами души убѣждалъ и самымъ энергическимъ

образомъ склонялъ выборщиковъ, то за это склоненіе никоимъ образомъ подлежать онъ отвѣтственности не можетъ, такъ какъ это дѣло съ его стороны совершенно законное. На то и существуютъ выборы, на то и узаконена борьба партій, чтобъ всякій, даже не выборщикъ, склонялъ всѣхъ и каждаго, чтобъ прямое, живое и непосредственное участіе въ выборахъ принимало возможно большее число лицъ. Представьте себѣ законъ, который ставилъ бы преграды такому склоненію, убѣжденію, уговору: тогда все общество походило бы на заведеніе вмѣщающее въ себѣ лицъ, подвергнутыхъ точно одиночному заключенію; каждый гражданинъ точно запертъ въ свою клѣточку, знать ничего не зналъ бы, что дѣлается вокругъ, и выбиралъ бы, не уяснивъ себѣ, кого онъ выбираетъ! Правильные выборы при такихъ условіяхъ невозможны, потому что въ обществѣ всегда найдутся люди, которые настолько заинтересованы въ томъ, чтобъ выбрали ихъ кандидатовъ, что, несмотря ни на какія затраты, обходя законъ и дѣйствуя скрытно, устроятъ выборы по своему, они составятъ маленькую тайную организацію, которая достигнетъ большихъ предвзятыхъ результатовъ, по тому громадному преимуществу, которымъ пользуется всякая организація передъ толпами изъ людей, дѣйствующихъ порознь, въ разсыпную. Никакой законъ, ни въ какомъ государствѣ, ни въ какомъ обществѣ не можетъ допустить, чтобъ при выборахъ не было склоненія; напротивъ, всякому склоненію дается полный просторъ. Если будутъ склонять въ свою пользу всѣ и каждый, и лично заинтересованные, и лично незаинтересованные, то, такъ какъ послѣднихъ, дѣйствующихъ безъ личнаго интереса, въ виду только общаго блага, гораздо больше, нежели тѣхъ, которые дѣйствуютъ по личному интересу, то эти послѣдніе, составляя меньшинство, расплавятся и утонутъ въ огромномъ числѣ лицъ, заинтересованныхъ въ выборахъ не лично, а по соображеніямъ пользы общественной. Еслибы всѣ склоняли всѣхъ, еслибы всѣ прини-

мали участіе въ выборахъ, тогда всякіе выборы были бы безусловно хороши въ томъ смыслѣ, что эти выборы были бы сознательнымъ выраженіемъ настоящей воли общественной. Чтобы недалеко ходить за примѣромъ, я долженъ сказать, что нетолько въ крестьянскомъ мірѣ, но даже въ обществахъ городскихъ и дворянскихъ на выборахъ не обходится безъ того, чтобы кандидаты не предлагали бы сами себя, не ухаживали бы за выборщиками, не приглашали бы ихъ и не угощали бы при этомъ случаѣ. Выборы почти никогда и не бываютъ безъ ѣды и безъ питья на чужой счетъ. Я не слышалъ, чтобы когда-нибудь кого винили за выпитую чашку чая, за съѣденный кусокъ селедки; чтобы рюмка водки и кусокъ селедки или даже выпитая въ компаніи бутылка шампанскаго были чѣмъ-то въ родѣ договора, по которому тотъ, который съѣлъ или выпилъ, продаетъ свой голосъ, обѣщается вотировать за того или другого кандидата. Угощаясь на выборахъ, я никогда въ себѣ не ощущалъ никакихъ сомнѣній или угрызеній совѣсти. Перенесемся мысленно за маленькую сферу выборовъ дворянскихъ, въ которой выборщиковъ немного, и легче, чѣмъ во всякой другой сферѣ, агитировать. Выборамъ предшествуетъ образованіе гласныхъ или негласныхъ комитетовъ. У самого кандидата или у кого-нибудь изъ его близкихъ съѣзжаютса обсуждать, подкрѣпляя, отъ времени до времени, свои силы, о томъ, кого возвести въ подлежащую замѣщенію должность. Пріѣзжаютъ на эти бесѣды и угощенія нетолько сторонники кандидата, но даже и люди изъ другого лагеря, люди нейтральные или противники, для полученія свѣдѣній и согласованія своихъ дѣйствіи съ дѣйствіями другой партіи. Отъ этихъ малыхъ выборовъ перейдемъ къ большимъ, къ цѣлымъ десяткамъ тысячъ людей—въ члены парламента, въ какое-нибудь народное собраніе. Избирателей не можетъ помѣстить ни одно обыкновенное помѣщеніе. Нанимаются для предварительныхъ сходокъ и совѣщаній цирки, театры, кон-

цертныя залы, или, просто-на-просто, сходки происходятъ въ паркѣ, саду, на городской площади. Ораторы съ каѳедры или подмостковъ склоняютъ публику въ пользу своихъ кандидатовъ и своихъ программъ. Мало того: подряжаются лица, которыя посвящаютъ свою дѣятельность спеціально на то, чтобы склонять нетолько выборщиковъ, но всю читающую публику въ пользу извѣстныхъ кандидатовъ — это журналисты. Каждая партія, для успѣшности своихъ дѣйствій, основываетъ свой органъ — газету, или поддерживаетъ своими средствами существующіе органы печати, газеты, въ которыхъ ежедневно повторяется: выбирайте такого-то, онъ такихъ-то убѣжденій, онъ будетъ служить такимъ-то интересамъ. И этотъ образъ дѣйствія въ порядкѣ вещей. Никто не станетъ уважать публициста, который, за деньги, переходя отъ одной партіи къ другой и мѣняя убѣжденія, сегодня служитъ однимъ кандидатамъ, а завтра ихъ противникамъ, но если онъ не мѣняетъ, если онъ тѣхъ же убѣжденій, принадлежитъ той же партіи, въ пользу которой склоняетъ, и если получаетъ за свои труды вознагражденіе, безъ котораго никакой трудъ экономически немыслимъ, то эти его дѣйствія совершенно законны и таковыми по всему свѣту признаются. Итакъ, склонялъ или не склонялъ выборщиковъ Архиповъ въ пользу Хвостова и Бехтѣева — это безразлично. Не подлежитъ отвѣтственности и Черенковъ, вовсе незнавшій Архипова, за то, что ходилъ между выборщиками, подговаривая ихъ класть шары за Хвостова и Бехтѣева, а тѣмъ меньше за то, что произнесъ слова: «въ святомъ писаніи говорится: послѣдніе будутъ первыми». Итакъ, склоненіе выборщиковъ ненаказуемо. Чтобы подвести подъ отвѣтственность и сдѣлать предметомъ вмѣненія, необходимо сопоставить его или съ дурнымъ намѣреніемъ склоняющаго, или со средствами, употребляемыми для склоненія. Сопоставленіе дѣйствія склоненія съ намѣреніями склоняющаго даетъ основаніе нравственной оцѣнкѣ склоненія, но от-

нюдъ не уголовной. Можно хулить или презирать человѣка, который дѣйствовалъ безъ внутренняго убѣжденія или за деньги, перекидывался съ одной стороны на другую, но нельзя еще его за то наказывать, потому что мотивы неуголовнаго дѣйствія оцѣниваются только по совѣсти, а не по закону, и судья ихъ только публика, общественное мнѣніе. Уголовной отвѣтственности могутъ подлежать способы склоненія предосудительныя, средства склоненія, отнесенныя закономъ въ разрядъ происковъ преступныхъ и потому запрещенныя подъ страхомъ наказанія. Они перечислены въ 1425-й ст. улож. Я замѣчу, что въ числѣ этихъ способовъ нѣтъ *угощенія*. Я еще возвращусь къ этому слову и буду протестовать противъ его включенія въ обвиненіе. Въ статьѣ 1425-й упомянуты и запрещены только четыре средства: угрозы, подкупъ, подарки и обѣщанія. Разберемъ, были ли эти средства пущены въ ходъ въ настоящемъ случаѣ? Имѣли ли мѣсто *угрозы?* Говорятъ, будто бы Камышевъ и Богачевъ, споря съ Кабановымъ, стращали его тѣмъ, что пожалуются на него Хвостову; зная цѣну этому стращанію Кабановъ имъ отвѣтилъ: «Я не боюсь Хвостова; скажите ему, что я его выбирать не стану». Такъ и хочется спросить: гдѣ мы? въ дѣтской ли или между взрослыми людьми? Угроза преступная, уголовная можетъ заключаться только въ стращаніи зломъ опредѣленнымъ, положительнымъ и, притомъ, противозаконнымъ, но она ненаказуема, какъ скоро стращающій грозитъ, что онъ воспользуется своимъ несомнѣннымъ и законнымъ правомъ. Кабановъ не зависитъ отъ Хвостова; но еслибъ, положимъ, все населеніе извѣстной мѣстности вполнѣ зависѣло отъ землевладѣльца, на котораго землѣ они поселены, въ лѣсахъ котораго они пасутъ свой скотъ, и еслибъ этотъ землевладѣлецъ вдругъ объявилъ населенію: «кто не будетъ вотировать въ мою пользу, тотъ не получитъ отъ меня аренды или скотина того не будетъ пастись на моей землѣ», то это предвареніе не-

благородное, мерзкое, недостойное, а всетаки, не будетъ считаться угрозою, потому что за пользованіе своимъ правомъ никто не отвѣчаетъ. Итакъ, угроза отпадаетъ, за нею слѣдуетъ второе средство—*подкупъ*. Кого и какъ подкупалъ Архиповъ? Неизвѣстно кого и даже не могутъ быть приблизительно указаны тѣ лица, на которыя онъ дѣйствовалъ деньгами. Есть два свидѣтеля, Дерюгинъ и Ѳедоръ Савинъ, которые утверждаютъ, будто Архиповъ дѣлалъ передъ ними признаніе въ подкупѣ или, по крайней мѣрѣ, въ раздачѣ денегъ на угощеніе. Разберемъ эти показанія и опредѣлимъ степень ихъ достовѣрности. Свидѣтель Дерюгинъ, который не зналъ вовсе Архипова, который не былъ выборщикомъ, разсказываетъ, будто, проходя въ 12 часовъ или немного позже, по дорогѣ мимо заведенія Волкова, видѣлъ лицо, признаваемое имъ нынѣ за Архипова, которое, будто бы, ему и другимъ крестьянамъ вовсеуслышаніе передавало: «Я больше не дамъ; я роздалъ 25 р. на выборы и, кромѣ того, 3 р. далъ Сѣрикову». Одновременно, будто бы, проходили по улицѣ вязовецкіе старшина и сборщикъ податей Черенковъ, которыхъ Архиповъ зазвалъ въ трактиръ и которые получили отъ Архипова 1 рубль. Странная вещь: оказывается изъ словъ Дерюгина, что была устроена Архиповымъ точно контора для раздачи денегъ, что приставали къ Архипову крестьяне невыборщики, которымъ давать чтобы ни было было безполезно! Свидѣтель Дерюгинъ ссылается на лица, совершенно неизвѣстныя, имена которыхъ онъ скрывалъ при предварительномъ слѣдствіи и обнаружилъ только теперь. Безъ этихъ лицъ нельзя провѣрить фактъ, странный самъ по себѣ и даже мало естественный—самопризнанія Архипова! Или повѣрить на слово Дерюгину? но это рискованно—неизвѣстно, что онъ за человѣкъ; или спросить тѣхъ крестьянъ, которыхъ имена онъ объявилъ теперь? Я просилъ вызвать тѣхъ свидѣтелей на счетъ защиты; но мнѣ было отказано. Я убѣжденъ, что еслибъ ихъ вызвали, то результатъ оказался

бы тотъ же, какъ относительно вязовецкихъ крестьянъ. Если я лишенъ былъ возможности доказать невѣрность показанія относительно тѣхъ крестьянъ, которые шли по дорогѣ, то имѣю основаніе сказать, что фактически обнаружена и доказана недостовѣрность показанія Дерюгина относительно вязовецкихъ крестьянъ, по его словамъ, получившихъ рубль отъ Архипова. Когда предсталъ предъ вами вязовецкій сборщикъ податей Шеменевъ, то Дерюгинъ, поспѣшилъ заявить: «Я обознался; тотъ сборщикъ былъ человѣкъ другой; тотъ былъ маленькій, рябой, молодой; онъ былъ сборщикомъ въ 1878 году, а не въ нынѣшнемъ 1879 году». Между тѣмъ, оказалось, что Шеменевъ былъ сборщикомъ и въ 1878 году, а его предмѣстникъ вовсе не соотвѣтствуетъ, по чертамъ лица, описанію, составленному, вѣроятно, на скоро и наугадъ Дерюгинымъ. Если Дерюгинъ попалъ въ просакъ съ Шеменевымъ, можно ли вѣрить и всѣмъ вообще его показаніямъ, напримѣръ, относительно вязовецкаго старшины Попова. Старшина сбѣжалъ отсюда изъ Ельца ночью; онъ человѣкъ боязливый, боялся сильныхъ міра сего, онъ желалъ показать правду, но когда, явившись въ Елецъ, узналъ, что показаніе его можетъ быть не въ пользу исправника, то скрылся. Тѣмъ не менѣе, онъ сознавался свидѣтелямъ, которыхъ вы слышали на судѣ, что рубля отъ Архипова не получалъ, да и не могли получить этого рубля вязовецкіе выборщики, такъ какъ, запоздавъ пріѣздомъ и пріѣхавъ только въ часъ, они, никуда не заходя, прямо попали на выборы. Если показанія Дерюгина относительно вязовецкихъ крестьянъ столь сомнительны, то сомнительны они также и по предмету израсходованныхъ, будто бы, на подкупъ или угощеніе 25 руб. Если бы деньги раздавались открыто, точно въ конторѣ, каждому, то развѣ не раскрыло бы этого факта дознаніе, которое шло по всѣмъ волостямъ, и предварительное слѣдствіе, воспользовавшееся какъ матеріалами дознанія, такъ и данными еще другихъ разспросовъ и дознаній, которыхъ была пропасть.

Спрашивали, поочередно свидѣтелей, производя формальные допросы, полиція и слѣдователь, уѣздный предводитель дворянства и чиновникъ отъ губернатора—неужели всѣ эти дознанія и слѣдствія не обнаружили бы какую-нибудь раздачу въ многія руки разныхъ суммъ, когда при нихъ обнаружены даже такія подачки, какъ 50 к., дѣлаемыя разными лицами, но только не Архиповымъ. Извѣстно, что изъ частей можно заключать о цѣломъ. Если часть показанія Дерюгина вполнѣ опровергнута, то можно съ увѣренностью заключить, что столь же мало заслуживаютъ довѣрія и остальныя части показанія, непровѣренныя или даже и немогущія быть провѣренными. На этомъ основаніи, я откидываю показаніе Дерюгина и перехожу къ Ѳедору Савину. Ѳедоръ Савинъ—стегаловскій житель; онъ не былъ въ должности. Я былъ лишенъ возможности раскрыть исторію о похищеніи вещей, на которую наводитъ рѣчь Иванъ Савинъ. Но, независимо отъ этого обстоятельства, показаніе Ѳедора Савина въ высшей степени сомнительно по своему содержанію. Это человѣкъ, неимѣющій постоялаго двора, но имѣющій лавочку галантерейныхъ товаровъ близъ трактира Волкова. Онъ разсказываетъ, что послѣ не только выборовъ, но и угощенія Архиповымъ привалившаго съ выборовъ народа, Архиповъ, будто бы, убѣжалъ къ нему, Савину, и тутъ открылъ ему свою тайну: я, дескать, говоритъ, подкупалъ крестьянъ, роздалъ 70 рублей, ѣздилъ по волостямъ и давалъ гдѣ 5, гдѣ 7, гдѣ 10 рублей на угощеніе. Замѣчу, что показанія Ѳедора Савина и Дерюгина, если бы они были вполнѣ вѣрны, сводятся только на одно угощеніе. Но, я утверждаю, что, даже ссылаясь на угощеніе, это показаніе невѣроятно. Если послѣ выборовъ выборщики стали приставать къ Архипову, чтобы онъ ихъ угостилъ за то, что выбрали его господъ, то Архипову нужно было поскорѣе уѣхать совсѣмъ изъ Стегаловки, что онъ и сдѣлалъ. Извѣстно изъ слѣдствія, что Архиповъ уже былъ предупрежденъ друъями, что на него идетъ доно-

сить о подкупѣ Кабановъ. Извѣстно, что когда это извѣстіе донеслось до Архипова, онъ схватилъ ведро вина съ рундука на улицѣ и внесъ его въ домъ. Архиповъ, такимъ образомъ, уже былъ на сторожѣ, зналъ, что къ нему придерутся. Мыслимо ли, чтобы въ этотъ моментъ онъ вздумалъ побѣжать къ весьма мало ему извѣстному человѣку для того только, чтобы сдѣлать его вмѣстилищемъ уголовной тайны, а себя, посредствомъ самообвиненія, выдать, такъ сказать, головою? Гг. судьи, вѣдь это былъ бы безумный поступокъ. Сверхъ того, показаніе это еще опровергается слѣдующимъ. Если бы Савинъ дѣйствительно слышалъ отъ Архипова признаніе въ томъ, что за двѣ недѣли до выборовъ онъ давалъ гдѣ 5, гдѣ 7, гдѣ 10 руб., если подпой шелъ ещъ задолго до выборовъ, то, во-первыхъ, это просто въ экономическомъ отношеніи было бы крайне глупо, потому что память объ угощеніи дѣйствуетъ хорошо, когда она свѣжа, а потомъ угощеніе забывается и отходитъ, какъ воспоминаніе, въ даль; во-вторыхъ, раннія угощенія были бы самымъ лучшимъ средствомъ разглашать по всему бѣлу свѣту о подпаиваніи избирателей; извѣстіе о подпоѣ не могло бы не дойти до полиціи, и дознаніе, а потомъ и слѣдствіе, вѣроятно, начались бы еще до выборовъ. Ничего подобнаго не происходило. Итакъ, весь разсказъ Ѳедора Савина сильно похожъ на вымыселъ и крайне неправдоподобенъ. Я полагаю, что этотъ подкупъ, о которомъ такъ много говорится, не существовалъ вовсе. Если не было подкупа, не обнаружена ли раздача *подарковъ?* Подарки сводятся къ тому же, что и подкупъ — къ угощенію водкою. Онъ угощалъ несомнѣнно послѣ выборовъ, но говорятъ, что онъ давалъ на угощеніе еще до выборовъ. Между тѣмъ, никто не видѣлъ этого угощенія. У Волкова кабакъ былъ, по крайней мѣрѣ, снаружи, закрытъ, туда входили, однако, заднимъ ходомъ люди, ѣли и пили, никто не видѣлъ, чтобы ѣли и пили съ Архиповымъ, чтобы Архиповъ кого нибудь угощалъ. Я уже говорилъ, что уго-

щенія входятъ, какъ элементъ, во всякое выборное движеніе. начиная съ игръ и постановки трагедій греческихъ, съ римскимъ *circenses*, которыми народъ угощали люди добивающіеся высшихъ должностей въ государствѣ до англійскихъ hustings и польскихъ сеймиковъ. Задабриваніе кандидатами избирателей доходило до безобразія, но нигдѣ почти этимъ безобразіямъ законодательства даже и не пытались противодѣйствовать мѣрами уголовными. Средство противъ задабриванія выборщиковъ угощеніями заключается, главнымъ образомъ, въ нравахъ; сверхъ того, демократія обладаетъ еще двумя весьма сильными способами противъ задабриванія, именно, всеобщею подачею голосовъ и закрытою баллотировкою. При всеобщемъ голосованіи избирателей такъ много, что угощеніе ихъ не по средствамъ частныхъ лицъ, какъ бы богаты эти люди не были. Крестьяне наши очень скоро постигли цѣну секретнаго баллотированія шарами и усвоили себѣ превосходно это учрежденіе. Всякому извѣстно, что если придется баллотировать открыто, то кандидатъ почти навѣрняка пройдетъ, хотя бы онъ и не былъ любъ большинству, потому что немногіе рѣшатся обнаружить открыто свое мнѣніе вставаніемъ или сидѣніемъ, но если баллотировка закрытая, шарами, то, въ сущности, глупъ тотъ, кто угощаетъ, на чей счетъ ѣдятъ и пьютъ, потому что слѣдить за тѣмъ, куда кладутъ шары, онъ не можетъ—его и объѣдятъ, и, все таки, забаллотируютъ. Такимъ образомъ, при секретной баллотировкѣ угощеніе совершенно недѣйствительное средство привлеченія сторонниковъ.

Итакъ, если бы даже было доказано, что въ какой-нибудь мѣстности до выборовъ Архиповъ совѣщался съ съ нѣкоторыми изъ выборщиковъ, если бы онъ и приказывалъ дать закуску или водку, то изъ этого еще нельзя заключить о подкупѣ и подаркахъ, потому что угощеніе въ нашихъ нравахъ и обычаяхъ вовсе не предполагаетъ договора между угощающимъ и угощаемымъ, котораго смыслъ такой: ты меня угости, а я

дамъ тебѣ свой голосъ. Очень часто принимаются, а слѣдовательно, и угощаются лица завѣдомо принадлежащія къ противной партіи, которыя, однако, безъ зазрѣнія совѣсти пользуются угощеніемъ, а потомъ голосуютъ противъ угощавшаго. При угощеніи не было уговора о голосованіи ни явнаго, ни подразумѣваемаго.

Но если подарковъ не было даже въ формѣ угощенія, то не было ли *обѣщаній угостить* въ случаѣ избранія Бехтѣева и Хвостова? Если разобрать это предположеніе, то оно окажется еще слабѣе всѣхъ предъидущихъ. Чего не сдѣлалъ живой человѣкъ, того не сдѣлаетъ его тѣнь. Чего нельзя достигнуть самымъ угощеніемъ въ натурѣ, того не достигнешь тѣнью угощенія, то есть, обѣщаніемъ угостить тѣмъ, что обѣдающій скажетъ выборщику: дай мнѣ твой голосъ, а если мой кандидатъ будетъ выбранъ, то я тебя накормлю и напою. Какъ удостовѣриться, что подкупленный обѣщаніемъ далъ голосъ? Удостовѣриться можно только тогда, когда голосующіе на перечетъ, а не $2^1/_2$ сотни, слѣдовательно тотъ, къ кому обращался обѣщающій угощать, составлялъ только $^1/_{250}$ часть выбирающей силы. Въ данномъ дѣлѣ надо допустить, что обѣщаніе распространялось на всѣхъ вообще крестьянъ и на выборщиковъ, слѣдовательно, что кругъ прельщаемыхъ людей былъ еще больше. Если результатъ выбора зависитъ отъ 250 человѣкъ, то обѣщаніе угощенія едва ли могло имѣть какое нибудь вліяніе на каждую единицу, потому что каждая единица поразсудитъ, развѣдаетъ сначала, куда клонится выборъ по общему желанію и туда пристанетъ, въ полной увѣренности, что угощеніе послѣ выборовъ будетъ имѣть мѣсто въ его обычной, искони установившейся формѣ, соединенное съ поздравленіемъ. Вездѣ и всегда счастливые избранники задавали друзьямъ, знакомымъ и даже мало знакомымъ пиръ на славу. Въ Англіи, лордъ-мэръ задаетъ послѣ избранія обѣдъ, даетъ балы президентъ французской республики; у насъ празднуетъ свое избраніе каждый предводитель дво-

рянства, каждый городской голова, я самъ бывалъ на профессорскихъ обѣдахъ, по случаю избранія или переизбранія въ профессора. Обычай такъ силенъ, что едва ли кто можетъ отъ него уклониться. Вспомните, господа судьи, того Катона Воронецкой волости, который вамъ говорилъ, что еслибы къ нему подошелъ мужикъ и попросилъ на водку послѣ выборовъ, то онъ его тотчасъ посадилъ бы въ холодную арестантскую. Этотъ самый Катонъ уличенъ двумя свидѣтелями: Богачевымъ и Камышевымъ въ томъ, что и онъ, попавъ въ число девяти гласныхъ на выборахъ въ Стегаловкѣ далъ 1 руб. на угощеніе. Угощеніе со стороны выбранныхъ столь обычно, что оно могло подразумѣваться и что молва о немъ могла ходить въ народѣ и гулять по міру безъ всякаго участія со стороны Архипова. Если богатоплатовскіе мужики взяли на себя пропагандировать кандидатуру Бехтѣева и Хвостова, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что просто по обычаю, по извѣстнымъ примѣрамъ, они же подталкивали выборщиковъ другихъ волостей словами: угощеніе будетъ. Молва росла, кто сулитъ три, кто пять ведеръ, могла она дойти и до десяти и до 15-ти, но что же изъ этого слѣдуетъ? развѣ можно такую ходячую молву относить насчетъ Архипова? Количество требуемаго угощенія не можетъ быть опредѣлено заранѣе; оно зависитъ отъ числа лицъ, которые придутъ поздравлять. Придетъ больше, чѣмъ ожидали— слава Богу, у насъ водка вездѣ есть—можно взять и дать въ одну минуту. Сверхъ того, водка въ натурѣ легко замѣняется деньгами на водку. Торопятся люди уѣхать, солнце садится, распить хотѣлось бы, но поздно, и, вмѣсто водки, кто получаетъ 20 коп., кто 30 копѣекъ: поѣзжай и угощайся въ дорогѣ. Это то же самое угощеніе, это то, что называется магарычъ. Онъ вовсе не расплата за сдѣланное, за сработанное. Онъ неразрывно сроссся съ обычнымъ поздравленіемъ. Приходятъ поздравлять съ днемъ рожденія, съ днемъ ангела, съ полученнымъ чиномъ, крестомъ, съ крестинами или

свадьбою, приходятъ толпами, всѣхъ не отблагодаришь хлѣбомъ-солью, просто, вмѣсто угощенія, даешь «на водку». Русское: «на водку» неискоренимо никакими уголовными мѣрами. Итакъ, когда послѣ выборовъ народъ повалилъ толпою по постоялымъ дворамъ и въ томъ числѣ и въ трактиръ Волкова, Архиповъ былъ поставленъ въ необходимость предложить ведро водки. Его уличаютъ, что онъ далъ больше. Въ дѣлѣ есть показаніе свидѣтеля обвиненія, трактирщика Волкова, что за всю бытность у него Архипова, онъ и за себя, и за тестя, и за кормъ лошадей въ теченіи двухъ дней, и за угощеніе крестьянъ заплатилъ всего только 14 руб. Итогъ этого расхода не даетъ основанія предполагать, что въ трактирѣ Волкова, вечеромъ 24-го іюня, было разливанное море. Наконецъ, еслибъ и розлито было это море, еслибъ дано было десять ведеръ водки, то и такое угощеніе послѣ выборовъ не подходило бы подъ дѣйствіе 1425-й ст., потому что эта статья говоритъ о склоняющихъ передъ выборами, но послѣ выборовъ склонять уже нельзя. Всякое пьянство, конечно, предосудительно, но было ли въ данномъ случаѣ пьянство? Сообразите, что люди цѣлый день ничего не ѣли и не пили, и, право, вы признаете, что въ такомъ угощеніи не было совершенно ничего необыкновеннаго, неприличнаго.

Я кончилъ объ Архиповѣ. Изъ всей массы уликъ не осталось ничего. Остаются Черенковъ и Сѣриковъ. Что касается Черенкова, то противъ него существовали прежде слѣдующія улики: показаніе Романа Туленинова, но оно снято: Тулениновъ говорилъ при предварительномъ слѣдствіи о воронецкомъ засѣдателѣ, но при судебномъ онъ не призналъ за таковаго Черенкова—очевидно, что онъ ошибался; показаніе Волкова, что вечеромъ послѣ выборовъ Черенковъ былъ въ кабакѣ; показаніе Дерюгина, который, будто бы, видѣлъ, какъ Черенковъ зазывалъ въ трактиръ вязовецкихъ сборщика податей и старосту; показаніе Филиппа Малютина, который снявъ оговоръ съ

Ивана Сѣрикова, оставилъ его, однако, по мнѣнію г. прокурора, на Черенковѣ. Разберемъ эти показанія.

Показаніе Дерюгина относится ко времени послѣ 12-ти часовъ дня, когда, будто бы, шли по улицѣ вязовецкіе мужики; изъ нихъ Шаменевъ здѣсь удостовѣрилъ, что они опоздали, пріѣхали лишь въ часъ и прямо отправились, никуда не заходя, на выборы. Послѣ 12-ти часовъ Черенковъ не могъ сидѣть у Волкова; онъ, по обязанности засѣдателя, долженъ былъ собирать людей и перекликать ихъ предъ каждымъ баллотированіемъ. Выборщики утверждаютъ, что если Черенковъ отлучался, то только на самое короткое время, за отыскаціемъ двухъ изъ своей волости людей, которые вышли за ограду и которые находились не въ далекомъ разстояніи отъ мѣста выборовъ. Показаніе Волкова о бытности у него Черенкова вечеромъ, послѣ выборовъ, опровергается свидѣтелями, показывающими, что онъ тотчасъ послѣ выборовъ, не заходя въ трактиръ, собрался и уѣхалъ. Еслибъ показаніе Волкова и подтвердилось, оно ничего не значило бы, потому что оно относилось бы ко времени послѣ выборовъ, но оно связывало бы Архипова съ Черенковымъ, устанавливало бы фактъ личнаго между ними знакомства. Но несомнѣнно, по словамъ односельцевъ Черенкова, что прямо съ выборовъ Черенковъ отправился съ Сорокинымъ на постоялый дворъ, тамъ запрягли лошадей и уѣхали. Такимъ образомъ, оказывается, что Черенковъ съ самаго начала и до конца былъ на выборахъ, не заходилъ къ Волкову и никакого участія въ угощеніи не принималъ. Если онъ убѣждалъ выбирать Бехтѣева и Хвостова, то пользовался законнымъ правомъ выборщика и послѣ выборовъ имѣлъ полное основаніе сказать евангельскія слова: «первые да будутъ послѣдними и послѣдніе первыми». Въ этихъ словахъ, я думаю, вся вина Черенкова! Что касается еще одного свидѣтеля, Филиппа Манютина, то его показаніе, сверхъ своей неправдоподобности, хромаетъ еще тѣмъ, что Манютинъ

одинъ изъ тѣхъ свидѣтелей, показанія которыхъ имъ же самимъ опровергнуты, а потому весьма сомнительны. Ф. Манютинъ отозвался полнѣйшимъ запамятованіемъ происходившаго, довелъ дѣло до того, что прочтено было его показаніе, данное при предварительномъ слѣдствіи; часть этого послѣдняго показанія онъ совсѣмъ отвергъ, а часть какъ будто бы призналъ, но, все таки, весьма нетвердо, словами: «должно быть, было такъ». Наконецъ, я совсѣмъ не буду говорить о подсудимомъ Сѣриковѣ, потому что всѣ свидѣтели ничего противъ него не сказали: Волковъ говоритъ, что его не видѣлъ; Дерюгинъ впутывалъ его только въ сдѣланное, будто бы, Архиповымъ признаніе; Романъ Тулениновъ снялъ свое показаніе относительно Сѣрикова; далѣе Кабановъ говоритъ, что ничего не знаетъ; Иванъ Манютинъ тоже отказался. Словомъ, о Сѣриковѣ никто ничего не знаетъ.

Оканчиваю мою защиту слѣдующими соображеніями. Я полагаю, что было бы прилично дать всему этому дѣлу названіе одной изъ шекспировскихъ пьесъ: «Much do about nothing»—(«Много шума изъ за пустяковъ»). Враждующія партіи перекидываются живыми людьми, какъ мячиками. Я полагаю, эти люди имѣютъ право, чтобы ихъ судили не какъ неодушевленныя вещи, а какъ живыхъ лицъ, себя сознающихъ, которыхъ дѣйствія должны быть цѣнимы и имъ вмѣняемы, независимо отъ того, какія цѣли достигаемы были черезъ нихъ тѣми, которые ихъ обвиняютъ, или тѣми, съ кѣмъ они дѣйствовали заодно. Вотъ почему я и прошу, гг. судьи, чтобы вы вынесли совершенное оправданіе всѣмъ подсудимымъ.

Судъ послѣ краткаго совѣщанія, вынесъ всѣмъ подсудимымъ оправдательный приговоръ. Харьковская Судебная Палата оставила безъ послѣдствій принесенный на этотъ приговоръ апелляціонный протестъ Прокурора Елецкаго Окружнаго Суда.

23.

Дѣло крестьянина Осипа Малиновскаго.

Въ засѣданіи перваго отдѣленія пятаго департамента правительствующаго сената слушалось, 27-го сентября, 1880 г. дѣло по частной жалобѣ крестьянина Осипа Малиновскаго на постановленіе гродненской соединенной палаты, которымъ рѣшено прекратить производствомъ, по необнаруженію виновныхъ, дѣло, возбужденное Малиновскимъ, о подложномъ составленіи въ 1866 году подписки, на основаніи которой онъ, въ числѣ многихъ другихъ, былъ причисленъ, противъ воли своей, въ православные. между тѣмъ какъ, по его словамъ, онъ никогда подобной подписки не давалъ. Присяжный повѣренный Спасовичъ, поддерживая жалобу Малиновскаго, въ дополненіе къ ней, представилъ слѣдующее объясненіе:

«Я буду просить гг. сенаторовъ удѣлить мнѣ благосклонное вниманіе по дѣлу, которое можетъ быть сочтено и весьма сложнымъ, и весьма простымъ, и неважнымъ, и важнымъ, смотря по тому, съ какого конца на него смотрѣть и какъ опредѣлить его содержаніе. Что касается его содержанія, то съ перваго взгляда кажется, будтобы оно есть дѣло только о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ 187 и 207 ст. улож. о нак., т. е. объ отпаденіи отъ православія въ католицизмъ, или дѣло о неисполненіи новообращеннымъ

въ православіе обрядовъ православной церкви. Дѣйствія эти пріобрѣтаютъ вполнѣ уголовный характеръ только тогда, когда есть въ виду совратители; когда ихъ нѣтъ, то они—проступки не уголовные, а просто церковные, и разсматриваются, какъ состояніе личнаго убѣжденія человѣка отступившаго, за которое онъ только отсылается къ духовному начальству, причемъ противъ него принимаются лишь нѣкоторыя мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленія. Правда, въ настоящемъ дѣлѣ есть до 20-ти подобнаго рода подсудимыхъ, отпавшихъ отъ православія. Спрошенные по дѣлу, всѣ повторяютъ въ одинъ голосъ стереотипную фразу: я не былъ пять или шесть лѣтъ у исповѣди и св. причастія, дѣти—одни крещены, потому что были больны и при смерти, а другіе—не крещены. Эти показанія давались въ 1871 году, слѣдовательно, девять лѣтъ тому назадъ. Если къ этимъ девяти годамъ прибавить тѣ пять или шесть лѣтъ, въ теченіи которыхъ они не исполняли извѣстныхъ обрядовъ до допроса, то выйдетъ 14 или 15 лѣтъ, въ теченіи которыхъ они пребывали внѣ общенія съ какою бы ни было церковью и были лишены духовной пищи, утѣшеній религіи, находясь въ состояніи, похожемъ на расколъ, произведенный искуственно мѣрами администраціи. Состояніе печальное; но что же дѣлать? Судъ можетъ сказать себѣ: не мое дѣло вмѣшиваться въ духовное вѣдомство; мнѣ только слѣдуетъ производство, за неимѣніемъ уголовнаго наказанія, прекратить и отослать упорствующихъ къ благочинному и полиціи, предоставивъ дѣлать съ ними что знаютъ. Но, гг. сенаторы, настоящее производство, по содержанію своему, не состоитъ изъ одного только отпаденія отъ православія—въ немъ есть еще и другой конецъ. Эти люди, упорствующіе въ томъ, чтобы не подчиняться обрядамъ и уставу православной церкви, въ то же время, переходятъ въ наступательное положеніе. Изъ обвиняемыхъ они обращаются въ обвинителей и утверждаютъ, что однихъ обращали посредствомъ истязаній и насилія, а

другихъ—при помощи составленія отъ имени ихъ росписокъ, которыхъ они никогда не давали. Такимъ образомъ, возникаетъ уже иной вопросъ, прямо подходящій къ вашей компетенціи: объ употребленіи насилія и совершеніи подлога для причисленія людей къ православію. Если судъ гражданскій обязанъ защищать каждаго человѣка въ его чести, въ его собственности, то онъ не можетъ не защищать его въ самомъ драгоцѣннѣйшемъ изъ благъ, именно—въ правѣ исповѣдывать, по своему убѣжденію, ту или другую религію и прибѣгать къ утѣшеніямъ той церкви, отъ которой онъ считаетъ себя незаконно отторгнутымъ. Для простого человѣка вся его умственная жизнь заключается въ одной только религіи; вѣра для него цѣннѣе всякаго богатства: что, въ сравненіи съ нею, земля, деньги, удобства жизни? Если посмотрѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія, которая и есть, по моему убѣжденію, единственная правильная, то по такому дѣлу, какъ настоящее, нельзя ограничиться однимъ формальнымъ къ нему отношеніемъ и сказать, что мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе существа его, а лучше его прекратимъ. Православная литовская духовная консисторія, къ которой эти люди обращались съ жалобою на подлогъ, въ отвѣтъ имъ, рѣшила: за причисленіемъ ихъ къ православію, по распоряженію синода, сужденія о нихъ не имѣть. Но оцѣнить представленныя судебныя доказательства подлога и признать подлогъ можетъ только уголовный судъ. Если онъ откажетъ въ этомъ, будучи убѣжденъ, что доказательства вѣрны и что подлогъ на лицо, то такой судъ совершитъ явный отказъ въ правосудіи. Имѣлъ ли въ дѣйствительности мѣсто подлогъ или нѣтъ? Я постараюсь доказать, что подлогъ былъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ моему кліенту Малиновскому, и приступаю прямо къ передачѣ фактовъ словами подлинныхъ протоколовъ слѣдственнаго производства.

Время дѣйствія — 1866 годъ, мѣсто дѣйствія—Свислочь, маленькій городокъ, почти селеніе въ волковыс-

комъ уѣздѣ, гродненской губерніи. Оно происходило почти одновременно съ такъ называемымъ каракозовскимъ дѣломъ, которое, какъ извѣстно, поручено было генералу Муравьеву, уже оставившему виленское генералъ губернаторство. Мѣсто его занималъ генералъ Кауфманъ, при управленіи котораго и происходили самыя крупныя обращенія въ православіе цѣлыми массами. Дѣйствующими лицами являются: во-первыхъ, священникъ Александръ Гомолицкій; во-вторыхъ, мировой посредникъ Щербовъ, который хотя и не значится въ числѣ подписавшихся на актахъ присоединенія къ православію, но дѣйствовалъ, такъ сказать, за кулисами, какъ видно изъ показаній свидѣтелей; въ третьихъ, участковый чиновникъ, состоящій при посредникѣ, Шевягинъ, подпись котораго имѣется на многихъ подпискахъ; затѣмъ, въ четвертыхъ, жандармскіе нижніе чины и унтеръ-офицеры, въ числѣ которыхъ есть нѣкто Лопатицынъ, и, наконецъ, въ пятыхъ, писаря, которые подписывались за безграмотныхъ. Значительно было число обращенныхъ въ православіе—болѣе 700 человѣкъ, такъ что священникъ Гомолицкій, какъ онъ объясняетъ въ своемъ показаніи, не успѣвалъ сочинять росписки отдѣльно отъ каждаго обращающагося лица, а писалъ ихъ гуртомъ отъ цѣлыхъ селеній сразу.

Большинство обращенныхъ поступило, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ массы, т. е. подчинилось и, не возражая, слилось съ массою православныхъ. Но въ числѣ этихъ 700 лицъ нашлось человѣкъ 20 или 25, которые протестовали и которыхъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: къ одной изъ нихъ принадлежатъ тѣ, которые вовсе не соглашались на составленіе отъ имени ихъ подписокъ, а къ другой — тѣ, которые хотя и согласились, но потомъ, когда ихъ поставили съ глазу на глазъ съ свидѣтелями, сказали, что дали согласіе только вслѣдствіе употребленныхъ противъ нихъ побоевъ, истязаній и насилія. Но съ тѣхъ поръ, какъ обращеніе послѣдовало, до этихъ позднихъ заявленій объ истязаніяхъ, прошло

много лѣтъ, заявляющіе были люди неграмотные, несмышленые, подробности забылись, не было возможности доказать фактъ насилія, такъ что эта часть разсматриваемаго дѣла по вопросу объ истязаніяхъ отпадаетъ, и разсматривать ее не приходится. Потому остаются только отвѣты о подлогахъ, обвиненія лицъ, которыя утверждаютъ, что, вмѣсто ихъ, подписки были сочинены безъ ихъ на то согласія другими лицами, которыхъ они объ этомъ не просили.

Обращаясь къ этой категоріи лицъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и мой кліентъ, Малиновскій, я долженъ сначала остановиться на опредѣленіи въ общихъ чертахъ операціи отбиранія подписокъ, которыя явствуютъ изъ дѣла. Всѣ подписки были отбираемы между 9-мъ и 13-мъ числами апрѣля, сначала, именно 9-го и 10-го, отъ отдѣльныхъ лицъ, а потомъ 11-го и 13-го апрѣля—гуртомъ, цѣлыми деревнями. Одна такая гуртовая подписка имѣется на листѣ 57-мъ дѣла, а другая на 123-мъ. Эти подписки весьма замѣчательны въ томъ отношеніи, что, если брать ихъ, какъ акты и судить ихъ по общимъ правиламъ оцѣнки достовѣрности документовъ, то едва ли можно признать за ними какую нибудь доказательную силу. Всѣ онѣ составлены за рукоприкладствомъ и удостовѣрены только однимъ священникомъ Гомолицкимъ, который постоянно является одинъ въ трехъ лицахъ: во-первыхъ, на первой страницѣ онъ занесъ своею рукою имена цѣлыхъ десятковъ лицъ, обращаемыхъ въ православіе, отмѣченныхъ потомъ троекратными крестиками, которые Богъ знаетъ кто поставилъ, можетъ быть, самъ Гомолицкій, и которые всѣ похожи одинъ на другой; во-вторыхъ, рукою же Гомолицкаго сдѣланы надписи забезграмотныхъ свидѣтелей и наконецъ, въ третьихъ рукою же Гомолицкаго сдѣлана надпись: «подписки принималъ», каковою подписью удостовѣряется, что всѣ поименованныя въ подпискѣ лица присоединились къ православію. Слѣдовательно, совокупность этихъ подписокъ равносильна удо-

стовѣренію только одного священника Гомолицкаго, а если оно обжаловано и оспорено, то нѣтъ возможности провѣрить, имѣлъ ли мѣсто фактъ, удостовѣряемый священникомъ Гомолицкимъ. На 125-й страницѣ дѣла имѣется гуртовая подписка, немного отличная отъ предыдущей. Имена обратившихся написаны Гомолицкимъ, опять поставлены крестики, свидѣтели тоже вписаны рукою Гомолицкаго; потомъ идетъ надпись рукоприкладчика: «по личной просьбѣ всѣхъ крестьянъ росписался жандармъ Лопатицынъ». Въ этой подписи опять всѣ слова подписаны рукою Гомолицкаго, кромѣ послѣдняго: «Лопатицынъ». Таковы общія подписки массами. Имъ, какъ я сказалъ, предшествовали, 9-го и 10-го апрѣля, единичныя подписки. Я объясняю себѣ выдачу этихъ единичныхъ подписокъ тѣмъ, что массы крестьянскія являютъ изъ себя видъ панургова стада; надобно склонить главныхъ хозяевъ, какъ предводителей, потомъ остальные пойдутъ, какъ овцы, за подавшими примѣръ домохозяевами. 9-го и 10-го апрѣля нужно было уломать главныхъ домохозяевъ, лучшихъ людей между крестьянами, а 11-го и 13-го апрѣля уже отмѣчалось прохожденіе за ними всего остального стада. Противъ самыхъ сомнительныхъ подписокъ гуртомъ, 11-го и 13-го апрѣля, сравнительно съ единичными, сдѣлано мало возраженій, а бо́льшая часть возраженій относилась до подписокъ 9-го и 10-го апрѣля. Какой же порядокъ былъ при отбираніи этихъ единичныхъ подписокъ? Прежде всего, въ нихъ бойкимъ, писарскимъ почеркомъ написано: я, такой-то, вмѣстѣ со своимъ семействомъ перехожу въ православіе и обязуюсь пріобщиться святымъ таинствамъ къ троицыну дню, 15-го мая. Потомъ тѣмъ же почеркомъ идетъ надпись: по безграмотству такого-то и по его личной просьбѣ, подписался писарь такой-то. Налицо имѣлись два писаря: одинъ Хвощевскій, волостной, а другой чиновникъ Шевягина, Дашкевичъ. Далѣе имѣется надпись какого нибудь свидѣтеля, напримѣръ, старосты Лукащука; потомъ голая подпись дол-

жностнаго лица — чиновника Шевягина, и въ концѣ всего — подпись священника Гомолицкаго, какъ лица, принимавшаго эти подписки. Конечно, всѣ подобнаго рода подписки весьма неформальны. Неизвѣстно, зачѣмъ стоитъ и что удостовѣряетъ подпись Шевягина, а подписи за безграматныхъ по ихъ просьбѣ нуждаются въ удостовѣреніи полиціи нетолько относительно того, кѣмъ онѣ дѣйствительно подписаны за безграмотныхъ, но и относительно того, были ли дѣйствительно упрошены подписавшіеся тѣми, за кого они подписывались. Когда, по возбужденіи уголовнаго слѣдствія, оно коснулось подписавшихся на актахъ за безграмотныхъ, обращенныхъ въ православіе и вообще участвовавшихъ въ составленіи подписокъ, то показанія этихъ лицъ обнаружили рядъ весьма курьезныхъ фактовъ. Такъ, напримѣръ, свидѣтель Лукащукъ показалъ, подъ присягою, что хотя онъ и расписывался на многихъ подпискахъ, какъ свидѣтель, но лица, отъ имени которыхъ давались эти подписки, вовсе не просили, чтобы за нихъ кто нибудь расписался, и даже этихъ лицъ иногда вовсе не было налицо. Въ свое оправданіе, Лукащукъ приводитъ слѣдующее: «скажу только то, что время было такое, и я не смѣлъ ослушаться приказанія своего начальства».

«Дашкевичъ, писарь при Шевягинѣ, отзывается болѣе сдержанно и осторожно. Онъ говоритъ прямо, что подпись его на подпискахъ сдѣлана имъ подложно. Но, вмѣсто того, на страницѣ 101-й дѣла онъ пишетъ слѣдующее: за давностью времени, я все запамятовалъ и не помню, просили ли меня крестьяне расписываться на подпискахъ, или не просили. Слѣдовательно, Дашкевичъ не отвергаетъ того, что онъ могъ подписываться и за отсутствовавшихъ, и за непросившихъ его расписаться за нихъ. Словомъ, это удостовѣреніе сдѣлано только для того, чтобы самому уклониться отъ отвѣтственности, и равносильно тому, что Дашкевичъ не подтвердилъ своей подписи на роспискахъ; значитъ, росписки все равно, что никѣмъ не подписаны. Наконецъ, писарь Хвощев-

скій уже прямо заявилъ, подъ присягою, что онъ подписывался безъ всякой просьбы о томъ со стороны крестьянъ и въ отсутствіи лицъ, которыя на подпискахъ значились, и что онъ дѣлалъ это просто по приказанію гостившаго у Шевягина начальника его, посредника Щербова. Такимъ образомъ, уясняется вполнѣ та обстановка, при которой совершались обращенія въ православіе въ 1866 году. По составленіи общаго понятія о событіи, я обращаюсь къ тому его эпизоду, который касается только Малиновскаго, какъ моего кліента.

«Отецъ и дѣдъ его были католики, мать также католичка; ничѣмъ не подтверждено, чтобы она была православная или даже уніатка. Малиновскій — человѣкъ семейный, уважаемый и вліятельный въ своемъ околоткѣ. Ни въ 1866, ни въ 1867 годахъ, ни въ послѣдующіе года, онъ не пріобщался, не ходилъ въ церковь, не былъ мvропомазанъ; словомъ, онъ отъ церкви православной всегда сторонился. Онъ даже и не былъ ни 9-го, ни 10-го апрѣля въ Свислочи, доказательства чему имѣются неопровержимыя. Только стороною онъ узналъ впослѣдствіи—и я вѣрю его показанію—что онъ записанъ въ православіе; его не стали допускать и въ латинскій костелъ. Такимъ образомъ, онъ остался между двумя церквами. Несмотря на то, что онъ человѣкъ бѣдный, онъ рѣшился поѣхать въ Вильно освѣдомиться, что случилось. Ему отвѣтили, что имѣется его подписка о причисленіи къ православію. Онъ заявляетъ о подлогѣ этой подписки, въ 1871 году, и начинаетъ дѣло, которое, въ 1874 году, поступаетъ въ гродненскую соединенную палату. Эта палата, постановивъ прекратить дѣло относительно другихъ лицъ, опредѣлила произвести дослѣдованіе о подложной подпискѣ Малиновскаго. Подписка, о которой идетъ рѣчь, замѣчательна въ слѣдующемъ отношеніи. Написана она, будто бы, 10-го августа. Я утверждаю, что въ этомъ числѣ названіе мѣсяца августа есть или умышленно подложное, или занесенное по ошибкѣ, но во всякомъ случаѣ не

соотвѣтствующее дѣйствительности. Я полагаю, что слово «августъ» невѣрно, и вотъ почему: Шевягинъ съ писаремъ Дашкевичемъ находились въ Свислочи только въ апрѣлѣ 1866 года, и только въ апрѣлѣ совершалось обращеніе въ православіе массами и отбирались Гомолицкимъ подписки при той обстановкѣ, на которую я намекалъ.

Въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ да́нныхъ въ подтвержденіе того, чтобы обращеніе въ православіе повторялось: кого могли записать — записали въ апрѣлѣ, потомъ остальныхъ оставили уже въ покоѣ. Если бы отбиралась подписка отъ обращавшагося въ августѣ 1866 года, то его заставили бы обѣщать, что онъ пріобщится св. тайнъ къ ближайшему празднику, напримѣръ, къ Рождеству или къ Великому посту, передъ Пасхою, или, наконецъ, къ Пасхѣ 1867 года, но никакъ не къ троицыну дню, который только въ 1866 году приходился на 15-е мая, а въ 1867 году пришелся на 4-е іюня. Въ подпискѣ Малиновскаго, отъ 10-го августа за 1866 годъ, дано имъ, будто бы, обѣщаніе причаститься 15 го мая, къ троицыну дню; но, очевидно, что нельзя пріобщиться къ дню 15-го мая, троицыну, уже прошедшему, въ моментъ, когда писалась росписка, если только она писалась 10-го августа. Я не полагаю, чтобы былъ умыселъ въ выставленіи числа 10-го августа; въ этомъ я не вижу цѣли. Я скорѣй готовъ думать, что произошла просто описка при опредѣленіи мѣсяца, которой способствовало то обстоятельство, что и августъ, и апрѣль начинаются одною и тою же буквою. Итакъ, въ подпискѣ необходимо сдѣлать исправленіе и, вмѣсто августа, при 10-мъ числѣ поставить апрѣль. Но потомъ и послѣ этого исправленія, ставится вопросъ: выражала ли она волю давшаго ее, или нѣтъ, подлинная ли она или нѣтъ? Она написана Дашкевичемъ отъ начала до конца замѣчательно небрежно. На ней послѣ текста имѣются незачеркнутыя слова: «въ чемъ собственноручно подписуюсь»; вслѣдъ затѣмъ, другія слова: «въ

чемъ, по неумѣнію грамоты, чрезъ упрошеннаго, подписуюсь»—за Малиновскаго Дашкевичъ; потомъ идетъ подпись Шевягина, и потомъ опять неизвѣстно что обозначающая подпись того же Дашкевича. Въ первоначальномъ своемъ присяжномъ показаніи о подпискахъ 9-го и 10-го апрѣля, Дашкевичъ говоритъ, что, просили ли его лица, дававшія подписки 9-го и 10-го апрѣля, подписываться за нихъ, онъ не помнитъ; слѣдовательно, что очень возможно и естественно, онъ заочно подписывалъ, между тѣмъ какъ Лукащукъ и Хвощевскій прямо показывали о понужденіи ихъ къ составленію подписокъ Шевягинымъ и Щербовымъ. Въ послѣдующемъ показаніи уже объ одной подпискѣ Малиновскаго, Дашкевичъ, противорѣча себѣ, увертывается такимъ образомъ: «должно быть, Малиновскій меня просилъ, когда я расписался, какъ упрошенный, а, впрочемъ, не помню». Такимъ образомъ, вмѣсто показанія о фактѣ, намъ предлагается умозаключеніе. Но, конечно, намъ нѣтъ дѣла до умозаключенія Дашкевича; притомъ же, оно опровергается слѣдующимъ вѣскимъ фактомъ. Имѣется до десятка присяжныхъ свидѣтельскихъ показаній о томъ, что ни 9-го, ни 10-го апрѣля Малиновскаго не было въ Свислочи, а ѣздилъ онъ въ это время въ Гродно съ докторомъ Заіончковскимъ. Этотъ фактъ врѣзался въ память свидѣтелей по слѣдующему случаю. Такъ какъ Малиновскій весьма уважаемъ въ селеніи, то многіе хозяева отказывались принять православіе до тѣхъ поръ, пока не приметъ его Малиновскій; его же въ то время, въ апрѣлѣ, при розыскахъ не нашли, такъ какъ онъ оказался уѣхавшимъ. Итакъ, подписка отъ имени Малиновскаго подложна отъ начала до конца въ томъ смыслѣ, что удостовѣряетъ фактъ, котораго не было. Она — вещественное доказательство подлога, будемъ ли мы ее судить по 1692-й или по 362-й ст. улож. Это убѣжденіе не можетъ быть поколеблено соображеніемъ палаты—которое я, не обинуясь, назову софизмомъ — что, если Малиновскій не далъ

подписки 10-го апрѣля, то онъ могъ дать ее впослѣдствіи. Я понимаю, что, если человѣкъ — грамотный и если предъявляется подпись его на актѣ поразительно схожая съ его почеркомъ, то ему трудно опровергать эту подпись только тѣмъ, что онъ въ тотъ же день не былъ въ томъ мѣстѣ, которымъ актъ помѣченъ. Могутъ ему возразить, что онъ подписалъ актъ ненадлежащимъ числомъ или что онъ подписалъ его впослѣдствіи. Но дѣло-то въ томъ, что Малиновскій — безграмотный, своей подписи поставить не могъ. На участвовавшихъ въ сочиненіи подписки лежитъ обязанность доказать, что они дѣйствительно сочинили ее по его просьбѣ не тѣмъ числомъ какое въ ней показано, а другимъ, которое должно быть ими доказано. Они этого не дѣлаютъ. Священникъ Гомолицкій стоитъ на 10-мъ августѣ, Шевягинъ не спрошенъ. Оба эти лица, купно съ Дашкевичемъ, навлекаютъ на себя подозрѣніе въ подлогѣ. При такихъ условіяхъ, подложность подписки ясна, какъ божій день. Теперь спрашивается: какъ разрѣшить дѣло, въ которомъ имѣется такой очевидный подлогъ? Палата не разрѣшила его, а постановила прекратить производство его вслѣдствіе необнаруженія виновныхъ. Я могу указать на то, что въ 5-мъ департаментѣ правительствующаго сената по 2-му отдѣленію разсматривалось дѣло Павловскаго, по которому сенатъ вмѣнилъ въ обязанность палатѣ войти въ разсмотрѣніе существа дѣла и постановить опредѣленіе о фактѣ преступленія и о виновныхъ. Я утверждаю, что въ данномъ случаѣ палата не можетъ обойтись безъ опредѣленія, подлинная ли эта росписка Малиновскаго, или нѣтъ, хотя бы лица, совершившія подлогъ, уже умерли или преступленіе ихъ было покрыто давностью, или не обнаружено. Только въ новыхъ судахъ, образованныхъ по уставамъ 20-го ноября 1864 года, введенъ въ гражданскую процедуру институтъ оспариванія актовъ, по подложности ихъ гражданскимъ порядкомъ (споръ о подлогѣ). Но въ дореформенномъ судѣ, которому подле-

житъ дѣло по извѣту Малиновскаго, такая возможность не существуетъ, а есть просто 319-я статья 2-й ч., Х-й т., на основаніи которой, какъ только сдѣланъ извѣтъ о подлогѣ, дѣло направляется въ судъ уголовный и производится въ немъ до окончательнаго разрѣшенія уголовнымъ порядкомъ вопроса о самомъ фактѣ преступленія, независимо отъ вопроса о виновныхъ. Каждый изъ васъ, гг. сенаторы, вѣроятно, имѣлъ въ рукахъ дѣла о подложныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ по старому порядку, и, слѣдовательно, вамъ извѣстно, что уголовный судъ не можетъ не сдѣлать заключенія о томъ, подлинно ли завѣщаніе или нѣтъ, безъ чего нерѣшимо самое дѣло о наслѣдствѣ по завѣщанію, которое должно, по необходимости, получить какой-нибудь конецъ и перейти къ тому или другому лицу. Сдѣлайте и для Малиновскаго то, что вы, не обинуясь, сдѣлали бы для всякаго наслѣдника по завѣщанію. Ему необходимо установить, что сочиненная отъ его имени подписка подложна. Протяните руку помощи этому бѣдному человѣку и дайте ему возможность изъ плохого православнаго сдѣлаться опять тѣмъ, чѣмъ онъ не переставалъ быть, т. е. хорошимъ латиняниномъ. Вѣра человѣка есть дѣло его убѣжденія, его личной совѣсти; ея превосходство здѣсь нипричемъ. Еслибъ Малиновскій былъ даже магометанинъ, буддистъ или язычникъ, то и въ такомъ случаѣ вы обязаны были бы оставить его при его убѣжденіяхъ, въ которыхъ для него заключается все его счастіе, все блаженство души.

Еслибъ вы, гг. сенаторы, затруднились рѣшить настоящее дѣло только по отношенію къ подлинности самаго документа, то у васъ имѣется еще другой исходъ. Обратитесь къ виновнымъ въ подлогѣ—виновные на виду. Невѣрно, будто бы не оказывается виновныхъ; они, правда, не названы, но, въ сущности, они указаны. Говорятъ, что Малиновскій ихъ не указалъ. Нѣтъ, онъ ихъ указалъ, когда твердилъ, что подписка сочинена безъ вѣдома его, а сочинена она извѣстно кѣмъ—лицами, на ней подпи-

савшимися: Дашкевичемъ, Шевягинымъ, да священникомъ Гомолицкимъ. Сверхъ того, слѣдствіе указало на Щербова. Щербовъ, можетъ быть, и прикрытъ давностью, Шевягинъ, кажется, умеръ, но Дашкевичъ и Гомолицкій остаются. Я думаю, что Гомолицкій больше всѣхъ другихъ виноватъ. Въ доказательство, я ссылаюсь не на отзывы множества крестьянъ объ испытанныхъ отъ него притѣсненіяхъ и истязаніяхъ, но только на два неоспоримыя доказательства. Въ дѣлѣ есть, вопервыхъ, отзывъ становаго пристава 3-го стана о томъ, что, когда дочь Ивана Петрошевича, уклоняющагося отъ православія послѣ обращенія, сильно заболѣла, не бывъ крещена, то священникъ писалъ къ приставу, чтобъ онъ, призвавъ въ помощь казаковъ, отнялъ силою дитя у родителей и доставилъ въ церковь къ нему, Гомолицкому, для совершенія надъ нею таинства крещенія. Приставъ не рѣшился исполнить безчеловѣчное требованіе. Второе доказательство заключается въ собственноручномъ отзывѣ священника Гомолицкаго на листѣ 138-мъ, въ которомъ Гомолицкій старается умалить значеніе вредныхъ послѣдствій отъ пребыванія упорствующихъ въ непринимании православія внѣ всякой церкви. Крестьяне, пишетъ онъ, своихъ заболѣвшихъ дѣтей несутъ крестить предсмертно и погребаютъ по православному обряду; они не ведутъ причащаться только здоровыхъ дѣтей, обнадеживаясь увѣреніями папской партіи въ Свислочѣ, что дождутся возможности возвратиться въ латинство. Конечно, всякій человѣкъ будетъ нести дѣтей крестить предъ смертью, чтобъ ихъ прилично похоронить, потому что иначе придется трупы зарывать, какъ падаль, внѣ уважаемой даже язычниками ограды кладбища. Для характеристики личности священника Гомолицкаго да будетъ мнѣ позволено привести еще одну черту, которую я заимствую изъ собственнаго его показанія: онъ судится за вымогательство у своихъ прихожанъ денегъ за требы. Всѣ эти данныя бросаютъ такой свѣтъ на отца Гомолицкаго, что я

удивляюсь, какъ хватило у него духа заключить свой отзывъ о больныхъ и здоровыхъ дѣтяхъ словами «о любви и о возсоединенныхъ любовью».

Послѣ объясненій г. Спасовича, первоприсутствующій, сенаторъ В. Д. Цеэ, предоставилъ слово находившемуся въ засѣданіи сената Малиновскому, который объяснилъ, что никогда никакихъ подписокъ о переходѣ въ православіе онъ не давалъ и что, когда онъ возвратился изъ Гродны въ мѣстечко Свислочь и узналъ, что его присоединили, помимо его воли, къ православію, то одно изъ должностныхъ лицъ въ присутствіе котораго онъ явился, закричало: «А! Малиновскій явился— подать мнѣ его!». Потомъ его схватили, причемъ, по приказанію благочиннаго, его посадили подъ арестъ на четверо сутокъ и морили голодомъ, не давали въ это время ни хлѣба ни воды...

Первоприсутствующій. Вы подписки не давали?

Малиновскій. Нѣтъ, не давалъ... ей-Богу, не давалъ.

Первоприсутствующій. Но, можетъ быть, вы дали ее вслѣдствіе дѣланныхъ вамъ угрозъ?

Малиновскій. Нѣтъ, я никакой подписки не давалъ.

Правительствующій сенатъ опредѣлилъ:

1) опредѣленіе Гродненской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, 5 сентября 1875 г., по настоящему дѣлу состоявшееся, отмѣнить;

2) признать вышеизложенную подписку, писанную 10 августа 1866 года отъ имени крестьянина Свислочскаго общества Осипа Малиновскаго подложною;

3) дальнѣйшее производство сего дѣла, на основаніи 1, 5 и 8, ст. улож. о наказ., за давностью прекратить.

(См. «Голосъ» отъ 13—25 октября 1880 г. № 283).

24.

Дѣло члена Екатеринбургскаго окружнаго суда, надв. сов. Савицкаго.

Правительствующій сенатъ, въ соединенномъ присутствіи 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ, 30 октября 1880 г., постановилъ: члена Екатеринбургскаго окружнаго суда, надворнаго совѣтника Ивана Клементьева Савицкаго, на основаніи ст. 283 и 347 улож. о нак., предать суду Казанской судебной палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ томъ, что Савицкій, жалуясь правительствующему сенату на предсѣдателя и членовъ Екатеринбургскаго окружнаго суда и описывая дѣйствія ихъ, дозволилъ себѣ съ намѣреніемъ употребить выраженія, прямо оскорбительныя для означенныхъ предсѣдателя и членовъ суда. Палата признала Савицкаго виновнымъ и присудила его къ 14 дневному аресту на военной гауптвахтѣ. На этотъ приговоръ палаты подсудимымъ Савицкимъ была подана въ правительствующій сенатъ апелляціонная жалоба, которую въ засѣданіи уголовнаго кассаціоннаго департамента, 8 декабря 1887 г., поддерживалъ прис. пов. Спасовичъ.

Гг. сенаторы! Дѣло Савицкаго такого рода, что если его не концентрировать, то можно о немъ говорить и часъ и два и десять—безконечно. Дѣло похоже не на рѣку, которой ручьи сливаются въ одно русло, но на пень старой верьбы, пускающей много тонкихъ и на-

добно сказать хилыхъ вѣтвей. Пень, это первоначальная жалоба въ сенатъ 14 января 1879 г., члена Екатеринбургскаго суда, Савицкаго, движимаго искреннею, сердечною и непритворною печалью о томъ, что *принципъ* коллегіальности падаетъ въ Екатеринбургскомъ судѣ, вслѣдствіе установившихся *противныхъ* ему *гнилыхъ порядковъ.* Особое присутствіе сената не только оставило жалобу безъ послѣдствій, но усмотрѣло въ этой жалобѣ 13 пунктовъ оскорбительныхъ для предсѣдателя суда и судей, товарищей жалобщика. По каждому изъ 13 пунктовъ Савицкій оправдывался горячо, почти литературно, во всякомъ случаѣ пространно со ссылками на законы и кассаціонную практику. Повторять всю аргументацію указа сената, защиты Савицкаго, приговора палаты и апелляціи, разбавляя ихъ еще водицею подстрочныхъ примѣчаній, я считаю ненужнымъ толченіемъ воды, не приводящимъ ни къ какому результату. Есть случаи когда защитѣ нужно какъ можно болѣе отождествляться съ подсудимымъ и передавать сколько возможно вѣрно и полно чувства его одушевлявшія, есть случаи напротивъ (и настоящій сюда принадлежитъ), когда полезнѣе наоборотъ, отдѣлиться отъ подсудимаго, отнестись къ нему совершенно объективно, искать оправданій въ свойствѣ самаго поступка, отвлекая его отъ личныхъ цѣлей и побужденій, что я и постараюсь сдѣлать; но этотъ способъ можетъ разсчитывать на какой бы то не было успѣхъ, только въ томъ случаѣ, если вы сами, гг. сенаторы, дѣйствуя въ качествѣ уголовнаго кассаціоннаго департамента, какъ апелляціоннаго суда, отрѣшитесь отъ солидарности съ соединеннымъ присутствіемъ 1-го и уголовнаго кассаціонныхъ департаментовъ, въ его заключеніяхъ, состоявшимся 11 мая 1879 г. въ распорядительномъ засѣданіи по дѣлу о жалобѣ Савицкаго на Екатеринбургскій судъ. Подавляющее впечатлѣніе этаго заключенія столь велико, что подчиняется ему Казанская судебная палата, которая въ мотивахъ рѣшенія умозаключаетъ такимъ образомъ: се-

натъ, зорко слѣдящій—за порядкомъ судопроизводства, оставилъ жалобу Савицкаго безъ послѣдствій, чѣмъ очевидно доказалъ, что событія, которыя сенатъ не нашелъ даже нужнымъ повѣрить путемъ истребованія объясненій, если они и случились въ дѣйствительности никакой преступности въ себѣ не заключаютъ. Умозаключали такъ: еслибы удалось Савицкому вызвать со стороны сената требованіе объясненій отъ обвиняемыхъ имъ лицъ, а еще болѣе добиться преслѣдованія, то онъ былъ бы правъ и имѣлъ бы основаніе такъ дѣйствовать; неудалось, онъ очевидно не правъ, значитъ судить о намѣреніяхъ по успѣху, оправдывать ихъ успѣхомъ и умозаключать совсѣмъ невѣрно, такъ какъ изъ того что сенатъ оставилъ жалобу Савицкаго безъ последствій, слѣдовало умозаключить, что онъ ее неуважилъ и только, но не слѣдуетъ заключать, чтобы подъ жалобою не скрывалось настоящее, глубокое, можетъ быть плохо формулированное и не подлежащимъ пріемамъ раскрываемое зло. И особое присутствіе не непогрѣшимое установленіе и Екатеринбургскій судъ еще не идеальный и не образцовый судъ вслѣдствіе лишь того, что жалобу Савицкаго оставилъ безъ последствій. До кассаціоннаго сената доходили другія дѣла этого суда. Здѣсь въ прошломъ году судился членъ суда Іолшинъ, за такую ничтожную мелочь, которую и поднимать не слѣдовало и былъ потомъ оправданъ департаментомъ. Я прошу васъ, гг. сенаторы, повременить съ заключеніемъ и не становиться на точку зрѣнія Казанской судебной палаты, относительно содержанія жалобы 14 января; она не получила ходу, не была уважена, но оцѣнить вы ее можете и должны сами, самостоятельно, и независимо отъ особаго присутствія, притомъ вы должны будете признать, что еслибы вы даже мысленно пришли къ убѣжденію, что ее надо бы оставить безъ послѣдствій, то что писавшій ее человѣкъ писалъ искренно, съ убѣжденіемъ, безъ личныхъ видовъ ради пользы для общаго блага, можетъ быть дурно по-

нимаемаго, но дѣйствовавшій по мѣрѣ своего разумѣнія. Мнѣ незачѣмъ просить васъ, чтобы вы сочли вопросъ объ оскорбительности 13 отмѣченныхъ особымъ присутствіемъ фразъ уже предрѣшеннымъ посредствомъ опредѣленія и указа особаго присутствія 1879 г., изъ которыхъ и составленъ прямо перепискою съ бумаги въ бумагу обвинительный актъ, коимъ Савицкій преданъ суду. Особое присутствіе есть то начальство, которое въ данномъ случаѣ предаетъ служащаго суду. Преданіемъ суду вина не установлена и преданный суду можетъ быть оправданъ, какъ то случилось съ Іолшинымъ, товарищемъ Савицкаго въ прошломъ году. И такъ въ надеждѣ, что правительствующій сенатъ въ кассаціонномъ департаментѣ не сочтетъ себя связаннымъ опредѣленіемъ особаго присутствія 1-го и угол. касс. департамента, я съ моей стороны отрѣшаюсь отъ солидарности съ моимъ кліентомъ и начну съ того, что заявлю, что не стану поддерживать ту часть его жалобы, въ которой онъ силится доказать, что его преступленіе, если бы таковое и существовало, а существованіе его онъ отрицаетъ, подходило бы только подъ 283, а никакъ не подъ 347 ст. улож., то есть что оно было бы оскорбленіемъ нанесеннымъ въ поданной оффиціальной бумагѣ должностнаго лица частнымъ лицомъ, каковое оскорбленіе вслѣдствіе того, что оно получило неправильное направленіе и отослано въ ненадлежащій судъ—въ палату, а не въ окружной, покрылось уже давностью болѣе чѣмъ 2 лѣтнею. Я не беру назадъ этихъ выраженій—я на то не уполномоченъ; я прошу разобрать ихъ по апелляціи Савицкаго, на мой взглядъ они недостаточно убѣдительны, потому что, хотя писаніе жалобъ на товарищей и предсѣдателя суда и не входило въ кругъ его судейскихъ обязанностей и не возлагалось прямо на него никакою статьею закона, но его жалоба есть такого рода дѣловая бумага, которая въ данномъ случаѣ только при условіи подписанія ея не надворнымъ совѣтникомъ, а членомъ суда Савицкимъ подлежала вѣ-

дѣнію и разсмотрѣнію сената. Когда ее писалъ Савицкій, то въ немъ прорывался съ своимъ негодованіемъ не только человѣкъ, но еще болѣе судья, который въ своей профессіональной дѣятельности стѣсненъ тѣмъ, что потрясенъ дорогой его сердцу принципъ коллегіальности, составляющій одинъ изъ крѣпчайшихъ устоевъ организаціи суда. Глубокое сознаніе полной правоты своихъ дѣйствій онъ сохранилъ и послѣ того когда сенатъ, на который онъ возлагалъ надежды, отвѣтилъ ему преданіемъ суду. За эту устойчивость въ убѣжденіяхъ никто не вправѣ ни претендовать къ нему, ни взыскивать—это святая область чувствъ и убѣжденій человѣка, въ которой будь онъ администраторъ или судья онъ не повиненъ отчетомъ начальству. Онъ не пошелъ на капитуляцію даже и послѣ приговора и даже нашелъ себѣ союзниковъ, въ журналѣ гражд. и угол. права за 1881 г., и въ Тифлисскихъ Судебн. Отгол. № 29 и 30; онъ вслѣдствіе такого оглашенія своего дѣла подвергся и полемикѣ со стороны Тифлисскаго Юридическаго Обозрѣнія, гдѣ его выставили въ видѣ судьи Донъ-Кихота.

Это то пропечатаніе жалобы 1879 г. составляетъ corpus delicti, и есть delictum communi juris—общегражданское преступленіе частнаго лица посредствомъ печати, диффамація или отзывъ о должностномъ лицѣ, заключающій въ себѣ злословіе или брань; хотя я долженъ сказать, что когда прочтешь это произведеніе печатно, то не вѣрится, чтобы могла прійти мысль о преступленіи посредствомъ печати, до того мы привыкли со стороны печати къ отзывамъ въ сто разъ болѣе рѣзкимъ и рѣшительнымъ. Великое дѣло типографскій станокъ, многое подъ нимъ терпитъ бумага, чего она какъ будто бы стыдится и чурается подъ перомъ. Я васъ попрошу, гг. сенаторы, на этотъ разъ мысленно поставить вопросъ такъ, какъ будто-бы жалоба уже была на весь широкій свѣтъ предана гласности, и не предназначалась для келейнаго разсмотрѣнія въ распо-

рядительномъ засѣданіи соединеннаго присутствія. При такомъ взглядѣ великія вины писавшаго будутъ умаляться, и таять до такихъ размѣровъ, что наибольшее, что могло быть усмотрѣно, это по 347 ст. не обида а образъ выраженій противный правиламъ пристойности, за что полагается выговоръ, а можетъ быть и до нуля понизится эта вина, то есть не будетъ усмотрѣно ничего не только оскорбительнаго но и непристойнаго.

Сдѣлавъ одну уступку и отдѣлившись на довольно значительное разстояніе отъ моего кліента, я еще другой шагъ сдѣлаю и постараюсь его самаго опредѣлить на сколько это необходимо для уразумѣнія его жалобы.

Савицкій кончилъ курсъ медико-хирургической академіи но съ 1862—1870 состоялъ кандидатомъ при уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ сената, гдѣ его можетъ быть нѣкоторые изъ васъ и помнятъ. Къ этому времени относится начало его литературныхъ связей, его сотрудничество въ разныхъ юридическихъ журналахъ. Его несчастіе можетъ быть то, что изъ правительствующаго сената онъ вынесъ слишкомъ идеальное понятіе объ обязанностяхъ судей, о законѣ, о правдѣ; что можетъ быть развилась именно здѣсь черта въ его характерѣ, о которой онъ говоритъ: «всегда готовый протестовать противъ нарушенія или отсутствія порядка, хотя бы это создало мнѣ репутацію нетерпимаго или безпокойнаго человѣка». Въ результатѣ врожденный темпераментъ и юридическое воспитаніе полученное здѣсь же, такъ сказать, у главнаго алтаря святилища Ѳемиды дали человѣка съ извѣстною складкою ума и характера, такою именно, какую имѣютъ во всякомъ дѣлѣ протестанты, раскольники и іересіархи. Его бы можно назвать печальникомъ о судебныхъ порядкахъ, какъ Некрасова называли печальникомъ о русской землѣ. Таковъ онъ есть и будетъ, его не передѣлаешь, вопросъ только въ томъ, невозможный ли онъ для суда человѣкъ съ этими качествами, или возможный. Право эти качества не дурныя въ особенности

вслѣдствіе того, что судебные уставы значительно пообносились и духъ ихъ улетучился, а рутина то и дѣло, что засасываетъ ихъ и доля живаго дѣла становится меньше и меньше. За то, что кто нибудь не по напускному а по искреннѣйшему чувству очутился въ положеніи Чацкаго или Альцеста въ Мизантропѣ, его еще не осуждаютъ и не вѣшаютъ; можно, пожавъ плечами, сказать: чудакъ да и только; можно погрустить и о томъ, что нѣтъ побольше на свѣтѣ такихъ чудаковъ, потому что одинъ въ полѣ не воинъ; во всякомъ случаѣ надо отдать должное искренности чувства, когда обращаешься къ высшимъ судьямъ, къ правительствующему сенату, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ нѣкогда Лютеръ: ich kann nicht anders; онъ формулировалъ, такимъ образомъ, свое обращеніе въ словахъ, изъ которыхъ составленъ 10-й пунктъ его обвинительнаго акта. «Разсудите меня съ г. Бутаковымъ, правительствующій сенатъ, нѣтъ кромѣ жалобы другаго средства, чтобы выяснить: можно ли продолжать службу въ судахъ, держась на чисто легальной почвѣ безъ потачекъ, послабленій и уменьшенія правъ, или надо просить объ освобожденіи отъ службы тому, кто не обладаетъ готовностью на каждомъ шагу дѣлать уступки не установленные закономъ для того, чтобы былъ видимый ладъ и во славу идей о судейской непогрѣшимости». Признать, что это патетическое мѣсто, изображающее наисубъективнѣйшія чувства человѣка, который не можетъ смотрѣть безъ энергичнаго протеста, что общее дѣло и благо гибнетъ отъ безпорядка, мѣсто напоминающее послѣдній монологъ Чацкаго: «гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ», состовляетъ совокупность словъ направленныхъ къ тому, чтобы оскорбить г. Бутакова. Послѣ того всякая исковая есть оскорбленіе, потому что она сводится къ слѣдующему разсуди, судъ, меня истца человѣка праваго съ отвѣтчикомъ, человѣкомъ неправымъ. Или можетъ быть сенатъ призналъ это выраженіе оскорбительнымъ для себя, отождествивъ себя, послѣ от-

каза по дѣлу Савицкаго, съ Бутаковымъ — но этого то отказа не предвидѣлъ Савицкій, когда писалась жалоба? Или еще одно предположеніе: особое присутствіе признаетъ обязательною извѣстную долю оптимизма во взглядахъ на современное состояніе поднадзорно ему подчиненнаго района, и считаетъ, что для сената оскорбительно предположеніе, будто бы подъ нимъ внизу могли быть потачки, послабленія и умаленія правъ. Въ данномъ случаѣ я со смиреніемъ заявляю, что для меня не совсѣмъ понятно, что оскорбительно лично для предсѣдателя и членовъ суда въ этой пессимистической тирадѣ, которая имѣетъ значеніе гораздо болѣе общее. Какъ Чацкій крича: «карету мнѣ, карету», не можетъ считаться оскорбляющимъ Фамусова или Скалозуба, или даже все московское общество, а является онъ развѣ оскорбителемъ всего своего вѣка, среди котораго пришлось ему жить, такъ точно ивъ этой тирадѣ Савицкій есть все, что хотите, протестъ противъ условій судейской жизни въ Россіи въ концѣ 1879 года, протестъ можетъ быть безумный, можетъ быть не основательный, во всякомъ случаѣ искренній, но не оскорбленіе отдѣльныхъ лицъ. Если бы Фамусова и Скалозуба спросили, оскорблены ли они словами Чацкаго, они напротивъ того, сказали бы: «туда ему и дорога, карету ему, карету»; я полагаю, что таково и отношеніе екатеринбургскихъ судей. Послѣ всего сказаннаго надлежало бы 10-й пунктъ исключить.

Я полагаю, что также слѣдуетъ исключить пункты 11, 12 и 13-й. Савицкій замѣчаетъ весьма резонно: я въ концѣ жалобы писалъ обвинительные пункты; я былъ убѣжденъ, что мои противники виновны по 344 ст. улож. въ преступленіи, какъ должностныя лица, мѣшающія другимъ лицамъ въ отправленіи должности. Съ цѣлью весьма опредѣленною — ихъ подъ судъ упечь я обвинялъ: 1) предсѣдателя Бутакова, что онъ, отступивъ отъ установленныхъ наказомъ правилъ, не только отказался подписать составленный секретаремъ по его, Савицкаго, черновой, проектъ протокола, но сочинилъ

самъ, или чрезъ другое лицо другой протоколъ, въ которомъ намѣренно, для сокрытія слѣдовъ злоупотребленій и неправильности дѣйствій, иначе представилъ происходившее и этотъ новый протоколъ далъ подписать; 2) въ томъ, что, получивъ представленіе Савицкаго объ исправленіи безпорядковъ, намѣренно задержалъ эту бумагу и внесъ ее въ общее собраніе въ отсутствіи Савицкаго и въ то время, когда по случаю начавшихся каникулъ въ іюнѣ остутствовала половина членовъ; 3) другихъ судей Клименко, Шадурскаго и Краснопѣвцева въ томъ, что они дѣйствуя съ Бутаковымъ заодно, учинилиэто не по незнанію, а съ намѣреніемъ: а) съ цѣлью одобрить неправильныя дѣйствія Бутакова, и б) съ другою цѣлью, чтобы воспрепятствовать ему, Савицкому, осуществить права, принадлежавшія ему по должности, слѣдовательно участвовали въ преступленіи предусмотрѣнномъ 344 ст. улож. Я дурно описалъ дѣйствія товарищей, можетъ быть описалъ ихъ рѣзко, можетъ быть выводы смѣлы, доказательства не достаточны, сама жалоба моя не серьезна, но все таки я хотѣлъ упечь ихъ подъ судъ а не оскорблять. Изъ сего слѣдуютъ неизбѣжно слѣдующіе выводы:

1) Несомнѣнно Савицкій имѣлъ умыселъ, который онъ долго питалъ и который онъ осуществилъ съ полною обдуманностью, но умыселъ свойственный вовсе не оскорбленію а лжедоносу по 940 ст. улож., обвиненіе кого нибудь нетолько въ дѣяніи противномъ правиламъ чести, но и противозаконномъ, заявленномъ не окольнымъ путемъ а прямо той власти, которая можетъ возбудить преслѣдованіе (1875 г., № 572, Сизаго). До полнаго состава лжедоноса недостаетъ одной маленькой черты—завѣдомой лживости обвиненія, которая если бы была установлена или заподозрѣна особымъ присутствіемъ, то Савицкій за это преступленіе судился бы, и судился судомъ съ присяжными. Но Савицкій дѣйствовалъ, какъ дѣйствуетъ прокурорская власть по крайней мѣрѣ въ третьей части случаевъ, онъ строилъ обвиненіе по 344 ст.

улож. — не достроилъ, не убѣдилъ; его артистическое произведеніе провалилось какъ карточный домикъ, какъ иной обвинительный актъ. Возникаетъ вопросъ, можно ли для образованія состава преступленія брать изъ одного преступленія—умыселъ и вставлять его въ другое разнородное? Гдѣ былъ animus denuntiandi, вставлять этотъ animus въ преступленіе, гдѣ требуется animus injuriandi и штука готова. Дѣти забавляются такъ, я знаю, упражняясь на складныхъ куклахъ, изображающихъ животныхъ ставятъ голову козла на тѣло лошади или собачки на туловище кота,—но то игра и забава а въ, сущности это опытъ создать нѣчто не естественное и даже противоестественное. Когда X. покушался убить или обокрасть Z., то нельзя же, руководствуясь только тѣмъ, что онъ хотѣлъ повредить Z., приписывать ему умыселъ обидѣть Z., то есть выразить по отношенію къ нему свое презрѣніе, котораго онъ вовсе можетъ быть не имѣлъ, а ненавидѣлъ и боялся; такое навязываніе неподходящаго намѣренія, была бы просто ложь и только. Оно претитъ какъ нѣчто прямо противное дѣйствительности.

2) Задавшись мыслью упечь товарищей подъ судъ, съ этою только цѣлью, и сознавая все значеніе тяжелой борьбы, Савицкій сѣлъ писать жалобу. Чтобы вызвать преслѣдованіе, ему слѣдовало либо: а) указать статью 344, но затѣмъ описать дѣйствія Бутакова криминалистически, чтобы весь составъ преступленія опредѣлился какъ опредѣляются преступленія въ вопросахъ предлагаемыхъ присяжнымъ, и со стороны внѣшняго дѣйствія и со стороны обстановки преступленія и со стороны настроенія воли, либо: б) ограничиться однимъ описаніемъ на столько пластичнымъ чтобы уже было несомнѣнно, что эти дѣянія преступны, и такъ и лѣзутъ подъ 344 ст. улож. Онъ избралъ послѣднее. Весь вопросъ въ томъ, противозаконно ли служащему жаловаться по начальству на товарищей за безпорядки по службѣ. Не только не противозаконно, но даже обязательно по множеству

законовъ, чего никто не отрицаетъ. Кто осуществляетъ извѣстное право долженъ пользоваться и средствомъ для осуществленія его. Одно изъ этихъ средствъ—опредѣленіе поступка его уголовными признаками: намѣренно, изъ корыстныхъ видовъ, для сокращенія злоупотребленій и неправильныхъ дѣйствій. Всякій обвинительный актъ и всякая исковая, не подтвердившіеся на судѣ и провалившіеся превращались бы въ обиды, обиды простыя со стороны истца, обиды по 347 ст. улож., причиняемыя должностнымъ лицамъ въ случаѣ обвинительнаго акта, причемъ стѣснялся бы ходъ правосудія, которое требуетъ, чтобы вещи назывались правдиво и прямо по имени,—укралъ такъ укралъ, обманулъ такъ обманулъ. Я полагаю, что на судѣ, а особое присутствіе есть тоже судебное мѣсто, равно какъ имъ была бы и судебная палата, еслибы жалобѣ Савицкаго данъ былъ ходъ, прямота первый долгъ, нечего деликатничать. Я полагаю что вы во первыхъ осудите ту теорію казанской судебной палаты, по которой жалобщикъ, представляя высшей инстанціи предосудительные факты, долженъ описать ихъ, воздержаться отъ ихъ квалификаціи и предоставить высшей власти всецѣло оцѣнку этихъ фактовъ. На это невозможное требованіе Савицкій отвѣчаетъ побѣдоносно: когда частное лицо жалуется на преступленіе у мироваго судьи по 46 ст. уст. о нак. и 302 ст. улож. въ общихъ установленіяхъ, то онъ долженъ указать и дѣяніе преступное и причины, по которымъ онъ считаетъ его противозаконнымъ. Эта жалоба по 526 и 520 ст. у. у. с. должна заключать даже и опредѣленіе по закону, какому дѣянію соотвѣтствуютъ признаки разсматриваемаго дѣянія. И въ подкрѣпленіе моего вывода я ссылаюсь на дѣло Асланова 1875 г. № 275, по которому вы рѣшили, что умышленно несправедливая жалоба на опредѣленныя дѣйствія должностного лица можетъ быть преслѣдуема какъ лживый доносъ, а не какъ оскорбленіе должностного лица. Если устранены будутъ пункты отъ 10 по 13, то оста-

нутся 9 первыхъ, которые столь слабы, что разложивъ каждый изъ нихъ, много, много если въ одномъ или въ двухъ или въ трехъ найдутся выраженія не то оскорбительныя, а неумѣстныя, неприличныя или такія, которыя можно бы замѣнить менѣе колкими или совсѣмъ обойти. Я ихъ подраздѣлю на два класса якобы оскорбительныхъ фразъ: однѣ содержатъ совершенно общія безымянныя и отвлеченныя разсужденія, которыя не только судей но и предсѣдателя Бутакова задѣть не могутъ; другія, хотя его и задѣваютъ, но со ссылкою на положительные факты, которые надлежало бы провѣрить прежде чѣмъ за нихъ судить Савицкаго.

1) Савицкій предпосылаетъ своимъ обвиненіямъ общія соображенія и аксіомы въ видѣ слѣдующихъ: суды не состоятъ изъ однихъ предсѣдателей. И такъ вслѣдствіе безпечности предсѣдателя невыгодно слагается репутація всего суда къ ущербу отдѣльныхъ судей ни въ чемъ въ этомъ неповинныхъ. Эта фраза безъ связи прямой въ жалобѣ съ Екатеринбургскимъ судомъ, такого рода, что ее можно примѣнить ко всякому суду, какъ афоризмъ, какъ аксіому и даже какъ назиданіе членамъ, чтобы они не бездѣйствовали а помогали предсѣдателю безтактному, удерживая его отъ безтактностей, потому что репутаціею суда они должны дорожить, какъ собственнымъ добромъ. Святая истина, я не понимаю, за что судить Савицкаго.

2) Незачто его судить и по 4 пункту: если между судьями происходитъ разногласіе и послѣ долгаго спора дѣло рѣшается, но рѣшается резолюціею безъ всякихъ мотивовъ, то эта резолюція имѣетъ видъ произвола въ самой грубой формѣ. Особое присутсвіе обошло самъ вопросъ о правильности или неправильности немотивированнаго отказа. Сама по себѣ идея столь вѣрна, что едва ли можно ее оспаривать. Характеръ произвола имѣютъ всякія дѣйствія не поддерживаемыя основаніями и резонами. Въ дѣятельности коллегіи вообще и суда

въ особенности весьма существенно, чтобы всякая резолюція сколько-нибудь сложная и возбуждавшая пренія была помѣчена съ изображеніемъ ея происхожденія, ея логическихъ корней и утвержденій.

3) Я теперь не могу себѣ уяснить, что оскорбительнаго въ томъ, что, жалуясь на распоряженіе въ распорядительномъ засѣданіи Екатеринбургскаго окружнаго суда подъ предсѣдательствомъ Бутакова въ комплектѣ 4 членовъ, Савицкій выразился такъ: «дѣйствія этой коллегіи». Вся суть въ томъ, что Савицкій имѣетъ о коллегіи весьма высокое понятіе, ругать словомъ «коллегія» товарищей ему не приходилось, напротивъ того если есть колкость то она противоположнаго свойства въ родѣ той: ай да судъ, ай да коллегія, то есть собраніе, судъ дѣйствовавшій не по судейски и не коллегіально, потому что они нарушаютъ законъ, опять вопросъ о лживомъ доносѣ, а не объ оскорбленіи.

Наконецъ 4) я попрошу нѣкотораго снисхожденія, нѣкоторой пощады для законовъ Петра Великаго, для крѣпкихъ, ядреныхъ выраженій этого великаго реформатора, для его рѣзкихъ отзывовъ о судьяхъ, которые «въ мутной водѣ рыбу ловятъ». Курьезна не столько эта фраза, выхваченная изъ жалобы Савицкаго, сколько разсужденія казанской палаты, что сама по себѣ эта фраза ничего, но какъ можно уподоблять дѣйствія судей нынѣшнихъ, работающихъ по уставамъ 20 ноября 1864 г., дѣйствіямъ судей временъ Петра Великаго, которые извѣстны были какъ взяточники и насильщики. Забавно то: а) что по выводу казанской палаты только судамъ по уставу 20 ноября обидно сравненіе съ петровскими, слѣдовательно соединенной палатѣ стараго режима оно ни почемъ, б) что смѣшано время съ человѣкомъ, во многихъ отношеніяхъ мы недалеко ушли отъ нравовъ петровскихъ, но нѣтъ того могучаго человѣка, котораго слово разило столь же сильно, какъ и дубина, такъ что отъ нихъ нашего брата коробитъ, какъ отъ несовсѣмъ цензурныхъ.

Переходя затѣмъ къ 5 пунктамъ личнымъ, я 1) устраняю пунктъ 5, чтобы покончить съ изложеніемъ неправильныхъ дѣйствій суда; всякая жалоба отъ частной до апелляціонной и кассаціонной имѣетъ предметомъ неправильныя и даже противозаконныя дѣйствія суда. Запретить употребленіе этихъ выраженій значитъ почти что отмѣнить институты апелляціи и кассаціи.

2) п. 9, самъ предсѣдатель Бутаковъ жаловался на насъ членовъ суда, въ казанскую палату двумя весьма тенденціозными секретными доношеніями. Это не мнѣніе и не сужденіе, а просто ссылка на фактъ, который неразъясненъ, потому что жалобѣ Савицкаго не данъ ходъ, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, донесенія Бутакова поданы и они тенденціозны, если такъ, то въ оглашеніи факта нѣтъ ничего оскорбительнаго.

Притомъ всякій фактъ осуждать можно, не осуждать и не умозаключать только изъ него о лицахъ — это первое правило судопроизводства и уголовнаго и гражданскаго, въ которыхъ судятся отдѣльно незаконныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ съ весьма остроумнымъ отнесеніемъ ихъ на самое лицо.

3) Это послѣднее замѣчаніе относится къ протоколу не признаваемому Савицкимъ въ словахъ: «этотъ кѣмъ то выдуманный». На счетъ протокола возникали 2 вопроса, въ разрѣшеніи которыхъ Савицкій видимо заблуждается, что и уяснено ему особымъ присутствіемъ сената въ указѣ отъ 11-го мая. Онъ полагалъ, что каждый членъ по желанію можетъ составить протоколъ о происходящемъ и что по этому черняку секретарь обязанъ изготовить протоколъ и предложить его къ подписи. Это невѣрно, изготовленіе лежитъ по требованію большинства на секретарѣ, дѣлается подъ руководствомъ предсѣдателя и ограждается отъ несогласія съ дѣйствительнымъ правомъ всякаго подписывающаго отмѣтить при особомъ мнѣніи несогласія описаннаго съ дѣйствительно происходившимъ. Слова кѣмъ то вымышленныя со стороны Савицкаго суть порицанія не неизвѣстнаго

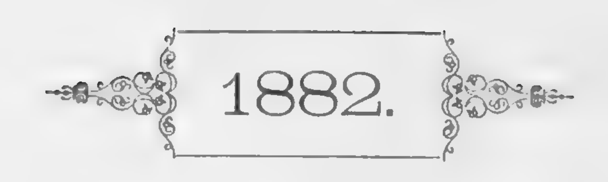
лица изъ протокола, а можетъ быть и всѣхъ протоколовъ, но порицаніе и отрицаніе куска бумаги, какъ неизвѣстно отъ кого исходящей и какъ несогласнаго съ дѣйствительностью потому, что проектъ протокола не читался въ засѣданіи, а очутился уже подписаннымъ, и то вѣроятно на дому, членами неприсутствующими въ засѣданіи и товарищемъ прокурора Клименко, слѣдовательно существованіе рода сговора части собранія противъ меньшинства относительно редакціи протокола. Какъ бы то не было весь вопросъ въ томъ заключается, заблуждался ли Савицкій?—а не въ томъ, желалъ ли онъ оскорбить непоименованныя имъ лица, порицая протоколъ, изъ порицанія коего окольнымъ путемъ можно бы дойти до умозаключенія о порицаніи и составителей его. Наконецъ весь анализъ 13-ти пунктовъ сводится къ двумъ только фразамъ, въ которыхъ, я не отрицаю, можетъ быть Савицкій и увлекся, но увлекся до выраженій игривыхъ, колкихъ, можетъ быть неумѣстныхъ, но не оскорбительныхъ, такихъ притомъ, которыхъ оскорбительность только тогда бы могла быть установлена, если бы было доказано, что описываемое не происходило вовсе въ дѣйствительности, что голосованіе по вопросу объ отпускѣ Кравцова происходило не въ томъ порядкѣ какъ описано, потому что если оно происходило въ томъ порядкѣ, то понятно, что можно было написать: а) судьи давали отвѣты то да, то нѣтъ, почистому капризу, а предсѣдатель потакивалъ ихъ нелегальнымъ требованіямъ; б) лицо, отъ котораго зависитъ инициатива въ управленіи судомъ, по мнѣнію части суда, положимъ меньшинства, оказывается забывчивымъ, относительно нѣкоторыхъ своихъ обязанностей, или предпочитающимъ имъ другія. Оба мѣста безупречны относительно формы, даже слова капризъ, прихоть, произволъ не оскорбительны, можно бы ихъ и оспаривать какъ клевету, но не иначе. Выводъ общій тотъ, что ни одинъ изъ указанныхъ 13-ти пунктовъ не достаточенъ для постройки на немъ обвиняющаго Савицкаго приговора.

Еще одно послѣднее сказаніе. Казанская палата, недовольствуясь разборомъ 13-ти пунктовъ жалобы находитъ, что не одни эти отдѣльныя фразы составляютъ намѣренное оскорбленіе судей екатеринбургскаго суда, но вся жалоба написана съ очевидною цѣлью умалить достоинство судей на которыхъ она принесена. Съ этимъ выводомъ никакъ не могу согласиться. Когда оскорбленъ человѣкъ-судья, то надобно же рѣшить, куда мѣтилъ оскорбитель въ человѣка А. В. С. и поповоду исполненія имъ судейской обязанности, или въ самую должность судейскую, съ цѣлью унизить самую функцію сборщика податей, сыщика, полицейскаго, или наконецъ и судьи — и то и другое возможно. Итакъ, если бы въ своей жалобѣ Савицкій дозволилъ себѣ инсинуацію противъ того или другого изъ своихъ товарищей о томъ, что онъ ростовщикъ или прелюбодѣй, или что нибудь подобное, то это было бы оскорбленіе должностнымъ лицомъ частнаго лица, а что онъ взяточникъ—это уже оскорбленіе человѣка-судьи. Этого элемента въ данномъ случаѣ нѣтъ, ни Бутаковъ, ни другіе судьи не явились въ Казань потерпѣвшими отъ преступленія лицами и не принимали участія въ дѣлѣ, не откликнулись, — нельзя было быть болѣе чувствительнымъ, чѣмъ они сами, почему этотъ элементъ надо исключить. Остается предположеніе второе: умаленіе достоинства судьи, но оно не мыслимо со стороны Савицкаго, который самъ судья, слѣдовательно былъ бы изобличенъ въ самобичеваніи, въ самооплеваніи. Напротивъ того, все приписываемое ему преступленіе вышло изъ того, что онъ высоко ставилъ идеалъ судьи, а своихъ противниковъ считалъ недоросшими до этого идеала. Чѣмъ же онъ ихъ корилъ,—вообще укорялъ не въ безчестности, укорялъ въ дѣйствованіи по капризу, укорялъ предсѣдателя. что онъ предпочитаетъ свои обязанности направленія судебной коллегіи другимъ своимъ обязанностямъ, это укоръ, который дѣлаютъ Бисмарку, что онъ слишкомъ абсолютный министръ и слишкомъ

мало членъ парламента, что плевое дѣло для него парламентскія формы, какъ Савицкій укорялъ Бутакова, что онъ слишкомъ мало цѣнитъ коллегіальныя формы и голосованіе въ судебномъ собраніи. Я надѣюсь, что вы оправдаете Савицкаго.

Правительствующій сенатъ, признавая Савицкаго виновнымъ въ томъ, что онъ, состоя въ должности члена екатеринбургскаго окружнаго суда, въ жалобѣ правительствующему сенату, отъ 14-го января 1879 г., по опрометчивости, помѣстилъ неприличныя выраженія, относительно дѣйствій предсѣдателя и нѣкоторыхъ членовъ означеннаго суда, на основаніи ст. 347, 283 и 110 улож. о нак. опредѣлилъ: сдѣлать ему внушеніе объ опрометчивости этого поступка его.

25.

Дѣло по жалобѣ редактора «Порядка», г. Стасюлевича, на редактора «Новаго Времени», г. Өедорова, и сотрудника, г. Буренина.

Разборъ дѣла происходилъ въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ, по третьему отдѣленію, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, 19-го октября 1882 г.

Въ засѣданіи была прочитана слѣдующаго содержанія жалоба повѣреннаго жалобщика М. М. Стасюлевича, прис. пов. Спасовича:

«Мой довѣритель, М. М. Стасюлевичъ, основавшій въ 1866 году въ Петербургѣ ежемѣсячный журналъ «Вѣстникъ Европы», получилъ во второй половинѣ 1880 года разрѣшеніе издавать здѣсь же ежедневную газету подъ названіемъ «Порядокъ». Никакое повременное изданіе не можетъ обойтись безъ полемики съ другими органами печати, обусловливаемой, прежде всего, различіями въ направленіяхъ, но неизбѣжно доходящей порою и до личностей. Въ газетномъ дѣлѣ, элементъ личный въ полемикѣ еще болѣе выдвигается впередъ, чѣмъ при изданіи ежемѣсячныхъ, толстыхъ журналовъ, такъ какъ и статьи въ газетахъ бываютъ короче по объему, и пререканіе можетъ быть ведено изо дня въ день, въ видѣ непрерываемаго спора, и конкуренція сильнѣе, такъ какъ газетъ много, кругъ подписчиковъ на нихъ ограниченъ и усиливающійся успѣхъ каждой газеты тотчасъ же можетъ

выразиться въ соотвѣтственно сокращающемся числѣ подписчиковъ на другія газеты. Всякая война, коль скоро она ведется не между совсѣмъ уже дикими людьми, имѣетъ свои правила, обычаи и приличія, соблюдаемыя воюющими по отношенію другъ къ другу и опредѣляющія, какія средства борьбы честны и какія нечестны. Такія же приличія существуютъ и въ газетной полемикѣ. Просторъ въ этомъ отношеніи у печатнаго слова великій. Всякая колкость, сатира, насмѣшка, карикатура, не щадящія даже лица, всякая оцѣнка дѣйствительныхъ фактовъ, всякое толкованіе, даже самое одностороннее и пристрастное, чужихъ мнѣній и словъ, всякое выраженіе чувствъ, вызываемыхъ этою оцѣнкою, даже самыхъ недружелюбныхъ, если оно не облечено въ черезчуръ уже неприличную форму площадной брани и грубаго ругательства—считаются подходящими средствами газетной войны въ томъ смыслѣ, что всякій, такимъ образомъ, уязвленный считается достаточно огражденнымъ въ своей чести тѣмъ, что имѣетъ возможность отвѣчать противнику такимъ же путемъ, посредствомъ печати, еще болѣе колко и язвительно. Площадная ругань есть средство уже выходящее за предѣлы дозволеннаго и приличнаго, но хотя бы она и носила на себѣ явные и всегда удобно примѣчаемые слѣды своего уголовнаго характера, она то всего рѣже и бываетъ преслѣдуема, такъ какъ она, по формѣ своей, отталкиваетъ и такъ какъ она видимо указываетъ, что прибѣгающій къ ней необразованный человѣкъ, а нравиться она можетъ только необразованнымъ людямъ, каковыхъ въ читающей публикѣ всегда бываетъ малое число. Большинство читающихъ относится къ ней, какъ нѣкогда отнесся къ заочной брани манифестъ о поединкахъ Екатерины II, апрѣля 21-го дня 1787 года, (ст. 12-я): «заочная же брань ни во что не вмѣняется и обращается въ поношеніе тому, кто ее произнесъ». Въ газетной полемикѣ есть также средства не только неприличныя, но и безусловно нечестныя, таковы: изобрѣтеніе ложныхъ слуховъ, распространеніе ихъ, а также повтореніе ложныхъ извѣстій, заимствованныхъ у другихъ лицъ, завѣдомо о лживости такихъ извѣстій. Ложь, пускаемая завѣдомо въ обращеніе, хотя и безъ намѣренія кого нибудь оскорбить, всегда вредна для общества; нравственный вредъ этотъ можно сравнить съ матеріальнымъ вредомъ отъ выпуска въ обращеніе фальшивыхъ знаковъ цѣнности. Не отъ всякаго ложнаго извѣстія законъ ограждаетъ частное лицо. Можетъ быть выдумано не *«дѣяніе, противное правиламъ чести»*, а извѣстное непріятное для кого-нибудь обстоятельство, котораго распространеніе не подходитъ подъ понятіе клеветы по 1535-й ст. улож. о наказ., хотя самъ фактъ измышленія такого завѣдомо ложнаго обстоятельства, не смотря на свою уголовную ненаказуемость, есть поступокъ въ высшей степени нечестный. Когда же распространяется завѣдомо лживое обвиненіе кого-либо въ противномъ правиламъ чести поступкѣ, то это распространеніе составляетъ уже

прямо запрещаемую закономъ клевету, а въ данномъ случаѣ, преслѣдованіе клеветы судомъ можетъ быть и единственнымъ средствомъ для оклеветаннаго оградить свою честь, такъ какъ иныя средства защиты, напримѣръ заявленія и отвѣты въ печати, могутъ оказаться недостаточными нетолько для человѣка посторонняго газетному дѣлу, но и для лица, находящагося въ положеніи моего довѣрителя, т. е. располагающаго извѣстнымъ органомъ печати. Извѣстно, что отрицательные факты не доказываются и что всякій былъ бы обвиненъ еслибъ его судили, требуя отъ него доказательствъ того, что онъ не совершилъ поступка, который ему приписываютъ. Допустимъ, что ему приписываютъ извѣстное дѣйствіе; онъ его не сдѣлалъ и даже заявилъ категорически, что не сдѣлалъ, но недобросовѣстный противникъ продолжаетъ, хотя и безъ всякихъ доказательствъ, чисто голословно, приписывать ему это дѣйствіе. Очевидно, что для оклеветаннаго всѣ литературныя средства огражденія своей чести уже исчерпаны. Если онъ не хочетъ прибѣгать къ кулачной расправѣ, то ему остается только обратиться въ судъ и достигнуть посредствомъ судебнаго состязанія рѣшенія подлежащей власти, которое, бывъ оглашено, поставило бы публику въ извѣстность, что жалующійся былъ оклеветанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отняло бы у клеветы ея жало.

Въ такой необходимости, прибѣгнуть къ суду для огражденія своей чести отъ завѣдомо лживыхъ, намѣренно, постоянно и съ большою настойчивостью распускаемыхъ слуховъ, находится нынѣ мой довѣритель, М. М. Стасюлевичъ, по отношенію къ лицамъ, участвующимъ въ редакціи газеты «Новое Время». Такъ какъ клевета, которой онъ подвергается, по содержанію одна, но повторяется, будучи воспроизводима всякій разъ иными чертами и въ иныхъ формахъ, и такъ какъ эта многократность составляетъ то, что въ уголовной техникѣ называется «продолжаемымъ преступленіемъ», то для надлежащей оцѣнки этой клеветы я долженъ сопоставить всѣ статьи «Новаго Времени», въ которыхъ заключаются, на мой взглядъ, недозволенныя посягательства на честь г. Стасюлевича, посредствомъ ложныхъ и вредящихъ его репутаціи слуховъ.

Недружелюбныя отношенія «Новаго Времени» къ «Порядку» и его редактору г. Стасюлевичу обозначились еще прежде появленія въ свѣтъ перваго нумера «Порядка». Въ № 1736 «Новаго Времени», отъ 28-го декабря 1880 года, читаемъ слѣдующее:

«Между слухами о наградахъ къ новому году отмѣтимъ слѣдующее: Редакторъ-издатель «Вѣстника Европы» и «Порядка» г. Стасюлевичъ и извѣстный сотрудникъ «Голоса» г. А. Градовскій получаютъ по звѣздѣ ордена св. Станислава».

Въ № 1740-мъ, на новый годъ, слухъ на столбцахъ «Новаго Времени», превратился въ совершившійся фактъ.

Г. Стасюлевичъ въ № 248-мъ «Порядка» заявилъ, что этотъ слухъ во вредъ ему вымышленъ «Новымъ Временемъ», но въ № 1986-мъ Новаго Времени», отъ 8-го сентября, былъ помѣщенъ такого рода отвѣтъ:

«Когда мы сообщили въ началѣ этого года о пожалованіи звѣзды св. Станислава, то имѣли на то полное и *фактическое* основаніе. Мы вовсе не думали остроумничать и изобрѣтать и г. Стасюлевичу *это очень хорошо извѣстно*. Такое «преждевременное» сообщеніе дѣйствительно помѣшало звѣздѣ украшать грудь одного изъ двухъ вышепоименованныхъ серьезныхъ людей» (Стасюлевичъ и Градовскій).

Это повтореніе ложнаго слуха. съ указаніемъ на будто бы имѣющіяся и припасенныя доказательства, заставляетъ моего довѣрителя постараться вывести спорный фактъ на чистую воду и потребовать по этому предмету судебнаго разбирательства.

Служить государству (само собою разумѣется, добросовѣстно и усердно) есть не безчестіе, а заслуга. Кто долго служилъ, тотъ по естественному ходу вещей, не могъ не получить въ награду чиновъ и знаковъ отличія. Въ такомъ положеніи нашелся и мой довѣритель, который много лѣтъ назадъ, когда еще состоялъ на службѣ, получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Этимъ чиномъ видимо попрекаетъ его «Новое Время» (№ 1820-й «не даромъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Стасюлевичъ такъ неодобрительно отнесся къ воплямъ бабы!») , какъ упрекаетъ онъ и другихъ лицъ, состоящихъ въ подобномъ же званіи: (№ 1815-й Заявленіе торговцевъ Сѣнной Площади, рѣшительноне даетъ покоя либеральнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ»... № 1822-й: «статскій совѣтникъ Полонскій поетъ тоже самое въ «Странѣ»).

Очевидно, что либо чужіе чины не даютъ покоя редакціи, либо въ самомъ полученіи званія есть нѣчто предосудительное, на что и дѣлается коварный намекъ.

Во всякомъ случаѣ, такъ какъ полученіе чина моимъ довѣрителемъ есть фактъ, то повтореніе этого факта, съ какимъ намѣреніемъ оно ни происходило бы, не даетъ никакого основанія жаловаться. Иное дѣло пожалованіе (на словахъ, разумѣется) «Новымъ Временемъ» звѣзды лицу, которое хотя, когда-то, лѣтъ 15 назадъ, и состояло на службѣ, и получало чины, но потомъ государственную службу оставило и занималось съ тѣхъ поръ только частною издательскою дѣятельностью. Дѣятельность Стасюлевича, какъ издателя «Вѣстника Европы», въ теченіи 14-ти лѣтъ этого издательства, равно какъ и дѣятельность почти всѣхъ другихъ его товарищей по профессіи, ограничивалась по отношенію къ правительству дачею объясненій, когда таковыя отъ него требовались за напечатанное, и взысканіями со стороны органовъ цензуры.

Сопоставленіе звѣзды, будто бы, даваемой редактору имѣющей появиться газеты не за услуги его въ прошломъ, которыхъ быть не могло, но развѣ за услуги въ будущемъ, имѣло очевидно цѣль, которая, какъ я полагаю, будетъ признана и судомъ, и которая состояла въ томъ, чтобы представить на основаніи ложнаго факта, что редакторъ «Порядка», если и не находится на правительственной службѣ, то состоитъ, однако, по отношенію къ правительству въ особенныхъ, такъ сказать, обязательныхъ отношеніяхъ. Всякая профессія, а въ томъ числѣ и литературная, и издательская дѣятельность, имѣютъ, по своимъ особеннымъ условіямъ быта, особенныя понятія о доблести и чести. Честь человѣка, идущаго по этой дорогѣ, требуетъ, прежде всего, совершенной самостоятельности въ убѣжденіяхъ, высказываемыхъ печатно. Служить правительству можетъ честный гражданинъ и на этомъ поприщѣ, но требуется, чтобы онъ ничѣмъ не навлекалъ подозрѣнія, что онъ дѣйствуетъ изъ «корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ» или изъ-за особыхъ какихъ либо наградъ, которыя онъ получитъ въ какомъ бы ни было видѣ или надѣется еще получить. Съ представленіемъ о такого рода возмездіи связанъ обыкновенно упадокъ литературной репутаціи, къ которому наша публика къ счастію еще весьма чутка, чему доказательствами могутъ служить невыгодные толки въ печати по поводу субсидій, толки, которымъ подвергаются, напримѣръ, издатели «Московскихъ Вѣдомостей» и «Кіевлянина» или непродолжительность издательской карьеры бывшаго редактора «Берега». Таковы основанія, по которымъ и въ ложномъ слухѣ о звѣздѣ я усматриваю со стороны редакціи «Новаго Времени» попытку на клевету, попытку усугубленную недавнимъ смѣлымъ заявленіемъ, о какихъ то доказательствахъ, которыя очень желательно бы видѣть, такъ сказать, на столѣ; того, что если г. Стасюлевичъ и былъ звѣздою обойденъ, то, будто бы, только вслѣдствіи дѣйствія редакціи «Новаго Времени», огласившей награду и тѣмъ, будто бы, помѣшавшей правительству пожаловать ее г. Стасюлевичу.

Слухъ о звѣздѣ, хотя и содержитъ, по моему мнѣнію, клевету, но клевету въ малой дозѣ, клевету средствами довольно слабыми, а потому и не очень дѣйствительными. Мой довѣритель и не началъ бы по одному этому предмету дѣла съ редакціею «Новаго Времени», если бы вскорѣ потомъ не была пущена другая, гораздо сильнѣйшая, но принадлежащая къ тому же роду клеветъ — о томъ, что, будто бы, «Порядокъ» существуетъ на еврейскія средства и отъ евреевъ за защиту ихъ интересовъ получаетъ въ томъ или другомъ видѣ содержаніе или поддержку.

«Порядокъ» издается г. Стасюлевичемъ, котораго образъ мыслей и направленіе по отношенію къ національнымъ вопросамъ давнымъ давно извѣстны публикѣ, слѣдившей за «Вѣстникомъ Европы». Это направленіе требуетъ гуманнаго отношенія ко всѣмъ племенамъ и

народамъ, находящимся въ предѣлахъ имперіи и проводило постоянно ту мысль, что надобно стараться, чтобы всѣмъ разновидностямъ рода человѣческаго, подчиненнымъ россійской державѣ, можно было жить безъ исключительныхъ мѣръ и притѣсненій, если и не совсѣмъ хорошо, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе сносно. Г. Стасюлевичъ невправѣ былъ, конечно, обижаться, при современномъ раздраженіи въ умахъ и возбужденіи страстей, что его органъ называли противники и «жидовствующимъ», и «полякующимъ».

Ему на такомъ же основаніи могли бы быть присвоиваемы клички, соотвѣтствующія всѣмъ мало-мальски отступающимъ отъ великорусскаго типа племенамъ и народностямъ, которыми пестрѣетъ составъ народонаселенія Россіи. Равнымъ образомъ я признаю, что онъ не можетъ взыскивать, а въ правѣ только полемизировать по поводу, хотя и несправедливыхъ и пристрастныхъ, но не клеветъ а только сужденій о его органѣ и его редакторѣ, основанныхъ на томъ, какъ этотъ органъ относится къ извѣстнаго рода общественнымъ вопросамъ, напримѣръ. въ № 1761 «Новаго Времени», въ одной статьѣ котораго г. Стасюлевичъ названъ «первымъ застрѣльщикомъ», котораго выдвинулъ кабацкій станъ»... и т. д.

Но эта брань не имѣетъ ничего общаго съ постановкою въ видѣ тезиса того смѣло провозглашаемаго и выдаваемаго за истину обстоятельства, будто бы органъ г. Стасюлевича по средствамъ, на которыя издается, а слѣдовательно и по личности его владѣльцевъ и вкладчиковъ, есть еврейская газета, а ея редакторъ есть не больше, какъ наемный защитникъ еврейскихъ интересовъ даже и въ такихъ случаяхъ, когда этотъ интересъ идетъ въ разрѣзъ съ интересами русской націи и русскаго государства. Нѣтъ надобности доказывать, что еслибъ хотя и вопреки истинѣ, подобное убѣжденіе распространилось, то довѣріе къ газетѣ было бы подорвано у самой лучшей части публики, именно той, которая цѣнитъ независимое слово; равнымъ образомъ, что низко упалъ бы въ общественномъ мнѣніи, редакторъ этого органа, потому что къ нему тогда могли бы прямо идти всѣ тѣ краснорѣчивыя выходки противъ «наемныхъ» и «платныхъ» защитниковъ чужихъ интересовъ печати, которыми переполнены страницы «Новаго Времени». И на подобное обвиненіе противъ г. Стасюлевича «Новое Время» рѣшилось. Въ № 1881 «Новаго Времени» (25-го мая 1881 года) сказано: «Порядокъ» недавно понадергалъ изъ труда г. Чубинскаго разныя цифры, гласящія, будто бы, о томъ, что безъ евреевъ мы погибнемъ. На самомъ дѣлѣ тамъ рѣчь идетъ о томъ, какъ устроиться, чтобъ не погубить, не закабалить евреямъ въ экономическое рабство народную массу, только что освободившуюся отъ юридическаго рабства. «Порядокъ», какъ органъ Бліоховъ и Гинцбурговъ, благоразумно умолчалъ объ этомъ».

Съ г. Бліохомъ г. Стасюлевичъ видѣлся въ жизни всего одинъ только разъ, когда получилъ отъ г. Бліоха его статью: «Экономическое состояніе Россіи въ прошломъ и настоящемъ», помѣщенную потомъ въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ «Вѣстника Европы» за 1877 годъ. За эту статью въ распоряженіе автора поступилъ, по заведенному порядку, изъ конторы «Вѣстника Европы» причитающійся гонораръ. Баронъ Орасъ Гинцбургъ—хорошій и давнишній знакомый г. Стасюлевича; они знакомы семействами, но ни по литературной или издательской части, ни въ иныхъ предпріятіяхъ финансовыхъ или коммерческихъ г. Стасюлевичъ никогда съ нимъ не участвовалъ и нынѣ въ таковыхъ не состоитъ. Слова: *«быть органомъ Бліоховъ и Гинцбурговъ»* имѣли въ «Новомъ Времени» весьма опредѣленный и совершенно ясный смыслъ, который и успѣлъ обнаружиться, когда пущеный въ ходъ прозрачный намекъ пошелъ въ обращеніе, причемъ можно было наблюдать, какъ ростетъ клевета, переползая изъ одной газеты въ другую. Газета «Востокъ», очевидно, со словъ «Новаго Времени», заявила прямо, что «Порядокъ» издается на *деньги* банкировъ Гинцбурга и Бліоха, послѣ чего «Новое Время» въ № 1909-мъ, отъ 23-го іюня 1881 года, воспользовавшись своимъ собственнымъ произведеніемъ, уже отраженнымъ и полученнымъ обратно по рикошету, помѣстило у себя слѣдующее: «Газета «Востокъ» не довѣряетъ безкорыстію либеральныхъ юдофиловъ и въ подтвержденіе своихъ сомнѣній сообщаетъ, что *«Порядокъ» издается на деньги еврейскихъ банкировъ Гинцбурга и Бліоха, также какъ на жидовскія же деньги издаются «Заря», «Одесскій Листокъ» и нѣкоторыя другія газеты»*. Всего любопытнѣе замѣчаніе, добавляемое къ этой выдержкѣ изъ «Востока» редакціею «Новаго Времени» и исполненное *фарисейскаго лицемѣрія:* «Оставляемъ это извѣстіе на отвѣтственности «Востока».

Вслѣдствіе появленія подобнаго же рода ложныхъ извѣстій въ «Кіевлянинѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», г. Стасюлевичъ далъ въ № 246-мъ «Порядка» общій отвѣтъ всѣмъ лицамъ, интересующимся знать, откуда у него имѣются средства на изданіе газеты, и отрицалъ полученіе какихъ бы ни было субсидій. Редакція «Новаго Времени» и въ этомъ случаѣ нашла что сказать, именно: № 1986-й «Новаго Времени», 8-го сентября 1881 года, содержитъ слѣдующее: «Что касается капиталовъ, лежащихъ въ основаніи «Порядка», то мы говорили объ нихъ какъ о паяхъ, а не какъ о субсидіи, что не одно и тоже. Субсидія — плата за извѣстныя услуги, пай — соиздательство, нравственная связь, участіе въ прибыляхъ и убыткахъ».

Но и этотъ новый оборотъ, данный ложному слуху, оказался неудачнымъ. Въ № 248-мъ «Порядка» г. Стасюлевичъ потребовалъ отъ «Новаго Времени» напечатать, что и эта догадка несостоятельна, что его газета издается исключительно на его собственный счетъ и не

имѣетъ никакихъ пайщиковъ; что «Новое Время», говорившее о паяхъ, на которыхъ, будто бы, издается «Порядокъ», сообщило совершенную ложь». Поставленная, такъ сказать, у самой стѣны, редакція «Новаго Времени» вышла изъ этого затруднительнаго положенія слѣдующимъ образомъ. Она трунитъ, между прочимъ, надъ г. Стасюлевичемъ въ «маленькомъ фельетонѣ» № 1889-го газеты, озаглавленномъ: «Раздвоившійся Стасюлевичъ—фантастическая сцена», но въ сущности и она сама въ этомъ случаѣ раздвоилась. Въ № 1988-мъ, отъ 10-го октября 1881 года, неподписанная статья, исходящая отъ редакціи, гласитъ:

«Мы готовы простереть свою любезность до того, что будемъ ежедневно печатать такъ: «Порядокъ», издающійся па собственныя деньги г. Стасюлевича», но въ слѣдующемъ же № 1989-мъ, отъ 11-го сентября 1881 года, появился вышеназванный нами «маленькій фельетонъ» за подписью *графа Алексиса Жасминова*, въ которомъ, послѣ шутовской сцены г. Стасюлевича съ еврейскою депутаціею, какъ ему, такъ и еврейской депутаціи влагаются въ уста два стиха, воспроизведенные двукратно:

«Все устроилось въ порядкѣ:
Взяли пай жиды въ «Порядкѣ».

Такимъ образомъ, редакція «Новаго Времени» уклончиво отнеслась къ вполнѣ законному требованію г. Стасюлевича о напечатаніи опроверженія, пущеннаго ею же ложнаго слуха, сказавъ о деньгахъ, промолчала въ № 1988-мъ о паяхъ, потомъ, несмотря на опроверженіе и не представляя доказательствъ, повторила свое обвиненіе о паяхъ, правда, въ шутовской формѣ, но, тѣмъ не менѣе, язвительно. Обида на словахъ не становится меньше, вслѣдствіе одного только того обстоятельства, что она произнесена въ группѣ лицъ, дѣйствующихъ сообща, тѣмъ изъ нихъ, который играетъ въ этой группѣ роль клоуна или шута. Маленькій фельетонъ съ приведеннымъ мною двустишіемъ помѣщенъ въ газетѣ по волѣ редакціи и при полномъ ея участіи въ этой продѣлкѣ, нетолько недостойной, но и противозаконной, какъ я и постараюсь передъ судомъ доказать. Въ послѣдующей статьѣ, безъ подписи подъ заглавіемъ: «Литературное сутяжничество» (№ 1993) редакція «Новаго Времени» возбуждаетъ многочисленныя сомнѣнія и опасенія на счетъ того, вправѣ ли г. Стасюлевичъ преслѣдовать судомъ «Новое Время» по 1039-й ст. улож. за диффамацію. Могу успокоить редакцію тѣмъ, что обвиненіе ставится только по 1535-й ст. улож. исключительно въ клеветѣ, причемъ редакціи предоставляется полнѣйшая возможность доказать, на чемъ она основываетъ свое настойчивое удостовѣреніе, что «Порядокъ» издается при условіяхъ или соиздательства съ евреями, или матеріальной съ ихъ стороны поддержки, или участія евреевъ въ прибыляхъ и убыткахъ

отъ издательства, или въ иной какой-нибудь, хотя и хитропридуманной формѣ.

Предъявляя обвиненіе въ клеветѣ, я обращаю его къ двумъ лицамъ сообща, именно: къ Михаилу Павловичу Ѳедорову и къ Виктору Петровичу Буренину, по нижеслѣдующимъ основаніямъ:

1) Г. Ѳедоровъ, какъ редакторъ «Новаго Времени», несетъ на себѣ отвѣтственность за всѣ статьи, помѣщаемыя въ «Новомъ Времени», какъ безыменныя, такъ и кѣмъ-нибудь подписанныя, на точномъ основаніи ст. 1044-й улож. о наказ.

2) Послѣдняя изъ статей, содержащихъ въ себѣ клевету противъ г. Стасюлевича, подписана фамиліею *графъ Алексисъ Жасминовъ*. Такого лица нѣтъ: оно вымышленное; но подъ этимъ псевдонимомъ скрывается, что я и докажу, постоянный сотрудникъ «Новаго Времени», литературный критикъ его и стихотворецъ, Викторъ Петровичъ Буренинъ.

Такъ какъ настоящее дѣло должно производиться въ порядкѣ частнаго обвиненія, при которомъ настоящая жалоба замѣняетъ обвинительный актъ, по 426-й ст. уст. угол. суд., то, представляя ее г. мировому судьѣ 13-го участка, въ которомъ помѣщается редакція «Новаго Времени» и въ которомъ слѣдовательно совершено преступленіе (36-й ст. уст. угол. суд.), для исполненія обряда, предписаннаго стат. 35-й, т. е. склоненія сторонъ къ миру, прошу, въ случаѣ если примиреніе не состоится, переслать мою жалобу, согласно 511-й ст. уст. уг. суд., г. прокурору петербургскаго окружнаго суда для передачи судебному слѣдователю съ цѣлью предварительнаго разъясненія, путемъ предварительнаго слѣдствія, тождества Жасминова съ г. Буренинымъ.

Законъ требуетъ, чтобы до суда стороны, между которыми производится дѣло о клеветѣ въ печати, были склоняемы къ миру подлежащимъ мировымъ судьею. Желая, съ своей стороны, подчиниться закону не только формально, но и въ томъ смыслѣ, который ставитъ себѣ цѣлью законодатель, учреждая обрядъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая избѣгнуть малѣйшей тѣни «литературнаго сутяжничества» мой довѣритель, М. М. Стасюлевичъ, уполномочилъ меня и на мировую, на условіяхъ, которыя, и по его, и по моему взгляду, для обѣихъ сторонъ безобидны и не противны ихъ достоинству. Я предлагаю редакціи «Новаго Времени» выдать мнѣ за подписью М. П. Ѳедорова, какъ отвѣтственнаго редактора «Новаго Времени», подписку нижеслѣдующаго содержанія:

«Удостовѣрившись со словъ издателя-редактора «Порядка», М. М. Стасюлевича, въ полной неосновательности слуховъ, пропечатанныхъ въ нашей газетѣ о томъ, будто бы, въ издательствѣ газеты «Порядокъ» участвуютъ еврейскіе капиталисты, либо какъ обязательные подписчики, либо какъ пайщики, либо какъ лица инымъ образомъ

оказывающія г. Стасюлевичу при изданіи газеты поддержку своими матеріальными средствами, редакція «Новаго Времени» всякую по этому предмету полемику съ «Порядкомъ» прекращаетъ, о чемъ и объявитъ въ тѣхъ же выраженіяхъ въ «Новомъ Времени». Съ своей стороны и г. Стасюлевичъ заявитъ въ «Порядкѣ» о прекращеніи полемики, вслѣдствіе признанія себя удовлетвореннымъ за полученіемъ отъ редакціи «Новаго Времени» настоящей подписки».

Примиренія у мирового судьи не послѣдовало, а потому дѣло поступило въ окружный судъ.

На вопросъ предсѣдателя оба обвиняемые не признали себя виновными.

Гг. судьи! Манифестъ, при которомъ изданы «Судебные уставы» 20-го ноября 1864 года, выразилъ желаніе, чтобъ новый судъ былъ скорый, правый, милостивый и равный. Охотно признавая всѣ три послѣднія качества за новыми судами, я не могу сказать, чтобъ во всѣхъ случаяхъ имъ было присуще качество скорости. Я не намѣренъ дѣлать какіе-нибудь упреки судамъ нашимъ. Механизмъ новыхъ учрежденій, какъ всякій механизмъ, имѣетъ свои несовершенства. Я хочу только отмѣтить, что затяжка не должна быть отнесена къ винѣ частнаго обвинителя, что онъ не относился къ дѣлу апатично послѣ того, какъ жалоба его была оглашена въ печати, что нельзя его подозрѣвать въ томъ, будто-бы, главная его цѣль только и заключалась въ томъ, чтобъ наговорить непріятныхъ вещей для противниковъ, что онъ перестал самимъ дѣломъ интересоваться, послѣ того, какъ самъ «Порядокъ» прекратилъ свое существованіе, и послѣ того, какъ по прекращеніи его «Новое Время», освободившись отъ конкурента, произнесло надъ его гробомъ даже нѣчто въ родѣ похвальнаго слова. Приведу слѣдующія цифры: въ сентябрѣ случилось происшествіе, которое подало поводъ къ жалобѣ. Жалоба слушалась у мироваго судьи, 30-го сентября 1881 года, и поступила въ судъ въ началѣ октября, но по новому обстоятельству я долженъ былъ

просить о производствѣ слѣдствія. Новое обстоятельство заключалось въ томъ, что г. Буренинъ, котораго я несомнѣнно считалъ авторомъ одной изъ инкриминируемыхъ мною статей, отрекся отъ авторства, вслѣдствіе чего надо было доискиваться, кто же ея авторъ. Дѣло поступило къ судебному слѣдователю. Слѣдствіе окончено 8-го февраля и направлено въ судъ, гдѣ, по моей просьбѣ, было назначено къ слушанію на 27-е апрѣля, потомъ съ очереди по распоряженію суда снято, затѣмъ пришли каникулы, потомъ судъ выѣзжалъ на внѣпетербургскія засѣданія и только теперь назначили засѣданіе по дѣлу. Ясно, что затяжка произошла по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ.

За этимъ объясненіемъ считаю нужнымъ предпослать изложенію дѣла по существу еще другое; я хочу разъяснить, какого рода интересъ связанъ для насъ, т. е. для меня и г. Стасюлевича, въ настоящую минуту при поддерживаніи на судѣ нашей жалобы. Это обстоятельство могло бы показаться чисто субъективнымъ, но въ данномъ случаѣ оно существенно потому, что свойствомъ интереса обыкновенно опредѣляются и требованія частнаго обвинителя, а слѣдовательно, имъ въ извѣстной степени обусловливается и рѣшеніе суда, такъ какъ въ порядкѣ частнаго обвиненія судъ не выходитъ обыкновенно за предѣлы этихъ требованій. Притомъ, въ настоящемъ дѣлѣ имѣется матеріалъ, наросшій уже послѣ подачи жалобы. Когда мы подавали жалобу, можно было предвидѣть, что полемика не остановится, что потекутъ ругательства изъ «Новаго Времени» противъ «Порядка», что посыплется брань, что будетъ продолжаема и клевета. Свойствомъ интереса опредѣлится и мое отношеніе къ этому матеріалу и образъ моихъ дѣйствій и требованій, обращаемыхъ къ суду.

Законъ предоставляетъ лицу, страдающему отъ оскорбленій его чести въ печати, три средства защиты: вопервыхъ, искъ о диффамаціи по 1039-й ст., вовторыхъ, жалобу на брань и ругательства и, въ третьихъ, искъ

о клеветѣ. Два послѣднія средства уже имѣлись въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ; первое послѣ иска о диффамаціи появилось только во временныхъ правилахъ для печати, 6-го октября 1865 года, которыя до сихъ поръ составляютъ нашу, значительно уже теперь сокращенную, хартію свободы печатнаго слова.

Уголовный законъ о диффамаціи—есть средство крайне неудовлетворительное, мы всегда ратовали противъ него, потому что еслибы считающій себя опозореннымъ человѣкъ и добился бы заключенія своего обидчика въ тюрьму за диффамацію, сей послѣдній можетъ всегда сказать «а всетаки я страдаю за правду», Законъ о диффамаціи есть средство, пригодное въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ, когда разоблаченіе касается такихъ домашнихъ, семейныхъ обстоятельствъ, нисколько не относящихся до жизни общественной, которыхъ раскрывать нельзя, потому что раскрытіе подвергло бы обижаемаго еще большему и жестокому глумленію. Положимъ, напримѣръ, что человѣкъ, который такимъ образомъ оскорбленъ въ самыхъ сердечныхъ привязанностяхъ, въ лицѣ жены, сестры, дочери, позоветъ оскорбителя на судъ за клевету. На судѣ этомъ положеніе сторонъ страшно неравное. Чтобъ защититься отъ обвиненія въ клеветѣ, посредствомъ, такъ называемой, exceptio veritatis, достаточно обидчику сослаться, что онъ позорящее обстоятельство не выдумалъ, и доказать, что онъ повѣрилъ свидѣтелямъ или что въ народѣ ходили слухи объ этомъ обстоятельствѣ. Уголовный кассаціонный департаментъ многократно разъяснялъ, что для полноты состава клеветы требуется, чтобы клеветникъ дѣйствовалъ недобросовѣстно, чтобъ распространяемые имъ слухи были завѣдомо фальшивые. Жалующійся выйдетъ изъ суда еще болѣе опозореннымъ вслѣдствіе того, что его противника почти навѣрно оправдаютъ. Обиженному не придется даже убѣдить судъ, что онъ чистъ потому, что ему пришлось бы доказывать отрицательный фактъ, что онъ невиноватъ—что часто невозможно, хотя бы

онъ раскрылъ всю душу, хотя бы онъ разсказалъ всю свою жизнь, хотя бы онъ такъ сказать—раздѣлся передъ публикою. Потому то законъ о диффамаціи мало употребителенъ; обыкновенно обиженный терпитъ скрѣпя сердце и стиснувъ зубы или прибѣгаетъ къ кулачной расправѣ.

Второе средство—жалоба на брань и ругательство употребляется почти исключительно людьми частными за частыя оскорбленія. Оно обыкновенно не употребляется вовсе при оскорбленіяхъ, наносимыхъ общественному дѣятелю за его дѣйствія въ какой бы ни было общественной сферѣ; государственной службѣ, наукѣ, промышленности, искуствѣ и т. д. Чѣмъ ширеобщественная дѣятельность лица, тѣмъ болѣе у него и враговъ и друзей: однимъ онъ нравится, угодивъ имъ, другіе напротивъ имъ недовольны. Судовъ и пересудовъ о его дѣятельности бездна, ихъ необерешься. Отвѣчать на всѣ эти сужденія нѣтъ никакой возможности, надо положиться на время и ждать. Съ сужденіемъ о дѣйствіяхъ бываютъ смѣшаны ругательства, на которыя едва ли приходится отвѣчать. Ну вылили, напримѣръ, на человѣка ушатъ помоевъ, не на самаго человѣка, а на его имя, неужели отвѣчать тѣмъ же? Неужели ему придется заниматься производствомъ точно такихъ-же зловоній? Есть занятія, которыя противны по натурѣ порядочному человѣку; есть мастерства, съ которыми нельзя сравниться, есть искуства такого рода, что въ нихъ охотно уступаешь и пальму первенства всякому противнику, Сверхъ того, силы состязающихся обыкновенно неравны. Противникъ пользуется большимъ преимуществомъ — своимъ собственнымъ органомъ печати, у обиженнаго рѣдко такой бываетъ въ своемъ распоряженіи, мой довѣритель, г. Стасюлевичъ, имѣлъ свой органъ, «Порядокъ», но нынѣ его не имѣетъ и не могъ бы отвѣчать на послѣдующія статьи «Новаго Времени». Большинство обижаемыхъ, желая отвѣчать на ругательства, должны идти въ

чужіе органы печати и напрашиваться, чтобъ ихъ туда пустили, что невсегда удобно, невсегда возможно, потому что большею частью органы печати бываютъ очень брезгливы въ этомъ отношеніи. Сверхъ того, что съ обидчикомъ они обыкновенно имѣютъ свои личные счеты которые не хотятъ увеличивать, но они вообще не любятъ всякихъ запаховъ—ни запаховъ зловонія, ни запаховъ карболовой, ни салициловой кислоты.

Единственное практическое средство правильно отнестись къ ругательству—заключается въ томъ, чтобъ на него вовсе не отвѣчать, чтобъ пустить его мимо себя съ презрительнымъ равнодушіемъ, не обращать вниманія ни на какіе этого рода уколы, пріучить себя къ тому, чтобъ совсѣмъ не чувствовать этихъ уколовъ, менѣе же всего прибѣгать къ кулачной расправѣ. Конечно, есть утонченная, облагороженная форма этой расправы, это—дуэль, но оставимъ ее французамъ; она у насъ не прививается и никогда не привьется. Бывали у насъ великіе люди, великіе литераторы, которые погибли на дуэли, каковы Пушкинъ и Лермонтовъ, но ни одинъ не вышелъ на дуэль изъ за литературныхъ дрязгъ и ругательствъ. Звать человѣка въ судъ за брань и ругательства—это только средство доставить ругающемуся противнику возможность вылить еще два—три новые ушаты помоевъ; мало того: можно было предполагать, что первый то ушатъ въ обиженнаго не попалъ, но идя въ судъ, онъ самъ заявляетъ, что онъ ими облитъ, что предназначаемое ему дошло по назначенію. Если я не откликнулся и молчу, то еще вопросъ, получилъ ли я ихъ или не получилъ. Если я не получилъ, то могу отослать, откуда они пришли, назадъ по принадлежности! Слова печатныя не громъ, они завтра же забудутся, будущее будетъ судить меня не по чьимъ-либо словамъ, а по моимъ поступкамъ. Слово—вѣтеръ, останутся только поступки, т. е. извѣстныя дѣянія или извѣстныя художественныя произведенія, но пасквили никогда не бываютъ и не будутъ художественными

произведеніями. Вотъ настоящее отношеніе общественнаго дѣятеля ко всякому печатному ругательству.

Исходя изъ этой точки, мы поставили себѣ за правило: обойти съ презрѣніемъ всѣ тѣ ругательства, которыми наполнены нумера «Новаго Времени», и такимъ образомъ мы считаемъ этотъ счетъ совершенно поконченнымъ; хроматическая гамма этихъ ругательствъ красива: отъ «искаріотствующаго» до «паразита» и «прохвоста». Мы всѣ эти клички отсылаемъ назадъ по принадлежности; пусть общество разсудитъ, чья это вина, кому она принадлежитъ. Отрицая возможность жаловаться суду за брань и ругательства, мы не можемъ, однако, не сказать, что бываютъ случаи, когда нельзя избѣжать того, чтобъ не прибѣгнуть во огражденіе себя къ третьему средству—къ иску о клеветѣ. Клевета существенное отличается отъ другихъ преступленій противъ чести. Въ другихъ оскорбленіяхъ задѣто, главнымъ образомъ, субъективное чувство, которое человѣкъ можетъ въ себѣ побороть, послѣ чего оно никакого почти другого слѣда и не оставитъ, но клевета производитъ вредъ объективный, безъ всякой вины и безъ всякаго участія со стороны того, кто ей подвергся. Если даже не отвѣчать на клевету, то по поводу ея пойдутъ толки, которые, сгущаясь, ее оплотняютъ. Выдумка, мало по малу, обращается почти въ фактъ. Вѣскимъ примѣромъ такого процеса можетъ служить представленное мною къ дѣлу письмо орловскаго присяжнаго повѣреннаго г. Ильинскаго, полученное нами изъ Орла, письмо лица, котораго мы не знали до того времени и котораго мы и донынѣ никогда не видали. Г. Ильинскій разсказываетъ, что въ орловскомъ дворянскомъ собраніи, въ присутствіи членовъ управы, мировыхъ судей и другихъ почетныхъ лицъ того общества, шли разговоры о газетахъ, о ихъ направленіи и т. д. Одинъ изъ присутствующихъ нападалъ на «Порядокъ»? Да, вѣдь, извѣстно, отвѣчаетъ онъ, что это органъ—еврейскихъ банкировъ. «Новое Время» пропечатало этотъ фактъ, а

г. Стасюлевичъ не возражаетъ. Такъ складывается общественное мнѣніе въ провинціи, не иначе устанавляется оно и въ столицѣ. Клевета распространяется въ публикѣ и вредитъ доброму имени оклеветаннаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, что гораздо важнѣе съ точки зрѣнія его конкурентовъ, она уменьшаетъ число подписчиковъ на «Порядокъ». Необходимо было отвѣчать и г. Стасюлевичъ отвѣчалъ.

Порядочный органъ печати, получивъ такое заявленіе, долженъ былъ бы удовольствоваться имъ и перестать помѣщать ложные слухи, опровергаемые тѣмъ, къ кому они относятся и никакими доказательствами съ другой стороны неподтверждаемые. Но какимъ образомъ поступить, если органъ, пустившій лживые слухи, нетолько не удовлетворяется опровергающимъ ихъ заявленіемъ, но продолжаетъ повторять настойчиво эти лживые слухи еще и еще. Тогда представляется всякому уму такая дилемма: либо у него мѣдный лобъ, либо онъ дѣйствительно имѣетъ въ рукахъ вѣскія доказательства, подтверждающія слухъ, который онъ распространяетъ. Какъ рѣшить вопросъ? Единственный выходъ—это искъ о клеветѣ. Надо заставить противника предъявить доказательства. Надобно дать ему навыборъ: если вы имѣете доказательства — то выложите ихъ на столъ, если не имѣете — то будете наказаны. Таковы были соображенія, въ силу которыхъ мы обратились къ суду. Мы рѣшились на судъ только по исчерпаніи всѣхъ средствъ для полученія иного удовлетворенія. Доказательствомъ нашей уступчивости служитъ наше предложеніе идти на мировую, которое было сдѣлано у мирового судьи. Мы нарочно избрали форму, не могшую ни въ какомъ случаѣ оскорбить честь органа, являющагося нашимъ противникомъ. Всякій органъ можетъ ошибаться, можетъ быть введенъ въ заблужденіе, но онъ не затрудняется и признаться въ томъ, что былъ введенъ въ заблужденіе, но теперь, убѣдившись въ противномъ, беретъ назадъ сказанное, неподтвердившееся.

По смыслу нашего предложенія о мировой, въ немъ только и содержалось слѣдующее: со словъ противника убѣдившись, что пущенный нами слухъ не вѣренъ, мы тѣмъ и оканчиваемъ полемику. «Со словъ противника»... въ порядочномъ обществѣ, между порядочными людьми, когда опровергается однимъ изъ нихъ ничѣмъ не подтверждаемый слухъ, принято такому опроверженію вѣрить. Взятіе назадъ неподтвердившагося слуха не есть отрѣшеніе отъ чего бы то ни было, не есть отказъ отъ своихъ правъ, не есть лишеніе себя возможности когда нибудь поднять опять тотъ же самый вопросъ. Сегодня слухъ былъ взятъ назадъ, но немедленно послѣ того взявшій его назадъ получилъ доказательство справедливости этого слуха. Тогда онъ можетъ, ничѣмъ уже не стѣсняясь, снова пропечатать всю правду, со всѣми доказательствами, онъ можетъ притомъ, ошельмовать своего недобросовѣстнаго противника, увѣрившаго его, что слухъ ложный. Я, конечно, не могу въ настоящее время дѣлать какихъ бы ни было предложеній объ удовлетвореніи меня по соглашенію съ нашимъ противникомъ. Мы уже заявили у мирового судьи, что беремъ наше предложеніе обратно. Предлагать что либо вновь значило бы, что мы, какъ будто бы напрашиваемся на мировую. Наши противники очень хорошо знаютъ насъ, особенно г. Ѳедоровъ, съ которымъ мы и предполагали въ то время возможнымъ заключить сдѣлку—съ нимъ однимъ, оставивъ въ сторонѣ г. Буренина. Если бы г. Ѳедоровъ самъ теперь задумалъ сдѣлать серьезное предложеніе о мировой, то онъ знаетъ, что, вѣроятно, мы бы потолковали съ нимъ, какъ бы уладить дѣло помимо суда. Вся бѣда въ томъ, что съ нашими противниками нельзя говорить серьезно о соглашеніи. Если бы сдѣлка останавливалась затѣмъ, что г. Ѳедоровъ не вполнѣ самостоятельное лицо и не можетъ рѣшиться безъ чьего нибудь согласія на тотъ или другой шагъ, то онъ знаетъ, что мы не отказались бы отъ предоставленія ему возможности переговорить съ своимъ патрономъ...

Предсѣдатель. Въ виду этого заявленія, я прошу васъ остановиться. Я сдѣлаю предложеніе обвиняемымъ. *(Къ обвиняемымъ).* Не желаете ли кончить дѣло примиреніемъ?

Ѳедоровъ. Я ничего не имѣю противъ примиренія. Я у мирового судьи не былъ и первый разъ слышу это предложеніе...

Буренинъ. А на какихъ условіяхъ?

Прис. пов. Спасовичъ. Я взялъ назадъ свое предложеніе. Въ настоящее время, послѣ отклоненія его противною стороною, кажется, ей, а не мнѣ слѣдуетъ дѣлать предложеніе о мировой. Я заявляю, что хотя у насъ есть полнѣйшее желаніе покончить это дѣло миролюбивымъ образомъ, но я долженъ сказать, что безъ гарантій я на такую сдѣлку не пойду.

Предсѣдатель. Въ чемъ же состоитъ эта гарантія?

Прис. пов. Спасовичъ. Въ томъ, чтобы завтра или послѣзавтра, а также и на будущее время не появлялись фельетоны или другія статьи въ родѣ «Раздвоившійся Стасюлевичъ» и вообще, чтобы прекратились и не возобновлялись глумленія и ругательства по поводу настоящаго процесса.

Предсѣдатель. Вы обращаетесь съ настоящимъ заявленіемъ къ г. Ѳедорову, какъ редактору?

Прис. пов. Спасовичъ. Да.

Предсѣдатель. А относительно г. Буренина...

Ѳедоровъ. «Порядокъ» болѣе не существуетъ, слѣдовательно не можетъ быть и полемическихъ статей...

Предсѣдатель. Если вы согласны дать такое удовлетвореніе...

Буренинъ. Я не могу согласиться...

Прис. пов. Спасовичъ. Мы уже дѣлали предложеніе у мироваго судьи, но оно было отвергнуто. Я теперь не дѣлаю никакого предложенія, а жду его отъ противной стороны...

Буренинъ. Какимъ образомъ можно на это согласиться? Г. Спасовичъ желаетъ зажать намъ, т. е. га-

зетѣ, ротъ, и мнѣ даже странно, что г. Спасовичъ, самъ публицистъ, хочетъ этого...

Предсѣдатель. Вамъ предлагаются условія...

Буренинъ. Но мы не можемъ на нихъ согласиться, потому что это не возможно.

Предсѣдатель (къ Спасовичу). Въ такомъ случаѣ, угодно вамъ продолжать.

Прис. пов. Спасовичъ. Перехожу къ существу дѣла. Оно состоитъ изъ двухъ частей: части о звѣздѣ и части о еврейскихъ деньгахъ въ «Порядкѣ».

Что касается первой части, то она болѣе потѣшна, нежели серьезна, хотя она несомнѣнно направлена къ тому, чтобы причинить извѣстный вредъ «Порядку». Если бы она стояла одна, то можно было бы скорѣе предъявить противъ редакціи «Новаго Времени» искъ объ убыткахъ, нежели искъ о клеветѣ; но она не могла быть оставлена, потому что заключаетъ въ себѣ зародышъ той клеветы, которая явилась потомъ въ видѣ еврейскихъ субсидій. Я ограничусь по первому предмету нѣсколькими словами.

28-го декабря 1880 года, явился слухъ о звѣздѣ. 1-го января 1881 года, эта звѣзда была уже пожалована «Новымъ Временемъ» на бумагѣ г. Стасюлевичу. Въ «Порядкѣ» объявлено, что это извѣстіе есть тенденціозная фабрикація ложныхъ свѣдѣній. «Новое Время» нашло выходъ изъ этого обвиненія и заявило: фактъ вѣренъ, Стасюлевичъ знаетъ объ этомъ «также какъ и мы: предполагалось правительствомъ дать ему звѣзду, но именно наше заявленіе о томъ, что звѣзда будетъ ему пожалована помѣшало осуществленію предположенія». Заявляю, что ничего подобнаго не было извѣстно г. Стасюлевичу, что оно никому неизвѣстно, потому что и само заявленіе имѣетъ всѣ признаки явной небылицы. Вспомнимъ время, когда это происходило. Кончался 1880 годъ, начинался 1881. Тогда было еще въ полной силѣ министерство графа Лорисъ-Меликова, преобладающее направленіе господствовало то, которое теперь поносятъ подъ именемъ либеральнаго и къ кото-

рому тогда принадлежало «Новое Время». Еще не дѣлалось никакого различія между газетами. Еще «Правительственный Вѣстникъ» не считалъ нужнымъ заявлять, что «Новое Время» не есть офиціозный органъ правительства. «Новое Время» не опровергало слуховъ о томъ, что оно офиціозъ. Но независимо отъ момента, можно ли, при какомъ угодно министерствѣ, предполагать, что у насъ, въ Россіи, при нашихъ условіяхъ государственнаго устройства, какая нибудь частная газета могла вліять на дачу или не дачу той или иной награды правительствомъ тому или иному лицу? Хотя самое заявленіе — чистая небылица, но главное то не въ этой небылицѣ, а въ намѣреніи, съ которымъ слухъ распространенъ. Намѣреніе, очевидно, было: противники наши—люди, дѣйствующіе всегда цѣлесообразно, ни одного поступка не дѣлаютъ даромъ, безъ цѣли и разсчета. Утверждаю, что намѣреніе было слѣдующее: государственныя награды даются за государственныя заслуги; г. Стасюлевичъ уже 14 лѣтъ какъ не находится на государственной службѣ—онъ просто частный человѣкъ, занимающійся издательствомъ журнала. Мы готовы принять всѣ тѣ названія, которыми величаютъ этотъ журналъ наши противники. Онъ былъ журналъ аккуратный, умѣренный, доктринерскій и т. д.; во всякомъ случаѣ, онъ былъ журналъ критическій, основательно или неосновательно, но считаемый оппозиціоннымъ. Отношенія г. Стасюлевича къ цензурѣ, къ главному управленію по дѣламъ печати были только такія, что на г. Стасюлевича налагали взысканія и приглашали его для объясненій въ цензурный комитетъ. Вдругъ, наканунѣ появленія газеты, становится извѣстнымъ, что редактору дана будетъ звѣзда! Конечно, могли быть у него иные наивные знакомые, которые, можетъ быть, его и поздравляли по этому случаю на новый годъ, но были несомнѣнно и такіе, которыхъ должно было озадачить это извѣстіе: значитъ—это будетъ офиціозная газета, съ правительственнымъ направлені-

емъ, чего трудно было ожидать. Разсудивъ такимъ образомъ, многіе изъ желавшихъ подписаться на газету не подписались, остановились. Между тѣмъ, это было самое горячее время для подписки — декабрь и январь. Въ послѣдующіе мѣсяцы никакъ не наверстаешь, что въ эти мѣсяцы ушло. Такимъ образомъ, цѣль выпуска ложнаго слуха достигнута: нѣкоторые подписчики остановились и не подписались; озадаченные извѣстіемъ, они обзавелись иными газетами. Я не могу не охарактеризовать подобный маневръ именемъ нечестнаго, непорядочнаго, именемъ коварнаго пріема, который не долженъ существовать въ литературѣ. Этимъ пріемомъ старались дать понять, что г. Стасюлевичъ—офиціозъ правительства. Поэтому то въ сообщеніи извѣстія о звѣздѣ заключается уже зародышъ клеветы, которая воспроизведена гораздо сильнѣе въ слѣдуюшей формѣ, въ формѣ еврейскихъ денегъ въ «Порядкѣ». Къ этому второму предмету я теперь и перехожу.

Съ первыхъ мѣсяцевъ появленія «Порядка» начинаются упорно повторяемые на всѣ лады нескончаемые толки о томъ, что этотъ органъ нетолько полякующій, юдофильствующій, но прямо еврейскій, издающійся на еврейскія деньги и преслѣдующій исключительно еврейскіе интересы. Эта упорная настойчивость обличала важность, которую редакція «Новаго Времени» приписывала извѣстію. Ясно, что она имъ пользовалась какъ острымъ, рѣжущимъ орудіемъ, которымъ она достигала извѣстной, весьма опредѣленной цѣли. Такимъ сопоставленіемъ издательства съ финасовою подкладкою этого издательства оно открыто стремилось къ тому, чтобы повредить «Порядку». Спрашивается: всегда ли или только при извѣстныхъ условіяхъ соединеніе этихъ двухъ вещей: истиннаго факта издательства газетъ съ вымышленнымъ фактомъ издательства его на извѣстнаго рода чужія деньги, получаетъ значеніе клеветы и имѣетъ ли это сопоставленіе двухъ предметовъ значеніе въ настоящемъ случаѣ? Я и постараюсь, прежде всего, разрѣшить эти вопросы.

Гг. судьи! Печать есть средство распространять мысли чрезвычайно скоро и быстро. Она есть своего рода механическая сила, которая можетъ оказывать свои услуги всѣмъ лицамъ и группамъ, входящимъ въ составъ общества, всѣмъ классамъ и сословіямъ, всевозможнымъ матеріальнымъ ихъ интересамъ. Каждая такая группа, будетъ ли она сословная, будетъ ли она національная или иная, конечно, можетъ находить много выгодъ въ томъ, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи извѣстный органъ печати. Въ обладаніи своимъ органомъ печати нѣтъ ровно ничего предосудительнаго или незаконнаго. Бо́льшею частью всѣ крупные интересы и обзавелись такими органами. Евреи имѣютъ свои повременныя изданія — «Русскій Еврей», «Разсвѣтъ», поляки въ Петербургѣ обзавелись «Краемъ», нѣмцы имѣютъ въ Петербургѣ двѣ газеты. Понятно, что каждая газета, преслѣдующая свой особый интересъ совершенно явно, по всѣмъ извѣстной программѣ, не можетъ быть попрекаема тѣмъ, что она преслѣдуетъ этотъ именно интересъ. Ее и не станутъ читать люди, невходящіе въ составъ группы, для которой она предназначена; напримѣръ, русскій читатель, исполненный духа такъ называемаго народничества или самобытности, не станетъ и заниматься чтеніемъ еврейскихъ, нѣмецкихъ или польскихъ органовъ. Равнымъ образомъ, не предосудительно быть соиздателемъ или редакторомъ такого органа и даже редакторомъ на жалованьѣ. Обыкновенно онъ самъ членъ этой группы, раздѣляетъ всѣ ея убѣжденія и взгляды, пользуется довѣріемъ и въ ея пользу работаетъ. Быть редакторомъ органа, проводящаго интересы какой нибудь отдѣльной группы общества столь же непредосудительно, какъ быть редакторомъ какого-нибудь правительственнаго официальнаго органа. Есть правительственныя изданія, которыя приносили громадную пользу, напримѣръ, «Военный Сборникъ», «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» и друг. Когда направляешься въ такой журналъ, то зна-

ешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло, знаешь, что за столомъ сидитъ редакторъ, который исполняетъ государственную должность и который имѣетъ всегда на головѣ шапку съ кокардою. Во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ со стороны органа и его редакціи никакой фальши, никакого обмана. Кромѣ этихъ случаевъ бываютъ и другіе, когда не безчестно издавать газету не на свои собственныя деньги. Очень рѣдки литературный талантъ или издательская сметка, соединенная въ одномъ лицѣ съ большими денежпыми средствами. У кого своихъ денегъ нѣтъ, тотъ долженъ прибѣгать къ кредиту. Есть многіе журналы, которые основаны въ кредитъ. Никому пе интересно знать, изъ какихъ источниковъ возникло, напримѣръ, «Новое Время», какія деньги лежатъ въ его основаніи. Я самъ когда-то, вмѣстѣ съ гг. Суворинымъ и Буренинымъ, работалъ въ одной такой почтенной газетѣ, финансовое положеніе которой было далеко не блестящее. Но никогда и вопросъ не поднимался, откуда берутся средства, потому что въ каждой строкѣ газеты звучали искренность, твердость и независимость убѣжденій и потому, что редакторъ никогда не смѣшивалъ своего литературнаго дѣла съ своими финансовыми средствами; онъ расплачивался какъ могъ съ кредиторами, но не позволялъ имъ входить, какъ хозяевамъ, въ редакцію. Слѣдовательно, даже соединеніе издательства съ чужими деньгами не имѣетъ значенія чего-то безусловно дурнаго или предосудительнаго, да оно большею частью и не интересно, незачѣмъ о немъ публиковать.

Совершнно иную окраску получаетъ соединеніе издательства съ его средствами, когда установляется между обоими этими обстоятельствами причинная связь: еврейскія деньги — слѣдовательно, и еврейское соиздательство, когда органъ представляется платнымъ слугою, работникомъ по найму, состоящимъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ своимъ деньгодателямъ извѣстной націи, извѣстнаго класса или вѣроисповѣданія, от-

стаивающимъ ихъ исключительные интересы, но подъ видомъ служенія общему благу, потому что въ то же время этотъ органъ красуется какъ самостоятельный, какъ выражающій мысли, цѣли и общественное мнѣніе всей Россіи, всѣхъ слоевъ ея. Въ установленіи такой причинной связи между двумя предметами и заключается вся суть клеветы, и это злое намѣреніе преслѣдовалось «Новымъ Временемъ» постоянно и настойчиво. Оно, вѣроятно, будетъ констатировано вами, гг. судьи. Я думаю, что для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ правильно, вамъ нужно, прежде всего, остановиться на содержаніи выдуманнаго извѣстія, соединить его съ цѣлью, съ которою оно придумано, и затѣмъ рѣшить еще вопросъ о формѣ извѣстія. Вы должны разсмотрѣть соединеніе этихъ двухъ фактовъ, то есть, вопросъ о томъ, одинаково ли возможна клевета, въ какомъ бы видѣ она ни явилась, т. е. въ простомъ ли заявленіи, или въ видѣ шутовскаго передразниванія, въ прозѣ ли или въ стихахъ, то есть, на языкѣ, который называли когда-то языкомъ боговъ, пока онъ не сдѣлался хуже языка торговцевъ Сѣнной Площади, въ драматической ли формѣ или какой либо иной.

Итакъ, я остановлюсь, прежде всего, на вопросѣ, въ какой степени, по общечеловѣческимъ понятіямъ или по понятіямъ, господствующимъ въ извѣстномъ классѣ, въ извѣстной средѣ, обвиненіе человѣка въ томъ, что онъ, выдавая себя за совершенно независимаго литератора, есть въ то же время слуга извѣстныхъ интересовъ, отъ которыхъ получаетъ денежную поддержку, должно считаться обиднымъ для чести того лица? Конечно, гг. судьи, въ такомъ обвиненіи нѣтъ и не можетъ быть чего бы то ни было уголовнаго. У насъ личный наемъ литературный, отдача пера на заработки, суть виды торговли безданной, безпошлинной. Торгъ перомъ не возбуждалъ и не возбуждаетъ никакихъ преслѣдованій со стороны прокурорскаго надзора, и каждый изъ попрекаемыхъ за этотъ образъ дѣйствій могъ бы отвѣ-

чать такъ, какъ отвѣчалъ «нравственный человѣкъ» у Некрасова:

«Живя согласно съ строгою моралью,
Я никому не сдѣлалъ въ жизни зла».

Но суть вопроса вовсе не въ уголовщинѣ, а въ чести. Понятіе о чести бываетъ различное, въ разныхъ кругахъ общества. Конечно, если вы будете судить о литературномъ дѣйствіи съ точки зрѣнія простонародья, то не придете къ результату, потому что простонародіе не занимается литературою. Если бы дѣло объ обидѣ происходило между людьми изъ простонародія, то вы должны бы были при обсужденіи его снизойти до уровня понятій о чести простонародія. Но если обидчикъ и обиженный принадлежатъ къ иному кругу, то вы должны опредѣлить степень оскорбленія чести извѣстнаго рода клеветою по понятіямъ этого круга. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ литературнымъ кругомъ, имѣющимъ свои особенныя понятія о чести, о томъ, въ чемъ заключается главное достоинство литератора. Вы должны разрѣшить этотъ вопросъ по понятіямъ этого литературнаго круга и должны потомъ повѣрить добытые такимъ образомъ результаты собственнымъ вашимъ опытомъ, то есть, сличеніемъ его съ понятіями той среды, къ которой вы сами принадлежите. Вы принадлежите къ самому интеллигентному обществу, въ составъ котораго входитъ и кругъ литераторовъ. Итакъ, я прошу васъ рѣшить этотъ вопросъ по понятіямъ литературнаго круга, притомъ высшаго литературнаго круга, а не одной той маленькой прессы, которая большею частью только и питается злословіемъ, бранью и сплетнями. Вы должны, я думаю, признать, что какъ у воина главная доблесть—храбрость, у священника — благочестіе, у женщины — цѣломудріе, у судьи — безпристрастіе, такъ у литератора главная и коренная доблесть—гордая свобода, некланяющаяся ни-

кому независимость. Можетъ быть литераторъ человѣкъ во многихъ отношеніяхъ запятнанный, но пока онъ хранитъ эту черту въ характерѣ, пока онъ держится такихъ правилъ: «хотя я, положимъ, ограниченъ, стѣсненъ условіями цензуры, но въ предѣлахъ, въ которыхъ мнѣ предоставлено говорить и судить по уставу цензуры, я сужу свободно, прямо, откровенно, никому не кланяюсь, я рѣжу правду и никому не мирволю»— этотъ литераторъ будетъ имѣть, все-таки, почетъ и уваженіе между своими собратьями. Разъ онъ сошелъ съ этого пути, разъ онъ сдѣлался служителемъ чьихъ-либо интересовъ, разъ онъ имѣетъ своего господина, онъ уже входитъ въ тотъ кругъ, который очень мѣтко очерченъ во многихъ нумерахъ «Новаго Времени» словами: лакейство. Онъ принадлежитъ уже къ «лакействующей литературѣ». Къ ея составу одинаково принадлежатъ и тѣ, которые служатъ большому барину—правительству, и тѣ, которые имѣютъ надъ собою менѣе почетныхъ господъ, именно тѣхъ, кого «Новое Время» называетъ Güntzburgii et omnes iudaei. Точно такимъ же лакействующимъ литераторомъ я не могу не считать и того, кто будетъ служить успѣху минуты, сегодняшнему настроенію или вкусу публики, кто будетъ ей низкопоклонничать и подлаживаться подъ ея вкусъ. Чтобы доказать это положеніе, чтобы уяснить, какое громадное значеніе имѣетъ литературная независимость въ литературномъ мірѣ; я призову въ свидѣтели само «Новое Время», я приведу сужденія «Новаго Времени» о самомъ себѣ, когда оно было задѣто съ этой больной стороны, когда оно ополчилось противъ слуховъ, что оно есть офиціозный органъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Оно судило само о себѣ вѣрно; жаль только, что оно не прилагаетъ этой мѣрки къ другимъ лицамъ.

Беру два нумера «Новаго Времени»: 2147-й и 2151-й отъ 19-го и 23-го февраля нынѣшняго года, вмѣщающіе отвѣты на вопросъ, есть ли «Новое Время» офиціозный или неофиціозный органъ правительства. Прежде всего «Но-

вое Время» дѣлаетъ слѣдующее заявленіе, въ слогѣ, который можно назвать слогомъ послѣдняго фасона, слогомъ послѣдняго чекана, никакъ не позже 1881 или 1882 года: «каждый самостоятельный органъ, искренно служащій національнымъ интересамъ, разоблачающій лживую противународную политику, какъ мнимыхъ друзей Россіи, такъ и ея враговъ, преслѣдуется самыми безчестными, самыми пошлыми выдумками, сплетнями и инсинуаціями». Отмѣчу употребленіе слова «инсинуація», противъ котораго всегда возражаетъ «Новое Время», въ другихъ органахъ. Тѣмъ дѣло не кончилось. Нашлась одна газета, которая разсудила такъ, что нѣтъ ничего позорнаго и безчестнаго въ томъ, когда дается помощь на ея изданіе. Тогда «Новое Время» разразилось взрывомъ негодованія противъ этой «малограмотной» газеты и приняло ея слова, какъ доказательство того, что элементарность извѣстныхъ понятій не допускается у насъ, по крайней мѣрѣ, чтобы эти понятія стояли внѣ споровъ и сомнѣній. Затѣмъ оно присовокупляетъ: «частныя газеты имѣютъ вѣсъ и значеніе лишь по стольку, по скольку выражаютъ общественное мнѣніе и, слѣдовательно, по скольку имѣютъ сочувствіе въ обществѣ». Это не значитъ, чтобы независимая газета не могла не совпадать въ своихъ взглядахъ со взглядами правительства, но это значитъ, что она не должна быть офиціознымъ органомъ правительства. «Офиціозная газета, говоритъ «Новое Время», представляетъ собою грубый обманъ, претящій нравственному чувству порядочныхъ людей и потому отталкивающій ихъ отъ газеты. По самому существу дѣла, офиціозность газеты есть нѣчто такое, что лишаетъ ее всякаго вѣса и значенія. Офиціозъ, говорящій по вдохновенію извнѣ—это торгующій своимъ умѣньемъ говорить съ чужого голоса. Офиціозная газета—это наемница самаго худшаго сорта, потому что ничего нѣтъ позорнѣе, какъ торговля своими убѣжденіями. Если это непонятно публицистамъ малограмотной газеты, то помочь мы уже не можемъ».

Такова эта статья, прекрасная во многихъ отношеніяхъ. Я позволю себѣ сдѣлать относительно ея два замѣчанія. Она вмѣщаетъ въ себѣ два опредѣленія того, что согласно съ достоинствомъ газеты и того, что противно этому достоинству. Что касается перваго предмета, то мы не совсѣмъ сойдемся съ «Новымъ Временемъ» и полагаемъ, что оно поставило такое опредѣленіе достоинства газеты, подъ которое само могло бы подойти. Въ самомъ дѣлѣ, что такое слова: «выражать общественное мнѣніе и имѣть сочувствіе публики»? Это взглядъ буржуазный... Позвольте мнѣ сослаться на собственное признаніе противной стороны, на то значеніе этого признанія, которому я сочувствую. Я вполнѣ сочувствую «Новому Времени» въ томъ, что офиціозъ—это человѣкъ, говорящій по вдохновенію извнѣ, что онъ грубый обманщикъ, что онъ хуже публичной женщины и что онъ отталкиваетъ отъ себя порядочныхъ людей. Я думаю, что вы будете судить по этой мѣркѣ, самимъ «Новымъ Временемъ» поставленной, потому что эта мѣрка настоящая, потому что вы не можете допустить, чтобы нравственность въ обществѣ была ниже того, чѣмъ она стоитъ въ крупныхъ органахъ печати, что въ своихъ опредѣленіяхъ того, что безчестно, не можете понизиться и зайти за тѣ предѣлы, за которыми стоятъ малограмотныя газеты. Вы не можете допустить, чтобы считалось согласнымъ съ честью литератора позировать, принимать видъ самостоятельнаго человѣка, и между тѣмъ быть въ услуженіи у кого-нибудь и двигать впередъ его особенные интересы. Я думаю, что въ этомъ отношеніи вы отнесетесь къ дѣянію можетъ быть и строже, чѣмъ отнесся бы судъ на Западѣ Европы. Во многихъ отношеніяхъ мы еще варвары. У насъ еще нѣтъ многихъ послѣднихъ по времени европейскихъ изобрѣтеній. У насъ еще не существуетъ такъ-называемый Reptilienfond. У насъ пресса еще не вся въ рукахъ евреевъ, какъ, напримѣръ, въ Берлинѣ, и, какъ говорятъ, еще болѣе въ Вѣнѣ. Но если вы допустите, что-

бы эти понятія о чести при вашемъ содѣйствіи упали ниже теперешняго, чтобы было признано, что не безчестно быть платнымъ органомъ, обманывать такимъ образомъ публику и корчить изъ себя самостоятельнаго дѣятеля, то я думаю, что и у насъ очень скоро будетъ то, что въ Вѣнѣ, т. е. несмотря на преслѣдованія извѣстнаго элемента, въ рукахъ его очутятся всѣ органы печати.

До сихъ поръ я говорилъ о содержаніи, перехожу теперь къ формѣ.

Можетъ ли форма произведенія вліять настолько на составъ преступленія, что клевета по содержанію уже не будетъ клеветою, только вслѣдствіе того, что она явится въ шуточной формѣ? Я этого признать не могу. Шуточная форма не имѣетъ никакого вліянія на признаки преступленія, притомъ въ настоящемъ дѣлѣ шуточное является только въ самомъ концѣ, въ эпилогѣ, когда составъ преступленія уже вполнѣ опредѣлился; оно—только послѣдняя капля къ полной чашѣ, заставившая насъ подать жалобу въ судъ. Въ то время, когда ложное извѣстіе явилось, дѣйствіе его уже было произведено. Дѣйствіе это началось 25-го мая 1881 г. Тогда «Новое Время» опубликовало, что «Порядокъ» есть органъ Бліоха и Гинцбурга. Потомъ произошелъ эпизодъ съ «Востокомъ», очень характерный, потому что онъ ярко опредѣляетъ самое намѣреніе, съ которымъ были поставлены въ «Новомъ Времени» имена гг. Бліоха и Гинцбурга. Въ «Новомъ Времени» «Порядокъ» былъ названъ только органомъ гг. Бліоха и Гинцбурга, но ничего не сказано о деньгахъ, хотя всякій понялъ, къ чему клонится извѣстіе и что оно указываетъ на деньги этихъ господъ. «Востокъ» такъ и понялъ: онъ написалъ, что «Порядокъ» издается на деньги Бліоха и Гинцбургэ. Тогда «Новое Время» усиливаетъ свое сообщеніе: перепечатываетъ слова «Востока» и прямо пишетъ, что «Порядокъ» издается на «жидовскія деньги». Такимъ образомъ, клевета ростетъ и уве-

личивается, какъ катящійся съ горы комъ снѣга. Противъ извѣстія возражаетъ г. Стасюлевичъ; онъ заявляетъ, что евреи не участвуютъ въ газетѣ, что онъ не получаетъ никакой субсидіи. Несмотря на это, «Новое Время» стоитъ упорно на своемъ и заявляетъ: мы говорили собственно не о субсидіи; евреи участвуютъ въ «Порядкѣ» не субсидіями, а паями. Это значитъ, по моему мнѣнію, тоже, что бить не тростью, а дубьемъ; я докажу, что паи хуже субсидіи. «Новое Время» само понимаетъ это обстоятельство, но оно осторожно: хвативъ сильно, оно обезпечиваетъ себѣ отступленіе. Субсидія, говоритъ оно, совсѣмъ не то, что пай; пай почетнѣе субсидіи. Субсидія—это плата деньгами за услугу; пай—нѣчто болѣе благородное, это только «соиздательство», «нравственная поддержка», «участіе въ прибыляхъ и убыткахъ». Я утверждаю, что пай гораздо хуже, нежели субсидія, что полученіе денегъ можетъ быть двоякимъ образомъ истолковываемо: оно можетъ быть субсидія, а можетъ быть только простой заемъ; но пай всегда предполагаетъ деньги, за деньги дано соиздательство, т. е. участіе хозяевъ предпріятія въ редакціи, значитъ, редакціею завѣдываетъ не г. Стасюлевичъ, а сидитъ въ ней цѣлый кагалъ. Клевета вполнѣ опредѣлилась уже въ статьѣ «Новаго Времени» за № 1986-мъ. Въ послѣдующихъ нумерахъ она воспроизводится. Въ октябрѣ 1881 года, помѣщены насмѣшки надъ г. Стасюлевичемъ: «Когда вздумаетъ онъ тайно, полякамъ, жидамъ продаться» и т. д. № 1989-й имѣетъ значеніе только прямого отказа газеты помѣстить заявленіе г. Стасюлевича, опровергающее клевету, потому что хотя редакція и заявляетъ, что мы будемъ ежедневно печатать, что «Порядокъ» издается на собственныя деньги г. Стасюлевича, но тутъ же, въ этомъ нумерѣ, почти рядомъ, помѣщены два стиха, гласящіе, что

«Все устроилось въ порядкѣ,
Взяли пай жиды въ «Порядкѣ».

Такимъ образомъ, къ клеветѣ прибавлено глумленіе, которое есть усиливающее, а не уменьшающее вину противниковъ обстоятельство, слѣдовательно, такое, которое требуетъ, чтобы судъ еще строже отнесся къ поступку обвиняемыхъ. Все это вмѣстѣ взятое заставило г. Стасюлевича обратиться къ суду, что онъ и сдѣлалъ. Самая подача жалобы и оглашеніе ея въ засѣданіи у мирового судьи уже произвели извѣстное дѣйствіе, благопріятное для г. Стасюлевича; стало всѣмъ интересующимся его изданіемъ ясно, что извѣстіе ложно, коль скоро издатель привлекаетъ къ суду его распространителей. Впослѣдствіи «Порядокъ» прекратился, причемъ ясно стало, что у него нѣтъ въ своемъ распоряженіи неисчерпаемыхъ капиталовъ, которые поступали бы въ редакцію отъ евреевъ или отъ польскихъ помѣщиковъ, какъ то было разглашаемо «Новымъ Временемъ». Несмотря на закрытіе «Порядка», мы рѣшились довести это дѣло до конца по слѣдующимъ соображеніямъ. Г. Стасюлевичъ—извѣстный дѣятель; клевета ему причинила меньше вреда, чѣмъ могла бы она причинить другому лицу. Но могутъ найтись въ подобномъ же положеніи, при худшихъ условіяхъ, издатели, которымъ гораздо труднѣе будетъ защищаться. Они могутъ быть и менѣе извѣстны публикѣ, и временно сдѣлаться предметомъ еще болѣе смутныхъ обвиненій; могутъ быть и обвиненія покрупнѣе, напримѣръ, обвиненіе въ народной измѣнѣ или тому подобномъ. Доброе дѣло — положить какой-нибудь предѣлъ безобразію: пусть судъ опредѣлитъ, что честно и что нечестно въ издательствѣ; пусть онъ покажетъ, что нельзя безнаказанно посягать на самое дорогое качество литератора—на его литературную самостоятельность. Мы ждемъ приговора суда и думаемъ, что вы, гг. судьи, не уроните этой чести.

Мнѣ остается только выяснить, почему я вмѣстѣ съ г. Ѳедоровымъ привлекъ къ суду и г. Буренина; почему я продолжаю обвинять его даже послѣ показанія свидѣтеля, г. Суворина, наконецъ, почему я по-

ступилъ не безчестно, разыскивая въ редакціи «Новаго Времени» кто настоящій авторъ «словъ» противъ г. Стасюлевича.

Печать, какъ извѣстно, есть механическое распространеніе письма, а письмо есть изображеніе слова, слѣдовательно, всѣ тѣ преступленія, которыя совершаются посредствомъ слова, могутъ быть совершаемы и посредствомъ печати, съ тою разницей, что дѣйствіе печати въ тысячу разъ сильнѣе и что виновному въ оскорбленіи гораздо легче скрыться. По звуку голоса, по почерку письма можно узнать, кто виновникъ преступленія, совершаемаго словомъ, но когда оскорбленіе является въ газетѣ безъ подписи, то автора нельзя узнать. Поэтому, въ правилахъ для печати 6-го апрѣля 1865 года законодатель, неизъемля виновныхъ въ преступленіяхъ словомъ изъ общихъ законовъ уголовныхъ объ отвѣтственности, въ случаѣ соучастія въ преступленіи, постановилъ еще одну спеціальную мѣру, усиливающую наказуемость этихъ преступленій. Онъ положилъ, что редакторъ повременнаго изданія во всякомъ случаѣ отвѣчаетъ за содержаніе статьи, какъ главный виновникъ. Есть два способа толковать это постановленіе: первый тотъ, что подобная строгость, подобное усиленіе наказуемости установлены въ виду того, чтобъ во всякомъ случаѣ и неизбѣжно кто-нибудь за содержаніе напечатаннаго отвѣчалъ, чтобъ оскорбленіе не могло остаться безъ взысканія, чтобъ былъ на лицо человѣкъ, который принималъ бы на себя отвѣтственность и съ котораго можно было бы взыскивать, что не пресѣкаетъ пострадавшему возможности привлекать къ суду сверхъ редактора и настоящихъ виновниковъ оскорбленія. Но есть еще и другой взглядъ на ту же мѣру. Отвѣтственность редактора можно разсматривать какъ привилегію и особую льготу для газетъ, что кромѣ редактора, отвѣчающаго по договору, всѣ остальные сотрудники не наказуемы, какія бы безчинства они не совершали, хотя бы швыряли камнями изъ-за угла въ каждаго встрѣчнаго. Съ подобнымъ взгля-

домъ едва ли можно согласиться. Былъ и у древнихъ римлянъ праздникъ сатурналій, единственный въ году, когда и невольникамъ разрѣшалось напиваться вмѣстѣ съ господами. Безнаказанность злословія и безчинства въ литературѣ могутъ точно также совпадать съ крайне приниженнымъ общимъ состояніемъ литературы, когда невозможность говорить возмѣщается полною свободою злословить. Не я одинъ противникъ безнаказанности безчинствъ подъ маскою анонимности. Я позволю себѣ привести цитату на этотъ счетъ знаменитаго историка литературы Брандеса изъ IV-го тома его сочиненія: «О литературныхъ теченіяхъ XIX-го вѣка», по поводу Байрона; «Явились нападки на его частную жизнь, благодаря анонимности, которая въ англійской литературѣ преобладаетъ, несмотря на вносимые ею порчу и развратъ. Въ дѣйствительности, значеніе анонимности только то, что ничтожнѣйшій писака, еле—еле держащій перо, можетъ приложиться ртомъ къ трубѣ общественнаго мнѣнія и изобразить собою оскорбленную невинность. Не только этотъ анонимъ дѣлается общеизвѣстнымъ по числу экземпляровъ, въ которыхъ разошлось его изданіе, но онъ можетъ еще, оставаясь анонимомъ, появляясь въ сотнѣ видахъ, подъ разными кличками, начальными буквами и цифрами, писать въ цѣлой дюжинѣ повременныхъ изданій. Одинъ бумагомаратель можетъ, такимъ образомъ, испакостить всю прессу».

Я вполнѣ раздѣляю взглядъ Брандеса. Когда появилась въ «Новомъ Времени» статья „Раздвоившійся Стасюлевичъ", за подписью Жасминова, то я и не предполагалъ, чтобъ по поводу этой подписи могъ возникнуть вопросъ. Г. Буренинъ писалъ подъ этою фамиліей въ «Новомъ Времени», послѣ чего онъ издалъ книжку «Стрѣлы», подъ своимъ собственнымъ именемъ, въ которую вошли тѣ именно стихотворенія, которыя печатались прежде за подписью графа А. Жасминова. Я и не подозрѣвалъ, чтобъ стояла передомною маска и чтобъ г. Буренинъ отрекся отъ своего произведенія. Я ошиб-

ся: мы узнали изъ открытаго письма г. Буренина къ г. Суворину, что тутъ участвовала цѣлая веселая компанія. Г. Буренинъ давалъ статьѣ такой видъ, что Жасминовъ есть собирательная кличка, обозначающая многихъ, подобно тому, какъ подъ именемъ Козьмы Пруткова писали Жемчужниковъ, Некрасовъ, а затѣмъ и графъ Толстой. Г. Буренинъ заявилъ при томъ, что г. Суворинъ знаетъ тѣхъ лицъ, которыя писали подъ фамиліей графа Жасминова. Намъ пришлось отнестись извѣстнымъ образомъ къ этому заявленію, посмотрѣть на него либо какъ на отводъ глазъ въ другую сторону, либо какъ на фактъ, хотя мало вѣроятный, но фактически возможный. Сложить оружіе предъ г. Буренинымъ мы не могли, это значилобы принять и усвоить себѣ тотъ принципъ, что подъ маскою все дозволено, что ее нельзя срывать. Нельзя было также послѣ этого письма заявить прямо, что противники, оскорбивъ, скрываются, потому что тогда эти противники могли намъ сказать: вамъ давались и книги въ руки, вамъ указанъ былъ г. Суворинъ, пошли бы вы въ редакцію и тогда узнали бы имя автора. Итакъ, намъ предстояло допросить г. Суворина, который сказалъ на судѣ почти то же, что при предварительномъ слѣдствіи, однако, съ маленькимъ измѣненіемъ: тогда онъ прямо заявилъ, что г. Буренинъ не участвовалъ въ этой статьѣ, теперь онъ не помнитъ, участвовалъ ли г. Буренинъ или не участвовалъ. Еще было одно лице, подлежащее спросу, это—г. Масловъ (на котораго указалъ г. Ѳедоровъ, какъ на лице, писавшее подъ фамиліей А. Жасминова, но г. Масловъ этой ссылки не подтвердилъ. Такимъ образомъ, ни изъ показанія г. Суворина, ни изъ показанія редактора Ѳедорова, ни изъ показаній кого-нибудь другого не видно, чтобъ существовало какое-нибудь другое лицо, которое пользовалось бы кличкою графа А. Жасминова. Если редакція не желала открыть имя автора, то могли существовать иные пути, вещественныя доказательства, рукописи,

которыя должны быть въ типографіи и по которымъ набиралась статья... Изъ типографіи рукописи отсылались въ редакцію. Слѣдовало спросить редакцію, не имѣется ли у нея рукописи. Редакція была заранѣе предупреждена о времени, когда прибудетъ судебный слѣдователь; онъ потребовалъ, чтобъ ему показали книгу гонорарную, въ которой ничего не оказалось касающагося статьи въ № 1989-мъ. Тогда онъ спросилъ, имѣются ли какія-нибудь рукописи 1881 года. Ему былъ предъявленъ цѣлый ворохъ такихъ рукописей. Въ нихъ ничего не оказалось. Я утверждаю, что никакого обыска не было, а что заявлено было требованіе о выдачѣ извѣстнаго документа, который, по заведенному порядку, при изданіи газеты долженъ быть въ редакціи, если его не истребили, но котораго на-лицо не оказалось.

Теперь могу сказать прямо, что противная сторона скрыла концы въ воду, такъ что, несмотря ни на какія старанія, нельзя добиться лицу, ищущему удовлетворенія, имени автора статьи «Раздвоившійся Стасюлевичъ». Нареканія на преслѣдованіе, будто бы, свободы слова и печати совершенно напрасны въ данномъ случаѣ. Я не имѣю основанія допустить, чтобы повременное изданіе пользовалось правомъ какого-то убѣжища, которымъ не пользуется домъ частнаго лица, которымъ не пользуется жилище каждаго гражданина. Притомъ, моимъ правомъ разыскивать я пользовался подъ контролемъ магистратуры, на основаніи закона.

Хотя, такимъ образомъ, нѣтъ вещественныхъ доказательствъ, которыя могли бы разрѣшить вопросъ объ авторѣ статьи въ № 1989-мъ, я не могу сказать, что беру назадъ обвиненіе, когда я больше чѣмъ когда-нибудь убѣжденъ, что статья принадлежитъ г. Буренину. Я буду просить судъ выслушать меня, и если судъ, по внутреннему убѣжденію, не смотря на отсутствіе вещественныхъ слѣдовъ преступленія, согласится со мною, то онъ можетъ, по внутреннему убѣжденію, присудить къ наказанію и г. Буренина. Мои доказа-

тельства состоятъ въ слѣдующемъ: во-первыхъ, г. Буренинъ писалъ подъ фамиліею графа Алексиса Жасминова; онъ помѣстилъ въ «Стрѣлахъ», правда, не всѣ тѣ вещи, которыя печатались подъ этимъ именемъ въ «Новомъ Времени», но это обстоятельство—легко объяснимое съ каждымъ авторомъ, который пишетъ весьма много, который живетъ преимущественно литературою—случается, что онъ пишетъ и слабыя вещи, которыхъ потомъ не желаетъ помѣщать въ собраніи своихъ сочиненій, а выбираетъ только лучшія произведенія. Второе доказательство состоитъ въ томъ, что, кромѣ г. Буренина, нѣтъ ни одного лица, которое бы писало подъ именемъ графа Алексиса Жасминова; было указано одно лицо—Масловъ, но онъ этой ссылки не подтвердилъ. Что же касается сравненія Кузьмы Пруткова съ графомъ А. Жасминовымъ, то это сравненіе весьма неудачное, потому что Кузьма Прутковъ не есть кличка, которую бралъ на себя авторъ —это есть созданіе художественное, это есть живой, хотя литературно созданный типъ, весьма характерный, съ вполнѣ опредѣленными привычками мышленія, чувствованія и дѣйствованія.

Такіе типы, какъ Фаустъ и Мефистофель или Донъ-Жуанъ и Лепорелло, однажды созданные, многими послѣдующими художниками заимствуются для писанія сценъ, въ которыхъ они ставятъ эти типы въ новыя положенія. Отъ высшаго перейдемъ къ низшему, къ карикатурѣ. Генри Монньe создалъ карикатурнѣйшій типъ m—r Prudhomme, откуда французскія газеты помѣщаютъ изреченія и поговорки à la Prudhomme. Это такой же типъ, какъ генералъ Дитятинъ въ разсказахъ Горбунова. Отличительное свойство подобнаго типа то, что разъ онъ созданъ, каждый, кто его понялъ, можетъ его изображать, и публика можетъ судить, вѣрно ли типъ изображенъ. Ничего подобнаго нѣтъ въ графѣ А. Жасминовѣ, который лишенъ характерныхъ чертъ; это только кличка, которую принималъ г. Буренинъ и въ кото-

рой его можно узнать по его слогу, я не скажу по когтямъ, а по извѣстному острому и ядовитому ноготку.

Я прошу подвергнуть г. Буренина наказанію, какъ автора статьи, направленной противъ г. Стасюлевича въ «Новомъ Времени».

С.-Петербургскій окружной судъ, выслушавъ, въ порядкѣ частнаго обвиненія, дѣло о редакторѣ газеты «Новое Время», колежскомъ ассесорѣ Ѳедоровѣ, и сотрудникѣ той же газеты, сынѣ свободнаго художника Буренинѣ, обвиняемыхъ по 1535-й ст. улож. о наказ., и признавая изъ нихъ виновнымъ Ѳедорова по означенной статьѣ, а Буренина невиновнымъ, постановилъ: Ѳедорова заключить въ тюрьму на три мѣсяца, а Буренина признать по суду оправданнымъ.

Содержаніе VI тома.

СУДЕБНЫЯ РѢЧИ.

ВЫШЛИ И НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

Сочиненія В. Д. Спасовича.

Томъ I. *Литературные очерки и портреты:* Предисловіе. — Владиславъ Сырокомля. — Шекспировскій Гамлетъ. — Мартинъ Матушевичъ и его мемуары. — Нѣсколько словъ о Кавелинѣ. — Рѣчь о Пушкинѣ. — Винцентій Поль и его поэзія. **Ц. 1 р. 50 к.**

Томъ II. *Литературные очерки и портреты:* Байронъ и нѣкоторые его предшественники. — Мицкевичъ въ раннемъ періодѣ его жизни (до 1830 г.) какъ Байронистъ. — Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго. — Байронизмъ у Пушкина. — Байронизмъ у Лермонтова. **Ц. 1 р. 50 к.**

Томъ III. *Статьи, диссертаціи, лекціи юридическаго содержанія:* О правахъ нейтральнаго флага и нейтральнаго груза. — Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву. — Теорія судебно-уголовныхъ доказательствъ. — Теорія взлома. — О языкѣ въ области судопроизводства. — Вопросъ о кодификаціи русскихъ гражданскихъ законовъ. — О вызовѣ свидѣтелей къ судебному слѣдствію. — Вопросъ о литературной собственности. — О правѣ собственности въ литературѣ — Объ акціонерныхъ обществахъ. — О гминахъ и гминныхъ судахъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. — Черногорія и имущественный законникъ Богишича. **Ц: 2 р.**

Томъ IV. *Пережитое. — Полемика. — Путевыя замѣтки. — Критика:* Пятидесятилѣтіе петербургскаго университета. — Вопросъ о національностяхъ. — Опытъ построенія соціологіи. — Разборъ послѣдняго труда К. Д. Кавелина «Задачи этики». — Отвѣтъ Г. Юркевичу. — По поводу брошюры Ор. Миллера «Славянскій вопросъ въ наукѣ и въ жизни». — По поводу полемики Н. И. Костомарова съ профессоромъ А. Г. Градовскимъ. — Польскія фантазіи на славянофильскую тему. — Рѣчь на обѣдѣ въ честь И. С. Тургенева. — Письмо изъ Кракова. — Поѣздка въ Брюссель. — Двѣ недѣли въ Болгаріи. — Поѣздка въ Далмацію, Боснію и Герцеговину въ 1882 году. **Ц. 2 р.**

Томъ V. *Судебныя рѣчи (1867 — 1874):* Изданіе П. Гайдебурова книги Вундта. — Шомбергъ-Колонтай. — Шишкины. — Графъ И. Морковъ. — Изъ дѣла о скопцахъ Плотицыныхъ и др. — Изданіе писемъ объ Англіи Луи-Блана Щаповымъ. — Дѣло объ убійствѣ фонъ-Зона. — Нечаевское дѣло. — Изданіе Поляковымъ «раціонализма» Лекки. — Дуэль между Утинымъ и Жоховымъ. — Пальмъ. — Дементьевъ. — Теригоревъ. — Дѣло объ убійствѣ Чихачева. — Дѣло Долгушина и др. Ц. 2 р.

Цѣна 2 руб.

